БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

Белгородские криминалистические чтения

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2018

УДК 343.98
ББК 67.52
Б 43

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина

Выпускается с 2015 года

Б 43 **Белгородские криминалистические чтения** : сборник научных трудов. Выпуск 4. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 432 с.

ISBN 978-5-91776-237-1

Редколлегия:

Амельчаков И.Ф., начальник Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Озеров И.Н., заместитель начальника института (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);
Чиненов Е.В., кандидат экономических наук, доцент (ответственный секретарь);
Скоморохов О.Н., кандидат юридических наук;
Щукин В.И., кандидат юридических наук, доцент.

В сборнике представлены научные статьи, в которых рассматриваются вопросы технико- и тактико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, актуальные проблемы частной криминалистической методики.

Предназначен для курсантов, слушателей, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников ОВД.

УДК 343.98
ББК 67.52

ISBN 978-5-91776-237-1

© РИО Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2018 году выходит четвертый сборник научных трудов, подготовленный по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Белгородские криминалистические чтения». За 4 года это издание приобрело заслуженную научную репутацию, а также широкий круг авторитетных авторов ведущих научных криминалистических центров России, стало востребованным и популярным.

Большинство статей, публикуемых в данном издании, отражает сегодняшние реалии криминалистической науки и практики. Авторы работ держат руку на пульсе наиболее актуальных проблем теории и практики криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, уголовного судопроизводства, уголовного права и криминологии, соблюдая преемственность научной мысли основателя криминалистики Ганса Горосса. По его справедливому мнению, «криминалистика – по природе своей начинается там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу»: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себя правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления, как исследовать эти способы и раскрывать преступления – данные вопросы составляют предмет криминалистики.

Ученые с надеждой и вполне объяснимой осторожностью заглядывают в будущее юридической науки, рассматривая отдельные аспекты технико- и тактико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, использования специальных знаний в оперативно-следственной деятельности, актуальные проблемы частной криминалистической методики.

Материалы сборника предназначены для профессорско-преподавательского состава, научных работников, студентов, курсантов и слушателей юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов, а также всех интересующихся проблемами раскрытия и расследования преступлений.

Редколлегия сборника

УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА НА РАССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭТОЙ СФЕРЕ

Амельчаков И.Ф.,
кандидат юридических наук, доцент;
Чиненов Е.В.,
кандидат экономических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности железнодорожного транспорта при расследовании экономических преступлений.
Ключевые слова: особенности расследования преступлений, железнодорожный транспорт, экономические преступления.

THE IMPACT OF THE SPECIFICS OF RAIL TRANSPORT ON THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THIS AREA

Amelchakov I.F.,
Candidate of Law, Associate Professor;
Chinenov E.V.,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article discusses some features of rail transport in the investigation of economic crimes.
Key words: features of crime investigation, rail transport, economic crimes.

Социально-экономический уровень развития любого государства непосредственно зависит от состояния его транспортного комплекса. Он включает в себя сети транспортных линий, узлов, технические средства перевозки, а также работу по перевозке грузов и пассажиров, их хранение и складирование, потребляя при этом топливо, электроэнергию, металл, гранит, бетон, каучук и пр. Транспортная система образует своеобразный каркас, на который опирается вся хозяйственная деятельность. В отечественной транспортной системе основным является железнодорожный транспорт. От его состояния и развития зависит уровень состояния и развития всей экономики страны. Более того, железные дороги являются основой экономической безопасности.

Выступая самостоятельной отраслью, железнодорожный транспорт обеспечивает бесперебойную работу всей экономики страны, связывая между собой регионы. На его долю приходится около 45% всего пассажирооборота (15% мирового) и 80% грузового оборота (25% мирового) страны. Ежегодно по железным дорогам перевозится около 80% каменного угля и кокса, 90% руды и

черных металлов, 80% минеральных и химических удобрений, 60% леса. Пассажиропоток составляют 1,12 млрд человек при общей протяженности путей 124 тыс. км (2 место в мире после США с длинной железнодорожных путей 250 тыс. км). Железнодорожную отрасль, обладающую до 15% всех основных средств производства отечественной экономики, обслуживают 1,2 млн человек. В ней ежегодно обращается около двух трлн рублей. Объем государственной поддержки в виде инвестиций рассчитан на период до 2030 года и составляет около 13 трлн рублей. Среди перспектив нового строительства – железная дорога от Урала до Белого моря через республику Коми, магистраль от Салехарда до Уренгоя и Норильска, дорога от БАМа до Якутска.

Анализ отрасли показывает, что современный период функционирования железнодорожного транспорта характеризуется следующим.

Во-первых, как отрасль экономики она является неотъемлемой частью экономики в целом страны, при этом ей присущи все общие характерные черты, как положительные, так и отрицательные (инвестиционная привлекательность, развитость материально-технической базы, экономическая эффективность, а также наличие экономических правонарушений и преступлений).

Во-вторых, железнодорожный транспортный комплекс – это совокупность хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в условиях специфики транспортной отрасли (оказание услуг по перевозке пассажиров и грузов, социальные услуги, производство, строительство, ремонт, научно-исследовательская деятельность и пр.).

В-третьих, специфика функционирования объектов железнодорожного транспорта оказывает влияние на их экономическую деятельность (организация, управление, планирование перевозок, работа подвижного состава, нормирование оплаты труда, построение тарифов и цен).

Наши исследования показывают, что экономические преступления в транспортном комплексе страны в большей степени совершаются на объектах железнодорожного транспорта. Показатель структуры экономической преступности в зависимости от вида транспорта составляет около 80% и определяет удельный вес рассматриваемых нами преступлений в общей их совокупности.

Учитывая приведенные характеристики, следует отметить, что специфичность деятельности объектов железнодорожного транспорта оказывает влияние на все преступления, совершаемые на этом виде транспорта, в том числе и экономические.

На объектах инфраструктуры железнодорожного транспорта экономические преступления занимают ¼ часть всех преступлений. Анализ количественных показателей преступности на транспорте свидетельствует, что в 2015-2017 гг. наблюдается незначительное снижение выявленных преступлений экономической и коррупционной направленности на фоне стабильно высокого общего состояния преступности. Удельный вес экономических преступлений стабильно составляет около 5% (см. рис. 1).

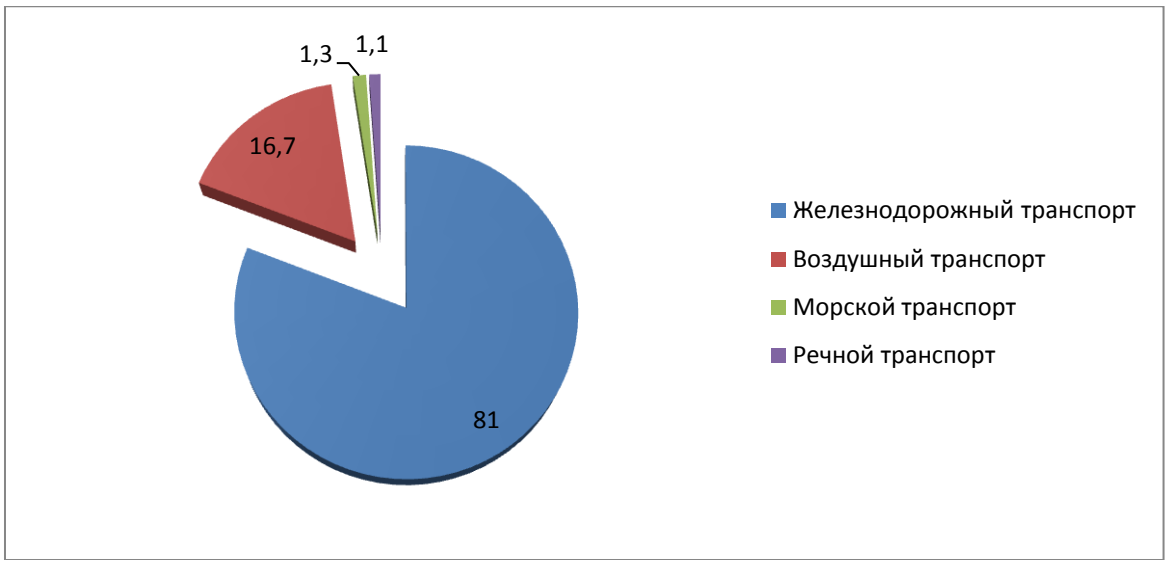

Рисунок 1. Удельный вес экономических преступлений, совершаемых на объектах транспорта по видам.

Сведения о причиненном материальном ущербе представлены на рисунке 2 (см. рис. 2).

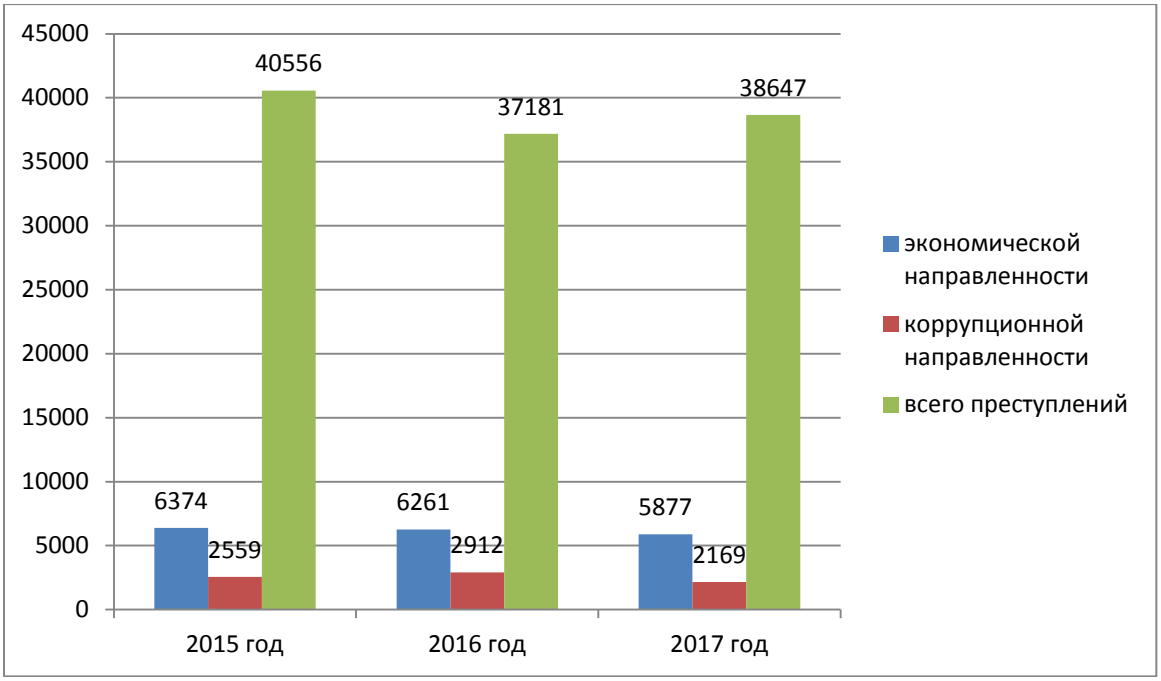

Рисунок 2. Сведения о состоянии преступности на транспорте.

Криминалистическое научное сообщество ведет поиск новых возможностей расследования преступлений, предполагающих повышение качества, результативности и законности деятельности в сфере уголовного судопроизводства [1, с. 24; 2, с. 64; 3, с. 3; 4, с. 15; 5, с. 234]. Тенденции отражаемых в криминалистической науке знаний свидетельствуют, что организация деятельности в сфере противодействия преступности должна, соответствовать в полной мере масштабам ее распространения, включая формирование частных криминали-

стических учений. Правовая статистика дает нам реальное практическое представление о структуре преступности в сфере экономики и причиненном материальном ущербе (см. рис. 3, 4).

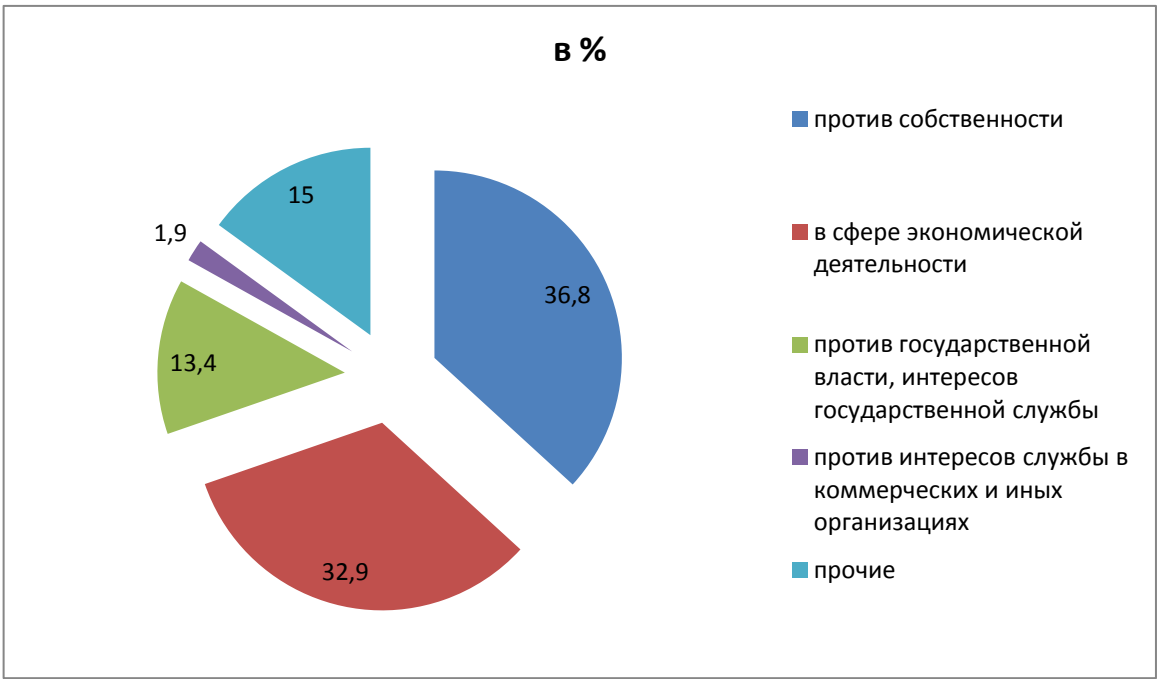

Рисунок 3. Структура экономической преступности в 2017 году.

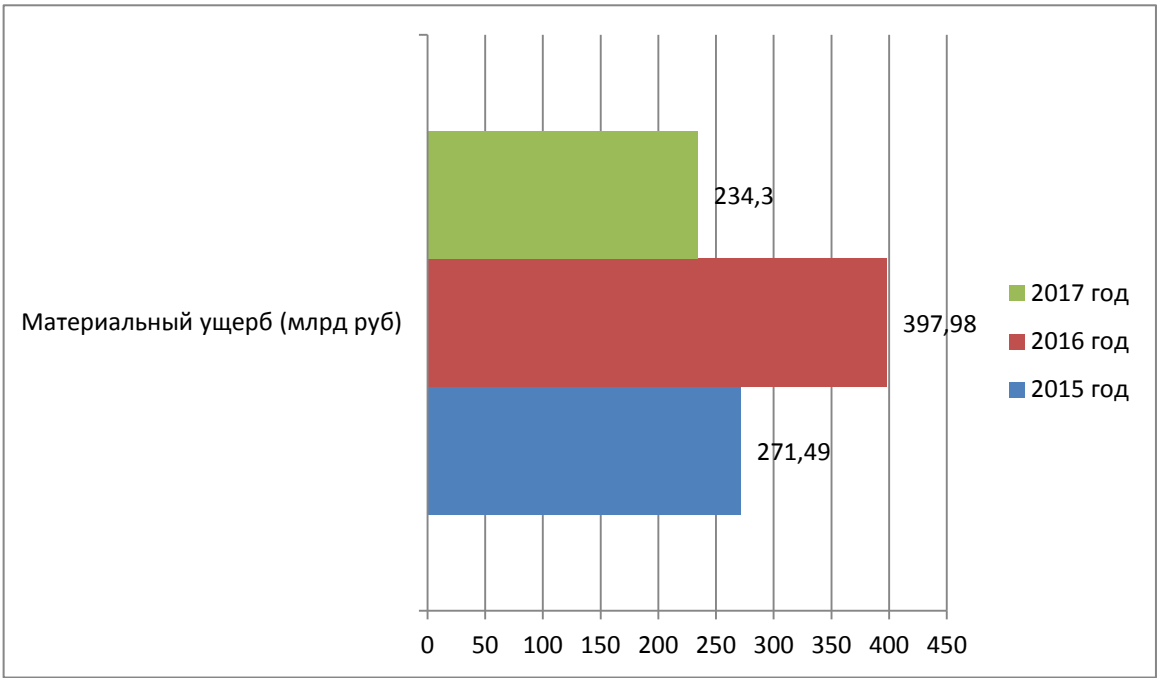

Рисунок 4. Сведения о материальном ущербе от преступлений в сфере экономики (по оконченным и приостановленным уголовным делам).

Ключевой проблемой деятельности по противодействию экономическим преступлениям является несовершенство, а в ряде случаев и устаревание системы выявления и расследования этих преступлений подразделениями МВД России и СК России [6, с. 37; 7, с. 46; 8, с. 75]. Сегодня учеными-криминалистами уже ведутся исследования инновационных подходов и технологий для обеспечения формирования криминалистически значимой информации при производстве расследования [9, с. 25; 10, с. 227]. В этой связи поиск оптимальных и эффективных форм и методов выявления и расследования преступлений в сфере экономической деятельности объектов железнодорожного транспорта выступает одной из приоритетных задач современной криминалистической науки.

Экономические преступления в сфере железнодорожного транспорта становятся все более изощренными (интеллектуальными). Значительная их часть совершается должностными и материально ответственными лицами, сотрудниками и работниками предприятий железнодорожного транспорта, наделенными полномочиями по управлению или распоряжению денежными средствами или имуществом, правами на имущество. Юридически значимые действия в этих случаях, как правило, совершаются вопреки целям и направлениям функционирования организации в сфере железнодорожного транспорта, наносят имущественный вред или вред деловой репутации юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, гражданам (бизнес-партнерами, контрагентами и др.).

Оперативно-следственная практика сталкивается с новыми, оригинальными способами совершения преступлений путем мошенничества, подделки документации, преступных манипуляций в сфере логистики, направленных на завладение грузами и материальными ценностями. Возрастают объемы похищаемых нефти и нефтепродуктов, материалов и сырья, металлов, в том числе цветных, из электровозов, средств сигнализации и связи, энергоснабжения железных дорог, наблюдается рост финансовых махинаций. Преступниками используются возможности железнодорожного транспорта при осуществлении незаконного оборота подакцизных товаров, фальсифицированной алкогольной продукции, спирта и др.

Экономические преступления на объектах железнодорожного транспорта обладают высокой латентностью, обусловлены стабильным, организованным характером рассматриваемой разновидности криминальной деятельности [11, с. 123]. Уголовная статистика по объектам железнодорожного транспорта ЦФО свидетельствует, что каждое третье из совершенных преступлений экономической направленности остается нераскрытым.

К группе преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности на объектах железнодорожного транспорта, относятся: ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав», ст. 159 «Мошенничество», ст. 160 «Присвоение или растрата», ст. 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», ст. 168 «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности», ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 186 «Изготовление, хранение, *перевозка* или *сбыт* поддельных денег или ценных бумаг»,

ст. 201 «Злоупотребление полномочиями», ст. 327 «Изготовление, *сбыт* поддельных акцизных марок или знаков соответствия либо их использование».

Указанная совокупность преступлений, изучаемых нами, с учетом закономерностей механизма криминальной деятельности содержит следующие классификационные критерии:

- посягают на установленный порядок обеспечения сохранности собственности, законность осуществления финансово-хозяйственной деятельности, соблюдение бухгалтерской и налоговой дисциплины, безопасности и технического обслуживания железнодорожной структуры и инфраструктуры;

- растянуты во времени, характеризуются как организованные и серийные и, как правило, непосредственно связаны с преступлениями профессиональной, служебной, а иногда и коррупционной направленности;

- отдельные составы могут быть предикатными (предшествующими) легализации и отмыванию денежных средств, как, например, в сфере инвестиционных проектов или капитального ремонта (строительства);

- основная масса деяний скрывается (маскируется) средствами и методами бухгалтерского учета, финансов, планирования, бюджетирования, отчетности, производственной технологи на объектах железнодорожного транспорта либо осуществляется с использованием их особенностей.

На механизм совершения преступления на объектах железнодорожного транспорта оказывает влияние не только специфика функционирования объектов этого вида транспорта, но и экономическая деятельность в этой сфере, которая обусловлена следующим:

1. *Специфика функционирования железнодорожного транспорта.* Современный железнодорожный транспорт России представляет собой единый хозяйствующий субъект, где совершаются различные экономические процессы. Это оказание услуг по перевозке пассажиров и грузов, производство, строительство, ремонт, снабжение, торговля и пр. Сложная и разветвленная структура отрасли; функционирование более 20 железнодорожных компаний; значительное количество занятого персонала; большие объемы потребляемых энергии, топлива, материальных ресурсов; существование крупнейшей организации страны – холдинга «РЖД», наличие его значительного числа филиалов, дочерних и зависимых компаний, представительств; множества подрядных и субподрядных организаций; мощные основные производственные фонды; протяженные участки железных дорог; наличие мостов, тоннелей, тупиков, свободный доступ к отдельным материальным запасам, грузам.

2. *Отраслевая специфика служебной документации и документооборота.* Развитие информационных технологий позволило осуществить электронизацию документооборота и автоматизацию управления им (80% электронного, 20% бумажного). В частности, в железнодорожной отрасли действуют системы электронного документооборота, защищенной электронной почты, централизованное хранилище данных, различные автоматизированные системы учета и управления. Внутренние типы и формы документов утверждаются Министерством транспорта Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере транспорта и Федеральным агентством железнодорожного транспорта.

3. *Особенности учета, отчетности финансово-хозяйственного контроля.* Объясняются зависимостью ведения бухгалтерского учета от нормативной базы, утверждаемой Министерством финансов Российской Федерации, Министерством транспорта Российской Федерации, Федеральным агентством железнодорожного транспорта и ОАО «РЖД», а также индивидуальными характеристиками учетных объектов.

В заключение хотелось бы отметить, что с учетом современного развития экономики вопросы организации раскрытия и расследования экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта требуют совершенствования и обобщения. Кроме того, на основе анализа полученных результатов и осмысления требуется выработка теоретических основ организации расследования этой категории преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Библиографический список

1. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 24-31.

2. Шаталов А.С. Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1(19). С. 64-79.

3. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 3-11.

4. Шапиро Л.Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 15-18.

5. Леханова Е.С. Некоторые проблемы применения судебно-экономических знаний в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 234-237.

6. Александров И.В. Проблемные аспекты формирования методики расследования современных преступлений, совершаемых в сфере экономики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 4. С. 34-42.

7. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4(11). С. 46-49.

8. Комаров И.М. К вопросу о распознавании криминалистических причинных связей в преступлении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4(30). С. 75-81.

9. Волынский А.Ф. Еще раз о криминалистическом обеспечении и инновациях (письмо ответственному редактору по поводу «Заметок на полях» // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1(41). С. 24-27.

10. Пахомов С.В., Гусев А.В., Андрющенко М.Н. Инновационный подход к процессу фиксации материальной обстановки места осмотра // Общество и право. 2014. № 4(50). С. 225-229.

11. Шурухнов Н.Г. Современная преступность (истоки, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытия): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 123-136.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В НАУКЕ КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лавров В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(Академия управления МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные современными проблемами классификации судебных экспертиз в науке криминалистике и судебно-экспертной деятельности. Отражены процесс развития системы судебных экспертиз в России, начиная с конца XIX века, и перечень наиболее часто встречающихся в литературе и употребляющихся в следственной практике наименований видов судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, современные проблемы, судебно-экспертная деятельность, классификация криминалистических экспертиз, процесс развития.

MODERN PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE SCIENCE OF CRIMINOLOGY AND FORENSIC SCIENCE

Lavrov V.P.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia
(Management Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article deals with the issues related to the modern problems of classification of forensic examinations in the science of criminology and forensic science. The process of development of the system of forensic examinations in Russia since the end of the XIX century is reflected. The list of the most frequently found in the literature and used in investigative practice names of types of judicial is reflected.

Key words: forensic accounting, contemporary issues, forensic expert activities, classification of forensic examinations, the process of development.

Судебные экспертизы издавна были, есть и всегда будут одним из важнейших средств решения задач уголовного судопроизводства – как во всём мире, так и в России. С их формирования (по существу, более 150 лет тому назад) начиналась наука криминалистика. И сейчас, в современных условиях существования российского государства, экспертизы остаются неотъемлемым элементом российской криминалистической науки и острейшим оружием в руках следователей, дознавателей, экспертов в их практической деятельности.

Процесс развития системы судебных экспертиз в России, начиная с конца XIX века, шёл очень активно, не останавливаясь ни на минуту, несмотря на все сложнейшие катаклизмы политической и экономической жизни российского

общества и государства. О генезисе, развитии использования специальных знаний в форме судебных экспертиз написаны сотни книг, кандидатских и докторских диссертаций, тысячи научных статей.

Вернемся, например, к работам по экспертизам таких выдающихся классиков криминалистики 40-60-х годов прошлого столетия, как П.С. Семеновский, С.М. Потапов, А.И. Винберг, А.Р. Шляхов, И.Ф. Крылов, которые создали так называемую экспертологию. В их трудах чётко прослеживается определённая ограниченность системы экспертиз в тот период: выделялись криминалистические экспертизы, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-бухгалтерская, физическая, химическая и некоторые другие.

С точки зрения классификации наиболее развитой была система криминалистических экспертиз. Основная (называемая теперь традиционной) часть этой системы и сейчас лежит в основе классификаций криминалистических экспертиз. Хотя и в этой области круг видов и родов экспертиз расширился очень и очень существенно. Классифицировать даже криминалистические экспертизы в наше время становится все сложнее. А что уж говорить обо всей системе судебных экспертиз в стране? Создается впечатление, что каждый автор, приводящий свои классификации, не очень-то думает о необходимости строгого соблюдения принципов системного подхода [1, с. 185-186].

Справедливости ради отметим, что в начале XXI века вопросам классификации судебных экспертиз в России были посвящены капитальные разделы в трудах Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской, Н.П. Майлис и ряда других видных учёных криминалистов.

Однако в многочисленных научных статьях этого периода, посвященных экспертизам, царит настоящий хаос. Вызвано это целым рядом объективных и субъективных причин.

В их числе:

– «болезнь роста», усилившаяся с появлением многочисленных новых отраслей специальных знаний, используемых в расследовании преступлений;

– существующая по-прежнему ведомственная разобщенность в деятельности различных ведомств, имеющих учреждения судебной экспертизы и собственные положения, регламентирующие деятельность этих учреждений судебной экспертизы;

– отсутствие единого подхода (наличие разночтений) в определениях различных видов экспертизы в УПК РФ и в действующем Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001;

– развал Советского Союза, «самостоятельность» в научных исследованиях в государствах СНГ (бывших республиках СССР), отсутствие должного взаимодействия, сотрудничества между учёными многих из этих государств, которое прежде приносило хорошие плоды. Исключение, пожалуй, представляет неплохое взаимодействие – в последние годы – учёных-криминалистов России, Белоруссии, Казахстана.

Исследование, проводимое в настоящее время в научно-исследовательском центре Академии управления МВД России, позволило составить перечень наиболее часто встречающихся в литературе и употребляющихся в следственной практике наименований видов судебных экологических экспертиз:

1. Эколого-биологическая.
2. Ветеринарно-экологическая.
3. Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств экологического характера.
4. Охотоведческая.
5. Исследование шкур, туш, костей и других останков животных.
6. Ихтиологическая.
7. Орнитологическая.
8. Лесотехническая.
9. Дендрологическая (дендрохронологическая).
10. Сельскохозяйственная.
11. Экспертиза объектов растительного происхождения.
12. Гидрологическая.
13. Эколого-геологическая.
14. Энтомологическая.
15. Экспертиза объектов дикой флоры и дикой фауны (подразделяемая, в свою очередь, на исследование объектов дикой флоры и исследование объектов дикой фауны).

Перечень этот не может, разумеется, рассматриваться как исчерпывающий.

Более того, в его содержании чётко заметно отсутствие системного подхода. Однако даже с учётом этого перечня можно сделать вывод, что в России активно идёт процесс формирования нового класса судебных экспертиз – экологических [8, с. 56-57].

Действия указанных выше факторов сказываются, разумеется, не только на приведённых нами классификациях судебно-экологических экспертиз. Они заметны и в содержании ряда других современных классификационных перечней судебных экспертиз, даже давно известных в криминалистике, но постоянно развивающихся, что влечёт за собой и появление новых, еще не ставших классическими названий не только видов, но даже и классов.

Так, в опубликованном в 2017 году учебнике «Теория судебной экспертизы (судебная экспертология)» его авторы Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин приводят классификацию из 21 пункта, в которой под № 4 значится класс «судебные речеведческие экспертизы» [7, с. 120-122]. Ранее, как известно, в криминалистике употреблялись термины «автороведческая экспертиза», «лингвистическая экспертиза» и другие; под № 9 – «судебно-почвоведческие экспертизы». А в 60-х годах XX века известный криминалист В.С. Митричев и другие учёные писали, что исследование почвы, грязи и других подобных объектов требует применения целого комплекса знаний, относящихся к нескольким различным наукам.

Научно обоснованная единая классификация судебных экспертиз в России возможна и необходима. Однако в сложившихся условиях, при наличии целого ряда самостоятельных ведомственных систем государственных судебно-

экспертных учреждений, провести унификацию терминологии и правовых норм в этой сфере – задача если не безнадёжная, но уж точно нелёгкая для реализации.

Конечно, если осуществить реформу в самой системы государственных экспертных учреждений, передав все ведомственные экспертные учреждения под одну «крышу», как предлагают некоторые известные учёные-криминалисты (например, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.Ф. Волынский), решение рассматриваемой проблемы стало бы на порядок легче.

Однако в ближайшем будущем такую реформу реально вряд ли следует ожидать. Поэтому пока выход может быть, по нашему мнению, только один: организовать слаженное взаимодействие всех ведомств, имеющих судебно-экспертные учреждения (Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Министерство здравоохранения, ФСБ России и др.) и разработать единый классификационный перечень судебных экспертиз, производимых в Российской Федерации, включив его в качестве основного приложения в готовящийся (уже в течение многих лет) новый Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предварительно апробировав его с помощью Указа Президента или по меньшей мере – Постановления Правительства Российской Федерации.

Библиографический список

1. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): учебное пособие. – Волгоград, 1979. – 183 с.
3. Виноградов И.В., Кочаров Г.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии. – М.: Юридическая литература, 1967.
4. Экспертизы на предварительном следствии: краткий справочник / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2002. – 120 с.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. – М.: НОРМА, 2006. – 480 с.
6. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 195 с.
7. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2017. – 384 с.
8. Васильева М.А. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений (по материалам Дальневосточного региона России): дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – 208 с.
9. Гулевская В.В. Актуальность формирования, предмет, объекты и задачи судебной экспертизы дикой флоры и фауна // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 3(39).

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Волынский А.Ф.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье определяется понятие криминалистической деятельности, дается её структурно-содержательный анализ.

Ключевые слова: организация, обеспечение, сопровождение, деятельность, задачи, функции, объект, предмет, субъекты.

CRIMINALISTIC ACTIVITY AND ORGANIZATION OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

Volynskiy A.F.,
Doctor of Law, Professor,
Merited Researcher of Russian Federation,
Merited Law Expert of Russia
(Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot)

Abstract: the article defines the concept of forensic activity, gives its structural and content analysis.

Key words: organization, provision, support, activities, tasks, functions, object, subjects.

Термин «криминалистическая деятельность» получил довольно широкое распространение в публикациях таких видных ученых-криминалистов, как В.Я. Колдин, С.И. Коновалов, Е.Е. Центров, Н.П. Яблоков и др. Более того, право на его существование в языке криминалистики утверждается в некоторых учебниках по её курсу, например, в учебнике, подготовленном в МГУ им. М.В. Ломоносова, где криминалистическая деятельность определяется как «антогонистическая преступной деятельности и порожденная последней…». То есть обращается внимание, причем в философском аспекте, на её сущность и назначение, которые конкретизируются в её видах: «криминалистическая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений…; экспертно-криминалистическая деятельность; криминалистическая профилактическая деятельность; оперативно-розыскная деятельность; криминалистическая научно-педагогическая деятельность» [1, с. 24-25].

В основе такого определения криминалистической деятельности и дифференциации её видов, что несложно заметить, не её задачи, как утверждает Е.Е. Цетров – автор этого параграфа в указанном учебнике, а сферы реализации её возможностей по отдельным направлениям деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Вместе с тем история развития криминалистики во второй половине прошлого века характеризуется появлением в её языке и таких новых научных категорий, как «криминалистическое обеспечение» и «криминалистическое сопровождение». Однако до сих пор ученые-криминалисты не определились с однозначным толкованием понятия и содержания этих категорий, с их назначением, соотношением и местом в организации раскрытия и расследования преступлений и, соответственно, в криминалистической теории и практике.

Появление данных категорий в криминалистике по существу является результатом одного и того же процесса – поиска ответов с позиции данной науки на вызовы модернизирующейся и глобализирующейся преступности, на изменяющиеся условия борьбы с ней. При этом важно заметить, что во всех случаях речь идёт о деятельности с общей конечной целью – повысить эффективность использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений.

Появлению этих категорий способствовали следующие общие для них обстоятельства:

а) современные достижения с ускорением развивающегося научно-технического прогресса и, как следствие, все более возрастающий разрыв между реальными потребностями следственной практики, потенциальными возможностями науки и техники и устаревшими, тормозящими этот процесс формами организации деятельности по реализации таких возможностей и её правовому регулированию;

б) крайне негативные изменения преступности, особенно в условиях формирования новых рыночных социально-экономических отношений, когда она получила возможность наравне с правоохранительными органами, а иногда и опережая их, осваивать современные достижения науки и техники и использовать их в преступных целях;

в) усложнившаяся система правового регулирования организации использования достижений криминалистики в целях раскрытия и расследования преступлений, объективно возросшие требования к правовой оценке получаемых при этом результатов.

Однако следует заметить, что время, условия и непосредственные причины появления этих видов деятельности и соответствующих категорий в криминалистике были различными.

Криминалистическое сопровождение как научная категория обязана своим появлением дискуссии, развернувшейся в середине 60-х гг. прошлого века по поводу процессуальной независимости судебных экспертов, прежде всего, криминалистов – сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (ЭКП ОВД). Внешне эта дискуссия представлялась в аспекте борьбы с последствиями культа личности в уголовном судопроизводст-

ве и обеспечения гарантий законности в деятельности судебных экспертов. А фактически под этим предлогом была предпринята попытка создать единую систему судебно-экспертных учреждений в структуре Юридической комиссии при Совете министров РСФСР, выполнявшей в то время функции министерства юстиции страны. А для этого, по замыслу инициаторов данной идеи, необходимо было лишить права производства экспертиз сотрудников ЭКП ОВД.

В ответ последовали контраргументы и появились, пожалуй, первые попытки обосновать необходимость постоянного, системного криминалистического сопровождения процесса раскрытия и расследования преступлений с участием экспертов (специалистов)-криминалистов [5, с. 44-45]. Кстати, совмещение функции экспертов и специалистов-криминалистов в одном лице до сих пор остается дискуссионной проблемой. Но в её основе несколько иные поводы и причины – явное противоречие между уровнем развития криминалистической техники и организацией её использования сотрудниками ЭКП ОВД [6].

И тем не менее результатом этой дискуссии стало злополучное дополнение к ст. 67 (п. 3а), которым запрещалось назначать экспертизу лицу, участвовавшему по тому же делу в качестве специалиста при осмотре места происшествия. Дополнение, которое на долгие годы – практически до появления действующего УПК РФ (2001 г.) – дезорганизовало деятельность экспертно-криминалистических подразделений системы МВД страны, формируя нигилистическое отношение их сотрудников к закону.

Сотрудники этих подразделений, как и прежде, участвовали в осмотрах мест происшествий (других специалистов просто не было), но этот факт не отмечался в протоколе данного следственного действия. А затем, естественно, они же проводили экспертизы, поскольку несколько десятков судебно-экспертных учреждений названной Комиссии на всю огромную страну, с их малочисленными штатами, физически не в состоянии были осилить производство и десятой доли общего объема криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам.

Помнить об этом историко-правовом факте необходимо потому, что в нем наглядно проявилось сочетание недооценки потребностей следственной практики в криминалистическом сопровождении раскрытия и расследования преступлений, а вместе с тем и пренебрежение одним из основных принципов законотворческой деятельности – необходимость решения правовых проблем с учетом организационных возможностей их практической реализации.

Показательно, что практически в то же время вопрос об организации технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений активно обсуждался в странах социалистического содружества. Так, на V международном симпозиуме криминалистов социалистических стран, проходившем в Москве (1968 г.) в докладах некоторых его участников (Т. Марковича – Югославия, К.-Х. Рихлика – ГДР) обосновывалась идея фактического сопровождения экспертом (специалистом)-криминалистом всего процесса расследования преступлений. При этом отмечалось, что такие специалисты должны находиться в штатах тех подразделений, которые призваны раскрывать и расследо-

вать преступления и действовать не только по письменному заданию следователя, но и инициативно [7].

Таким образом, криминалистическое сопровождение представляет собой практическую реализацию возможностей криминалистики в раскрытии и расследовании каждого конкретного преступления. Оно характерно для работы по уголовным делам, а его субъектами являются, прежде всего, специалисты-криминалисты, а в определенных пределах сами следователи и оперативные работники. К их числу относятся и эксперты-криминалисты.

Криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью впервые обозначил и ввел в научный оборот криминалистики В.Г. Коломацкий, опубликовав в 1979 г. одноименную лекцию в Академии МВД СССР, которую позже воспроизвел в виде отдельной главы в учебнике «Криминалистика» [2]. При этом он выделял такие виды обеспечения, как научное, организационное, ресурсное, а в целом связывал криминалистическое обеспечение в основном с внедрением достижений криминалистики в деятельность органов внутренних дел, их подразделений, служб и должностных лиц и определял как систему «криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии» [2, с. 61-77]. По его мнению, данная система «должна состоять из трех относительно самостоятельных подсистем:

- криминалистической науки;
- криминалистического образования;
- криминалистической техники» [2, с. 61-77].

По существу аналогичное, но несколько редакционно уточненное определение криминалистического обеспечения давал и Р.С. Белкин. В его понимании, это система криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников правоохранительных органов использовать криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Система криминалистического обеспечения им также представлялась из трех указанных выше подсистем [3, с. 64-69].

Отдавая должное общему замыслу поставить на научную основу деятельность по внедрению современных достижений науки и техники, трансформируемых через криминалистику, в практику раскрытия и расследования преступлений, все-таки невозможно безоговорочно согласиться с узко внедренческим подходом к определению криминалистического обеспечения, его системы и содержания. Наука и образование – это формы деятельности, связанной с криминалистическим обеспечением, а техника – предмет разработки, объект познания, внедрения и использования в раскрытии и расследовании преступлений, но не подсистема, не элемент самой деятельности по внедрению достижений криминалистики в следственную практику.

К тому же, чтобы что-то внедрять, это «что-то» необходимо разработать, создать организационные и правовые условия для его внедрения и практического использования. Здесь прослеживается взаимосвязь ряда условий. Можно

приобрести современную криминалистическую технику, но без знающих её и умеющих с ней работать специалистов результат будет нулевой; добились наличия того и другого, но законодатель не определил допустимость и порядок применения этой техники в уголовном процессе – результат тот же; есть техника, соответствующий специалитет и законом определенный порядок её применения, но нет должной организации деятельности специалиста – результат, возможно, какой-то будет, но далекий от потенциально возможного.

Взаимообусловленность возникающих при этом проблем предопределяет необходимость их взаимосвязанного решения. В этом и проявляется сущность и содержание криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

В результате многочисленных исследований проблем криминалистического обеспечения, в том числе диссертационных, последовавших в 90-е гг. прошлого века, были уточнены его структурно-содержательная характеристика, предмет, задачи, определено его место в основном курсе криминалистики, показана его роль в целом в организации раскрытия и расследования преступлений. Так появились основания говорить о формировании соответствующей частной криминалистической теории, основы которой были представлены в виде отдельной главы в учебнике по криминалистике [4, с. 52-71].

Формально система криминалистического обеспечения повторяет систему криминалистики (основы теории, техника, тактика, методика), а по содержанию охватывает взаимосвязанные проблемы организационного, правового, научно-технического и методического обеспечения использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений.

Фактически криминалистическое обеспечение представляет собой комплексную деятельность, направленную не только на внедрение криминалистических методов, средств и рекомендаций в деятельность правоохранительных органов, но и на их разработку, содействие совершенствованию организации и правового регулирования их использования в указанных целях. В форме криминалистического обеспечения создаются условия для успешного решения задач в порядке криминалистического сопровождения, включая соответствующую подготовку субъектов раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, эти два взаимосвязанных элемента определяют содержание и сущность криминалистической деятельности. Соответственно, её цель и общая задача представляются двуедиными. С одной стороны, это формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений, а с другой – реализация таких условий в указанных целях.

Задачи криминалистической деятельности, как нам представляется, логично определять в контексте с общей задачей криминалистики как науки, призванной способствовать правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений, и с учетом таких её служебных функций, как познавательная, созидательная, внедренческая, образовательная и практико-деятельностная.

Функция познания проявляется, прежде всего, в природе криминалистики как синтезированной отрасли научного знания, источниками формирования и развития которого являются результаты, с одной стороны, изучения достижений с ускорением развивающегося НТП, а с другой – выявления, обобщения и анализа динамично изменяющихся способов преступлений. Так формируются и системно представляются научно обоснованные потребности следственной практики, а вместе с тем и возможности их удовлетворения.

Функция созидания реализуется как в целях самопознания и совершенствования криминалистики и криминалистической деятельности (основ теории, языка, задач, места в системе наук уголовно-правового цикла и в организации расследования преступлений), так и в целях разработки новых и модернизации имеющихся криминалистических методов, средств, рекомендаций и предложений по совершенствованию правовых, организационных и методических основ их использования в раскрытии и расследовании преступлений.

Функция внедрения проявляется как логическое продолжение предыдущих функций криминалистической деятельности и как её цель. Реализация этой функции выражается в анализе и оценке состояния криминалистических методов, средств, рекомендаций и готовности правоохранительных органов использовать их в раскрытии и расследовании преступлений. Иначе говоря, данная функция выступает наряду с другими в общей системе криминалистической деятельности, осуществляемой в указанных целях.

Функция образования представляется как элемент криминалистической деятельности, связанной с профессиональной криминалистической подготовкой субъектов раскрытия и расследования преступлений, с формированием у них соответствующих знаний, навыков и умений использовать в этих целях криминалистические методы, средства и рекомендации.

Функция практико-деятельностная реализуется в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений в порядке использования криминалистических методов, средств и рекомендаций как непосредственно следователями и оперативными работниками, так и с помощью специалистов и судебных экспертов. Данная функция фактически определяет содержание криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений.

Криминалистическая деятельность, как и любая иная, характеризуется определенной системой, включающей объект, субъект, предмет, средства, действия, процессы. В упомянутом учебнике ученых-криминалистов МГУ им. М.В. Ломоносова эти вопросы обойдены вниманием. Между тем через них раскрывается и конкретизируется содержание криминалистической деятельности, обеспечивается реализация в ней указанных функций.

Объектом криминалистической деятельности являются общественные отношения, в том числе урегулированные законом и приобретшие характер правовых. Правовые отношения всегда связываются с действиями (бездействием), выступающими в качестве юридических фактов. Таковыми являются официально признанные достижения науки и техники, законодательно определенный порядок разработки на их основе криминалистических методов, средств и рекомендаций, их внедрения и использования в раскрытии и расследовании пре-

ступлений. К их числу относятся и преступления – факты, определенные уголовным законодательством.

Предмет криминалистической деятельности – это закономерности, проявляющиеся, прежде всего, через её функции: познания потребностей следственной практики в криминалистических методах, средствах и рекомендациях; их разработки на основе современных достижений науки и техники и внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений; выявления проблем организации и правового регулирования их применения в указанных целях, разработки предложений по разрешению таких проблем; наконец, использования возможностей криминалистики в повседневной следственной практике.

Субъекты криминалистической деятельности определяются также исходя из содержания её функций. Условно их можно разделить на два вида: внутренние и внешние. Основу внутренних субъектов составляют те подразделения правоохранительных органов и их сотрудники, которые непосредственно организуют и осуществляют раскрытие и расследование преступлений, используя криминалистические методы, средства и рекомендации. Внешние субъекты те, которые опосредственно влияют на состояние и результаты использования в этих целях современных достижений науки и техники, должностной обязанностью которых является организационно-управленческая, научно-исследовательская и педагогическая деятельность в области криминалистики. Определяющее влияние на организацию криминалистической деятельности и её эффективность оказывают органы государственного управления и власти, в том числе законодательной.

Система криминалистической деятельности, опять же исходя из её функции, может быть представлена на двух уровнях: первый – создание новых и совершенствование имеющихся криминалистических методов, средств и рекомендаций, их внедрение в практику раскрытия и расследования преступлений, организационное и правовое обеспечение их эффективного использования в указанных целях; второй – повседневная практика реализации возможностей криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений. Содержание первого уровня криминалистической деятельности теоретически охватывается тем, что представляет собой такая научная категория, как криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Содержание второго уровня этой деятельности находит свое выражение в криминалистическом сопровождении данного процесса. Очевидно, что эти научные категории (обеспечения и сопровождения) различаются по своему содержанию, назначению и частным задачам, однако в криминалистической теории их нередко ошибочно смешивают, обозначают как однозначные.

При таком понимании и толковании криминалистической деятельности объективно возникает вопрос о её отношении к предмету криминалистики, особенно в части организационных и правовых основ использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений. Противоречивое отношение к этому вопросу ученых-криминалистов проявилось уже при формировании теоретических основ криминалистического обеспечения.

Так, в некоторых монографических работах и учебных пособиях криминалистическое обеспечение представляется не более как модный, внешне привлекательный термин, а фактически излагается традиционный по содержанию курс криминалистики с «инновационным» названием её разделов: «технико-криминалистическое обеспечение», «тактико-криминалистическое обеспечение» и т.д. [6, 7]. Такие публикации порождали сомнения вообще в наличии проблемы криминалистического обеспечения и в необходимости её научной разработки с позиций криминалистики [8, 9]. Тем более что криминалистическая деятельность (в части её организационного и правового обеспечения) действительно не охватывается предметом криминалистики в его современном понимании.

В этой связи В.П. Бахин утверждает, что следует ограничить криминалистическое обеспечение, а следовательно и деятельность, только разработкой соответствующих методов, средств и рекомендаций, а их внедрением в следственную практику пусть занимаются специально создаваемые учреждения и организации. «В криминалистическом обеспечении, – отмечает он, – и по содержанию, и по форме, прежде всего, должен соблюдаться принцип специализации» [10].

Однако сторонники такого подхода к данной проблеме, судя по всему, не учитывают взаимосвязь наук уголовно-правового цикла между собой; не осознают, что наиболее злободневные, а вместе с тем сложные, трудоемкие и требующие своего решения вопросы при этом возникают на стыке различных отраслей научного знания, и криминалистика не должна уклоняться от их решения, впрочем, как и от ответственности за результаты внедрения в практику ею же предлагаемых новшеств. Иначе говоря, реализуя принцип специализации, не следует забывать о принципах кооперации и взаимодействия.

Такой вывод следует из понятия и содержания организации раскрытия и расследования преступлений, представляющей собой «внутреннюю упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных, автономных частей целого…». А в качестве таких частей, что нетрудно представить, выступают такие виды деятельности, как уголовно-процессуальная, оперативно-разыскная, судебно-экспертная и, конечно, криминалистическая.

Кстати, заметим, что, несмотря на искусственный «развод» криминалистики и уголовного процесса в перечне научных специальностей ВАК Минобрнауки Российской Федерации, по-прежнему в диссертациях по специальности 12.00.12 рассматриваются проблемы правовой регламентации и организации использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений. И все попытки «запретить» криминалистам в этой части вторгаться в предмет уголовного процесса представляются не только ошибочными, но и вредными. На проблему внедрения адаптируемых криминалистикой современных достижений науки и техники в практику раскрытия и расследования преступлений, как нам представляется, следует смотреть не только с позиции предмета отдельных обслуживающих её наук, но и с позиций предмета осуществляемой в этих целях деятельности.

Предлагая следственной практике свои новшества, криминалистика объективно вынуждена обосновывать предложения или, как минимум, представлять свои суждения об организации, правовой регламентации и методическом обеспечении порядка их применения, об оценке правовой значимости полученных результатов, об учебно-методическом обеспечении освоения таких новшеств субъектами раскрытия и расследования преступлений. Иначе говоря, она обязана сопровождать процесс внедрения предлагаемых ею методов, средств и рекомендаций в следственную практику, способствовать созданию организационных и правовых условий их эффективного применения. В этом заключается основная задача криминалистической деятельности.

В заключение, вспоминая, как в уголовно-процессуальной науке зарождалась криминалистика, а в её лоне формировались, приобретая самостоятельность, теория оперативно-разыскной деятельности, а затем и теория судебно-экспертной деятельности, рискнем предположить, что в перспективе в их ряду может оказаться и криминалистическая деятельность как одна из составляющих в целом организацию и методику раскрытия и расследования преступлений. А в конечном итоге не исключено, что, находясь в своих узкопредметных «квартирах» и приобретя должное самосознание и уверенность, эти отрасли антикриминального знания проявят тенденцию к интеграции, к объединению на основе единого предмета обслуживаемой ими деятельности – раскрытие и расследование преступлений.

Библиографический список

1. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. - 3-е изд. – М.: Юристъ, 2005.
2. Криминалистика: учебник. В 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. – М.: Академия МВД России, 1995.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. А.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М.: Новый Юрист, 1997.
4. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. - 2-е изд. – М.: Закон и право, 2010.
5. Лизгин И.М. Трудно быть универсалом // Советская милиция. 1969. № 5. С. 44-45.
6. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / под ред. В.А. Образцова. – М.: Высшая школа. 1992. – 291 с.
7. Скорченко П.Т. Криминалистика. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учебное пособие. – М., 1999. – 272 с.
8. Седова Г.Н., Степанов В.В. Дознание. Функции и организация деятельности: учебное пособие. – М.: ПриборИздат, 2003. – 80 с.
9. Соболевская С.И. Научно-техническое обеспечение: новый взгляд на известное понятие / Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: Тюменский институт МВД России, 2005. С. 280-283.
10. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002 гг.): монография. – Киев, 2002.

УДК 346.57

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Лебедев С.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина)

Аннотация: в статье раскрываются актуальное состояние и перспективные направления правового обеспечения экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики. Рассмотрены также различные обстоятельства, которые оказывают непосредственное воздействие. Среди подобных факторов отдельно стоит выделить объединение научно-исследовательских центров.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономика, цифровая экономика, нормативное правовое регулирование.

THE STATE AND PROSPECTS OF LEGAL PROISION OF ECONOMIC SECURITY IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

Lebedev S.Ya.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
(Russian State University named after A.N. Kosygin)

Abstract: t.he article reveals the current state and perspective directions of legal provision of economic security in the conditions of digital economy development. Various circumstances that have a direct impact are also considered. Among such factors, it is worth to single out the Association of research centers.

Key words: Economic security, economy, digital economy, normative legal regulation.

Взирая на многочисленные плоды теоретического осмысления нынешнего нового технологического уклада, нетрудно заметить, что стремительное развитие цифровых технологий существенно опережает уровень профессиональных оценок социальных последствий подобных инноваций. При этом большей частью научный анализ влияния процессов цифровизации на те или иные общественные отношения можно наблюдать в публикациях экономистов, что представляется вполне обоснованным, поскольку именно экономика, с одной стороны, выступает источником известных информационно-технологических трансформаций, с другой - объектом их современных воздействий [1, 2, 3, 4]. Наконец, стоит отметить, что именно экономика является одновременно и стимулом, и в ряде случаев, как это ни покажется, на первый взгляд, парадоксаль-

ным, тормозом технологического прогресса. Последнее представляется вполне очевидным в контексте извечной борьбы старого и нового, которая, как известно, и есть главный источник всякого развития. Потому экономическая безопасность как имманентно присущее любой экономике приоритетное условие ее благополучного (без угроз, опасностей, рисков и вызовов) существования и воспроизводства, безусловно, сориентирована сегодня на активное и, по возможности, гармоничное сосуществование с означенными технологическими новациями. Отсюда экономическая оценка процессов цифровизации в современном мире и обеспечивающая ее научно-аналитическая активность специалистов напрямую связывается с экономической безопасностью, обеспечение которой, в свою очередь, также всесторонне сопряжено с вездесущим цифровым контентом [5, 6].

Между тем, подчеркивая обнаруживающие себя в экономическом сообществе симптомы научно обоснованной тревоги за состояние экономической безопасности в цифровом мире, нельзя в то же время не заметить явную интеллектуальную робость, проявляемую по этому поводу специалистами многих иных отраслей гуманитарного знания, каковое, как представляется, обладает не меньшим созидательным потенциалом, способным внести в теорию и практику цифровой экономической безопасности свою полезную лепту. Разумеется, прежде всего, этот камень – в огород юристов, главным образом тесно соприкасающихся с проблемами обеспечения экономической безопасности – криминалистов, криминологов, специалистов уголовного и уголовно-процессуального права.

О таковых и актуализации их юридических оценок в связи с заявленной проблемой экономической безопасности в новых цифровых реалиях думается особенно, поскольку на своем начальном (пока еще) историческом этапе развития многие цифровые технологии способны представлять собой вполне обоснованную криминальную, как в прямом, юридическом, так и в более обширном, социально негативном и зачастую опасном, смыслах, угрозу экономической безопасности на всех уровнях своего обеспечения: мировом, региональном, отраслевом, конкретно-хозяйственном. Кстати, о криминальном потенциале цифровых технологий, в том числе создающих угрозы экономической безопасности, сегодня свидетельствуют главным образом специалисты активно развивающейся в мире и в России сферы кибербезопасности [7, 8, 9], криминологическим оценкам которой пока посвящено незаслуженно малое количество профессиональных публикаций [10, 11]. Тогда как именно криминологический анализ может и должен составить приоритетную научную основу целенаправленного инновационно-технологического развития систем экономической безопасности.

Хотя, если задумываться о соответствующих современным процессами цифровизации экономики, нацеленных на обеспечение экономической безопасности, то речь, несомненно, должна идти о глобальном и всеобщем правовом технологическом переустройстве системы управления новыми социально-экономическими отношениями, в котором уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные инновации должны получить собственное оформление и развитие. В связи с этим, безусловно,

следует согласиться с принципиальной позицией председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В.Д. Зорькина, убежденного в том, что в стремительно меняющихся обстоятельствах новой цифровой реальности «… прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации. Подобно тому, как правила дорожного движения, рассчитанные на регулирование езды на лошадях, сменились правилами автомобильного движения, правилами авиаперевозок и космических полетов, так и сегодня зарождается новое право - "право второго модерна", регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [12].

Это особенно важно, поскольку с каждым днем инновационно-технологическая тенденция охватывает новые, доселе весьма консервативные, стороны и объекты социально-экономических практик, что закономерно сказывается не только собственно на экономической деятельности, но и на ее правилах и регуляторах. В результате цифровые технологии соответствующим образом меняют традиционные формы правового обеспечения той или иной сферы жизни человека, усиливая тенденцию их инновационно-технологического переустройства.

Первыми в списке подобных правовых инноваций обоснованно стали отрасли законодательства, прямо связанные с экономикой и финансами: гражданское, административное, хозяйственное, предпринимательское, информационное, финансовое, налоговое, таможенное, трудовое и др. Переводимые на цифровой язык, многие нормы перечисленных отраслей законодательства, призванные своими регламентами сопровождать соответствующие технологические процессы в какой-либо экономической деятельности, фактически должны довершить процесс формирования «каркаса» системных основ новой цифровой экономики. Этим они обеспечат ее ритмичное функционирование в новом штатном режиме, не требующем постоянного человеческого контроля и тем более традиционного управленческого вмешательства, каковое всегда сопровождало и во множестве случаев еще продолжает сопровождать традиционную экономику. Этим же они объективно создадут надежные правовые условия для экономической безопасности.

Таким образом, инновационная модернизация права и соответствующего инновационного правоприменения становится сегодня не менее значимым ресурсом нового технологического уклада, нежели сама цифровая экономика. В то же время, понимая актуальность такого ресурса, многие правоведы выражают серьезную озабоченность неготовностью нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены, активно выступают за мобилизацию, прежде всего, интеллектуального профессионального ресурса на серьезную и, безусловно, масштабную работу, нацеленную на означенные инновационные изменения в праве, законодательстве и правоприменении. Разумеется, изначально такая работа требует выработки концептуальных положений, которые будут положены в основу предстоящих многочисленных и разносторонних правовых инноваций и модернизаций.

Юристы констатируют, что «…модернизация в праве связана с разработкой новых юридических понятий и конструкций, новыми подходами к регулированию тех или иных групп общественных отношении. Неизбежно потребуется изменение некоторых сущностных характеристик правовых понятий и процессов, внутренних характеристик права. Возникнут новые технологические процессы судопроизводства, юридические конструкции, нетрадиционные подходы к юридическому пониманию, обоснованию и объяснению многих, доселе незнакомых обычной правовой среде, правовых явлений» [13].

Вместе тем, если говорить о цифровой экономике и, главное, - ее безопасном развитии в новой цифровой действительности, следует вновь обратить внимание на относительно самостоятельно развивающиеся в недрах цифрового пространства и времени специфические, представляющие особую значимость для целей экономической и вместе с ней национальной безопасности, общественные отношения, отличающиеся некоторой консервативностью, способные тем самым стать объектом специального модернизированного правового контроля. Такой спецификой отличаются правонарушения и преступления, совершаемые человеком, причем как в обычной поведенческой форме, демонстрирующей себя, в частности, в диспозициях большинства статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, так и с использованием инновационных (цифровых) технологий, которые, кстати, отчасти уже нашли свое отражение в уголовном законе (так называемые киберпреступления).

При этом большей частью проявляющий себя пока на инновационных просторах цифровой экономики традиционный противоправный поведенческий консерватизм, в большинстве своем лишенный цифрового оформления, в том числе посягающий на экономические отношения, а потому, пусть в обычной форме, однако по-прежнему угрожающий экономической безопасности, в известной мере сопровождается уголовно-правовым консерватизмом. Не секрет, что до сих пор наше традиционное материальное право, обозначающее, что есть правонарушение и преступление, и вместе с ним процессуальное право, регламентирующее правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников), демонстрируют себя в так называемом аналоговом режиме[1]. В то время как в противовес существующему правовому аналоговому устройству система правоохранительного контроля все более стремится к цифровому формату.

Известно, что правоохранительная практика сегодня пытается задействовать для целей оперативной и объективной фиксации правонарушений и адекватного реагирования на них современные технические и технологические ресурсы, минимизировать в этом деле стандартный человеческий ресурс. В результате подобной модернизации обеспечивается не только адекватность и оптимальность общего правоохранительного реагирования на правонарушения,

[1] Приведенное определение скорее тянет на аллегорию, так как не вполне адекватно, опять-таки, с точки зрения технической и технологической материи отражает истинную суть означенного физического феномена, однако позволю предположить, что большинству специалистов суть подобного сравнения, обозначаемого автором в контексте обсуждаемой проблемы, будет понятна.

но и нивелируется известная коррупционная составляющая любого правоохранительного процесса с «человеческим» лицом.

Примером такой правоохранительной инновации могут служить цифровые технологии, применяемые в контроле над участниками дорожного движения. Начинавшаяся 7-8 лет назад с установления в крупных городах и на больших магистралях единичных камер фиксации скоростного режима с последующей правовой реакцией в виде так называемых «писем счастья» для автомобилистов, нарушивших установленный скоростной режим дорожного движения, сегодня эта система уже приобрела характер масштабного инновационно-технологического визуально-фискального правоохранительного инструмента предупреждения дорожно-транспортных правонарушений. Безусловно, далее эта система будет только совершенствоваться, наполняясь новым программным обеспечением требуемого правоохранительного контроля в означенной сфере социальных отношений. Конечно же, это непременно будет сказываться на минимизации человеческого фактора, до сих пор задействованного в правоохранительной деятельности, сводя в перспективе существующий кадровый, в частности, полицейский ресурс к минимуму, доводя его функции исключительно до операционно-технологических [14].

Представляется, что в сфере цифрового обеспечения экономической безопасности от различного рода криминальных угроз технологии их процессуальной правоохранительной фиксации могут стать со временем еще более результативными. В данном случае технологический контроль над нормативно обусловленными, а потому «правопослушными» финансово-экономическими операциями и регламентами, изначально включенными в непрерывный экономический процесс любого предприятия (производства, организации) и, следовательно, контролируемыми необходимыми цифровыми механизмами, способен автоматически выявлять и вслед за этим нейтрализовывать любые несанкционированные (нештатные) внешние и внутренние угрозы безопасности экономического процесса. Правоохранителям в этом случае останется лишь зафиксировать факт нарушения и установить его источник для определения меры юридической ответственности и организации соответствующего судопроизводства.

Помимо всего прочего, в этом случае одновременно будет срабатывать превентивный эффект цифрового правоохранительного (вместе с технологическим) контроля, ибо совершение какого-либо правонарушения станет рискованным для замыслившего его субъекта, а потому просто невыгодным, а по сути, - бессмысленным. Таким образом, «отцифрованный» экономический регламент, сформированный с учетом правоохранительного эффекта нейтрализации, способного нарушить его преступления, будет постепенно превращаться в главную гарантию экономической безопасности. Разумеется, подобная технология защиты экономической деятельности потребует создания собственного правового (и, безусловно, цифрового) механизма ее обеспечения. Однако это всего лишь дело времени, причем, судя по интенсивности развития цифровых технологий, весьма непродолжительного.

Футурологически оценивая перспективы будущего уголовного закона и уголовно-процессуальные практики его применения в условиях развивающейся цифровой экономики, можно уверенно прогнозировать, что и те, и другие будут напрямую связаны с новыми информационными технологиями, развитие которых, в свою очередь, представляет собой единственно верную идеологическую, а вместе с ней и информационно-технологическую направленность достижения цели обеспечения безопасности личности, общества и государства уголовно-правовыми и криминологическими средствами. Модернизация общественных отношений закономерно требует адекватных инноваций и модернизаций институтов государства и права как важнейших инструментов, с одной стороны, управления этими отношениями, с другой, - их защиты от разрушения. Ясно, что безопасное развитие новых общественных отношений невозможно без главного правоохранительного ресурса, каковым являются одновременно уголовный закон и реализующая его система уголовного судопроизводства. Эффективно обеспечить безопасность таких новых общественных отношений может только адекватный угрозам их безопасности инновационно отформативанный и соответствующим образом модернизированный законодательный и правоприменительный уголовно-правовой механизм.

Стремясь к инновационному праву и соответствующему ему инновационному правоприменению как единственно перспективным модернизированным моделям правового регулирования и правовой защиты современных и будущих, прежде всего, социально-экономических отношений, отвечающих реалиям постиндустриального общества, юридическое сообщество уже столкнулось с необходимостью и целесообразностью трансформации уголовного закона и всей системы уголовного судопроизводства, адекватного инновациям и модернизациям различных областей жизнедеятельности человека. Тональность таким уголовно-правовым технологическим инновациям задает сама преступность, причем именно та ее часть, которая связана с экономикой, поскольку, как это уже было отмечено выше, именно в экономическом поле киберпреступность позиционирует себя сегодня с поразительной активностью, помноженной на фактическую беспрепятственность воплощения криминальных целей.

К сожалению, такая новая преступность большей своей частью находится сегодня вне какого-либо серьезного криминологического и уголовно-правового контроля, опять-таки благодаря тому, что этот социально-правовой контроль лишен адекватного нарастающей инновационной криминальной угрозе собственного инновационного потенциала. Более того, существующая сегодня уголовно-правовая и криминологическая стагнация в контроле над криминальными инновациями закономерно создает самостоятельный криминогенный фон, а по большому счету и криминогенный стимул активного инновационного развития преступности. Последняя в этих условиях, конечно же, способна значительно более разрушительно подрывать существующие, явно устаревшие, ресурсы общественной, экономической, а вместе с ними и государственной безопасности России.

При всей очевидности надвигающегося на правовую систему инновационного «цунами» менее всего, к сожалению, его явные предвестники улавливаются сегодня нашим профессиональным уголовно-правовым сообществом. В подтверждение сего заметим, что даже беглый просмотр тематики многочисленных диссертационных работ, защищенных в последнюю пятилетку в научных и образовательных организациях юридического профиля по специальности «уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное» приводит к весьма неутешительному выводу об отсутствии какой-либо масштабной целеустремленности на инновационно-технологическое развитие главного государственного правового инструмента предупреждения преступности, каковым всегда был, есть и, скорее всего, будет, уголовный закон.

Справедливости ради нельзя не отметить, что в многообразии относительно новых научных, главным образом, диссертационных уголовно-правовых и криминологических сюжетов, иногда мелькают названия, способные привлечь внимание специалистов своей некоторой направленностью на инновационно-технологическую перспективу. Однако таковая, как правило, связана большей частью с правовой оценкой инновационно- и информационно-технологического ресурса современной преступности, т.е. объекта уголовно-правовой и криминологической превенции [15, 16, 17, 18]. Об инновационно-технологической перспективе же самого социально-правового ресурса в этом случае, связанной, скажем так, с инновационной юридической техникой будущего уголовного закона, - ни слова. То есть о новой преступности специалисты мало-помалу задумываются, поскольку она уже с нами, причем довольно близко, и в прямом смысле может коснуться буквально каждого, а вот о необходимости модернизации системы, прежде всего, уголовно-правового контроля над ней, - пока, видимо, все тот же юридический консерватизм не позволяет.

Да и не только он. Дело, скорее, в отсутствии необходимой для подобной инновации соответствующей ей инновационно-технологической квалификации правоведов [19]. И это касается далеко не только собственно уголовно-правовых профессионалов. Как бы беспокойно и даже, вполне допускаем, негативно не относились к этому непреложному факту сегодняшние ревнители уголовного закона, последний, убеждены, тоже ждет уготованная ему уже сегодня на недалекое (максимум 10-15, а то и меньше лет, при сегодняшних темпах развития инновационных технологий) будущее, участь переформатирования из существующей «ручной», от начала и до конца управляемой человеком, привычной ему модели уголовного правосудия (от формирования и совершенствования уголовного законодательства до его реализации) в цифровой уголовно-правовой инструмент регулирования общественных отношений, связанных с совершением преступлений и назначением уголовных наказаний.

Пока тенденция цифровизации коснулась только процессуальной системы уголовного судопроизводства, что представляется вполне закономерным и обоснованным, ибо вначале всегда модернизируется процесс человеческой деятельности [20]. Вместе с тем недалек тот день, когда на подобные цифровые стандарты перейдет и уголовное законодательство. По крайней мере, вектор подобной модернизации уже задан развитием цифровой экономики, которая,

безусловно, будет сопровождаться соответствующим цифровым правом, в том числе правом, работающим на предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности [21].

Таким образом, инновационно-технологическая перспектива российского (как и мирового) уголовного законодательства и соответствующей практики его применения, несомненно, связывается со всеобщим развитием цифровых технологий, в которых на смену человеку приходит искусственный интеллект. Сегодня в авангарде его продвижения стоят информационные технологи. И если профессиональное уголовно-правовое и криминологическое сообщество не возьмет управление этим процессом на себя, то он неизбежно выведет большую часть его представителей за пределы этого неизбежного инновационно-технологического прогресса. Разрабатывающим же подобные IT-технологии специалистам ничего не остается, как просто перевести существующий уголовный закон и присутствующие в уголовно-правовой литературе более-менее подробные комментарии к нему на цифровой язык, а подготовленные для их реализации в рамках новых уголовно-правовых общественных отношений технические «уголовно-правовые терминалы», способные технологически адекватно воспринимать такие алгоритмы, будут выносить по ним соответствующие алгоритмизированные и опять-таки цифровые судебные решения, предписываемые к исполнению роботам-тюремщикам. Реальными, в отличие от виртуальных уголовно-правовых механизмов, в такой перспективе могут оказаться исключительно сами преступники (физические лица), на плечи которых лягут установленные цифровой системой государственной уголовно-правовой репрессии реальные уголовно-исполнительные тяготы и лишения, смоделированные цифровой системой уголовных наказаний, соответствующих цифровой матрице индивидуальных личностных признаков, отражающих перспективу исправления и правопослушной ресоциализации осужденных.

Возможно, кому-либо из специалистов представленная автором картина нового цифрового уголовно-правового мира видится абсурдной. Более того, у многих представителей уголовно-правового и криминологического сообщества подобный сюжет может вызвать не просто критику, а вполне обоснованную иронию. Понимая и даже отчасти заранее принимая такую реакцию, позволим себе воспользоваться для ее отражения простым контраргументом. Еще каких-нибудь 12-15 лет назад проблема искусственного интеллекта была предметом обсуждения довольно узкого круга специалистов и, по обыкновению, писателей-фантастов. Сегодня же эти, некогда большей частью, фантазии весьма ярко демонстрируют нашу повседневную реальность[2].

И еще. На протяжении всей своей истории человечество само себе неоднократно доказывало, что рожденная в глубинах его сознания всякая, даже представляющаяся в реалиях абсурдной, самая сказочная фантазия, виртуально

[2] В подтверждение см.: Роботы в законе: искусственный интеллект в юридической практике [Электронный ресурс]. – URL: http://blog.liga.net/user/adovbenko/article/28696.aspx; Искусственный интеллект затроллит интернет-мошенников [Электронный ресурс]. – URL: http://news.eizvestia.com/full/911-iskusstvennyj-intellekt-zatrollit-internet-moshennikov и мн. др.

нацеленная на удовлетворение физических, интеллектуальных либо эмоциональных потребностей homo sapiens, рано или поздно становилась реальностью. Представляется, что не избежит этого и уголовный закон, способный, как видится, в своем цифровом обличии гораздо более адекватно, оптимально и, главное, гуманно, нежели сейчас, обеспечивать реализацию главного своего превентивного принципа, действительно способного существенно нивелировать преступность, - неотвратимости уголовной ответственности.

Более того, представляется, что при всей очевидности цифровой перспективы развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов и механизмов обеспечения общественной, экономической и национальной безопасности гораздо более эффективным направлением в достижении успеха совершенствования системы экономической безопасности в условиях глобальной цифровизации должно стать целенаправленное и масштабное объединение профессиональных научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов вокруг формирования адекватной современным цифровым угрозам экономической безопасности и оптимальной по своим экономическим, правовым и информационно-технологическим ресурсам новой цифровой модели обеспечения экономической безопасности. Безусловно, такая модель должна в обязательном порядке учитывать специфику разных уровней экономической безопасности: мирового, национального, регионального, отраслевого и частного (субъектного).

Библиографический список

1. Каблов Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4.
2. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2017.
3. Ефимушкин В.А. Инфокоммуникационое технологическое пространство цифровой экономики / Цифровая трансформация бизнеса на основе технологий связи следующего поколения: мат-лы круглого стола (28 марта 2017 г.). – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
4. Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
5. Вызовы цифровой экономики для органов власти современной России: материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации // Аналитический вестник. 2017. № 32(688).
6. Дыбова Е.Н. Цифровая экономика: возможности и скрытые угрозы: аналитический доклад. – М.: Торгово-промышленная палата Российской Федерации, 2017.
7. Страшнее пистолета. О борьбе с киберпреступностью // Огонек. 2017. № 42(5488); [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc.
8. Тенденции киберугроз и высокотехнологичных преступлений [Электронный ресурс]. – URL: http://www.group-ib.ru/2016-report.html.
9. Hi-tech crime trends 2017: аналитический доклад. – М.: Group-IB, 2017.
10. Ларина Е., Овчинский В. Преступность эпохи промышленной революции XXI века // Наш современник. 2017. № 3.
11. Овчинский В.С.Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
12. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 7578(115).
13. Грибанов Д.В. Инновации и модернизация в жизни, экономике и праве: понятийный аппарат [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=864.

14. Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.

15. Чекунов И.Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

16. Сафонов О.М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.

17. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

18. Новая система электронного исполнения судебных актов внедряется в московских судах [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trud.ru/article/09-09-2015/1328787.

19. Право в глобальном контексте. Стенограмма выступлений на пленарном заседании VII Петербургского международного юридического форума (17 мая 2017 г.). – СПб., [Электронный ресурс]. – URL: https://glasnarod.ru/.

20. Новая система электронного исполнения судебных актов внедряется в московских судах [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trud.ru.

21. Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru.

УДК 343.37

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СПЕЦИФИЧЕСКУЮ ГРУППУ И ИХ ПОНЯТИЙ

Жбанков В.А.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина);
Авдонин В.А.,
кандидат юридических наук
(Главное управление по борьбе с контрабандой ФТС России)

Аннотация: в статье рассматривается критерии выделения таможенных преступлений в специфическую группу.

Ключевые слова: таможенные преступления, таможенная преступность.

ABOUT CRITERIA OF ALLOCATION OF CUSTOMS CRIMES IN SPECIFIC GROUP AND THEIR CONCEPT

Zhbankov V.A.,
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow State Law University named after O.E. Kutafin);
Avdonin V.A.,
Candidate of Law
(General Directorate for combating smuggling Federal customs service of Russia)

Abstract: the article considers the criteria for the allocation of customs crimes in a specific group.

Key words: customs crimes, customs crime.

В настоящее время в соответствии с действующим законодательством таможенные органы производят дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 194 ч. 1, 2, 200.1 ч. 1 УК РФ и производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194 ч. 3-4, 200.1 ч. 2, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ. Указанное обстоятельство позволяет говорить о специфической группе преступлений, которые в литературе относят к таможенным и, соответственно, разработке методики их расследования.

На таможенные преступления как специфический вид преступлений и таможенную преступность как специфическую преступную деятельность обратили внимание после введения в действие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. [1], предусмотревшего уголовную ответственность за контрабанду (ст. 188 УК РФ); незаконный экспорт или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ); невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ); уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ). Указанные преступления были помещены в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

Уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее в тот период, предоставило таможенным органам право производства дознания по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 188 УК РФ и ст. 194 УК РФ, и производства неотложных следственных действий по деяниям, предусмотренным ч. 2 ст. 188 УК РФ, ч. 3 ст. 188 УК РФ, ч. 4 ст. 188 УК РФ, ст. 189 УК РФ, ст. 190 УК РФ и ст. 193 УК РФ.

Появление указанной группы преступлений не осталось вне поля зрения ученых в области криминалистики, уголовного права, уголовного процесса, криминологии, теории оперативно-разыскной деятельности и других наук. В частности, они рассматривались в работах О.А. Берзинь, В.Г. Беспалько, А.А. Витвицкого, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, Ю.П. Гармаева, А.Ю. Гончан, Т.А. Дикановой, В.А. Жбанкова, С.Ю. Ивановой, Н.А. Лопашненко, С.В. Максимова, В.И. Михайлова, А.В. Нестерова, А.Г. Никольской, Т.В. Пинкевич, Д.А. Постновой, Б.А. Султановой, Ю.И. Сучкова, А.М. Фатхутдиновой, А.Ф. Федорова, Н.П. Фесенко, А.И. Чучаева, П.С. Яни и др.

Разработка методики расследования таможенных преступлений обуславливает необходимость выделения критериев, позволяющих отнести указанные преступления в специфическую группу.

Анализ точек зрения указанных ученых по этому вопросу показал, что к таким критериям относят:

– совершение преступлений в сфере таможенного дела, отнесенных к компетенции таможенных органов как органов дознания;

– посягательство на сферу экономической деятельности, связанную с порядком вывоза и возврата на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки таможенному запрету;

– совершение преступлений в связи с пересечением таможенной границы;

– совершение преступлений при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ, контроль за которым осуществляют таможенные органы (они же ведут дознание по делам об этих преступлениях);

– посягательство на порядок и условия перемещения через таможенную границу РФ товаров, взимания таможенных платежей, таможенного оформления, таможенного контроля и других средств реализации таможенной политики;

– посягательство на установленный национальными и международными правовыми актами о таможенном деле порядок перемещения через таможенную границу товаров, их таможенного оформления, уплаты таможенных платежей, предоставления различных льгот или пользования ими, а также соблюдения государственных мер регулирования ВЭД;

– посягательство на внешнеторговую деятельность и перемещение товаров и транспортных средств через границу РФ;

– существенное нарушение деятельности таможенных органов при реализации ими целей и задач, установленных законодательством;

– совершение преступлений в сфере экономической деятельности при вывозе и возврате на территорию России товаров и транспортных средств через таможенную границу вопреки правовому запрету.

Проанализировав перечисленные точки зрения, мы считаем, что основаниями выделения таможенных преступлений в специфический вид являются признаки криминалистической характеристики, выделенные Р.С. Белкиным [2, с. 745].

При выделении таможенных преступлений в специфический вид следует использовать такие элементы криминалистической характеристики, как предмет преступного посягательства и обстановка совершения деяний. В качестве предмета преступного посягательства выступают товары и транспортные средства.

Обстановка совершения преступлений включает комплекс взаимосвязанных социально-экономических, правовых, погодных, природных и иных факторов, а также место и время совершения преступлений. Применительно к рассматриваемой проблеме мы выделяем такие факторы, как: место совершения таможенных преступлений; перемещение товаров или транспортных средств через таможенную границу в связи с их ввозом или вывозом; уголовно-правовую и уголовно-процессуальную компетенцию таможенных органов по расследованию рассматриваемых преступлений.

Рассмотрим выделенные элементы обстановки совершения преступления. Применительно к таможенным преступлениям место совершения преступления – конкретный участок пересечения товарами и транспортными средствами таможенной границы Таможенного союза или Государственной границы РФ.

В криминалистике по этому признаку выделяют преступления, совершаемые: а) на транспорте; б) в курортных зонах и местах массового туризма; в) в экстремальных климатических территориальных или производственных условиях (на зимовках, отдельных лесоразработках и т.д.) [3, с. 375].

Подавляющее большинство таможенных преступлений совершается при перемещении товаров при их ввозе на таможенную территорию Таможенного союза или вывозе товаров с таможенной территории Таможенного союза. Понятия «ввоз товаров в Российскую Федерацию» и «вывоз товаров из Российской Федерации» определяются п. 1, 3, 4, ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4].

Нарушение деятельности таможенных органов при реализации целей и задач, установленных законодательством, связано с нарушением реализации функций в области таможенного дела, которые в соответствии с ч. 1 ст. 2 ФЗ от 27.11.2010 № 311 представляют «…собой совокупность средств и методов обеспечения соблюдения мер таможенного регулирования, а также запретов и ограничений при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации» [4], в частности:

– совершение таможенных операций и проведение таможенного контроля, в том числе в рамках оказания взаимной административной помощи;

– взимание таможенных платежей, а также специальных антидемпинговых и компенсационных пошлин, контроль правильности их исчисления и своевременности уплаты, принятие мер по их принудительному взысканию в пределах своей компетенции;

– обеспечение в пределах своей компетенции соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования и запретов и ограничений в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу.

Нарушение реализации функций таможенных органов связано с совершением преступлений в сфере таможенного дела (ст.ст. 189, 190, 193, 193.1, 194 ч. 3-4, 200.1 ч. 2, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ) или же с совершением преступлений в иных сферах, например, в сфере экономической деятельности (ст.ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1 УК РФ), выявление которых в соответствии действующим уголовно-процессуальным законодательством отнесено к компетенции таможенных органов (п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ).

При рассмотрении такого элемента обстановки совершения преступления как правовая регламентация деятельности таможенных органов по борьбе с преступлениями, следует отметить, что они осуществляют процессуальную деятельность по делам о преступлениях, посягающих на правовой режим определенной узкопрофессиональной отрасли. Данные обстоятельства позволяют отнести таможенные органы к органам дознания специальной отраслевой компетенции [5]. В этой связи А.Ю. Гончан отмечает, что объединяющим критерием понятия «таможенные преступления» является «…необычный (непривычный для уголовно-правовой науки) признак – охраняемая сфера деятельности правоохранительного органа…» [5, с. 43-44]. Поэтому таможенные преступления составляют отраслевую компетенцию таможенных органов.

Таким образом, к основаниям выделения таможенных преступлений мы относим такие элементы криминалистической характеристики рассматриваемых деяний, как предмет преступного посягательства и обстановку совершения преступления.

Изложенное позволяет следующим образом сформулировать понятие «таможенные преступления»: это уголовно наказуемые противоправные деяния, существенно нарушающие деятельность таможенных органов по реализации целей и задач, установленных законодательством, совершаемые в сфере таможенного дела при перемещении товаров и иных предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, либо совершаемые в иных сферах, но их выявление отнесено к компетенции таможенных органов. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством по данным преступлениям таможенные органы наделены правом производства дознания и неотложных следственных действий.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 29-54.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – 3-е изд. – М., 2001. – 837 с.
3. Криминалистика: учебник / под общ. ред. проф. В.А. Жбанкова. – М.: Российская таможенная академия, 2012.
4. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 48. Ст. 6252.
5. Гончан А.Ю. Таможня как орган дознания. – Сургут: Московский государственный открытий университет, 2000.

УДК 343.1.

СТАТУС СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА НЕОДНОЗНАЧНО ТРАКТУЕТСЯ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Виницкий Л.В.,
доктор юридических наук, профессор
(Смоленский государственный университет);
Бурносова Ю.Л.
(Смоленский областной суд)

Аннотация: анализируются точки зрения ученых относительно статуса судебного эксперта начиная с Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. до наших дней. Аргументируется, что точки зрения ученых и практика расследования, когда эксперт обнаруживает микрообъекты, противоречат действующему законодательству. Обращается вни-

мание, что при оценке заключения эксперта необходимо обращать внимание на происхождение представленных на экспертизу объектов.

Ключевые слова: эксперт, специалист, статус судебного эксперта, доказательства, недопустимые доказательства, экспертная инициатива, заключение судебного эксперта.

THE STATUS OF A FORENSIC EXPERT IS INCORRECTLY EXPLAINED IN SPECIALIZED LITERATURE

Vinitskiy L.V.,
Doctor of Law, Professor
(Smolensk State University);
Burnosova Ju.L.
(Smolensk regional court)

Abstract: analyzes the point of view of scientists on forensic expert status, beginning with the Charter of the Russian criminal justice in 1864 to the present day. It is argued that the point of view of scientists and the practice of investigation, when micro-objects are detected by an expert contradict the current legislation. Attention is drawn that in assessing the expert's conclusion, it is necessary to pay attention to the origin of the objects submitted for examination.

Key words: expert, status of forensic expert, evidence, inadmissible evidence, expert initiative, the conclusion of a forensic expert.

Процессуальная сущность судебной экспертизы была предметом всестороннего исследования многих видных ученых в позапрошлом и прошлом веках. Не ослабевает внимание к различным проблемам судебной экспертизы и в наши дни. И тем не менее по некоторым вопросам судебной экспертизы ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению, что, безусловно, отрицательно сказывается на результатах практической деятельности правоохранительных органов.

Начиная с Устава уголовного судопроизводства в России закрепилось положение, согласно которому процессуальный закон позволял эксперту (сведущему лицу) самостоятельно отыскивать будущие объекты исследования, даже если следователь не обратил на них внимание (ст. 333). Иными словами, сведущие лица в своём исследовании были не связаны границами задания следователя (суда) [1].

Широкие полномочия эксперта указывались и в Положении «О правах и обязанностях государственных медицинских экспертов» от 28 февраля 1919 г. В примечании к параграфу 4 отмечалось: «медицинский эксперт вправе <…> производить осмотры местностей и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц и принимать другие меры для выяснения тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для выполнения экспертизы» [2, с. 76].

Но уже в УПК РСФСР 1923 г. обращалось внимание на тот факт, что эксперту запрещалось собирать материалы, необходимые для производства исследования. Эта мысль была выражена в примечании к ст. 171 УПК следующим образом: «если эксперт находит, что представленные ему следователем материалы недостаточны для дачи заключения, он составляет акт о невозможности дать заключение» [3].

Заметной вехой в этом направлении следует признать и Приказ Прокурора СССР от 7 сентября 1936 г. № 61-19. В нём предписывалось: «категорически воспретить переложение на эксперта не свойственных ему функций как-то: поручения эксперту самостоятельного изъятия, производство осмотров, выемок, самостоятельные переговоры эксперта с обвиняемыми и свидетелями и т.д.».

Более тридцати лет тому назад М.В. Галкин высказал мысль, согласно которой экспертиза в процессе доказывания играет «...троякую роль, будучи способом собирания, исследования и оценки доказательств» [4, с. 48].

Исходя из изложенного, некоторые исследователи пришли к выводу о том, что выражение «экспертиза является способом собирания доказательств» равнозначно наделению эксперта такими правами.

По мнению, например, М.Б. Вандера, поскольку микрообъекты «...как показывает практика, часто обнаруживаются при производстве экспертиз, следует признать неправильными теоретические концепции, согласно которым эксперты не имеют права сами обнаруживать какие-либо объекты» [5, с. 78]. «Видимо, закон нуждается в изменении, предусматривающем возможность обнаружения экспертом новых доказательств» - считает А.Н. Копьева [6, с. 193].

Следует подчеркнуть, что с точки зрения отдельных авторов право эксперта на обнаружение новых объектов, неизвестных следователю, назначившему экспертизу, вытекает из содержания ст. 191 УПК РСФСР, предусматривающей право на инициативу. В частности, И.К. Шахриманьян и Л.А. Каховская такие выводы обосновывают примерами из практики борьбы с преступностью. Рассмотрим один из них. Следователь представил на исследование палку со следами, похожими на кровь, для установления наличия последней и определения её видовой и групповой принадлежности. Заключение эксперта могло сыграть решающую роль в разоблачении преступника, так как указанная палка обнаружена на месте нанесения телесных повреждений. При положительном заключении эксперта вопрос об орудии преступления был бы практически решён. Однако установить групповую принадлежность крови из-за её малого количества не представилось возможным.

При осмотре палки, присланной на исследование, кроме крови, эксперту удалось обнаружить три волоса. По поводу этих волос следователь не ставил каких-либо вопросов в связи с тем, что не знал об их наличии. Однако указанные волосы были подвергнуты исследованию как дополнительные идентифицирующие объекты. По целому ряду признаков было установлено сходство волос потерпевшего с волосами, обнаруженными на палке. Так, собирание экспертом объектов исследования определило возможность установления орудия преступления [7, с. 20].

Р.С. Белкин приходит к выводу о том, что «законом эксперту должно предоставляться право собирать доказательства в некоторых, специально оговоренных случаях, например, при исследовании предметов - возможных носителей микрообъектов - и при производстве некоторых видов экспертиз, в частности, судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц» [8, с. 116]. К аналогичному выводу пришла и Е.Р. Россинская [9].

Примечательна в этом плане и позиция А.Р. Белкина. Он пишет: «деятельность судебного эксперта в процессе доказывания закон ограничивает лишь дачей экспертного заключения. По смыслу закона эксперт не является субъектом доказывания, и в литературе никто его таковым не считает. Между тем экспертная практика давно уже фактически ставит вопрос о признании эксперта – наряду с другими участниками процесса доказывания – его субъектом.

Но практика свидетельствует и о том, что иногда эксперт вынужден собирать доказательства; это имеет место, как правило, при работе с микрообъектами, когда экспертное задание включает вопрос о наличии или отсутствии на представленных эксперту объектах микродоказательств. В этих случаях эксперт вынужден сначала предпринять меры по их обнаружению, т.е. сделать то, что должен был сделать следователь с участием, при необходимости, специалиста. Можно, разумеется, возвращать без исполнения подобные поручения эксперту, но при существующих нагрузках следователей, отсутствии у них требуемых технических средств поиска микрообъектов и т.п. эксперты, исходя из интересов дела, предпочитают выполнить подобное задание, не задумываясь над тем, что оно выходит за пределы их компетенции» [10, с. 27].

Н.Н. Егоров, анализируя процессуальное положение эксперта, считает неудачной позицию законодателя, согласно которой последний не вправе самостоятельно собирать материалы для предстоящего экспертного исследования, и приходит к выводу о том, что «требуется законодательное разрешение эксперту собирать материалы для производства судебной экспертизы» [11, с. 225].

Нам не удалось разыскать позицию профессора С.Б. Россинского в его публикациях по указанному вопросу, но смутила его позиция относительно регламентированного ч. 3 ст. 177 УПК РФ осмотра предметов, обнаруженных в ходе осмотра. Ученый пишет: «ввиду доказательственной производности протокола следственного осмотра представляется вполне очевидной несостоятельность нормативных предписаний об обязательном осмотре предметов – вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и объектов, обнаруженных на месте осмотра (ч. 2 и 3 ст. 177 УПК РФ). <...> Зачем бессмысленно множить производный доказательственный материал и фиксировать в протоколе следственного действия форму, размер и прочие индивидуальные признаки предмета, если этот предмет может быть представлен в натуре (как первоначальное доказательство) при первой необходимости? Аналогичный вопрос может возникнуть в отношении самостоятельного осмотра предметов, обнаруженных и изъятых в ходе другого осмотра (ч.ч. 2 и 3 ст. 17 УПК РФ)» [12, с. 184-185].

Ч. 3 ст. 177 УПК РФ предполагает, что осмотр обнаруженных объектов, если для производства такого осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, должен быть произведен в надлежащих условиях. Мы считаем – с применением необходимых технических средств, с привлечением специалиста для обнаружения и фиксации возможных микрообъектов. А как иначе их обнаружить и зафиксировать?

Мысль о наличии необходимой связи между предметом – вещественным доказательством и протоколом осмотра очень четко в свое время изложил А.А. Эйсман. Он писал: «эта связь настолько существенна, что отсутствие или

утрата ее равносильны утрате самого вещественного доказательства (при отсутствии протокола) либо значительному обесценению сведений, содержащихся в протоколе (при утрате вещественного доказательства). Иначе говоря, полноценными эти два доказательства являются лишь тогда, когда они выступают вместе, образуя в некотором условном смысле одно «комплексное» доказательство, состоящее из двух взаимно дополняющих частей» [13, с. 19].

Мы разделяем позицию В.Д. Арсеньева и Ю.К. Орлова, которые считают, что в тех случаях, когда эксперт в ходе исследования выявляет новый объект (например, пятно крови при химическом исследовании одежды), он не вправе подвергнуть его исследованию без специального на то поручения органа, назначившего экспертизу [14, с. 106].

Ещё в 1949 г. В.Я. Лившиц правильно обращал внимание на вопросы проверки и оценки доказательственного значения заключения эксперта. Он писал: «одним из приёмов и методов этой проверки является анализ тех доказательств, на которых построил эксперт своё заключение. На этот способ иногда обращают мало внимания, его даже не всегда приводят, перечисляя приёмы критической оценки экспертизы. Между тем важность его нельзя отрицать. Как бы ни было добросовестно и выдержано в научном отношении заключение эксперта само по себе, оно теряет свое значение, если доказательства, лежащие в его основе шатки и недостоверны» [15, с. 126].

Чешские криминалисты Э. Палка и П. Война отмечали, что среди многих проблем, которые необходимо решить помимо технической линии, достаточно указать на особенно большую опасность добавления фальшивых микрочастиц [16, с. 12]. Проблема достоверности доказательств коснулась даже художественной литературы. Вот что, например, говорит один из героев романа Чарльза Сноу: «Я знаю о Перримене все. Я знаю – он убил. Я знаю, что он бессердечный зверь, а не человек. И я бессилен, что ж тут удивительного, если полицейские иногда фабрикуют недостающие улики? Чтобы уличить такого вот человека, который по справедливости должен быть уличен» [17, с. 170].

Изложение подобных точек зрения можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно для вывода о том, что с развитием института судебной экспертизы точка зрения на возможность эксперта самостоятельно собирать объекты своего исследования была отвергнута и исключена из процессуального законодательства ещё во времена действия УПК РСФСР 1923 г. и последующего процессуального законодательства.

В наши дни, когда торжественно провозглашено, что: «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, законность при производстве по уголовному делу приобрела первостепенное значение.

УПК РФ не наделил эксперта правом самостоятельно собирать доказательства. В части 4 ст. 57 указывается, что эксперт не вправе без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы (п. 1); самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п. 2). И это правильно, т.к. соответствует устоявшимся положениям теории судебных доказательств.

Следует помнить, что если объект исследования обнаруживает эксперт, невольно в состязательном процессе возникают вопросы об относимости и допустимости обнаруженного доказательства. Законодателем впервые они использованы в действующем УПК РФ. Остановимся на таком свойстве отдельного доказательства, как допустимость.

И.Б. Михайловская отмечает: «оценка отдельного доказательства осуществляется в полной мере применительно к такому его свойству, как допустимость, поскольку никакие иные доказательства не могут изменить того факта, что конкретное доказательство получено ненадлежащим субъектом, либо из ненадлежащего источника, либо с нарушением процессуального закона» [18, с. 166]. Как видим, когда возможное вещественное доказательство обнаруживает эксперт, налицо все три нарушения.

В заключение мы хотели бы отметить, что действующий процессуальный закон существенно расширил компетенцию специалиста. Это даёт возможность следователю с помощью специалиста осуществлять поиск, обнаружение, фиксацию и изъятие возможных вещественных доказательств. При таком положении, на наш взгляд, будут исключены случаи, когда одни и те же доказательства, микрочастицы, совпадающие по родовым признакам, могут быть приведены в обоснование виновности сначала одних, а потом других подозреваемых [19, с. 12-14]. В тех случаях когда их обнаруживает эксперт, не всегда представляется возможным впоследствии выяснить, откуда они там взялись. Эксперт используется в качестве ширмы, за которую можно скрыться при фальсификации доказательств.

Библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с разъяснением по их решениям кассационным департаментом Правительственного Сената 1866-1870 гг. – 5-е изд., доп. 1870.
2. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1954. – 280 с.
3. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Галкин М.В. Юридическая природа экспертизы: сборник научных трудов ВНИИ СЗ / Вопросы криминалистической экспертизы и правовой кибернетики. – М., 1971. Вып. 3.
5. Вандер М.Б. Внедрение в следственную практику новой методики работы с микрочастицами / Следственная практика. – М., 1979. Вып. 121.
6. Копьева А.Н. Процессуальный режим микроследов нуждается в разработке / Сибирские юридические записки. Проблемы борьбы с преступностью. – Иркутск-Омск, 1974. Вып. 4.
7. Шахриманьян И.К., Каховская Л.А. О компетенции эксперта-биолога на предварительном следствии / Труды ВНИИОП СССР. – М., 1968. № 12.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М.: Юристъ, 1977. Т. 3. - 464 с.
9. Россинская Е.Р. Комментарий в Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М: Юрайт, 2002. - 384 с.
10. Белкин А.Р. Теория доказывания: научно-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1967. - 418 с.
11. Егоров Н.Н. Собирание вещественных доказательств экспертом / Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). – М.: Московская государственная юридическая академия, 2007.
12. Россинский С.Б. Следственные действия. – М.: НОРМА, 2018.
13. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – М., 1967.

14. Арсеньев В.Д., Орлов Ю.К. Проблемы правового регулирования экспертизы в уголовно-процессуальном и гражданском законодательстве Союза ССР и союзных республик // Труды ВНИИ СЭ. – М., 1973. Вып. 5.

15. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. – М.-Л., 1949.

16. Палка Э., Война П. Актуальные проблемы развития криминалистической техники в ЧССР / Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1977. Вып. 27.

17. Сноу Ч. Лакировка // Новый мир. 1981. № 8. С. 170.

18. Михайловская И.Б. Оценка доказательств. Уголовный процесс: учебник. – М., 2001.

19. Давыдов В.А., Колоколов Н.А., Поляков М.П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 12-14.

УДК 343.98

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Шаталов А.С.,
доктор юридических наук
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Аннотация: в данной статье автор предпринял попытку поразмышлять о том, почему на фоне научных достижений отечественной криминалистики, при таком обилии новых идей, концепций, технологий, криминалистических алгоритмов, программ расследования прогресс в деле борьбы с преступностью остается малозаметным. Главная причина такого положения дел ему видится в том, что российская криминалистика долгое время развивалась в отрыве от ведущих зарубежных исследовательских школ. Вместе с тем такое ее состояние сохраняется и сейчас, несмотря на охватившие практически все страны мира, глобальные интеграционные процессы. В качестве главного направления преодоления кризисных явлений автор позиционирует имплементацию в научные ресурсы отечественной криминалистики современных информационных технологий вообще и для повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных и сетевых возможностей в частности.

Ключевые слова: информационные технологии; киберпреступность; компьютерные преступления; криминалистика; расследование преступлений.

PHENOMENOLOGICAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

Shatalov A.S.,
Doctor of Law
(National Research University «Higher school of Economics»)

Abstract: in this article, the author has made an attempt to reflect on why against the background of scientific achievements of domestic criminology, with such an abundance of new ideas, concepts, technologies, forensic algorithms, investigation programs progress in the fight against crime remains inconspicuous. The main reason for this state of affairs he sees in the fact that Russian criminology has long developed in isolation from the leading foreign research schools. At the same time, this state of affairs is still there, despite the global integration processes that have covered almost all countries of the world. As the main direction of overcoming the crisis, the author positions the implementation of modern information technologies in the scientific resources of the domestic criminology in General, and to improve the effectiveness of the fight against crimes committed using computer and network capabilities in particular.

Key words: information technologies; cybercrime; computer crime; criminology; crime investigation.

За почти два века своего существования отечественная криминалистика накопила довольно большой массив высококлассной научной информации. Она содержится в многочисленных диссертациях, монографиях, статьях, тезисах и отдельных практических рекомендациях, призванных оптимизировать предотвращение, выявление, раскрытие, расследование преступлений и судебное рассмотрение уголовных дел. На фоне таких вполне очевидных научных достижений кажется нелепым вопрос о том, почему при таком обилии новых идей, концепций, технологий, криминалистических алгоритмов, программ расследования, прогресс в деле борьбы с преступностью остается незаметным. Более того, следственная и судебная практика нередко игнорирует то, что ей предлагает отечественная криминалистическая наука, а ее достижения подвергаются справедливой критике за их явное отставание от нужд правоохранительных органов. Несомненным признанием бессилия в науке, возникшего на данном этапе ее развития, являются публикации самих ученых-криминалистов (наши работы в т.ч.), в которых анализируются кризисные явления в отечественной криминалистике и формулируются заслуживающие внимания предложения по их преодолению [1].

Ничего удивительного в такой постановке вопроса нет, поскольку российская криминалистика довольно долго варится лишь в собственном соку в отрыве от ведущих зарубежных исследовательских школ. Она уже перестала быть неким дидактическим эталоном не только в странах, некогда строивших социализм, но и во многих государствах, отпочковавшихся от Советского Союза. Если российские криминалисты и дальше будут видеть свои научные интересы только лишь в национальных границах либо в пределах русско-говорящих пространств, игнорируя таким образом свободный обмен научной информацией с коллегами из других стран мира, то наука, которую им выпала честь представлять, рискует рано или поздно остаться на обочине глобальных интеграционных процессов и превратиться в никем не востребованный конгломерат наукообразного типа.

При всем этом значительная часть российских криминалистов не признает кризисного состояния науки и, соответственно, противится не только переосмыслению надуманных теоретических конструкций криминалистики, но и их целенаправленному осовремениванию. Оговоримся, что мы не настаиваем на том, чтобы огульно отвергать прошлые достижения отечественной криминали-

стики. Необходимы их систематизация и переоценка с учетом реалий сегодняшнего дня, выделение в них знания действительно ценного и ожидающего своего дальнейшего поступательного развития. Особую и ярко выраженную актуальность эти задачи приобретают в деле имплементации в научные ресурсы отечественной криминалистики современных информационных технологий.

Прежде чем перейти к обоснованию этой мысли, следует отметить, что сейчас информационные технологии занимают в экономике страны особое место, а их эффективное функционирование является одним из важнейших факторов, способствующих решению ключевых задач государственной политики. Важно отметить, что в Российской Федерации они являются наиболее зависимыми от использования импортного программного обеспечения (до 90% операционных систем и систем управления базами данных). Вместе с тем технологическая независимость Российской Федерации в сфере информационных технологий провозглашена основой не только информационной безопасности, но и безопасности государства в целом, в т.ч. от преступных посягательств [2]. Помимо прочего, информационные технологии должны сыграть важную роль в обеспечении дальнейшего поступательного развития отечественной криминалистики. Сейчас стало очевидно, что в ней назрел ряд вопросов, ожидающих своего комплексного решения. Необходимо, в частности, реализовать меры, направленные на разработку и внедрение новых способов выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Распространение компьютерных вирусов, мошенничества с платежными картами, хищения денежных средств с банковских счетов, компьютерной информации, нарушение правил эксплуатации разного рода автоматизированных электронных систем – далеко не полный перечень преступлений, совершаемых с их помощью. Данное явление называют по-разному: киберпреступностью, компьютерными преступлениями, преступлениями в сфере компьютерных технологий, преступлениями в сфере компьютерной информации и т.д. В литературе, изданной за последнее десятилетие, наиболее часто встречаются два термина: *«киберпреступления»* и *«компьютерные преступления»*. Их можно считать равнозначными, поскольку они используются для обозначения группы одних и тех же общественно опасных деяний. В криминалистическом аспекте киберпреступления (или компьютерные преступления) – это общественно опасные деяния, для подготовки, совершения, а, соответственно, выявления, раскрытия и расследования которых применяются разного рода компьютерные технологии и (или) используется информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Причиной популярности и стремительного роста киберпреступности как некого криминального бизнеса, прежде всего, является его невероятная прибыльность, а сам процесс получения доходов, которые могут превышать миллионы долларов, обычно не отождествляется с риском разоблачения и наказания (в широком их понимании). Поэтому сама киберпреступность, наряду с экологией, коррупцией и незаконным оборотом наркотиков, фактически стала важнейшей проблемой геополитического масштаба. С наступлением нового века ее решению стало уделяться много внимания как на национальных уровнях,

так и в рамках реализации программ международного сотрудничества государственных правоохранительных органов.

Главная криминалистическая особенность киберпреступлений заключается в том, что их предотвращение, выявление, раскрытие и расследование невозможны без использования современных информационных технологий. Соответственно, возникла необходимость во все бо́льшем внимании к подготовке специалистов для борьбы с такими преступлениями, переподготовке действующих кадров, с тем чтобы эффективно разоблачать преступников посредством обнаружения, фиксации, изъятия и использования разного рода «электронных» доказательств.

Однако существующая система противодействия преступным посягательствам, совершенным с использованием современных информационных технологий, пока заметно отстает в своем развитии. Сложности обусловлены спецификой совершения преступлений данной разновидности, которая, на наш взгляд, заключается в следующем:

в доступности (т.е. повсеместной распространенности и относительной дешевизне) компьютерной техники для самых широких слоев населения;

в весьма широкой и фактически трансграничной географии совершения преступлений;

в однозначной досягаемости объекта преступного посягательства (т.е. фактическое расстояние до него не имеет никакого значения);

в комфортности условий, сопутствующих подготовке и совершению преступлений в киберпространстве (т.е. их подготовка и совершение реально могут осуществляться практически с любого персонального компьютера, имеющего выход во Всемирную паутину).

Сам процесс выявления, раскрытия и предварительного расследования преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, имеет ряд существенных особенностей. Ошибки, допускаемые при этом следователями и дознавателями, в своем большинстве являются следствием их неудовлетворительной профессиональной подготовки именно для этого сегмента криминалистической деятельности. Одной из наиболее существенных причин низкого качества предварительного расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, в научных публикациях справедливо признается отсутствие качественных методических разработок, в реализации которых были бы в полной мере задействованы современные информационные технологии. В таких условиях объективные сложности обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации с целью ее дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовному делу нередко становятся непреодолимыми. Более того, здесь, как нигде, высока вероятность того, что те доказательства, что все же были обнаружены, могут быть непреднамеренно изменены и даже утрачены как в результате допущенных ошибок при их фиксации или, например, изъятии, так и в ходе их исследования. Подготовка в ходе досудебного производства по уголовному делу доказательств такого рода для дальнейшего представления их в суде требует обязательного наличия не только основательной профессиональной подготовки, но и регулярного обновления

имеющихся знаний у следователей, дознавателей, оперативных работников и, разумеется, у специалистов и экспертов.

В контексте затронутой проблемы важно отметить, что исследования, посвященные именно получению, обработке, использованию и хранению информации, стали проводиться с середины XX века, т.е. сравнительно недавно. Понадобилось еще примерно пятьдесят лет для того, чтобы информационные технологии получили повсеместное распространение и стали доступными практически всем.

В начале 60-х годов прошлого века в американской юридической печати появился и стал активно использоваться термин «компьютерная преступность». Примерно в это же время западными социологами и философами (Д. Белл, Д. Рисман, А. Турен и др.) стал обсуждаться вопрос о вступлении в качественно иную стадию социального развития, охарактеризованную ими как «постиндустриальное», или «информационное» общество. В последующие годы развитие информационных технологий привело к появлению преступлений новых видов и, как следствие, к резкому увеличению научных исследований. Постепенно стало понятно, что практически все они носят междисциплинарный характер и используют достижения многих наук и в первую очередь криминалистики. Из общего массива работ, посвященных данной проблематике, можно выделить диссертационные исследования А.В. Касаткина [3] и С.В. Киселева [4], имевшие место в конце 90-х годов прошлого века, а также диссертации А.А. Шаевича [5], Ю.А. Куриленко [6], А.В. Нарижного [7], С.А. Ковалева [8], А.А. Косынкина [9], К.В. Костомарова [10] и В.О. Давыдова [11], защищенные в период с 2007 по 2013 гг. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертационные исследования названных авторов (за одним только исключением) проводились не в столичных городах (Москве или Санкт-Петербурге), а в региональных центрах. Причем последнее из них (диссертационное исследование В.О. Давыдова) было защищено в 2013 году, т.е. около пяти лет тому назад. «Застой» отчасти был компенсирован монографическими работами Е.П. Ищенко [12], В.Б. Вехова [13] и некоторых других российских криминалистов, проявивших интерес к данной проблематике. Однако этого оказалось явно недостаточно.

В науках уголовного права и криминологии наблюдается примерно такая же картина. Вывод неутешительный: отсутствие системного и институционального характера в исследовательской работе на этом направлении ощутимо затрудняет борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием постоянно совершенствующихся информационных технологий. Сама же информация выступает объектом преступной деятельности в этой сфере. Ее хищение, изменение, неправомерное использование так или иначе вносят диссонанс в функционирование экономических систем. Более того, в отличие от организованной преступности, коррупции, многих проявлений терроризма и экстремизма, деятельность киберпреступников не согласуется с известными и привычными в обществе моделями поведения. По сути, это означает, что она индивидуальна, иррациональна, анонимна и интернациональна, а каждый человек в современном мире, от простого обывателя до крупной компании, банка и государства, рискует в любой момент стать жертвой злоумышленников в ки-

берпространстве, постоянно изобретающих новые, сложные и разнообразные схемы мошеннических операций.

Обращает на себя внимание тот факт, что с начала XXI века и до настоящего времени количество выявленных преступлений в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272-274 УК РФ) изменялось практически постоянно. Если в 2001 г. их было зафиксировано около 3,7 тыс., то к 2003 г. их общее количество увеличилось втрое (10,4 тыс.). В последующие годы стал наблюдаться их некоторый количественный спад. В 2015 г., например, было зафиксировано 2382 таких преступления [14], за совершение которых было осуждено лишь 235 чел. (!). В 2016 г., по данным Судебного департамента при ВС РФ, эта цифра сократилась до 185 чел.

Причины таких несколько странных расхождений различны, но нам они видятся в том, что абсолютное большинство преступлений в сфере компьютерной информации – латентные. Специалисты правильно утверждают, что до 90% данных криминальных актов не находят отражения в официальной уголовной статистике [15]. Наиболее распространенная причина такого положения дел нам видится в нежелании практически всех коммерческих предприятий (в т.ч. банков) предавать гласности сведения о похищении у них компьютерной информации и денежных средств путем виртуальных взломов систем их защиты. Объяснение этому простое – все они предпочитают дорожить репутацией и боятся потерять клиентов, а доказывание фактов совершения таких преступлений – довольно сложное и обременительное занятие.

В США и многих странах европейского континента уже отработана технология поиска киберпреступников. Расходы на розыск каждого из них в среднем составляют немногим более 300 долларов. Борьба с киберпреступлениями российскими правоохранительными органами пока оставляет желать лучшего. А если выразится более категорично, то пока данным преступлениям особенно некому противостоять. Только 4,5% следователей обладают более или менее удовлетворительными знаниями по специальности «Информатика и вычислительная техника». Около 72% из них оценивают свой уровень владения персональным компьютером «как у среднего пользователя» [16]. Здесь есть над чем работать.

Звучит весьма вызывающе и несколько странно, но гораздо эффективнее борьбу с киберпреступлениями в России пока осуществляют несколько агентств, специализирующихся на инициативном расследовании высокотехнологичных преступлений. Они действуют не только из-за собственной заинтересованности в извлечении прибыли, но и по причине наличия у них б*о*льших возможностей, знаний и технологического потенциала. Компания «Group-IB», например, за полтора десятилетия своего существования расследовала около тысячи высокотехнологичных преступлений, немалая часть которых являлась особо сложными [17]. Агентство финансовой и правовой безопасности также на этом поприще достигло определенных успехов, в основном за счет использования в работе своих сотрудников не только новейших информационных технологий, но и аккаунтов в социальных сетях (анализируя списки «друзей» на наличие общих признаков).

Согласно данным, полученным компанией «Juniper Research», при сохранении текущего уровня кибератак в ближайшие годы общие убытки мировой экономики от их осуществления к 2019 г. составят 2,1 трлн долл. Что касается именно России, то ущерб от имевших место на ее территории кибератак в 2015 г., например, составил сумму, равную половине затрат российского бюджета на здравоохранение (приблизительно 1 трлн 423 млрд рублей!) [18].

Таким образом, большинство изменений, возникших по причине развития информационных технологий, принесли пользу обществу, прежде всего, в науке, медицине, инженерии, управлении ресурсами (в т.ч. финансовыми). Однако они же предопределили появление новых возможностей для причинения вреда интересам общества и государства, поскольку с появлением технологических новаций возникли основывающиеся на них новые разновидности преступлений, такие, например, как хакерский взлом, внедрение шпионских программ и др. Если бы не технологический прорыв в области информационно-коммуникационных технологий, то, наверное, их бы вообще не существовало в природе.

В иностранной литературе описаны три основных подхода к определению понятия «киберпреступление». В рамках первого из них оно понимается как преступление, совершение которого связано с сетевыми технологиями [19]. Второй подход более широкий. В его рамках киберпреступление рассматривается как любое преступление, совершаемое с использованием компьютеров и сетей. Также считается, что при совершении киберпреступления могут быть задействованы не только компьютеры, но и любые технические устройства [20]. Третий подход к толкованию этого понятия основывается на том, что преступления такого рода также совершаются при помощи сетевых и компьютерных технологий. Вместе с тем его сторонниками отрицается необходимость разграничения понятия «киберпреступление» от других понятий, используемых для описания схожих феноменов (например, компьютерное преступление, высокотехнологичное преступление, цифровой инцидент и т.д.) [21]. Следовательно, главными характеристиками, определяющими то или иное противоправное деяние как киберпреступление, правильнее всего считать его совершение с помощью компьютерных и сетевых технологий.

Специалисты в своих трудах правильно отмечают, что в современных условиях практически все разновидности преступлений могут быть совершены при помощи персонального компьютера, исключая, пожалуй, некоторые преступления против жизни и здоровья граждан [22]. При совершении киберпреступлений нередко осуществляются прямые атаки на компьютеры или другие устройства с целью вывода их из строя. Иногда атакованные компьютеры используются для распространения вредоносных программ, незаконной информации, разного рода изображений (например, детской порнографии) и других материалов. В новейшей юридической литературе выделяются следующие виды киберпреступлений:

- корыстные киберпреступления (фишинг, кибервымогательство, финансовое мошенничество и др.);
- хищение персональных данных;
- кибершпионаж;

- кибербуллинг;

- нарушение авторских прав и некоторые другие.

Рассматривая их, нужно учитывать, что в современных условиях в легальный экономический оборот активно поступают «нетрадиционные» виды имущества (в т.ч. интернет-сайты, электронные деньги, технологии мобильной связи, интернет-имущество и т.п.) [23]. Поскольку они обладают способностью приносить высокие доходы, на них соответствующим образом реагирует криминальная среда. В результате появляются все новые виды преступных посягательств, предполагающие использование современных информационных технологий на условиях внезапности и анонимности [24].

Практически все названные противоправные деяния значительно опаснее иных преступлений, совершаемых вне киберпространства, поскольку обладают способностью, причинять ущерб всем охраняемым законом интересам, диапазон которых варьируется от частных неимущественных интересов отдельных граждан до интересов безопасности государства.

Борьба с киберпреступностью является проблемой международного масштаба, поскольку меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий, не могут быть результативными лишь на национальном уровне в силу транснационального и трансграничного характера самой сети Интернет. Более того, непрекращающееся увеличение численности ее пользователей, закономерно порождает их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств. Одновременно растет вероятность стать очередной жертвой киберпреступности [25].

Именно поэтому одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 г.г. провозглашено обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

Библиографический список

1. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX – XIX вв.: курс лекций. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 112 с.
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 20 апреля 2016 г. № 154-СФ «О развитии информационных технологий в Российской Федерации и мерах поддержки отечественной ИТ-отрасли» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Касаткин А.В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1997. - 23 с.
4. Киселев С.В. Проблемы расследования компьютерных преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1998. - 23 с.
5. Шаевич А.А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений. – Иркутск, 2007. - 24 с.
6. Куриленко Ю.А. Компьютерные технологии как средство повышения эффективности организации правоохранительной деятельности (применительно к деятельности ОВД по расследованию преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. - 23 с.

7. Нарижный А.В. Использование специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. - 22 с.

8. Ковалев С.А. Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2011. - 22 с.

9. Косынкин А.А. Преодоление противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. - 24 с.

10. Костомаров К.В. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с незаконным доступом к компьютерной информации банков: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. - 30 с.

11. Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2013. - 26 с.

12. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. – М.: Проспект, 2015. - 232 с.

13. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2. С. 10-19.

14. Михайлова Б.П., Хазова Е.Н. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска / Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г.) [Электронный ресурс]. – URL: www.mvd.ru.

15. Тарасов А.М. Электронное правительство и информационная безопасность. – СПб., 2011. – 647 с.

16. Шевченко Е.С. Актуальные проблемы расследования киберпреступлений // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 29-30.

17. Сачков И. Технологии позволяют бороться с киберпреступностью – этот бизнес становится неэффективным [Электронный ресурс]. – URL: http://sk.ru/news/b/press/.

18. Трунцевский Ю.В. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации и прогнозы ее развития // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 29-31.

19. Viano E. Cybercrime: a new frontier in criminology // International Annals in Criminology. 2006. Vol. 44. P. 14.

20. Thomas D., Loader B. Cybercrime: law enforcement, security and surveillance in the information age. – London: England: Routledge, 2000. P. 3.

21. Viano C. Cybercrime, organized crime, and societal responses: international approaches. Springer International Publishing, 2017. P. 7.

22. Степанов-Егиянц В.Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации. – М.: Статут, 2016. – 190 с.

23. Некрасов В.Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны информационной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 108-114.

24. Рассолов И.М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. 2008. № 2. С. 44-46.

25. Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 73-80.

УДК 343.34

ДАННЫЕ О СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ И МОТИВАХ СОВЕРШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ОТДЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБОБЩЕНИЯ ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 26 УК РФ)

Шурухнов Н.Г.,
доктор юридических наук, профессор
(Московский гуманитарный университет);
Петрухина О.А.,
кандидат юридических наук, доцент
(Тульский государственный университет)

Аннотация: в статье приведены и проанализированы отдельные свойства личности преступников, посягающих на экологическую безопасность. На основе полученных эмпирическим путем результатов обобщения практики расследования экологических преступлений были выявлены корреляционные связи свойств личности преступника и составлен его типичный портрет. Отдельное внимание уделено рассмотрению мотивов преступного нарушения природоохранных норм.

Ключевые слова: личность преступника, экологическое преступление, окружающая среда, природоохранные нормы, мотив преступления.

DATA ON PROPERTIES OF THE IDENTITY OF CRIMINALS AND MOTIVES OF COMMISSION OF ECOLOGICAL CRIMES (SEPARATE RESULTS OF SYNTHESIS OF PRACTICE OF INVESTIGATION OF THE CRIMES PROVIDED BY CHAPTER 26 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Shurukhnov N.G.,
Doctor of Law, Professor
(Moscow Humanities University);
Petrukhina O.A.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Tula State University)

Abstract: in article separate properties of the identity of the criminals encroaching on ecological safety are brought and analysed. On the basis of the results of synthesis of practice of investigation of ecological crimes received in the empirical way correlation communications of properties of the identity of the criminal have been revealed and his typical portrait is made. Special attention is paid to consideration of motives of criminal violation of nature protection norms.

Key words: identity of the criminal, ecological crime, environment, nature protection norms, motive of crime.

Данные о свойствах личности преступника, их корреляции имеют важнейшее значение для выбора направления расследования. Они закладывают основы выдвижения и проверки версий, поиска следов и средств совершения экологических преступлений, выбора тактических приемов при производстве следственных действий, установления характера противоправной деятельности, роли каждого из соучастников.

Посредством корреляционных связей предоставляется возможность сориентироваться в механизме преступления, предмете преступного посягательства, поведении подозреваемых (обвиняемых) на следствии, материальном ущербе, роли коррупционных составляющих. Данные о профессиональных навыках, увлечениях, хобби конкретного человека корреляционно выводят на возможность установления способа совершения экологического преступления, позволяют предполагать, что преступник владеет приемами использования определенных орудий, средств совершения преступления, способен, выбрав обстановку и предмет противоправного деяния, осуществить комплекс действий за незначительный промежуток времени [1, с. 171].

Располагая сведениями о свойствах личности преступника, их корреляциях, дознаватель, следователь может выдвинуть целенаправленные версии о роли в противоправной деятельности конкретного лица, о характере приемов сокрытия преступления, взаимоотношениях с соучастниками, интенсивности противодействия расследованию.

Как показывают результаты обобщения следственной практики, данные официальной статистики, преступления экологической направленности совершают две основные категории граждан:

1) не имеющие отношения к обеспечению природоохранных норм, производственно-хозяйственной, лесоохраной, лесовосстановительной, сельскохозяйственной, ирригационной деятельности (общий субъект);

2) обязанные соблюдать природоохранные правила в силу занимаемой должности или выполняемой работы (специальный субъект) [2, с. 271].

По ряду различных причин самой многочисленной (98%) и разнообразной является первая категория субъектов экологических преступлений. Рядовыми гражданами совершаются преступления, связанные с нарушением правил охраны, незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды, не связанные с производственно-хозяйственной деятельностью. Они сознательно идут на нарушение природоохранных правил, осуществляют противоправную деятельность вследствие небрежного, легкомысленного, корыстного отношения к природе. Нередко такая их противоправная деятельность является источником доходов, поддержания своего материального положения, а в отдельных случаях средством для существования (18% браконьеров и «черных» лесорубов не имели постоянной работы).

Обозначенные субъекты обладают навыками стрельбы из охотничьего оружия, управления различными транспортными средствами (в том числе для перемещения по воде, воздуху, пересеченной местности). Они умеют производить выборку, валку, распиловку древесины, эксплуатировать различные технические средства и приспособления (бензопилы, средства освещения, переме-

щения и подъема тяжелых грузов и негабаритных предметов). Лица, входящие в рассматриваемую группу, как правило, профессионально используют рыболовные снасти, капканы, осуществляют разделку туш животных, птицы, рыб, их специальную переработку, упаковку и хранение.

Анализируемую группу составляют мужчины в возрасте до 40 лет (наиболее активный возраст лиц, занимающихся незаконной рубкой лесных насаждений, составляет 30-49 лет) [3, с. 271], это объясняется тем, что для совершения указанных преступлений требуются физическая сила, сноровка, хорошее здоровье, выносливость для нахождения значительного периода времени в экстремальных условиях.

Среди рассматриваемых граждан значительное количество привлеченных к административной и уголовной ответственности: в 2013 г. – 25,9%, в 2014 г. – 30,5%, в 2015 г. – 22%.

25,9% лиц, занимающихся незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды, имели высшее образование, 42,2% – среднее полное, 21,7% – среднее специальное, 10,2% – неполное среднее. Для них не характерно (0,6%) совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, они не состояли на учете в наркологических и психоневрологических диспансерах [4, с. 71].

Замечено, что немаловажную роль в формировании мотива совершения экологического преступления играет социальная обусловленность преступного поведения. С одной стороны, она определяется спадом промышленного и сельскохозяйственного производства, ведущего к безработице. С другой – масштабностью территории, наличием благоприятных условий для обитания диких животных, различных особей рыбы и, как следствие, легкой доступностью природных богатств нашей страны [5, с. 211]. С третьей – расширением рынка сбыта, постоянным спросом, ростом цен на животную, рыбную продукцию браконьерства, деловую древесину. Все это в определенной мере обусловливает совершение соответствующих преступлений.

Среди рассматриваемых субъектов есть и маргиналы, социально неблагополучные лица, отчужденные от общественно полезных связей, ведущие бесцельный образ жизни, не имеющие постоянного источника доходов, склонные к совершению преступлений [6, с. 71]. Маргиналы противопоставляют себя окружающим, изолируются от общества. Как правило, такие лица имеют средний и ниже среднего уровень образования, у них отсутствуют общественно полезные связи, постоянное место работы или учебы, они злоупотребляют спиртными напитками, могут иметь врожденные или приобретенные физические или психические отклонения.

Маргиналов, нарушающих нормы природоохранного законодательства, можно объединить в две подгруппы:

а) характеризующиеся нигилистическим отношением к правовому и общественному порядку. Этой группе присущи глубокая враждебность к общественным институтам, индивидуализм и эгоизм. При совершении экологических преступлений им характерны разведение без надобности костров в пожароопасных местах, приводящее к лесным пожарам, незаконная рубка ценных по-

род деревьев, незаконная добыча водных биоресурсов с помощью электротока и др. Образ жизни данной подгруппы граждан обычно предшествует сознательному преступному нарушению экологической безопасности;

б) имеющие устойчивую криминальную направленность и полностью сформированные стереотипы противоправного поведения. Как правило, эта подгруппа совершает умышленные посягательства на объекты окружающей природной среды из хулиганских побуждений, при этом проявляет особую дерзость и цинизм, а в отдельных случаях – вандализм. Речь идет об уничтожении лесных массивов путем поджога либо в результате сознательного пренебрежения правилами пожарной безопасности в лесах, загрязнении водоемов и воздуха, бессмысленном отстреле охраняемых животных. Материальный ущерб от обозначенной преступной деятельности не уступает причиненному из корыстных побуждений.

Обозначая мотивы совершения экологических преступлений, нужно сказать и о корысти. Корыстный мотив (83%) проявляется в организации преступной деятельности в виде промысла, направлен на извлечение материальной выгоды [7, с. 41]. В большей мере он присущ лицам, совершающим преступления, связанные с незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды (ст.ст. 256, 258, 260 УК РФ).

Характерными свойствами личности данной категории субъектов преступлений являются агрессивность, жестокость, неуравновешенность, эгоцентризм. Личные желания рассматриваются ими как подлежащие безусловному удовлетворению. Анализируя корреляции: свойства личности – поведение во время следствия, можно сделать вывод, что маргиналы противодействуют расследованию, как правило, на предварительном и первоначальном этапах. Это проявляется в отказе от дачи показаний, даче ложных сведений, перекладывании вины на неопределенных лиц, которые не фигурируют в обстоятельствах совершенного преступления. Для данной категории субъектов не характерно покровительство влиятельных лиц, использование коррупционной составляющей. На последующем этапе расследования их поведение можно охарактеризовать как сосредоточенность на своем индивидуальном без интереса к судьбе соучастников, если таковые имелись.

Обобщения практики показывают, что 16,4% экологических преступлений носят групповой характер: из них 1,9% были совершены группой лиц, 13,4% – группой лиц по предварительному сговору, 1,1% – организованными группами, которые делают это в виде промысла, извлекая крупный доход. При этом группой лиц, как правило, совершаются незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) и незаконная охота (ст. 258 УК РФ).

На вооружении преступных групп имелись разнообразная современная техника, различные средства передвижения и транспортировки (автомобили, тракторы, квадроциклы, снегоходы, лодки, дельтапланы), системы связи и оповещения (рации, сигнальные ракеты, спутниковые навигаторы).

Следует сказать, что доля женщин в таких преступных группах незначительна. Иногда они принимают участие в совершении преступлений, связанных с незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей

среды. 6% женщин были привлечены за участие в незаконных рубках лесных насаждений, а 0,8% женщин – за совершение браконьерских действий.

Преступные нарушения правил добычи водных биоресурсов в 3,7% случаев совершаются лицами, не достигшими совершеннолетия, в 17,6% случаев – лицами в возрасте 18-30 лет, в 54,5% случаев – 30-40 лет, в 13,9% случаев – 41-50 лет, в 10,3% случаев – более 50 лет.

Категорию лиц, совершающих экологические преступления вопреки возложенным на них служебным природоохранным обязанностям, можно условно поделить на три подгруппы:

1) должностные лица предприятий, организаций, служб, обязанные соблюдать либо контролировать выполнение общих и специальных природоохранных правил.

Эту группу составляют: служащие аппарата управления разных уровней в министерствах, службах, агентствах; сотрудники предприятий, учреждений, непосредственно осуществляющие природопользование или деятельность, касающуюся воздействия на окружающую среду, к примеру, занимающиеся вывозом природных ресурсов, организующие утилизацию, хранение, вывоз радиоактивных и высокотоксичных веществ; лица, наделенные контрольно-надзорными функциями за выбросами загрязняющих веществ в атмосферу либо за эксплуатацией стационарных и передвижных установок;

2) руководители и работники предприятий, занимающиеся предпринимательской деятельностью на объектах энергетики, транспорта, производства (переработки), сельскохозяйственных и добывающих отраслей; специализирующиеся на вывозе ценных природных ресурсов за границу, на ввозе токсичных отходов в пределах территории России.

К признакам, характеризующим эту группу лиц, относятся: наличие четкой цели, связи полномочий, компетенции лица с его действиями, длительность нарушений правил экологической безопасности. Как правило, этими лицами совершаются преступные деяния, остающиеся латентными в течение длительного времени, связанные с прямым неисполнением, игнорированием природоохранительных правил либо с совершением ошибок в проектировании, строительстве, разработке какого-либо объекта, приведшие к уголовно-наказуемым последствиям.

Основными признаками организованной преступности с участием обозначенных лиц в сфере природопользования являются: умышленный характер, планирование преступной деятельности, устойчивый характер преступных групп, отлаженная система криминальных и коррумпированных связей, распределение ролей, связанное с использованием определенных знаний или навыков, иерархичность, дисциплинированность и конспиративность, целенаправленная разработка мер защиты от разоблачения и противодействия правоохранительным органам;

3) рядовые работники предприятий, организаций и учреждений, выполняющие технические, технологические и другие обязанности. Рядовые работники совершают экологические преступления как по собственной инициативе (несоблюдение установленных правил безопасности при обращении с микро-

биологическими токсинами), так и по указанию своего руководства (временное отключение очистных сооружений).

Как показал анализ уголовных дел, возбужденных по статьям главы 26 УК РФ, именно эта подгруппа лиц чаще всего привлекается к уголовной ответственности, так как они не задумываются об опасности совершаемых ими преступлений. Более того, у них присутствует убежденность, что своей деятельностью они выражают интересы всех людей, поэтому отсутствует страх общественного осуждения, есть уверенность, что руководители смогут объяснить их поведение как правомерное (производственная необходимость). Работники, отвечающие за эксплуатацию очистных, водозаборных сооружений, перекачивающих механизмов, транспортировку и утилизацию экологически опасных отходов, являются лишь рядовыми исполнителями.

Как показывает практика, лица, в служебные обязанности которых входит выполнение природоохранных правил, совершают деяния, обусловленные:

1) неисполнением технологических правил, пренебрежением природоохранительными средствами предприятия;

2) игнорированием природоохранных правил в конкретной ситуации;

3) ошибками в проектировании, монтаже (строительстве) объекта, использованием непригодных средств, приведшим к негативным последствиям.

Следует отметить, что лицами, выполняющими служебные, природоохранные функции, совершаются экологические преступления, связанные с нарушением правил охраны; загрязнением, отравлением; незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды.

Что касается половозрастных признаков, то следует отметить, что большинство (97%) экологических преступлений совершаются мужчинами. Данный показатель меняет свое значение в зависимости от конкретного вида экологического преступления. Так, преступления, связанные с загрязнением, отравлением объектов окружающей среды, в 100% случаев совершаются мужчинами.

В 17% случаев данные преступления совершаются лицами в возрасте 30-40 лет, в 78% – 40-50 лет, в 5% – 50-60 лет. 54% субъектов преступлений состояло в зарегистрированном браке, 24% – в гражданском браке, 22% были холосты. 66% имели высшее образование, 34% – среднее.

Свойства личности корреляциями связаны с мотивом преступления. Они четко указывают на выбор предмета, соучастников, способ преступного посягательства на окружающую среду.

Как уже отмечалось, наиболее распространенными мотивами умышленных экологических преступлений являются корыстные и хулиганские. Некоторыми авторами в качестве мотива совершения экологических преступлений называется беспечность. Вряд ли это обоснованно. Мотив – это осознанное внутреннее побуждение, которым лицо руководствуется при совершении преступления. Беспечность представляет собой легкомысленное, небрежное, безразличное отношение к содеянному, причиняемому окружающей среде ущербу. Она состоит также и в отсутствии потребности совершения поступков, соответствующих установленным природоохранительным нормам. Другими словами, беспечность не может являться побуждающим началом. Тогда как нежелание

руководителей предприятий обременять себя заботами о вкладывании средств для обеспечения экологической безопасности своего производства и проведение ремонтных, профилактических работ, экологический нигилизм, отсутствие профессионализма в целях оценки сложившейся на производстве критической обстановки по обеспечению соблюдения природоохранных норм являются достаточно распространенными мотивами. Однако отдельные экологические преступления также могут совершаться с корыстным мотивом, который проявляется в экономии средств на приобретение и модернизацию производственного оборудования, установление и совершенствование специальных средств и механизмов природоохранного характера.

Особенностью свойств личности субъектов, совершающих экологические преступления, являются отсутствие элементарного «экологического воспитания», присутствие потребительского отношения, недооценка общественной опасности экологических преступлений, степени вреда, причиняемого окружающей среде.

В качестве краткого итога выскажем следующее.

1. Исходя из того, что данные о субъекте преступления являются информационной базой для выдвижения следственных версий, определения тактических приемов производства следственных действий, определения соучастников и их роли в совершении преступления, мы приводим краткий типичный портрет лица, совершающего экологические преступления.

2. Экологические преступления совершают мужчины в возрасте до 40 лет, со средним образованием, состоящие в браке, ранее привлекавшиеся к административной или уголовной ответственности, проживающие в регионе совершения преступления, по профессиональной принадлежности являющиеся рядовыми работниками предприятия, организации, учреждения, выполняющие технические, технологические и другие обязанности, не состоящие на учете в наркологическом и психиатрическом диспансерах, перед осуществлением противоправного деяния не употребляющие спиртные напитки, физически хорошо развитые, совершающие преступления в группе.

Библиографический список

1. Веденин Н.Н. Экологическое право: учебник. – М.: Право и закон, 2015. – 319 с.

2. Винокуров А.Ю. Экологическое право: пособие для подготовки к экзаменам. – М.: Юрайт, 2016. – 453 с.

3. Горелов А.А. Экология: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2017. – 245 с.

4. Гусев Р.К. Экологическое право: учебное пособие. – М.: Контракт; Инфра-М, 2016. – 243 с.

5. Дубовик О.Л. Экологическое право: учебник для вузов. – М.: ТК «Велби», 2016. – 343 с.

6. Дубовик О.Л. Экологическое право: учебник. – М.: Проспект, 2015. – 456 с.

7. Дубовик О.Л. Экологическое право: элементарный курс. – М.: Юристъ, 2016. – 356 с.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Мерецкий Н.Е.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
Пудовиков А.С.,
кандидат юридических наук;
Жердев П.А.,
кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

Аннотация: в данной статье на основе анализа статистических данных и правоприменительной практики органов внутренних дел Российской Федерации рассматриваются некоторые проблемы, с которыми могут столкнуться органы предварительного следствия и дознания при расследовании преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, а также предлагаются рекомендации по их решению и совершенствованию методики расследования данных преступлений. Авторами обосновывается необходимость обязательного установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования незаконной рубки лесных насаждений.

Ключевые слова: экологические преступления; окружающая среда; последствия; вред; повреждение и уничтожение; расследование; лесные насаждения.

SOME PROBLEMS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF THE ILLEGAL CABIN OF FOREST PLANTINGS

Meretskiy N.E.,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
Pudovikov A.S.,
Candidate of Law;
Zherdev P.A.,
Candidate of Law
(Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: in this article, based on analysis of statistical data and the law enforcement practice of internal Affairs bodies of the Russian Federation, discusses some of the challenges that may encounter the bodies of preliminary investigation and inquiry in the investigation of crimes connected with illegal felling of the forests, and recommendations for resolving them and improving methods of investigation of these crimes. The authors justify the need for mandatory establishment of all circumstances to be established and proved in the process of investigating the illegal felling of forest plantations.

Key words: environmental crime, environment, impact, harm, damage and destruction, investigation; forest plantations.

Анализируя преступления, совершаемые в сфере лесопромышленного комплекса, мы установили, что отсутствует тенденция к их снижению. Так, с 2013 года динамика преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, в Российской Федерации выглядела следующим образом: в 2013 г. было зарегистрировано 14 640 таких деяний, в 2014 г. – 14 834, в 2015 г. – 14 192, в 2016 г. – 11 233, в 2017 г. – 13 685[3]. В Хабаровском крае в 2013 г. их количество составило 391, в 2014 г. – 357, в 2015 г. – 337, в 2016 г. – 374, за 6 мес. 2017 г. – 349[4]. Не вызывает сомнений, что решение обозначенной проблемы требует разработки и внедрения системных мер, к числу которых следует отнести, во-первых, повышение уровня раскрываемости, во-вторых, разработку алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов, в-третьих, качественное использование получаемой первоначальной информации.

В связи с этим оптимизация процесса расследования незаконной рубки лесных насаждений представляет собой одну из приоритетных задач, решаемых правоохранительными органами. Однако следует учитывать, что незаконная рубка лесных насаждений является достаточно сложным по своему юридическому составу преступлением, что зачастую влечет за собой процессуальные ошибки в теории доказывания. Поэтому практическим работникам следует знать не только криминалистическую характеристику преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, но и иметь четкое представление об алгоритмизации процесса расследования, поскольку знание тактических особенностей производства первоначальных следственных действий является отправным источником получаемых сведений для организации работы по делу.

Важность исследуемого вопроса заключается еще и в том, что уровень криминализации в лесной отрасли постоянно повышается, при этом интересы человека и природы не совпадают, а полностью противоречат друг другу. Лесной фонд России необходимо защищать, поэтому он подлежит правовой охране, а за незаконную рубку лесов предусматривается уголовная ответственность [1, с. 38].

Анализ юридической литературы позволяет выделить множество способов совершения незаконной рубки леса, например:

– рубка лесных насаждений без разрешительных документов;

– рубка леса с использованием поддельных документов;

– рубка леса с использованием документов, но в ином месте;

– рубка леса сверхустановленного количества, а также деревьев запрещенных к рубке [2, с. 43-45].

Из приведенного анализа можно заключить, что информация, поступающая в правоохранительные органы о способах незаконной рубки лесных насаждений, имеет первостепенное значение. Нет сомнений, что изучение способа совершения и сокрытия преступления играет доминирующую роль в первоначальный период расследования.

---

[3] Данные Главного информационно-аналитического центра МВД России. В 2013 г. в России было выявлено 14 640 фактов совершения исследуемого преступления. В дальнейшем количество зарегистрированных преступлений данного вида неуклонно росло и к 2014 г. достигло своего пика 14 834 факта.

[4] Данные Информационного центра УМВД России по Хабаровскому краю за 2013-2017 гг.

Проанализировав поступившую информацию и имеющуюся на этот период следственную ситуацию, представляется целесообразным осуществить следующие мероприятия:

1. Изучить поступивший материал, убедиться в наличии в нем протокола осмотра места происшествия, документов, объяснений от потерпевшей стороны и очевидцев, других фактических данных, подтверждающих незаконную рубку лесных насаждений и его полноту, достаточную для принятия решения о наличии или отсутствии состава преступления.

2. Убедиться, что в протоколе осмотра места происшествия, помимо указания в нем номера квартала (по нумерации по картам лесничества), достаточно подробно описано расположение места происшествия относительно автодорог и близлежащих населенных пунктов, водоемов и других постоянных крупных ориентиров. К протоколу осмотра места происшествия обязательно должен быть составлен (прилагается) план-схема. Специалист, используя имеющиеся технические средства, в процессе осмотра места происшествия должен составить акт освидетельствования делянки с указанием в нем количества вырубленных деревьев, рассчитанного по специальной методике, их объем в кубометрах и приобщить его к протоколу осмотра. Если такой возможности нет (большой снежный покров, выжженная или затопленная деляна и т.п.), то в протоколе можно ограничиться указанием размеров вырубленной площади.

Кроме того, необходимо с помощью специалиста по лесной отрасли и материально ответственных лиц с допустимой точностью установить давность совершенной незаконной рубки леса. При осмотре места происшествия выявляются и отражаются в протоколе все следы, которые могут свидетельствовать о способе рубки, применявшихся инструментах, механизмах и транспортных средствах, количестве лиц и т.д. Принимаются меры, если это возможно, к их фиксации, изъятию в соответствии с УПК РФ и приобщению к протоколу осмотра.

3. При незаконных порубках леса запросить в соответствующих органах лесоохраны следующие документы:

- акт осмотра лесосеки в месте незаконной рубки леса с указанием в нем квартала, количества вырубленной древесины и ее вида, сортности, объема и расчета стоимости древесины как оставленной на месте незаконной рубки, так и вывезенной оттуда;
- исковое заявление с обоснованием объявленного иска;
- сведения о работниках органов лесоохраны, лесниках, которые ответственны за сохранность леса;
- сведения о лицах, обнаруживших незаконную порубку леса, с указанием даты порубки и ее выявления;
- материалы ведомственной проверки, если таковая проводилась;
- сведения о лицах и организациях, которым были выписаны лесорубочные билеты для заготовок леса в прилегающих или сравнительно недалеко расположенных от места незаконной порубки леса делянках;
- сведения об имевших ранее место незаконной рубке лесных насаждений, обращениях по этим фактам в правоохранительные органы и о результатах расследований.

4. С учетом полученных при выполнении первоначальных следственных действий данных выдвигаются версии об обстоятельствах совершенного преступления и лицах, их совершивших. Составляется план следственных действий и совместных следственно-оперативных мероприятий. Органу дознания следователем должны быть даны конкретные поручения. При постановке перед органом дознания задач во внимание должны приниматься следующие факты: во-первых, лес является специфическим предметом преступления, во-вторых, для его вырубки, вывозки в значительных объемах необходима специальная лесозаготовительная техника, лесовозы или приспособленные для этого автомашины, в-третьих, для рубки леса, как привило, нанимаются жители близлежащих поселений.

5. Круг свидетелей определяется для каждого конкретного случая, но в обязательном случае по делу должны быть допрошены материально ответственные лица, руководители, члены бригады лесозаготовителей, работники органов лесоохраны и ответственные за лесопользование лица. Допросы необходимо сопровождать составлением схем, поясняющих расположение делянки, складированного на ней и похищенного затем леса, направления следов транспортных средств и т.д.

Для получения достоверной информации (доказательств) следователю необходимо, во-первых, направить запрос в ГИБДД, в котором указать соответствующее время совершения преступления, одновременно проверяя на постах ГИБДД зафиксированную информацию о движении транспортных средств, во-вторых, исследовать сведения, поступающие из дежурной части по направленным ориентировкам преступников и транспортных средств, перевозивших лес, в-третьих, при задержании подозреваемого в незаконной рубке лесных насаждений провести допрос, в процессе которого выяснить обстоятельства совершенного преступления с максимальной детализацией всех имеющихся фактов. При даче им признательных показаний следует провести с его участием по правилам, предусмотренным УПК РФ, следственный эксперимент или осмотр места происшествия (в зависимости от поставленных целей, приглашая разных понятых) и другие следственные действия [3, с. 152-164].

Определенную сложность вызывают проведение осмотра места происшествия и проверка показаний на месте, где производились незаконные рубки с участием нескольких подозреваемых. Для выполнения указанных следственных действий требуется заранее подготовить несколько (по количеству подозреваемых и незаконных порубок) однотипных схем расположения участков леса, где были произведены незаконные рубки (такие схемы можно получить в органах лесоохраны). Составление протокола осмотра места происшествия необходимо в обязательном порядке сопровождать заполнением схемы с указанием в ней расположения делянки, складирования вырубленного леса, пути следования транспортного средства, вывозившего лес. Не терпят отлагательства и другие следственные действия, в том числе связанные с осмотром техники, применявшейся для совершения преступления, мест сокрытия похищенного, с его изъятием, с принятием мер по обеспечению возмещения причиненного ущерба, с допросами свидетелей.

В заключение следует отметить, что производство следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых в сфере лесопромышленного комплекса, имеет определенные трудности, связанные не только с получением достоверной информации о незаконной рубке лесных насаждений, субъекте, но и с осмотром лесных делян, где она осуществлялась.

Библиографический список

1. Конфоркин И.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: монография. – М., 2012.
2. Шубин Ю.П. К вопросу о дефиниции термина «Незаконная рубка» // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2.
3. Шурухнов Н.Г. Правовой статус понятых в законодательстве России / 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: материалы международной научно-практической конференции. – М., 2014. Ч. 1.

УДК 343.985

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Голубятников С.П.,
доктор юридических наук, профессор;
Воронов С.С.,
кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России)

Аннотация: в статье раскрываются проблемные аспекты правового статуса специалистов-ревизоров отделов (отделений) документальных исследований, описываются особенности экспертных исследований, проводимых специалистами-ревизорами по уголовным делам экономической направленности, затрагиваются вопросы соотношения ревизионной деятельности и деятельности специалиста-экономиста, привлекаемого к расследованию уголовного дела.

Ключевые слова: специалист-ревизор, исследование документов, судебная экономическая экспертиза, ревизионная деятельность, специалист-экономист, специальные экономические знания.

ACTUAL PROBLEMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN SOLVING CRIMES OF ECONOMIC ORIENTATION

Golubyatnikov S.P.,
Doctor of Law, Professor;
Voronov S.S.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article reveals the problematic aspects of the legal status of specialists-auditors of departments (offices) of documentary researches, describes features of the expert researches conducted by specialists-auditors on criminal cases of an economic orientation, touches upon the issues of correlation of audit activity and activity of the specialist-economist involved in investigation of criminal case.

Key words: specialist-auditor, document examination, forensic economic expertise, audit, specialist-economist, special economic knowledge.

Одной из главных проблем сегодня остаётся **неопределённость правового статуса специалистов-ревизоров** отделов (отделений) документальных исследований подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) органов внутренних дел.

В настоящее время отсутствуют нормативные правовые акты, которые бы детально регламентировали их оперативно-служебную деятельность, в том числе содержали положения по её оценке. Более того, само наименование должности «специалист-ревизор» вызывает большое количество вопросов, поскольку его нельзя считать специалистом с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, он не проводит ревизии.

Специалист-ревизор в рамках осуществления оперативно-разыскной деятельности выполняет функцию специалиста, осуществляющего исследование документальных данных. Специалисты-ревизоры, исходя из содержания их профессиональной подготовки и полученной квалификации, выполняют функцию именно ревизоров, а не оперативных уполномоченных. Их роль – не подменять собой оперативного уполномоченного, а оказывать содействие в поиске и закреплении доказательственной информации.

Такое содействие, бесспорно, необходимо, потому что в противном случае существует опасность того, что наличие пробелов в специальных экономических знаниях самого оперативного уполномоченного, а иногда и их отсутствие приведёт к ошибкам в сборе доказательств по делу и в итоге – к отрицательному результату оперативно-служебной деятельности.

Существует такая категория дел, по которой основная доказательственная база в большей степени формируется специалистами-ревизорами. К подобным делам следует отнести, например, незаконное получение кредита, где основным способом совершения является представление в кредитную организацию подложной финансовой отчётности, а методика выявления заключается в проведении встречной проверки со вторым экземпляром финансовой отчётности, хранящейся в ИФНС РФ. В данном случае сбор доказательственной базы происхо-

дит без привлечения негласного аппарата и проведения оперативно-технических мероприятий.

Таким образом, на наш взгляд, такая форма применения специальных экономических знаний, как исследование документов, проводимое специалистами-ревизорами, представляется наиболее экономически выгодной для выполнения задач оперативно-разыскной деятельности по поиску, выявлению и предупреждению преступлений экономической направленности.

Между тем проблемным аспектом деятельности специалистов-ревизоров отделов (отделений) документальных исследований подразделений ЭБиПК остаётся её соотношение с ревизионной деятельностью.

Включение законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ такой формы проверки сообщений о преступлении, как исследование документов, фактически снова привело к смешению понятий ревизии и исследования документов.

Таким образом, законодатель подразумевает, что оперативный сотрудник как представитель органа дознания или следователь вправе обращаться к соответствующим специалистам, которые и будут проводить исследование документов в рамках материала проверки. В ряде поручений о проведении исследований, оформленных следователем, и вовсе содержится требование проведения ревизий, что еще раз подчеркивает замеченное смешение форм использования специальных экономических знаний.

В литературе можно встретить следующее описание общих черт между ревизией и исследованием документов: «в первую очередь это относится к выбору времени назначения такого исследования. Здесь полностью сохраняет свое значение главнейшее требование, выработанное в практике органов внутренних дел в отношении ревизий, организуемых в целях легализации материалов оперативно-разыскной деятельности. До официального изъятия документов и направления их на исследование оперативный работник должен определить, какие обстоятельства уголовного дела могут быть установлены на основе исследования документов и какие обстоятельства должны быть предварительно закреплены оперативно-процедурным путем. По делам об организованных экономических и налоговых преступлениях нарушения этого правила практически всегда приводят к провалу в оперативной работе. Чертами сходства обладает также и содержание деятельности самих специалистов. По отдельным категориям дел такое содержание практически идентично. В том и другом случае исследованию подвергают одни и те же комплексы документов; на основе исследования документов устанавливают факты, относящиеся к одним и тем же обстоятельствам уголовного дела и т.п.» [1, с. 308-309].

В дополнение к сказанному следует отметить, что специалисты-ревизоры при проведении исследования документов используют методы документальной проверки, заимствованные из ревизионной практики. Речь идёт о таких общеизвестных методах, как формальная проверка, нормативная проверка, арифметическая проверка, встречная проверка документов, взаимный контроль документов, хронологический и сравнительный анализ, что ещё раз подчёркивает взаимосвязь исследования документов и ревизии.

Таким образом, хотя формально специалисты-ревизоры и не проводят ревизии, но исходя из объектов исследования, задач исследования и методов исследования, по сути, выполняют ревизионную работу. Результаты такой работы, как и результаты ревизии, ложатся в основу принятия решения о возбуждении уголовного дела по делам о преступлениях экономической направленности. В силу сказанного использование в наименовании должности рассматриваемой категории сотрудников подразделений ЭБиПК слова «ревизор» является оправданным.

Данная позиция нашла подтверждение в приказе ГУЭБиПК МВД России от 11 декабря 2017 г. № 915, который установил наименование самого подразделения как «отдел документальных исследований», а должности сотрудников ГУЭБиПК МВД России – «эксперт-ревизор», в территориальных органах внутренних дел должности по-прежнему звучит как «специалист-ревизор».

Одной из наиболее актуальных проблем деятельности отделов (отделений) документальных исследований является **проведение специалистами-ревизорами подразделений ЭБиПК судебных экспертиз** по уголовным делам о преступлениях экономической направленности.

Для этого следователь, расследующий дело, выносит два постановления. Первое постановление – о признании физического лица (занимающего должность специалиста-ревизора) экспертом в силу того, что он обладает специальными экономическими знаниями, достаточными для проведения экспертного исследования. Второе постановление – о назначении экспертизы и направлении её конкретному эксперту. В этом случае судебная экспертиза проводится специалистом-ревизором не в рамках выполнения должностных обязанностей, а в статусе физического лица, обладающего специальными знаниями, и на основании Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

Следователи предпочитают привлекать для проведения экспертных исследований именно специалистов-ревизоров по нескольким причинам.

Одной из них является то, что специалисты-ревизоры более свободны в методике проведения исследования. Например, перечень вопросов, которые следователь может поставить перед экспертом, чётко регламентирован методическими рекомендациями экспертно-криминалистического центра (далее – ЭКЦ) МВД России. Вместе с тем перед специалистом-ревизором следователь может поставить любой вопрос, ответ на который, с его точки зрения, будет способствовать установлению истины по уголовному делу.

В качестве другой причины следует указать высокую оперативность экспертных исследований, проводимых специалистами-ревизорами. Ситуацию усугубляют многомесячные очереди на проведение исследований в экспертно-криминалистических подразделениях (далее – ЭКП) органов внутренних дел. Другими словами, привлечение специалиста-ревизора в качестве эксперта для проведения исследования по уголовному делу – это вынужденная мера следственных органов, вызванная необходимостью сокращения времени на проведение предварительного расследования по делу.

Кроме того, если при расследовании уголовного дела требуется провести исследование по вопросам правильности исчисления и уплаты налогов и сборов, то следователь просто вынужден обращаться к специалистам-ревизорам, поскольку эксперты ЭКП органов внутренних дел не имеют допусков на право проведения налоговой экспертизы.

Ну, и наконец, хотя формально российская правовая система правовой прецедент в качестве формы права не признаёт, факт принятия судами заключения по результатам исследования, которое провёл специалист-ревизор в статусе эксперта, в качестве доказательства по уголовному делу подстёгивает следователей продолжать практику назначения экспертиз, проводимых специалистами-ревизорами.

В силу перечисленных причин в литературе даже высказывается мнение о возможном присоединении отделов (отделений) документальных исследований к ЭКП органов внутренних дел.

В качестве отдельного аргумента, формулируемого в поддержку такого управленческого решения, называется некая зависимость, существующая между оперативным сотрудником и специалистом-ревизором, представляющими одно и то же штатное формирование – подразделение ЭБиПК территориального органа внутренних дел. В такой ситуации говорить об объективности (с точки зрения состязательности уголовного процесса) проводимого экспертного исследования не приходится, ведь результаты деятельности оперативного сотрудника практически напрямую зависят от результатов деятельности специалиста-ревизора.

Вместе с тем присоединение отделов (отделений) документальных исследований к ЭКП органов внутренних дел позволит нивелировать эту зависимость и повысить степень объективности проводимых экспертных исследований.

На наш взгляд, идея описанного присоединения выглядит несостоятельной по нескольким основаниям. Во-первых, серьёзно пострадает оперативность проведения проверочных мероприятий. Процедурные аспекты обращения оперативного сотрудника ЭБиПК в экспертно-криминалистические подразделения ОВД с запросом о проведении исследования документов сулят существенную затяжку во времени проведения проверки.

Во-вторых, произойдет, по сути, смешение разных стадий привлечения лица к уголовной ответственности: стадии оперативно-разыскной деятельности и стадии расследования в рамках возбужденного уголовного дела. Если позволить себе образное сравнение, то произойдёт объединение оперативного сотрудника и следователя в единого субъекта деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, что представляется нецелесообразным.

В-третьих, одним из существенных отличий между деятельностью эксперта и деятельностью ревизора является наличие процессуальной регламентации. Деятельность эксперта-экономиста чётко регламентируется УПК РФ, деятельность специалиста-ревизора УПК РФ не регламентируется и не должна регламентироваться.

Однозначная позиция руководства МВД России заключается в том, что экспертизы должны проводиться только экспертами ЭКП ОВД.

Не стоит забывать и о методических отличиях, существующих между ревизией и судебной экономической экспертизой. Остановимся на наиболее существенных из них.

Первое методическое отличие – по содержанию деятельности. Ревизор проверяет всю финансово-хозяйственную деятельность организации за определённый период времени. Эксперт исследует только те хозяйственные операции, которые стали объектом внимания следователя или суда и относительно которых ему задаются вопросы.

Другое методическое отличие касается объектов исследования. Ревизор самостоятельно отбирает необходимые ему для исследования документы. Эксперт исследует только те документы, которые ему предоставил следователь или суд. При недостаточности документов эксперт вправе обратиться с ходатайством к следователю о предоставлении дополнительных документов, но самостоятельно получать такие документы не вправе.

Ещё одно методическое отличие заключается в методах исследования. Эксперт при проведении исследования не вправе применять методы фактической проверки. Ревизор может самостоятельно применять методы фактической проверки документальных данных.

Ещё одной довольно существенной проблемой является **подготовка специалистами-ревизорами заключения специалиста** с опорой на ст. 58 УПК РФ. При этом следователь выносит постановление на проведение исследования документов, результаты которого оформляются заключением специалиста.

Данная позиция представляется нам ошибочной в силу того, что между документальной ревизией и деятельностью специалиста-экономиста имеются существенные отличия. Остановимся на некоторых из них.

Главное отличие имеет процессуальный характер. Деятельность специалиста-экономиста регламентируется УПК РФ. В то же время деятельность ревизора УПК РФ не регламентируется.

Не менее важным представляется и методическое отличие. Ревизор проводит исследование учётной документации, специалист-экономист такое исследование проводить не вправе. Данная точка зрения изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которому «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза» [2].

Исходя из определения, изложенного в ст. 58 УПК РФ, можно утверждать, что специалист-экономист является лицом, обладающим специальными экономическими знаниями, привлекаемым для содействия в обнаружении и изъятии документов бухгалтерского или налогового учёта, для постановки вопросов эксперту-бухгалтеру, а также для оказания консультационной помощи следствию и суду.

Так, специалист-экономист при проведении обысков, выемок, обследований может способствовать определению тех документов бухгалтерского, налогового и других видов учёта, которые необходимо изъять и впоследствии исследовать для доказывания фактов противоправной деятельности подозреваемого. Важность данного содействия определяется тем, что некоторые учётные документы могут не попасть в поле зрения следователя или оперативного оперуполномоченного, поскольку последние не обладают специальными экономическими знаниями. Ошибки при определении количества и видов изымаемых документов могут привести к утрате учётных документов, имеющих доказательственное значение по расследуемому уголовному делу.

Также специалист-экономист может помочь правильно сформулировать вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта-бухгалтера. Кроме того, специалист-экономист может принимать участие и в проведении оперативных мероприятий, в ходе которых вправе оказывать консультационную помощь оперативным уполномоченным ЭБиПК, давать разъяснения по вопросам, относящимся к его компетенции. Так, например, специалист-экономист может оказать содействие при определении рыночной стоимости имущества, подлежащего аресту, в целях обеспечения возмещения ущерба по уголовному делу.

Вместе с тем, как уже было указано выше, специалист-экономист не проводит исследование учётных документов и не формулирует выводы. Поэтому попытки некоторых следователей придать справке об исследовании документов, проведённому специалистом-ревизором ЭБиПК, статус заключения специалиста противоречат действующему уголовно-процессуальному законодательству. Проведение исследования учётных документов возможно только в рамках экономической экспертизы либо оперативно-разыскного мероприятия, имеющего аналогичное название.

Библиографический список

1. Судебная бухгалтерия: курс лекций. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – 353 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. 2010. 30 декабря.

УДК 343.144

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РАЗБОЕВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Головин А.Ю.,
доктор юридических наук;
Берестнев М.А.,
кандидат юридических наук, доцент
(Тульский государственный университет)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности допроса подозреваемых (обвиняемых) при расследовании разбоев, совершенных организованными преступными группами.
Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, разбой, организованная преступная группа.

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION OF SUSPECTS (ACCUSED) IN THE INVESTIGATION OF ROBBERIES COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Golovin A.Yu.,
Doctor of Law;
Berestnev M.A.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Tula State University)

Abstract: the article deals with the peculiarities of interrogation of suspects (accused) in the investigation of robberies committed by organized criminal groups.
Key words: fuel suspect, accused, robbery, organized criminal group.

Допрос является следственным действием, цель которого состоит в получении и фиксации в установленном уголовно-процессуальным законом порядке показаний от допрашиваемых лиц о любых обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела. Еще И.Н. Якимов отмечал, что «само ведение допроса есть искусство, и притом в высокой степени обусловленное качествами лица, производящего допрос» [1, с. 307].

В криминалистической литературе тактике проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) уделяется повышенное внимание [2, 3, 4]. Это следственное действие является одним из основных источников получения вербальной информации о совершенных или готовящихся разбойных нападениях, всех эпизодах преступной деятельности организованной преступной группы, роли (по-

ложении) допрашиваемого лица в составе ОПГ, личности и роли иных членов ОПГ в деятельности группы и совершении нападений и т.д.

При допросе подозреваемого (обвиняемого) следователь должен действовать исходя из факторов, влияющих на выбор тактических приемов и определения круга вопросов, подлежащих выяснению. К таким факторам в первую очередь относятся сложившаяся на момент принятия решения о проведении допроса следственная ситуация, а также уже собранная по делу доказательственная и иная криминалистически значимая информация, особенности личности допрашиваемого, наличие или отсутствие ситуации противодействия расследованию.

Следует помнить, что в процессе допроса подозреваемого (обвиняемого) по рассматриваемой категории дел перед следователем одновременно стоит несколько взаимосвязанных тактических задач:

- установление (подтверждение) факта существования организованной преступной группы (банды), длительности ее функционирования и особенностей формирования, численности и состава ОПГ, статуса и роли отдельных ее членов, особенности их взаимодействия между собой, личности каждого члена ОПГ;

- установление всех эпизодов разбойных нападений и иных преступных деяний, совершенных ОПГ или отдельными ее членами, обстоятельств их совершения;

- получение сведений, характеризующих личность допрашиваемого;

- установление роли (статуса) допрашиваемого в составе ОПГ, его действий при совершении каждого из нападений и иных преступлений;

- получение показаний об иных обстоятельствах расследуемых деяний.

Комплексное решение названных задач предполагает тщательную подготовку к проведению допроса, предполагающую в первую очередь квалифицированную оценку сложившейся на момент принятия решения о проведении допроса следственной ситуации. Наибольшую сложность имеет допрос в конфликтной ситуации, который справедливо признается учеными-криминалистами одним из наиболее сложных в тактическом плане следственных действий, характеризующимся элементами соперничества и противодействия следователя и допрашиваемого, когда участники не только объективно стремятся к противоположным целям, но и учитывают действия противной стороны, создавая взаимные трудности и помехи [5, с. 63].

Конфликтная ситуация может выражаться в полном отказе подозреваемого (обвиняемого) давать показания, даче им полностью ложных показаний, либо показаний, имеющих характер частичной лжи. Последняя ситуация по рассматриваемой категории дел имеет место в случаях, когда задержанные отдельные члены преступной группы, не отрицая свое участие в совершении одного или нескольких разбойных нападений, отказываются от дачи показаний (дают ложные показания) в отношении иных членов ОПГ, своем участии в иных эпизодах преступной деятельности и т.д. При этом, находясь под воздействием со стороны иных членов ОПГ или по иным мотивам, допрашиваемый может давать ложные показания относительно своей роли в организованной преступной группе, совершении отдельных разбойных нападений, брать основную вину на себя.

В этой связи уже на стадии подготовки к допросу следователь изучает весь комплекс имеющейся в его распоряжении доказательственной и иной криминалистически значимой информации об обстоятельствах расследуемых деяний, особенностях структуры и функционирования ОПГ, членом которой является допрашиваемый, его статусе в этой группе, фактах нахождения под влиянием иных ее членов. Тщательное изучение исходной информации по делу позволяет следователю ориентироваться в ходе допроса по каждому конкретному эпизоду преступной деятельности, определить круг обстоятельств, по которым необходимо получить показания, и последовательность допроса, в связи с чем позитивную роль сыграет его планирование.

При подготовке к допросу особое внимание необходимо уделять информации о личности подозреваемого. Сведения, характеризующие личность преступников, могут быть получены в ходе допросов контактирующих с ними лиц. В качестве таковых обычно выступают родственники, сослуживцы, знакомые и т.д. Особый интерес представляют лица, с которыми в последнее время подозреваемый (обвиняемый) не поддерживает общения, поскольку они могут обладать наибольшей объективностью. Ценная информация может быть получена в результате анализа таких признаков преступления как способ и мотивы преступных действий, позволяющих составить представление о чертах характера и профессиональных навыках и умениях допрашиваемого.

В ходе производства допроса следователю необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности личности допрашиваемого, следить за его поведением и реакциями, отображать собственное поведение и нейтрализовывать свои отрицательные качества, преследовать цель допроса и гибко реагировать на изменяющуюся ситуацию. Применительно к психологической стороне допроса необходимо отметить, что она характеризуется двумя противоречивыми тенденциями, которые состоят в следующем: «с одной стороны, обвиняемый стремится к общению, чтобы получить от следователя определенную информацию; кроме того, он сознает, что именно от следователя зависит его судьба. С другой стороны, он боится этого общения, стремится избежать его, так как прекрасно сознает, что следователь будет воздействовать на него таким образом, чтобы получить признание в совершенном преступлении» [6, с. 297].

В ходе допросов членов преступной группы необходимо выяснить, кто организовал формирование, предложил совершить преступление, каковы были дальнейшие действия каждого, кто именно осуществлял подготовку, совершение и сокрытие противоправного деяния.

В криминалистической литературе справедливо отмечается, что в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, не ограничиваясь показаниями лиц, совершивших преступление, следует оперативно решать организационные вопросы по закреплению показания путем проведения различных следственных действий, чтобы в случае изменения позиции соучастников вина их тем не менее была доказана [7, с. 348]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, предполагает необходимость организации и проведения специальной тактической операции, направленной на обеспечение получения правдивых показаний членов ОПГ и незамедлительной про-

верки и подтверждения результатами иных следственных действий (допросы потерпевших и свидетелей, обыски, выемки, проверки показаний на месте, назначение экспертиз и пр.). Получение и проверка показаний о лидере (организаторе) преступной группы также может войти составным элементом в соответствующую тактическую операцию.

Кроме того, в ходе допросов подозреваемых (обвиняемых) по делам о разбойных нападениях необходимо ставить вопросы, направленные на проверку возможной причастности допрашиваемого и ОПГ, в которую он входит, к совершению иных аналогичных преступлений, в том числе в других регионах страны, фактам сбыта похищенного имущества, торговле оружием и пр.

Допрос подозреваемого, отрицающего свою причастность к преступлению, требует от следователя особого подхода в использовании тактических приемов. В начале допроса необходимо зафиксировать любую информацию относительно его места пребывания в период, предшествующий совершению преступления, в момент события и после него. В процессе допроса подозреваемых (обвиняемых) по рассматриваемым делам редко приносит результаты использование положительных качеств допрашиваемого, однако это не означает, что данный тактический прием не должен применяться. Использование положительных качеств допрашиваемого лица может дать ощутимые результаты, когда применяется в комплексе с другими тактическими приемами, такими как детализация показаний, «допущение легенды», предъявление доказательств.

В связи с распространенностью дачи заведомо ложных показаний по рассматриваемой категории дел ключевое значение приобретает грамотное использование следователем или оперативными работниками конфликтных ситуаций в организованной преступной группе (банде). В криминалистической литературе неоднократно отмечалась возможность применения в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, приема «разжигание конфликта», направленного на разрушение единства и сплоченности организованного преступного формирования, взаимосвязей и взаимозависимостей их членов перед друг другом. Необходимо отметить, что отношение ученых-криминалистов к использованию подобного тактического приема не всегда было однозначным. По мнению ряда авторов, использование такого приема, как «разжигание конфликта» в ходе расследования недопустимо [8, с. 54; 9, с. 35; 10, с. 66]. Другие ученые считают, что его использование в расследовании преступлений, совершенных преступными группами, возможно и, более того, эффективно [11, с. 42; 12, с. 76; 13, с. 45].

Представляется, что реализация названного тактического приема на сегодняшний день не только отвечает требованиям законности, но и полностью вписывается в общую систему мер борьбы с организованной преступностью в стране. В этой связи, основываясь на представленных в криминалистической литературе рекомендациях (Н.П. Яблоков, В.М. Быков, В.К. Гавло, Я.М. Мазунин, В.В. Голодилов и др.), назовем ряд рекомендаций по использованию рассматриваемого тактического приема в конфликтных ситуациях допроса членов организованных преступных групп по делам о разбойных нападениях.

Для того чтобы внести сомнения в преступную группу и усилить имеющиеся конфликты исходя из сложившейся обстановки расследования правильным будет избрать в отношении установленных членов ОПГ различные меры пресечения. Подобные действия органов расследования дадут основания лицам, в отношении которых избрана более строгая мера пресечения, подозревать в сотрудничестве со следствием соучастника, в отношении которого избрана более мягкая мера. Такие подозрения, как правило, вносят определенный раскол в преступную группу и, как следствие, ведут к смене или корректировке ранее данных показаний подозреваемым (обвиняемым). Также в определенных ситуациях целесообразно одному из соучастников, в отношении которого избирается мера пресечения в виде содержания под стражей, раскрыть информацию об изменении другому соучастнику этой же меры пресечения, например, на подписку о невыезде. Такие действия дадут основания допрашиваемому лицу предположить, что другой соучастник дал признательные показания относительно деятельности ОПГ, а, следовательно, усомниться в необходимости собственного запирательства, прийти к выводу о бессмысленности «выгораживания» соучастников, в том числе организатора и руководителя, и в итоге способствовать эффективности последующего допроса и получению правдивых показаний.

В создании атмосферы недоверия принципиальным моментом является изоляция соучастников друг от друга, в том числе заключенных под стражу (в последнем случае важна оперативная работа в следственных изоляторах, меры по пресечению межкамерных переписок и пр.). Оставление соучастников в неведении о поведении друг друга на предварительном следствии приводит к появлению у них взаимных сомнений относительно соблюдения выработанной до задержания членов ОПГ общей тактики поведения. Пребывая в изоляции, отдельные члены преступной группы испытывают страх понести наказание в одиночестве за совершенное разбойное нападение. При проведении допросов члена преступной группы следователю рекомендуется разъяснить допрашиваемому, что гораздо целесообразнее дать правдивые показания самому, нежели за него это сделают другие соучастники и переложат часть своей вины на него.

В преодолении конфликтной ситуации при допросе подозреваемого (обвиняемого), особенно в случаях отказа допрашиваемого от дачи показаний, положительный эффект может дать использование такого тактического приема, как создание преувеличенного представления об осведомленности следователя, наличии достаточной доказательственной базы, изобличающей данное лицо.

В случае задержания всех членов преступной группы важную роль играет определение очередности допроса задержанных лиц. Ответить на вопрос, кого из соучастников целесообразно допросить первым, поможет «имеющаяся о каждом из них оперативно-разыскная и следственная информация» [14, с. 136] относительно особенностей характера подозреваемых, наличии судимостей, степени доказанности в совершении преступления, роли подозреваемого в совершении преступления и т.д. Представляется, что в первую очередь следует допрашивать рядовых членов ОПГ, обладающих менее сильными волевыми качествами, лиц, чья роль в совершении разбойных нападений второстепенна, лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, а также лиц, ви-

новность которых подтверждается большим объемом доказательств, поскольку их легче убедить в тщетности дальнейшего запирательства.

Признательные показания, полученные при допросе подозреваемых и обвиняемых, могут быть изменены впоследствии, в том числе с мотивировкой об оказании на них со стороны следователя, сотрудников органов дознания различного воздействия (психологического, физического). В связи с этим ход допроса членов организованной преступной группы, а также потерпевших и ключевых свидетелей по рассматриваемой категории уголовных дел рекомендуется фиксировать с помощью видеозаписи, приобщаемой к протоколу допроса. Наличие такой видеозаписи делает очевидным отсутствие фактов физического или иного воздействия на допрашиваемого в ходе следственного действия.

В ситуациях дачи членом ОПГ правдивых показаний следователю целесообразно обеспечить участие защитника допрашиваемого лица в допросе. На практике встречаются ситуации, когда члены преступных групп отказываются в суде подтвердить свои показания, данные на допросе в отсутствие защитника, что в соответствии с ч. 2 ст. 75 УПК РФ делает их недопустимыми доказательствами.

Библиографический список

1. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – М., 1929.
2. Кулагин Н.И., Порубов Н.И. Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации. – Минск, 1977.
3. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии. – М., 1998.
4. Кривошеин И.Т. Теоретические и практические проблемы допроса обвиняемого. – Томск, 2001.
5. Баев О.Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1984. – 132 с.
6. Дулов А.В. Судебная психология: учебное пособие. – Минск,1975.
7. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. … канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005.
8. Селиванов Н.А. Этико-тактические вопросы расследования / Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 38. – М., 1983.
9. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. – М., 1980.
10. Якушин С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. – Казань, 1983.
11. Быков В.М. Особенности расследования групповых преступлений. – Ташкент, 1986.
12. Мазунин Я.М. Установление участников организованного формирования и тактические основы допроса на стадии предварительного следствия. – Омск, 2003.
13. Токарева М.Е, Боголюбова Т.А. Актуальные проблемы расследования групповых преступлений / Вопросы совершенствования предварительного следствия. – М., 1983.
14. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М., 2002.

УДК 343.985.2

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Беляков А.А.,
доктор юридических наук, профессор;
Хамидуллин Р.С.
(Уральский государственный юридический университет)

Аннотация: в статье рассматриваются тактические особенности производства следственных действий при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Предлагаются тактические рекомендации по получению достоверной информации от подозреваемого (обвиняемого) и обеспечения его безопасности.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, досудебное соглашение о сотрудничестве, криминалистическая тактика.

TACTICAL SUPPORT FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Belyakov A.A.,
Doctor of Law, Professor;
Khamidullin R.S.
(Ural State Law University)

Abstract: In the article, tactical features of investigative actions are considered when concluding a pre-trial cooperation agreement with a suspect (accused). Tactical recommendations are offered on purpose for obtaining reliable information from the suspect (accused) and ensuring his safety.

Key words: forensic support, pre-trial cooperation agreement, criminalistic tactics.

Значение примирительных процедур в процессе раскрытия и расследования преступлений трудно переоценить, однако эффективная реализация положений уголовно-процессуального законодательства невозможна без использования криминалистических рекомендаций. В силу того, что наиболее распространённый вид примирительных процедур – заключение с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве – может применяться при расследовании самых разных преступлений, и поскольку заключение такого соглашения не входит в круг прямых обязанностей участников уголовного процесса, особое значение приобретает тактико-криминалистическое обеспечение деятельности следователя в таких ситуациях.

Именно от использования следователем тактических рекомендаций с учетом сложившейся следственной ситуации во многом зависит соблюдение участниками досудебного соглашения о сотрудничестве его условий и эффективность его применения. В случае избрания неверного направления расследования или несоблюдения тактических рекомендаций по производству отдельных следственных действий следователь может столкнуться с различными трудностями проблемно-конфликтного характера: к примеру, введением следователя в заблуждение или даже риском здоровьем или жизнью подозреваемого или обвиняемого. Подобные ситуации вполне могут быть предотвращены путём внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений тактических рекомендаций, направленных на эффективное производство следственных действий при заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно проведенному анкетированию 31,6% следователей считают допрос подозреваемых и обвиняемых наиболее сложным следственным действием при заключении с ними досудебного соглашения о сотрудничестве. Следом за допросом по степени сложности располагаются очная ставка (25,5%), предъявление для опознания (15,6%) и проверка показаний на месте (14%). В настоящей статье мы кратко рассмотрим некоторые тактические особенности производства указанных следственных действий при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым.

Допрос, по очевидным причинам, является наиболее сложным следственным действием в рассматриваемой ситуации. Во многом это обусловлено тем, что именно при допросе подозреваемого (обвиняемого) происходит коммуникация между ним и следователем. На наш взгляд, несмотря на то, что инициатива при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве принадлежит подозреваемому или обвиняемому, именно следователь может и должен оценить вероятность заключения такого соглашения и, в случае положительного решения, объяснить его сущность допрашиваемому лицу. Разумеется, совершенно недопустимо предлагать такой вариант абсолютно всем допрашиваемым, однако в случае расследования преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы, это может быть вполне эффективным тактическим и процессуальным средством в арсенале следователя.

В зависимости от этапа расследования и сложившейся следственной ситуации следует рассматривать тактику допроса подозреваемого (обвиняемого), с которым уже заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и допрос подозреваемого (обвиняемого), с которым только возможно заключение такого соглашения.

В первом случае целью допроса является получение максимально полного объема информации от лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве. Здесь также имеется необходимость в проверке достоверности полученных сведений.

Во втором случае тактическими задачами следователя являются установление факта информированности допрашиваемого о неустановленных обстоятельствах уголовного дела; создание условий для того, чтобы подозреваемый

(обвиняемый) добровольно заявил ходатайство о заключении соглашения, и затем получение от него необходимых сведений и проверка их достоверности.

В обоих случаях важной целью допроса также является установление ролевых функций как допрашиваемого лица, так и иных членов преступной группы. Согласно исследованию, проведённому Я.М. Мазуниным, лишь в 21,4% уголовных дел, в которых усматривается организаторская деятельность конкретных лиц, они были привлечены к ответственности как организаторы [1, с. 26].

Общим для обеих ситуаций является то, что для того, чтобы обеспечить результативность допроса, следователь должен установить и поддерживать психологический контакт с допрашиваемым.

А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева и Н.А. Якубович рассматривают психологический контакт в качестве тактического приема, «являющегося предпосылкой для получения правдивых показаний» [2, с. 155]. Л.Л. Каневский отмечал: «психологический контакт – это состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [3, с. 16]. Таким образом, психологический контакт – это такой уровень взаимоотношений на допросе, при котором участвующие в нем лица готовы (могут и желают) воспринимать исходящую друг от друга информацию.

В целях поддержания психологического контакта в случаях, когда допрашиваемый сообщает заведомо ложные сведения, их следует воспринимать спокойно, не проявлять недоверие, избегать скепсиса и насмешек, не прерывать допрашиваемого. В противном случае это может привести к утрате психологического контакта и, возможно, уот дачи дальнейших показаний. Однако если допрашиваемый смещается от предмета допроса, следует напомнить ему о необходимости давать показания по существу дела.

Наибольшую значимость при допросе подозреваемого (обвиняемого) при заключении с ним досудебного сотрудничества имеют следующие тактические приемы.

Оставление допрашиваемого лица в некоем непонимании об объеме доказательственной информации, которой владеет следователь. Данный приём особо ценен тем, что с его использованием снижается ценность собственных показаний с точки зрения подозреваемого (обвиняемого), и тем самым упрощается процесс его убеждения в необходимости сотрудничества со следствием.

Демонстрация в ходе допроса осведомленности следователя. Осведомленность может демонстрироваться в отношении: личности и биографии допрашиваемого, его занятий, межличностных отношений, неблаговидных поступков, характера конфликта между участниками отношений.

Допущение легенды. Допрашиваемому дается возможность изложить свою точку зрения, позицию и аргументацию, содержащую заведомо ложные сведения. В этом случае необходимо знакомить допрашиваемого с протоколом допроса после завершения определенного этапа свободного рассказа или после ответа на каждый вопрос и предлагать ему подписать соответствующую часть протокола. После завершения использования данного приема используются приемы активного изобличения допрашиваемого. Следует учитывать, что дан-

ный тактический прием возможен лишь на стадии убеждения допрашиваемого в целесообразности сотрудничества со следствием, поскольку в дальнейшем предполагается, что допрашиваемый должен сообщать правдивые сведения.

Выяснение контрольных данных, позволяющих проверить сообщаемые сведения путем постановки контрольных и детализирующих вопросов.

Применение звуко- и видеозаписи, помогающей не только опровергнуть возможное последующее заявление о неправильности протоколирования показаний, но и оказывающей сдерживающее влияние при появлении установки на отказ от правдивых показаний или на их изменение.

Использование отдельных личностных свойств допрашиваемого: склонности к меланхолическим переживаниям, вспыльчивости, скептицизму, тщеславию и т.п. Использование указанных качеств в отдельных случаях позволяет получить при допросе правдивые показания, т.к. в запальчивости и гневе допрашиваемый может порой рассказать то, что не сообщил бы в обычном состоянии.

Также существует комплекс приемов и способов, связанных с созданием в кабинете следователя определенной окружающей обстановки, позволяющей рассеять внимание допрашиваемого и снизить его концентрацию в тех случаях, когда он действительно виновен в совершении преступления, путем размещения как элементов обстановки различных предметов с точки зрения восприятия допрашиваемого имеющих отношение к делу ценностей, оружия, похожих на похищенные; аналогов упаковки, в которой хранились ценности или оружие; гипсовых слепков следов обуви; иных вещественных доказательств и т.д.

Очная ставка может быть крайне эффективным средством проверки показаний, полученных в результате заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, однако при этом данное следственное действие обладает высокой рискованностью: вследствие психологического воздействия второго участника очной ставки лицо, с которым заключено соглашение, может отказаться от ранее данных показаний или изменить их. В целях минимизации тактического риска и получения достоверных сведений следует соблюдать следующие тактические рекомендации.

Во-первых, очные ставки в случае их необходимости могут производиться как до заключения соглашения о сотрудничестве и выступать исходной точкой для принятия этого процессуального решения (это нам представляется предпочтительным), так и после заключения соглашения, позволяя в этом случае подозреваемому (обвиняемому) выполнить принятые на себя обязательства.

Во-вторых, проведение очных ставок в подобной ситуации возможно лишь при условии, что подозреваемый (обвиняемый), с которым заключено соглашение, дает осознанное согласие на проведение данного следственного действия.

В-третьих, проведение очных ставок между участниками одной преступной группы возможно лишь при условии, что это не может повлечь негативных последствий для мер безопасности, предпринимаемых в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Таким образом, принимая решение о проведении очной ставки, следователь должен тщательно проинструктировать содействующее следствию лицо перед ее проведением. Так, вполне возможно предварительное обсуждение с ним следующих моментов:

1) какие и в какой последовательности вопросы будут выясняться на очной ставке; как на них отвечать;

2) как отвечать на вопросы, которые могут быть заданы ему изобличаемым им лицом и его защитником (если последний будет принимать участие в проводимой очной ставке);

3) на какие их вопросы и с какой мотивацией ему целесообразно отказываться отвечать.

При этом необходимо дополнительно предупредить данное лицо о его обязанности во исполнение достигнутого (достигаемого) соглашения о сотрудничестве давать только правдивые показания, о возможности в противном случае расторжения такого соглашения (с разъяснением связи последствий этого и уголовной ответственности).

Особенностью проведения **предъявления для опознания** при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве является то, что опознающим зачастую становится сам подозреваемый или обвиняемый. Ситуация, когда подозреваемый (обвиняемый) опознает потерпевшего или свидетеля, представляет набольший интерес для исследования. Возникнуть такая ситуация может тогда, когда подозреваемые (обвиняемые) в момент совершения преступлений находились в масках, либо лицо, заключившее с которым заключено соглашение, находилось в салоне автомобиля с тонированными стеклами, соответственно, могло запомнить внешность потерпевшего или свидетеля. Таким образом может быть решена задача установления как достоверности полученных от подозреваемого (обвиняемого) сведений, так и подтверждение его добросовестного отношения к выполнению обязательств по соглашению.

Криминалистической практикой выработаны различные способы его проведения: через зеркальное стекло; с использованием предметов маскировки опознающего (париков, накладных усов, бород, маски, темных очков); при нахождении опознаваемого в лучах мощного источника света, а опознающего в темноте; проведение опознания через узкое отверстие в сплошной непрозрачной преграде, разделяющей опознаваемого и опознающего, с помощью автомобиля с тонированными стеклами и т.д. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о процессуальном закреплении некоторых способов проведения опознания, например, по фотографии либо по видеоизображению [4, с. 116; 5, с. 221; 6, с. 147], с помощью видеоаппаратуры [7, с. 161; 8, с. 131].

Соответственно, все указанные способы ориентированы на решение важной тактической функции процесса раскрытия и расследования преступлений – обеспечения психологической и физической безопасности опознающего.

При проведении проверки показаний на месте с участием подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, это следственное действие, помимо своей основной задачи – проверки достоверности полученной информации, может также снабдить следователя сведе-

ниями диагностического и ориентирующего характера: о мотивах, намерениях проверяемого лица, общем отношении к расследованию и выполнению принятых на себя обязательств.

Однако при этом, как и в случае с предъявлением для опознания, имеется вероятность идентификации проверяемого лица другими лицами, в том числе его соучастниками, находящимися на свободе, которые могут организовать передачу записок, предметов, побег, похищение подозреваемого или даже покушение на него. В целях недопущения этого следователь может применять технико-тактические приёмы, благодаря которым узнавание подозреваемого (обвиняемого) будет крайне затруднено. Для этого может быть использована специальная одежда, в том числе не принадлежащая подозреваемому (обвиняемому), бесформенные костюмы, парики, маски и пр. Проверяемое лицо может быть также проинструктировано о том, что ему необходимо изменить походку, жестикуляцию, положение головы и так далее. Если следователь усматривает значительный тактический риск при наличии особенных отличительных признаков, таких как хромота, ярко выраженная сутулость и пр., по которым проверяемое лицо может быть с легкостью узнано посторонними, рациональным будет отказ от производства проверки показаний на месте.

Таким образом, тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет повысить эффективность производимых следственных действий и позволить реализацию их основных задач: получения и проверки информации, относящейся к предмету доказывания и обеспечения безопасности участников следственных действий.

Библиографический список

1. Мазунин Я.М. Установление участников организованного преступного формирования и тактические основы допроса на стадии предварительного следствия: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2003.
2. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / под ред. Н.А. Селиванова. – М. Юрид. лит, 1978. – 192 с.
3. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. – М.: Юрид. лит, 1982. – 112 с.
4. Янин С.А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005.
5. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. – Сыктывкар, 2004.
6. Булатов В.А. Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей: дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.
7. Замылин Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010.
8. Крайнов В.И. Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008.

УДК 343.98

СТРУКТУРА «ЭЛЕКТРОННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»

Вехов В.Б.,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕ,
заслуженный деятель науки и образования РАЕ
(Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(Национальный исследовательский университет))

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные теоретические и прикладные проблемы формирования структуры «Электронной криминалистики» – новой частной криминалистической теории об исследовании компьютерной информации, средств ее обработки и защиты. Предлагаются авторские определения понятий ее системных элементов.

Ключевые слова: электронная криминалистика, цифровая криминалистика, электронные следы.

THE STRUCTURE OF «ELECTRONIC FORENSICS»

Vekhov V.B.,
Doctor of Law, Professor, Corresponding member of RAE,
Honored worker of science and education of RAE
(Bauman Moscow State Technical University (National Research University))

Abstract: the article is devoted to actual theoretical and applied problems of the formation of the structure of «Electronic criminalistics» – a new private criminalistic theory about the study of computer information, its processing and protection. Author's definitions of the notions of its system elements are proposed.

Key words: electronic forensics, digital forensics, electronic traces.

На современном этапе развития науки и техники компьютеризация деятельности органов предварительного расследования приобретает исключительное значение. Так, в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О полиции» (от 07.02.2011 № 3-ФЗ) она в своей деятельности должна применять достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (п. 1). При этом обеспечивается возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем и интегрированных банков данных (п. 4).

Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК России) в целях реализации своих полномочий также имеет право создавать и использовать соответствующие информационные системы и базы данных [1].

Это объективный процесс, поскольку «по мере возрастания уровня технической оснащенности органов следствия расширяется ассортимент технико-криминалистических средств» [2, с. 38].

Анализ юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что электронные следы (электронные носители) и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов. В связи с массовым использованием в уголовном судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации УПК РФ был дополнен нормами, регламентирующими порядок работы с ними.

Вместе с тем в настоящее время невозможно представить следственную фотографию и видеозапись без средств цифровой фото- и видеосъемки, документоведение – без компьютерных средств обработки и исследования документов, габитоскопию – без компьютерных средств создания субъективных портретов и восстановления прижизненного облика лица по его костным останкам черепа, дактилоскопию – без средств автоматизированной обработки и идентификации следов рук, оружиеведение – без компьютерных средств исследования и идентификации следов выстрела на гильзах и пулях, криминалистическую регистрацию – без информационно-поисковых и аналитических систем, исследование электронных доказательств – без соответствующего программно-технического инструментария.

Деятельность органов предварительного расследования должна также базироваться на системе научных положений и разрабатываемых на ее основе инновационных технико-криминалистических средств нового поколения – автоматизированных методик расследования отдельных видов преступлений, а также приемов, методов и рекомендаций по их использованию.

К сожалению, как правильно отмечает Е.Р. Россинская, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков доказательственной компьютерной информации, за исключением рассмотрения этих вопросов в рамках методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации, изучаются пока явно недостаточно. Методическая литература на эту тему носит неупорядоченный фрагментарный характер. Возможности получения и использования подобной информации большинству следователей и судей неизвестны, поэтому необходим особый комплекс специальных знаний. В связи с этим предлагается новая частная теория, которая должна объединить криминалистические исследования и использование компьютерной информации, средства ее обработки и защиты [3, с. 110].

Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты, т.е. «Электронную криминалистику», определим как систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях расследования преступлений. Подразделим ее на следующие направления:

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты.

Криминалистическое учение о компьютерной информации – это первый подраздел «Электронной криминалистики», который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой на этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его систему должны входить:

1) криминалистическое исследование документированной компьютерной информации (электронных образов бумажных документов, электронных документов, электронных сообщений, электронных денежных средств, электронных журналов и реестров, компьютерных программ, баз данных, сайтов, страниц сайтов, а также их реквизитов, в том числе динамичной и статичной электронной подписи, а также электронно-цифровых ключей);

2) криминалистическое исследование вредоносных компьютерных программ (информационно-программного оружия и следов его применения).

Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей является вторым подразделом. Он представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В его структуре целесообразно выделить криминалистические исследования следующих видов носителей электронных следов: машинных носителей информации; интегральных микросхем и микроконтроллеров; пластиковых карт и других комбинированных документов, имеющих электронные реквизиты; компьютеров; информационных систем; информационно-телекоммуникационных сетей.

Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – третий подраздел «Электронной криминалистики». Определим его как систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Основные направления его развития состоят в разработке и применении в целях обеспечения следственной деятельности:

1) общедоступных, а также специальных компьютерных программ и устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, например: автоматизированных методик расследования преступлений отдельных видов; информационных систем и сетей, обеспечивающих процессуальный контроль по уголовным делам, а также ведение и использование учетно-статистических, разыскных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов; производство судебных исследований и экспертиз;

2) программно-технических средств защиты документированной информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства;

3) компьютерной информации, в том числе электронных документов, как доказательств по уголовным делам – электронных доказательств.

Проиллюстрируем последнее на следующих примерах.

В 2014 году в рамках исполнения Государственного контракта от 03.12.2013 № 0410/123 Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации было организовано выполнение работ по проведению анализа и подготовке предложений по разработке ведомственных информационных систем с использованием защищенных облачных технологий, а также по организации межведомственного взаимодействия органов государственной власти на примере СК России. После чего начиная с 2015 года с использованием комплекта технической, организационной и методической документации, полученной в результате реализации названного проекта, начала создаваться Единая информационно-аналитическая система СК России на основе защищенных облачных технологий [4].

Начиная с 2014 года в СК России осуществляется внедрение информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» в целях совершенствования процессуального контроля по уголовным делам [5].

Подводя итог изложенному, отметим, что совершенствование следственной деятельности в XXI веке в условиях информатизации невозможно без широкого использования теоретико-прикладных знаний в области «Электронной криминалистики» – новой и динамично развивающейся частной криминалистической теории.

Библиографический список

1. Положение о Следственном комитете Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юрид. лит., 1988. – 304 с.

3. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. 2016. С. 109-117.

4. Отчет об исполнении Государственного контракта от 3 декабря 2013 г. № 0410/123 на выполнение работ по проведению анализа и подготовке предложений по разработке ведомственных информационных систем с использованием защищенных облачных технологий, а также по организации межведомственного взаимодействия органов государственной власти на примере Следственного комитета Российской Федерации: приложение к письму Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22.04.2014 № П8-6-01-7210 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации Б.М. Карнаухова от 9 апреля 2014 г. № 27/108р «О введении в действие информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» и совершенствовании процессуального контроля по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ НЕФТИ ПРИ ЕЕ ТРАНСПОРТИРОВКЕ ЧЕРЕЗ МОРСКИЕ И РЕЧНЫЕ ПОРТЫ

Колотушкин С.М.,
доктор юридических наук, профессор
(НИИ ФСИН России)

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы предупреждения, выявления и расследование хищения нефти при ее транспортировке через морские и речные порты.
Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, нефть, транспортировка, нефтеналивные судна.

PROBLEMS OF PREVENTION, DETECTION AND INVESTIGATION OF OIL THEFT DURING ITS TRANSPORTATION THROUGH SEA AND RIVER PORTS

Kolotushkin S.M.,
Doctor of Law, Professor
(Research Institute of the FPS of Russia)

Abstract: the article deals with the main problems of prevention, detection and investigation of oil theft during its transportation through sea and river ports.
Key words: fuel and energy complex, oil, transportation, oil tankers.

Экономический анализ сферы топливно-энергетического комплекса показывает, что высокая окупаемость капиталовложений в предприятия по добыче, переработке и транспортировке нефти и нефтепродуктов, а также наличие высокого спроса на данную продукцию сделали бизнес в этой сфере чрезвычайно привлекательным не только для лиц, занимающихся этим легально, но и для криминальных кругов. Значительный спрос на нефть и нефтепродукты при их значительной цене обусловили доходность вложения средств в эту отрасль, в том числе в добычу и переработку нефти и торгово-закупочные операции с нефтью и нефтепродуктами, включая горючие и смазочные материалы. Все это привлекло особое внимание теневых структур к деятельности в сфере топливно-энергетического комплекса [1].

Отечественная современная криминогенная обстановка имеет тенденцию неснижения количества преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов. По оценкам специалистов, потери нефти от криминальной деятельности ежегодно составляют не менее 10 млн тонн, ущерб при этом измеряется от 7 до 12 млрд рублей.

Хищение нефти и нефтепродуктов характеризуется ростом объемов похищенной нефти, обширной географией подобной преступной деятельности и разнообразием способов совершения подобных преступлений. Для анализа проблем предупреждения, выявления и расследования преступлений, связанных с хищением нефти при ее транспортировке и транзите через морские порты, необходимо исследовать структуру преступной деятельности в этой сфере.

Проведем анализ причин и условий значительных объемов хищения готовых нефтепродуктов при их транспортировке танкерами из морских и речных портов. География хищений нефти и нефтепродуктов через морские порты довольно обширная, однако анализ исследования построен на данных Новороссийского порта и его нефтеналивных терминалов[5].

Кражи нефтепродуктов обладают целым рядом особенностей, присущих именно данному виду преступлений, поэтому проведение предварительного расследования в целом и следственных действий (осмотр, допрос, очная ставка, обыск и др.) в частности имеет свою специфику и требует от следователя тщательной подготовки и высокой квалификации.

Проведенный анализ показал, что с некоторой степенью условности систему транзита нефти и нефтепродуктов через морские порты можно разделить на три элемента:

1. Береговой комплекс хранения и транспортировки нефти к нефтеналивным терминалам.
2. Системы подачи нефти в танкеры и забора при их разгрузке.
3. Нефтеналивные суда (танкеры, рудовозы, баржи).

Каждый из трех представленных элементов имеет собственную многозвенную систему, включающую различные устройства, агрегаты и оборудование, которое обеспечивает бесперебойный технологический цикл транспортировки нефти и нефтепродуктов через морской порт. Одной из задач проведенного исследования является оценка уязвимости определенных технологических операций (циклов) в отношении возможности хищения нефти. Проведенный анализ уголовных дел, результатов оперативной работы, а также экспертный опрос бывших сотрудников, связанных со сферой транзита нефти через морские порты (пенсионеры и ветераны нефтяной отрасли порта, бывшие капитаны и состав команды танкеров, инженерно-технический состав нефтяных терминалов порта, специалистов по контролю качества нефтепродуктов) показал наиболее уязвимые в отношении возможности совершения краж элементы технологического процесса транспортировки нефти через морские порты.

К таким элементам относятся:

- хранилища нефти и учет находящихся в них продуктов;
- трубопроводы, проложенные под землей, на возможность установки в них врезок;
- система подачи нефти в танкеры и учет объемов отгрузки;
- танкеры с системой учета получения и отгрузки нефти и нефтепродуктов.

[5] Эмпирическая база исследований охватывает период с 2012 по 2017 год по нефтеналивному терминалу порта Новороссийск.

Способы совершения хищений нефти и нефтепродуктов обусловлены, с одной стороны, недостаточной системой охраны и учета нефти и нефтепродуктов, а с другой – возможностью реализации похищенного продукта. В отношении реализации похищенных нефти и нефтепродуктов выявлены следующие особенности.

Во-первых, хищение сырой нефти имеет смысл только в том случае, когда налажен механизм ее реализации на нефтеперерабатывающие предприятия. Для этого могут быть использованы пункты приема сырой нефти или подпольные мини-заводы по переработке нефти.

Во-вторых, существующая система магистральных нефтепроводов на 87,6% загружена перекачкой сырой нефти к отечественным нефтеперерабатывающим предприятиям или к морским портам для дальнейшего ее транзита танкерами в другие страны. Около 12-16% объемов транспортировки по трубопроводам связано с перекачкой готовых нефтепродуктов – различные виды топлива (бензин, керосин, дизельное топливо, мазут), а также смазочные, строительные и иные материалы (масла, смолы, битум, гудрон и др.). С точки зрения реализации этих материалов у преступников трудностей не возникает. Реализация готовых нефтепродуктов может быть налажена следующими способами:

- через оптовые поставки на базы, хранилища частных коммерческих предприятий с использованием фирм-однодневок или поддельных документов;
- поставка в малые коммерческие предприятия для фасовки нефтепродуктов (масла, смазочные материалы, продукты нефтехимии и т.п.) в упаковке большого, среднего и малого объема для дальнейшей реализации в розничной торговле;
- отгрузка топлива (бензин, дизельное топливо) на частных топливозаправочных станциях;
- поставка нефтепродуктов средним и малым частным организациям, чья деятельность связана с потреблением значительных объемов горюче-смазочных материалов (агропромышленные комплексы, автопредприятия, строительные организации и т.п.).

Рассматривая проблемы предупреждения, выявления и расследования преступлений, связанных с хищением нефти при ее транспортировке и транзите через морские и речные порты, мы полагаем, что ключевым вопросом данного исследования являются особенности технологического процесса. Их изучение в совокупности с данными анализа практики совершения краж нефти и нефтепродуктов дает почву для разработки контрмер, а также обоснование для организации деятельности по предупреждению исследуемой преступной деятельности. Динамика транзита через морской или речной порт имеет трехступенчатую структуру [2].

Первая ступень – это поступление по магистральным трубопроводам нефти или нефтепродуктов в портовые хранилища. В отдельных случаях при расположении нефтеперерабатывающих заводов вблизи портов нефтепродукты поступают по трубопроводам в хранилища по эстакадным линиям. Длина таких трубопроводов может составлять от нескольких до десятков километров. На этом пути могут быть устроены врезки, особенно на тех участках, где трубы проложены под землей.

Таким образом, хищения нефти и нефтепродуктов может осуществляться путем врезок на участках нефтепроводов, подающих нефть до баз хранения и соединяющих их с нефтеналивными терминалами. Хищения непосредственно из нефтехранилищ – явление редкое, так как сами резервуары являются хорошо охраняемыми объектами, находятся постоянно под видеонаблюдением и охранной сигнализацией [3].

В то же время хищения могут происходить путем отпуска нефтепродуктов в объемах, отличающихся от данных оформленных в документах. При сливе нефтепродуктов непосредственно из нефтехранилищ используется следующая схема преступных действий. Она связана с технологией хранения нефтепродуктов, в которой учитываются потери, прежде всего, на испарение легких фракций топлива – бензина и керосина. В соответствии с ГОСТ 2744-99 потери на испарении этих нефтепродуктов при их перекачке и хранении составляют 0,1-0,15% в год от общего объема продукта, прошедшего через резервуар.

Не вдаваясь в особенности технологии учета потерь на испарение в зависимости от условий хранения, температуры окружающей среды, суточных перепадов температуры и других факторов [4, с. 247-253], практика оборота бензина на нефтебазах сводится к оформлению документов по каждой операции транзита. При этом излишки и недостатки нефтепродуктов переносят в накопительную ведомость. На основании данных итоговой накопительной ведомости за месяц оприходуются излишки и списываются недостачи. Недостача в пределах норм естественной убыли списывается за счет издержек нефтебазы, а сверх норм естественной убыли – относится на виновных лиц.

Схема хищения нефтепродуктов из хранилищ построена на том, что при больших оборотах топлива (более 1 млн тонн в год) расчетная и естественная убыль может составлять разницу в тысячи тонн продукта. Так, 0,1% от объема в 1 млн тонн составляет 1 тыс. тонн, теневая прибыль от реализации такого излишка составит до 20 млн рублей. Излишки нефти не оприходуются в полном объеме, а отгружаются по поддельным документам или сверх заявленного объема в танкеры.

Вторая ступень – это отгрузка нефтепродуктов непосредственно в танкеры. Проведенный анализ позволил выделить четыре ситуации, создающих условия для хищения нефти и нефтепродуктов:

1 – использование различных калибровочных данных об объемах танков в танкере;

2 – учет плотности и температуры нефтепродукта при его загрузке (выгрузке);

3 – разбавление нефтепродукта подсланевыми водами;

4 – погрешности в измерительной аппаратуре при отгрузке нефти и нефтепродуктов.

Третья ступень. Похищенная с танкера нефть может быть отгружена еще до прихода в порт назначения, т.е. во время рейса. Опыт членов команды танкера позволяет заранее рассчитать объем нефтепродукта, который вписывается в указанные выше погрешности на естественные потери. На танкере имеется оборудование для откачки нефтепродуктов – насосы, рукава, измеритель-

ные приборы. Отгрузка нефти может быть осуществлена на другое судно в нейтральных водах в темное время суток. Слив нефти также может быть осуществлен на берег, при плановом заходе танкера для заправки топливом, водой, во время ремонта и т.п. При движении танкеров проекта «река – море» разгрузка части нефти может быть осуществлена на одном из причалов реки, водоема.

Таким образом, танкер обладает свойствами латентности, которые используются на всех этапах хищения, хранения и реализации нефти и нефтепродуктов. На судне танкерного типа может одновременно храниться легальная и похищенная нефть. В отдельных ситуациях, когда на танкере находится только похищенная нефть, ее обнаружение затруднено в силу скрытности емкостей за счет перераспределения их назначения для различных судовых регламентов (емкости для хранения топлива для силовой установки, для пресной воды, подсланевые воды и т.п.).

Резюмируя сказанное, следует отметить, что не снижающаяся тенденция роста хищений нефтепродуктов при их транспортировке и транзите через морские и речные порты диктует необходимость разработки новых методов и подходов для выявления, раскрытия и расследования выделенной категории преступлений. Поэтому для успешного противодействия криминализации топливно-энергетического комплекса необходима выработка качественно новых и эффективных решений, а также комплексная проработка вопросов технико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности в этом направлении.

Библиографический список

1. Гумаров И.А. Тактика осмотра места происшествия при хищениях нефти, нефтепродуктов из магистральных трубопроводов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1. С. 12-15.

2. Гумаров И.А. К вопросу учета органами внутренних дел Российской Федерации краж нефти и горюче-смазочных материалов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22). С. 32-33.

3. Милюс А.И. К вопросу о криминалистической характеристике краж нефти и нефтепродуктов // Вестник КемГУ. 2014. № 2(58); [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminalisticheskoy-harakteristike-krazh-nefti-i-nefteproduktov.

4. Техника и технология транспорта и хранения нефти и газа / под ред. В.Ф. Новоселова. – М.: Недра, 1992. - 320 с.

УДК 343.1

СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Муратова Н.Г.,
доктор юридических наук, профессор;
Антонов И.О.,
кандидат юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Аннотация: в статье исследуются наиболее важные аспекты практической реализации системы процессуальных полномочий специалиста при расследовании компьютерных преступлений. Анализируются точки зрения ученых по обозначенной проблематике. Рассматриваются перспективы совершенствования системы процессуальных полномочий специалиста применительно к ключевым моментам расследования компьютерных преступлений. Авторы обращают внимание на процессуальное и криминалистическое значение участия специалиста в следственных и судебных действиях. Применяя эвристический и криминалистический подход к формулированию выводов после проведенного исследования заявленной проблематики, авторы предлагают направления в исследованиях с целью оптимизации участия специалиста в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специальные знания раскрытие, расследование, специалист, компьютерные преступления, экспертиза.

SYSTEM OF PROCEDURAL AUTHORITIES OF THE SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

Muratova N.G.,
Doctor of Law, Professor;
Antonov I.O.,
Candidate of Law
(Kazan (Privolzhsky) Federal University)

Abstract: the article examines the most important aspects of the practical implementation of the system of procedural powers of a specialist in the investigation of computer crimes. The article examines the most important aspects of the practical implementation of the system of procedural powers of a specialist in the investigation of computer crimes. The article reviews prospects for improving the system of procedural powers of a specialist in relation to key moments in the investigation of computer crimes. The authors pay attention to the procedural and forensic significance of the specialist's participation in investigative and judicial actions. Applying the heuristic and forensic approach to the formulation of conclusions after the conducted research of the stated problematic, the authors propose directions in studies to optimize the participation of a specialist in criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, special knowledge, detection, investigation, professional man, cybercrimes, expert study.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, с одной стороны, отсутствует понятие «компьютерная преступность», с другой – зафиксировано более сорока десятков уголовно-правовых норм, содержащих или в конструктивных признаках состава преступления, или в квалифицирующих признаках указание на специфический предмет преступного посягательства. Поэтому полагаем вполне допустимым использовать в настоящем исследовании термин «компьютерная преступность» не в уголовно-правовом аспекте, а в сугубо криминалистическом. В этой связи мы полностью солидарны с точкой зрения, обоснованной Е.Р. Россинской, согласно которой компьютерные преступления имеют общую родовую криминалистическую характеристику, включающую сведения о способах преступлений, лицах, совершивших их, сведения о потерпевшей стороне и обстоятельствах, способствующих и препятствующих данным преступлениям [1, с. 109-110]. «Компьютерная преступность – это серьёзно», «криминальные джунгли Интернета», «виртуальный криминал» – термины из известной работы профессора Е.П. Ищенко, который обоснованно предлагает предельно внимательно относиться к самым различным формам киберпреступности, а также к разработке процессуальных и криминалистических средств противодействия ей [2, с. 8-10, 110-115].

Отличительной приметой сегодняшнего дня стали хакерские атаки для совершения масштабных хищений криптовалют, которые совсем недавно были чем-то абсолютно фантастическим. Например, хакеры вывели со счетов одной из крупнейших японских криптобирж Coincheck более 500 млн единиц токенов NEM на сумму $396 млн [3].

Более чем впечатляют как суммы похищенного – в результате криминальной деятельности преступной группы хакеров было украдено порядка 1 млрд руб. у российских банков [4], так и общее количество пострадавших от деятельности киберпреступников – совершение хищений со счетов 1 млн граждан [5]. К сложившимся реалиям в сфере киберпреступности уже стали немного привыкать и граждане, и юридические лица. Для специалистов в области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики компьютерная преступность по-прежнему – область приложения усилий для разработки и совершенствования средств выявления и расследования компьютерных преступлений, имеющих, как известно, высокую степень общественной опасности в силу рисков ущерба, который может быть причинен при их совершении. По некоторым прогнозам, к 2020 г. убытки в случае промедления в принятии в настоящее время адекватных мер по обеспечению кибербезопасности только в банковской системе могут составить до $3 трлн рублей [6].

В этой связи возрастает потребность в специалистах в области информационного права и информационных технологий, квалификация которых позволит им успешно решать процессуальные и криминалистические задачи при выявлении и расследовании компьютерных преступлений (варианты возможного обозначения специализации, например, в рамках должности «следователь-криминалист»: «информационный юрист», «технолог-юрист», «компьютерный юрист»). Фактически речь идет о новом качественном сочетании двух профессий. Тысячи производимых следственных действий в России при расследова-

нии уголовных дел, содержанием которых являются осмотр, изъятие компьютерной, электронной информации, или электронных носителей информации, должны производится квалифицировано в установленные законом сроки с участием специалистов такого рода.

О высокой общественной опасности компьютерных преступлений, об угрозах со стороны киберпреступников для национальной безопасности и экономической целостности государства говорят в своих выступлениях руководители правоохранительных органов Российской Федерации [7]. Шесть ведущих стран «большой двадцатки» считают, что самой большой угрозой для них в обозримом будущем станет киберпреступность [8]. Разрушительность действий киберпреступников может привести к ситуации, когда действия даже обычного хакера в корыстных или хулиганских целях приведшие к тяжким последствиям, нельзя будет расценивать иначе как терроризм [9]. По уголовным делам о компьютерных преступлениях были доказаны факты, когда преступники для осуществления хищений атаковали системы защиты объектов критически важной инфраструктуры, в том числе стратегических промышленных предприятий Российской Федерации [10].

Вместе с тем успешность борьбы с компьютерными преступлениями признается недостаточно высокой. По оценкам ряда специалистов, раскрываемость компьютерных преступлений является неприемлемо низкой – удается задержать до 5 процентов компьютерных преступников [11]. Причинами такого состояния дел считаются известная сложность доказывания причастности определенных лиц к совершению конкретного компьютерного преступления, а также несовершенство действующего законодательства. В этой связи весьма тревожными можно признать результаты проведенных исследований, согласно которым 45% представителей бизнес-сообщества полагают, что правоохранительные органы не имеют достаточной подготовки и необходимых ресурсов для эффективного противодействия киберпреступности [8].

Для повышения эффективности противодействия компьютерной преступности в РФ определен комплекс государственных мер, среди которых законодательные инициативы, плановое финансирование направления кибербезопасности «Цифровая экономика» и др. [12].

В сфере международного сотрудничества по борьбе с транснациональной преступностью Россией был подготовлен Проект Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» и представлена как возможная альтернатива Будапештской конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях [13]. На противодействие киберпреступности ориентирована Доктрина информационной безопасности России [2]. Кроме того, правовое регулирование общественных отношений в сфере компьютерной безопасности постоянно совершенствуется. Так, в 2017 году был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1], а также усилены и улучшены уголовно-правовые формулировки норм УК РФ, касающиеся преступлений в сфере компьютерной информации. Правовые позиции высших судебных инстанций также позволяют понять огромное значение участия квалифицированных специа-

листов в сфере кибербезопасности при расследовании и рассмотрении уголовных дел, например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [4], Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25 «По делу о проверке конституционности п. 5 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в связи жалобой гр-на А.И. Сушкова» [3] и др.

Концептуальные основы по реализации практических мер по обеспечению кибербезопасности Российской Федерации заложены в объявленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Программе киберзащиты России [14].

Как известно, специалист играет весьма заметную, а нередко и решающую роль в выявлении и расследовании компьютерных преступлений (инцидентов кибербезопасности). Фактически участие специалиста предопределяет возможность качественного сбора и исследования следов компьютерного преступления.

Вместе с тем надо признать, что по рассматриваемой категории уголовных дел специальные знания могут быть использованы более эффективно. Повышению эффективности может способствовать более точное понимание содержательной стороны системы процессуальных полномочий специалиста при расследовании компьютерных преступлений.

Процессуальный статус и система процессуальных полномочий специалиста закреплены в УПК РФ. В ст. 58 УПК РФ специалист определяется как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

В настоящее время, на наш взгляд, этого простого пояснительного перечня примеров «содействия» явно недостаточно. Законодатель прямо называет следственные действия, которые необходимо производить с участием специалиста: при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста (ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ), при производстве выемки электронные носители информации изымаются с участием специалиста (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), для выемки и снятия копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений в необходимых случаях вызываются специалисты (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), по этим же правилам и по судебному решению могут быть произведены осмотр и выемка сведений, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях (п. 7 ст. 185 УПК РФ), составление протокола осмотра и прослушивания фонограммы контроля и записи телефонных и иных переговоров (при необходимости) происходит с участием специалиста (ч. 7 ст. 186 УПК РФ), протокол осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и

(или) абонентскими устройствами (при необходимости) происходит с участием специалиста (ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ), при реализации норм о хранении вещественных доказательств – при копировании электронной информации в связи невозможностью изъять электронные носители информации – производится с участием специалиста (ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ). Кроме того, стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 2.2. ст. 58 УПК РФ). Специалист может присутствовать и при применении иной меры принуждения – наложении ареста на имущество (ч. 5 ст. 115 УПК РФ).

На наш взгляд, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве явно зафиксирована дифференциация специалистов – участников следственных действий: а) специалисты в области естественно-научных знаний; б) специалисты в области информационных технологий (программисты, инженеры); в) специалисты в области производства и товароведения. В этой связи представляется возможным определить два подхода к решению поставленной проблемы – пониманию содержательной стороны системы процессуальных полномочий специалиста при расследовании компьютерных преступлений: *эвристический и криминалистический.* Эвристический подход обеспечивает, на наш взгляд, наиболее оптимальное участие специалиста в современных состязательных уголовно-процессуальных процедурах и следственных действиях с участием адвоката-защитника. Реализация эвристического подхода позволяет надеяться на решение следующих задач. *Во-первых,* идентифицировать уровень специальных знаний специалиста с точки зрения оптимального его участия в следственных или судебных действиях («формулировка отказа» – п. 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ); *во-вторых,* установить соотношение процессуальной и внепроцессуальной форм использования знаний специалиста по рассматриваемой категории уголовных дел («субъекты замечаний и заявлений» – п. 3 ч. 3 ст. 58 УПК РФ); *в-третьих,* определить информированность участников следственных действий о допустимости познавательных вопросов специалистов – п. 2 ч. 3 ст. 58 УПК РФ.

Криминалистический подход обеспечивает достоверность применяемых специальных знаний, применяемых при расследовании компьютерных преступлений, с учетом известных тактических рекомендаций, а также технического обеспечения специалиста. *Во-первых,* определяются особенности постановки вопросов специалисту в условиях вариативности поведения участников следственного или судебного действия; *во-вторых,* обеспечивается мобильный и технологический уровень участия специалиста; *в-третьих,* создаются процессуальные и криминалистические технологии определения качества специальных знаний в условиях различных мнений, нормативных предписаний уровня профессиональной его компетенции при подготовке конкретного специалиста с целью оптимизации его специального мнения по вопросам обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов, применения технических средств и исследовательской деятельности при постановке вопросов эксперту.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета - Федеральный выпуск. 2017. № 7446(280).
5. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 109-117.
6. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.
7. Хакеры вывели $400 млн со счетов криптобиржи Coincheck. [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/
8. Шмыров В. 14 хакеров украли у российских банков больше миллиарда. 12 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cnews.ru
9. Шмыров В. В России арестованы хакеры, обокравшие 1 млн рядовых пользователей смартфонов [Электронный ресурс]. – URL: http://safe.cnews.ru/
10. Еремина А. Хакер навсегда [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/
11. Егоров И. Киберпрокурор [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/
12. Сухаренко А. Экономика под угрозой [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/
13. Григорьев Н., Родюков Э. Террористические действия в виртуальном пространстве опасны [Электронный ресурс]. – URL: http://nvo.ng.ru/
14. Полиция и ФСБ задержали хакеров, укравших со счетов более 1 млрд рублей [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/
15. Шадрина Т. Ничего тайного [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/
16. В центре информационной безопасности по-прежнему стоит человек [Электронный ресурс]. – URL: http://events.cnews.ru/
17. Россия разработала проект конвенции ООН против киберпреступности [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru
18. Шмыров В. Путин изложил в пяти пунктах программу киберзащиты России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cnews.ru/

УДК 347.965

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИТНИКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ)

Баев М.О.,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный университет);
Цурлуй О.Ю.,
кандидат юридических наук
(Центральный филиал Российского государственного университета правосудия)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы применения денежного взыскания в качестве меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве в отношении адвоката-защитника. Авторами обосновывается позиция о необходимости четкой законодательной регламентации перечня участников уголовного процесса, в отношении которых может применяться денежное взыскание в качестве уголовно-процессуальной меры принуждения.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, адвокат-защитник, процессуальные обязанности.

PROCEDURAL AND TACTICAL FEATURES OF THE APPLICATION OF OTHER PROCEDURAL COMPULSION MEASURES IN RESPECT OF THE ADVOCATE (ON THE EXAMPLE OF A MONETARY PENALTY)

Baev M.O.,
Doctor of Law, Professor
(Voronezh State University);
Tsurluy O.Yu.,
Candidate of Law
(Central branch of Russian State University of justice)

Abstract: the article deals with aspects of fine application as a coercive procedural measure in criminal proceeding against the defense-lawyer. The authors substantiate the position on the need for a clear legislative regulation of the participants list of the criminal process, for which there may be applied a fine as the criminal procedure measures of coercion.

Key words: procedural measure, defense-lawyer, procedural responsibilities.

Современная следственная и судебная практика наглядно демонстрирует явное противодействие осуществлению стороной защиты своих законных полномочий со стороны не только органов предварительного следствия, но нередко и судом. Наглядным примером подобного противодействия, в частности, является направление следственными органами в суды протоколов о ненадлежащем испол-

нении адвокатом-защитником процессуальных обязанностей в целях применения к последним меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания.

Безусловно, указанные действия следователя в отношении самостоятельного равноправного профессионального участника уголовного судопроизводства являются не только незаконными, но и неэтичными, и в определенной степени безнравственными.

Обращаясь к освещению обозначенной проблемы, отметим, что неопределенность формулировки в ст. 117 УПК РФ о том, к кому мера такого рода может быть применена, вполне возможна постановка вопроса о допустимости наложения денежного взыскания на любого участника уголовного судопроизводства, ибо у каждого из них имеются какие-то процессуальные права и обязанности и каждый из них вполне может быть признан их нарушителем, т.е., в принципе, допускается применение данной меры принуждения в отношении, скажем, адвоката-защитника или прокурора – государственного обвинителя [9].

Данная проблема отнюдь не риторическая, что подтверждается адвокатской практикой.

Следователем СУ СК России по Тамбовской области Р-вым составлен протокол о нарушении участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей с указанием не соответствующих действительности фактов о якобы ненадлежащем исполнении адвокатом-защитником гражданки К-ой, обвиняемой органами предварительного следствия в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 290, ч. 1 ст. 290, ч. 2 ст. 290, ч. 6 ст. 290 УК РФ (всего три эпизода), своих процессуальных обязанностей, недобросовестном отношении адвоката к обязанностям по оказанию юридической помощи своей подзащитной и нарушении прав доверительницы, что выражается в якобы невыполнении положений ст. 217 УПК РФ.

Постановлением Ленинского районного суда г. Тамбова следователю Р-ву в применении к адвокату-защитнику гражданки К-ой мер процессуального принуждения в виде наложения денежного взыскания отказано. Свое решение суд мотивировал следующими доводами.

Адвокат обладает особым статусом, с момента принятия на себя защиты адвокат несет обязанности перед *своим доверителем*, поскольку приглашается или назначается *для оказания юридической помощи именно ему, а не органу предварительного следствия*. Вести речь о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей в силу ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» можно только при наличии претензий со стороны доверителя, но не следствия. Однако К-ва претензий к своему защитнику не предъявляла, более того, полностью солидарна с его действиями по оказанию ей юридической помощи. Адвокат о своем выходе из процесса не заявлял, соответственно, от принятой на себя защиты К-ой не отказывался.

Отсутствие в ст. 53 УПК РФ установленных законом обязанностей защитника означает невозможность применения каких-либо процессуальных санкций. Кроме того, в ч. 2. ст. 111 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень участников уголовного судопроизводства, в отношении которых могут быть применены меры процессуального принуждения, защитник в их число за-

конодателем не включен, в связи с чем к нему неприменимы меры процессуального принуждения.

Действия следователя, явно направленные на противодействие осуществлению стороной защиты, выбранной и согласованной с доверителем, соответствующей критерию допустимости, тактики защиты, не устраивающей сторону обвинения, целью которых являлась попытка оказать давление на защитника и обвиняемую для понуждения совершения ими действий, выгодных следствию, не нашли поддержки со стороны суда. Подобное судебное решение является исключительно положительным, свидетельствует об объективном, беспристрастном подходе суда к рассмотрению данного вопроса.

Аналогичная позиция изложена Г.М. Резником, где он совершенно справедливо указывает, что «процессуальные обязанности, за неисполнение которых может налагаться денежное взыскание, должны быть прямо предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе. Следствие и суд, стремясь применить к адвокату-защитнику денежное взыскание, столкнулись с проблемой отсутствия конкретных обязанностей для адвоката-защитника в нормах УПК. Поэтому следователь в протоколе и суд в постановлении квалифицировали нежелание одного адвоката участвовать «здесь и сейчас» во внезапном предъявлении обвинения и выпадение из графика ознакомления с делом другого по п. 7 ст. 49 УПК РФ – как отказ от принятой на себя защиты обвиняемого, хотя сами подзащитные к адвокатам претензий не предъявляли и даже были с ними полностью солидарны, а адвокаты не заявляли о своем выходе из процесса». Ни следствие, ни суд не вправе в процессуальных документах фиксировать неисполнение (ненадлежащее исполнение) адвокатом своих обязанностей перед подзащитным, если только адвокат участвует в судопроизводстве и не отказывается от защиты, по собственной инициативе выходя из дела [7].

Вместе с тем, несмотря на неоднократные однозначные разъяснения Верховного суда РФ по данному вопросу, выражающиеся утверждении о системной взаимосвязи ст. 117 УПК РФ со ст. 111 УПК РФ [1], полярные приведенному выше судебные решения нередки.

В частности, судебные постановления о применении в отношении адвоката-защитника меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания районные суды г. Белгорода выносили неоднократно по результатам рассмотрения протоколов органов предварительного следствия о нарушении защитником-адвокатом своих процессуальных обязанностей, выразившихся в каждом из исследованных случаях в отказе от подписания протоколов следственных и процессуальных действий. Однако все без исключения решения были отменены Судебной коллегией по уголовным делам Белгородского областного суда с формулировкой незаконности принятых судами первой инстанции решений ввиду отсутствия защитника в числе участников уголовного судопроизводства, в отношении которых может быть применена мера процессуального принуждения в виде денежного взыскания [3].

Неоднозначность формулировок уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок применения меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания, порождает подобную негативную практику, нивелирующую

предусмотренный ст. 15 УПК РФ принцип состязательности, в частности, равноправия профессиональных участников стороны защиты и обвинения перед судом.

В специальной литературе встречаются утверждения о возможности применения денежного взыскания в отношении защитника, обосновываемые расширительным толкованием нормы ст. 117 УПК РФ, а также содержанием ч. 2 ст. 1 УПК РФ, дозволяющими применение мер процессуального принуждения к любому участнику уголовного судопроизводства за неисполнение им процессуальных обязанностей и несоблюдение процессуального порядка [4].

Практиками, в частности судьями, высказываются на страницах специальной литературы и более жесткие мнения по данному вопросу, не только о возможности, но и необходимости применения в отношении адвоката-защитника мер процессуального принуждения. Так, С. Погодин считает необходимым в ст.ст. 111 и 258 УПК РФ предусмотреть возможность наложения денежного взыскания на адвокатов и прокуроров, участвующих в судебном заседании, в случае нарушения ими порядка судебного разбирательства, что позволит обеспечить подлинную состязательность уголовного процесса, доверив судье как беспристрастному арбитру в этом споре двух состязающихся сторон применение мер процессуального принуждения в отношении участников процесса, нарушающих порядок уголовного судопроизводства. Ведь эти меры применяются судом именно для обеспечения этого процесса, а не в угоду каким-то личным интересам [6].

Высказывается мнение о возможности наложения штрафа на адвоката-представителя потерпевшего, представителя гражданского истца, ответчика [8]. Обосновывается данный подход анализом автором суждения норм уголовно-процессуального закона, позволившим констатировать, что формализация уголовно-процессуальных норм не означает, что отсутствие какого-либо предписания свидетельствует исключительно лишь о запрете на осуществление не указанных в УПК РФ действий. К тому же уголовный процесс, в отличие от уголовного права, допускает аналогию и признает своим источником не только нормы УПК РФ. Это дает основание для вывода о том, что коль скоро к потерпевшему (и это при том, что он является нормативно определенной стороной обвинения в уголовном процессе) допускается применение денежного взыскания, то оно тем более может быть применено и к его представителю, которым вправе быть любое лицо, в том числе представитель адвокатской профессии.

Обоснованность сделанного автором публикации заключения подкрепляется им приведением содержания ст. 117 УПК РФ, предусматривающей наложение денежного взыскания на участников уголовного судопроизводства, п. 58 ст. 5 УПК РФ нормативно определяющего понятие участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе, глав 6, 7 УПК РФ, относящих к числу таковых подсудимого, его законного представителя, защитника, гражданского ответчика, его представителя и законного представителя, прокурора и выступающих со стороны обвинения частного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца, их представителей и законных представителей. Из приведенного анализа процессуальных норм напрашивается вывод о том, что действующее законодательство не содержит прямого запрета на

применение денежного взыскания к любому из участников уголовного судопроизводства при наличии указанных в ст. 117 УПК РФ оснований [7].

Категорически не поддерживая изложенную позицию как с процессуальной, так и с нравственно-этической точки зрения, обоснуем свое суждение по рассматриваемой проблеме.

Напомним, что согласно ч. 2 ст. 111 УПК РФ в случаях, предусмотренных УПК РФ, дознаватель, следователь или суд вправе применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому следующие меры процессуального принуждения:

1) обязательство о явке;

2) привод;

3) денежное взыскание.

Данная норма содержит исчерпывающий перечень участников, в отношении которых мера процессуального принуждения может быть применена. Однако данная норма является общей по отношению к ст. 117 УПК РФ, регулирующей непосредственно процедуру наложения денежного взыскания. В соответствии с диспозицией ст. 117 УПК РФ, положения которой подлежат применению как частной нормы по отношению к ст. 111 УПК РФ, в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ. Следовательно, перечень участников, на которых может быть наложено денежное взыскание за неисполнение процессуальных обязанностей, в норме частного характера не является исчерпывающим и ничем не ограничен.

Вместе с тем положения ст. 258 УПК РФ безальтернативно исключают защитника из перечня участников уголовного судопроизводства, на которых может налагаться денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании, что не допускает расширительного толкования данной законодательной нормы.

Денежное взыскание – это карательная мера процессуального принуждения, представляющая собой процессуальную санкцию за совершение уголовно-процессуального правонарушения. Уплата или принудительное взыскание денежных сумм является уголовно-процессуальной ответственностью.

Специальным условием наложения денежного взыскания является определенный статус участника процесса. Нормы ст. 117 УПК РФ, не устанавливающие перечень участников процесса, которые могут быть подвергнуты денежному взысканию, приводят, повторимся, к правоприменительной практике наложения денежного взыскания на любых участников уголовного судопроизводства.

Всецело поддержим высказанное по этому поводу мнение Г.М. Резника: «если правовая норма дает широкий простор для толкования, значит, она сформулирована неряшливо. Необходим оперативный "ремонт" норм УПК, регламентирующих наложение денежного взыскания. Разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ ограничиться вряд ли удастся» [8].

Разъяснения Верховного Суда РФ, с учетом их весомости, тем не менее не закон. В связи с этим, во избежание дальнейших случаев злоупотребления стороной обвинения предоставленными полномочиями, положения ст. 117 УПК РФ, на наш взгляд, нуждаются в изменении. В отсутствие же, как справедливо отмечается коллегами, удовлетворительного для всех сторон уголовно-процессуального разрешения указанной проблемы судебная практика вынуждена осуществлять поиск ответов на возникающие вопросы, придерживаясь в своих позициях известного принципа «не навредить». Однако любое толкование все же не заменяет строгой императивности закона и, как видно из проведенного анализа, бывает не свободным от логических и иных погрешностей [8].

В связи с изложенным предлагаем следующую редакцию ст. 117 УПК РФ:

Статья 117. Денежное взыскание.

«В случаях неисполнения потерпевшим, свидетелем, гражданским истцом, гражданским ответчиком, экспертом, специалистом, переводчиком и (или) понятым процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса».

Библиографический список

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 15-002-29 по делу Вахтерова // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Анисимов С. Не взыщите с адвоката // Новая адвокатская газета. 2014. № 18.
4. Варпаховская Е. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 8.
5. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / под ред. Л.Д. Кокорева. – Воронеж, 1984. – 159 с.
6. Погодин С. Обеспечение порядка в судебном заседании в условиях состязательного уголовного процесса // Российская юстиция. 2004. № 6.
7. Резник Г. Почему на адвоката-защитника нельзя налагать денежное взыскание? // Российская юстиция. 2003. № 8.
8. Толкаченко А.А. К вопросу о возможности наложения денежного взыскания на адвоката-представителя потерпевшего за нарушение порядка в судебном заседании // Вестник МОВС. 2007. № 2/4.
9. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, 2005.

УДК 34 : 004.7

ФОРМИРОВАНИЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК СРЕДЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Мещеряков В.А.,
доктор юридических наук, профессор
(Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж)

Аннотация: в статье рассматриваются формирование кибернетического пространства как среды совершения преступлений и его основные особенности.
Ключевые слова: кибернетическое пространство, информационное общество.

FORMATION OF CYBERNETIC SPACE AS A MEDIUM FOR COMMITTING CRIMES AND ITS MAIN FEATURES

Meshcheryakov V.A.,
Doctor of Law, Professor
(Central branch Russian state University of justice, Voronezh)

Abstract: the article deals with the Formation of cybernetic space as a medium for committing crimes and its main features.
Key words: cybernetic space, information society.

После появления компьютерной техники вместе с быстрым развитием информационных технологий достаточно незаметно для каждого из нас человечество вошло в стадию своего развития, которая получила название «информационное общество». Информационное общество – это общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей её формы – знаний.

Сегодня мы чётко осознаём, что информация имеет приоритет над всеми другими видами человеческой деятельности. Информация в чистом виде, а также сервис доступа к ней становятся предметом купли-продажи. Взаимодействие людей между собой, человека и государства, государства и бизнеса, некоммерческих организаций всё чаще строится на основе информационно-телекоммуникационных технологий.

По данным, приведённым в одном из отчетов аналитиков Всемирного банка, на сегодняшний день национальное богатство развитых государств составляют:

5% – природные ресурсы;

18% – материальный, произведенный капитал;

77% – знания и умения ими распорядиться.

В информационном обществе изменились не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей. Человек везде (в производственных процессах, коммуникациях, отдыхе и развлечении) начал активно использовать технические устройства на основе вычислительной техники и информационных технологий.

В итоге это привело к тому, что сегодня, наряду с традиционным материальным миром, в котором традиционно жил человек, возникает новая специфическая среда его существования – кибернетическое пространство.

Категория «киберпространство» введена в научный оборот 1982 году канадским писателем-фантастом Уильямом Гибсоном и определена как ноосфера (среда обитания человека), образованная «внутри» компьютеров и компьютерных сетей [1].

Практически все доступные источники специальной информации утверждают, что общепринятого определения кибернетического пространства не существует, однако его активно используют в юридической и криминалистической литературе как интуитивно понятное. Достаточно подробный анализ его содержания проведён в работе И.М. Дзялошинского, выделившего ряд основных подходов к пониманию его сущности [2].

Обобщая все известные точки зрения для целей криминалистического исследования, кибернетическое пространство, на наш взгляд, следует определить как динамический комплекс, состоящий из:

- технической инфраструктуры компьютерных сетей;
- системы информационно-цифровых объектов, присутствующих в этой инфраструктуре;
- субъектов активности, использующих информационные объекты в инфраструктуре цифровых сетей;
- установленных правил (протоколов) сетевого взаимодействия указанных выше элементов.

Приведенное определение достаточно сложное по своей структуре и весьма непривычно для криминалистики и науки уголовного процесса. В связи с этим требуется ряд пояснений.

Во-первых, приведенный комплекс элементов кибернетического пространства является исключительно динамичным и может очень быстро менять свою конфигурацию (преобладающее соотношение) и размер. Так, например, число пользователей (субъектов активности) новостного сайта при наступлении определенного внешнего события может лавинообразно измениться за короткий промежуток времени: сначала возрасти – когда интерес пользователей к событию растет, затем упасть практически до нуля, когда новость перестает быть таковой.

Кроме того, в настоящее время сильно распространены портальные решения, позволяющие динамически из существующих в базе данных элементов формировать информационный ресурс, отвечающий запросу субъекта активности и наиболее соответствующий его предыдущим предпочтениям [3].

Во-вторых, несмотря на то, что основу кибернетического пространства образует программно-аппаратная инфраструктура компьютерных сетей, она не-

разрывно связана с функционирующими в них информационными объектами и субъектами активности. Увеличение нагрузки при правильной настройке оборудования автоматически повлечет увеличение компьютерных мощностей (количество задействованных серверов), на которых функционирует соответствующий сайт. При этом подключаемые физические сервера территориально могут размещаться в абсолютно разных географических местах, но выступать как единый информационный объект.

В-третьих, в определении использовано понятие «субъект активности», которое объединяет как непосредственно людей – пользователей информационно-коммуникационных технологий и ресурсов, так и информационные процессы, порождённые исполняемыми компьютерными программами. Отнесение этих процессов к категории субъектов может показаться спорным, однако при более подробном рассмотрении видно, что все программы в конечном счёте созданы человеком и реализуют его замысел.

В зависимости от содержания компьютерной программы информационный процесс (субъект активности) может создать любое допустимое техническими характеристиками компьютерной системы количество дочерних процессов (в том числе и полных собственных копий) [4] или уничтожить любое количество доступных ему других информационных процессов (в том числе и себя самого). При этом следует помнить, что задача отождествления результатов деятельности какого-либо субъекта активности с конкретным человеком представляет собой отдельную и весьма непростую (как в техническом, так и в процессуальном плане) задачу.

С точки зрения криминалистики кибернетическое пространство обладает рядом принципиальных особенностей.

1. Современный человек уже неотделим от комплекса технических устройств, которые он либо носит с собой (мобильные телефоны, гаджеты), либо попадает в их сферу действия (камеры видеонаблюдения, базовые станции мобильной связи), либо регулярно обращается к ним (социальные сети, интернет-ресурсы).

2. Все технические устройства используемые человеком содержат (или принципиально могут содержать) в себе связные элементы (приёмо-передатчики) позволяющие подключать их к цифровым сетям связи и осуществлять взаимодействие между собой. Круг таких предметов очень разнообразен. Это телевизоры, кондиционеры, видеокамеры, часы, пульсометры и т.п. Теперь даже осветительные лампочки и столовые приборы уже способны на это. Все эти предметы взаимодействуют между собой и пытаются подстроить режимы своей работы к привычкам и особенностям своего хозяина – конкретного человека. Уже сложился термин «интернет-вещь», отражающий подобную ситуацию, в которой мы начинаем жить.

Возникшее кибернетическое пространство не просто представляет собой совокупность отдельных технических объектов, способных воспринимать следы активности человека, а образует плотно связанную и взаимодействующую среду, в которой криминалистически значимые отражения могут преобразовываться (многократно копироваться), передаваться на огромные расстояния и храниться в цифровом виде весьма продолжительное время.

Это сложное многокомпонентное пространство, которое существует фактически параллельно с реальным миром и буквально пронизывает все его элементы. Учёт существования этого пространства, его строения, особенностей функционирования и отражения в нём реальных процессов позволит существенно повысить эффективность выявления и расследования преступлений.

3. На сегодняшний день практически все устройства, используемые человеком, содержат в своём составе вычислительный и/или связной блок. Благодаря этому они генерируют, хранят и передают огромные объёмы информации различных форматов и различных свойств. Объёмы такой информации просто гигантские и измеряются числами космического масштаба. Мы столкнулись с явлением, которое получило название «большие данные».

Приведём несколько опорных фактов, для того чтобы представить, что такое «большие данные». Исследования, проведенные в 2012 году, показали, что в ближайшие 8 лет количество данных в мире достигнет 40 зеттабайт, что эквивалентно 5200 гигабайт (Гб) на каждого жителя планеты. 40 зеттабайт эквивалентно 40 триллионам Гб, что в 57 раз больше, чем количество песчинок на пляжах на всей поверхности Земли.

По прогнозам, количество данных на планете будет удваиваться каждые два года вплоть до 2020 года.

Большую часть данных, которые будут произведены в период с 2012 по 2020 годы, сгенерируют не люди, а машины в ходе взаимодействия друг с другом и другими сетями данных. Сюда относятся, например, сенсоры и интеллектуальные устройства, которые могут взаимодействовать со сторонними устройствами.

Поскольку в качестве генераторов данных могут выступать непрерывно работающие измерительные устройства, события от радиочастотных идентификаторов, потоки сообщений из социальных сетей, метеорологические данные, данные дистанционного зондирования Земли (аэро- и космоснимки), потоки данных о местонахождении абонентов сетей сотовой связи, устройств аудио- и видеорегистрации и т.п., то все они могут стать источниками криминалистической информации, позволяющими существенно повысить эффективность выявления и расследования преступлений.

Современный уровень развития вычислительной техники и информационных технологий позволяет весь этот гигантский объём разнородной информации, зафиксированной в различных форматах (видеозаписи камер наблюдения, биллинговая информация мобильных операторов, геометки фотографий и т.п.), весьма часто обновляемой и поступающей от разных источников, обрабатывать либо в режиме реального времени, либо в режиме, пригодном для его эффективного целевого использования.

Таким образом, можно утверждать, что вся цифровая информация, обращаемая в кибернетическом пространстве, при определенных условиях может порождать исключительно важные уголовно-релевантные сведения, которые возможно использовать для формирования доказательственной базы по расследуемым уголовным делам.

Библиографический список

1. Теслер Г.С. Новая кибернетика как фундаментальная наука // ММС. 2005. № 4. С. 24-27.
2. Гринченко С.Н. Пространство и время с позиции кибернетики // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 31-32.
3. Жилин В.И. К вопросу о многозначности трактовки понятия «информация» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 31; [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mnogoznachnosti-traktovki-ponyatiya-informatsiya.
4. Воронов А.А. Адвокатская кибернетика: подходы и анализ // Евразийская адвокатура. 2013. № 5(6). С. 15-19.

УДК 343.1 : 343.9

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА – ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

Гриненко А.В.,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации)

Аннотация: статья посвящена сравнительному исследованию криминалистики и уголовного процесса как совокупности смежных научных и практических сфер знания. Сформулирован вывод о необходимости разработки криминалистических рекомендаций по эффективному использованию уголовно-процессуальных норм.

Ключевые слова: уголовное дело, криминалистика, уголовный процесс, следователь, следственное действие, криминалистическая тактика, обвиняемый, потерпевший, свидетель.

CRIMINAL PROCESS AND CRIMINALISTICS – TOGETHER OR SEPARATELY?

Grinenko A.V.,

Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow State Institute of international relations (University)
of the Ministry foreign affairs of the Russian Federation)

Abstract: the article is devoted to the comparative issue of criminology and criminal procedure as a set of related scientific and practical fields of knowledge. A conclusion is made about necessity of development of forensic guidelines for effective use of the rules of criminal procedure.

Key words: criminal case, criminalistics, criminal process, investigator, investigative action, criminalistic tactics, accused, victim, witness.

Стабильность государства, поступательное развитие общества и личности зависят от множества факторов, среди которых далеко не последнее место занимает состояние борьбы с преступностью. С этой целью государство разрабатывает законодательную основу данной деятельности, а также обеспечивает надлежащий уровень прав и законных интересов вовлеченных в данную деятельность лиц. Кроме того, разрабатываются и конкретные правоприменительные механизмы, позволяющие реализовать нормы уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей права применительно к конкретной правоприменительной ситуации.

С принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) деятельность по раскрытию, расследованию, а также судебному рассмотрению и разрешению преступлений поднялась на новый качественный уровень. Причем, как это указано в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, назначение уголовного судопроизводства определено двояко (но не двойственно) – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Соответственно, и криминалистика, будучи наукой, в числе прочего вырабатывающей конкретные приемы правоприменения, также должна соответствовать назначению уголовного судопроизводства, ведь ее конечной целью, как и для уголовного процесса, является обеспечение изобличения конкретного лица, совершившего преступление, а также ограждение невиновных лиц от незаконного и необоснованного уголовного преследования [4, с. 132].

При разработке УПК РФ принимались во внимание многие криминалистические наработки. Так, в Кодексе появилась процессуальная фигура следователя-криминалиста, сблизилось содержание обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, и криминалистической характеристики преступлений. В содержании норм, регламентирующих производство конкретных следственных действий, были привнесены правила, которые ранее были разработаны криминалистической наукой. Например, это касается общих правил производства допроса, очной ставки, появились новые правила предъявления для опознания и т.п. Эти и другие правоположения свидетельствуют о том, что уголовно-процессуальные нормы базируются на надежном фундаменте криминалистики, что обеспечивает широкие возможности по их реализации на практике.

Однако право – не застывшее явление. Оно развивается, совершенствуется, приспосабливается (в хорошем смысле слова) к изменившимся социальным реалиям. Это касается как появления новых производств (дознание в сокращенной форме, досудебное соглашение о сотрудничестве), так и криминализации новых деяний, которые ранее преступлениями не признавались.

Уголовный процесс и криминалистика в подобных случаях должны сочетаться особым образом. Нельзя допускать ситуаций, когда криминалистические рекомендации, даже весьма детально разработанные, не соответствуют или даже прямо противоречат действующему законодательству. Даже отставание закона не должно быть оправданием тем его нарушениям, которые могут выглядеть как советы правоприменительного плана.

В данном случае должен быть использован несколько иной алгоритм взаимодействия криминалистической и уголовно-процессуальной наук. Если в ходе изучения материалов судебной и следственной практики будут обнаружены некоторые неудобства правоприменительного плана, то криминалистически обосновываются рекомендации по изменению действующего законодательства [1, с. 69]. Затем, после завершения процесса совершенствования уголовно-процессуальных норм, криминалистические рекомендации должны быть обновлены с учетом изменившихся правовых реалий.

Например, в настоящее время определенную проблему составляет то, что в ст. 173 УПК РФ, регламентирующей допрос обвиняемого, включен ряд правил, которые, с одной стороны, не в полной мере отражают современный уровень правового регулирования, с другой – приводят к нарушениям прав и законных интересов лиц, вовлеченных в соответствующие правоотношения.

Так, в ч. 1 ст. 173 указано, что следователь допрашивает обвиняемого «немедленно после предъявления ему обвинения». Примечательно, что данное правило фигурировало в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении практически всей второй половины двадцатого века, и его целью было выяснить у обвиняемого сведения, что называется, пока не опомнился. Однако это правило перекочевало и в современный УПК РФ, но с новым объяснением – якобы обвиняемый и сам должен стремиться к тому, чтобы дать оправдывающие его показания.

Вместе с тем это правило, как представляется, закреплено чрезмерно линейно, и оно возлагает на следователя полномочие проводить допрос немедленно, не разъясняя лицу, что оно вправе и отложить дачу показаний на определенное время.

Дополнительным, а, может быть, и главным доводом против такого ныне закрепленного в законе порядка является то, что он прямо противоречит содержанию международно-правовых стандартов в сфере уголовного судопроизводства [3]. Ведь в п. «b» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. прямо указано, что каждый обвиняемый в совершении преступления в числе прочих прав должен иметь достаточное время и возможности для подготовки к своей защите.

Кстати, на практике многие лица, как правило, пригласившие защитника, ознакомившись с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, заявляют ходатайства о том, что они будут давать (или откажутся давать) показания после свидания с защитником наедине и через определенный промежуток времени.

Не вполне отвечает современным реалиям и то, что в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК РФ следователь должен выяснить у обвиняемого, признает ли тот себя виновным и желает ли дать показания по существу предъявленного обвинения.

Вина – это внутреннее отношение лица к совершенному им деянию, поэтому само по себе признание, не подтвержденное соответствующими доказательствами, решающего значения для установления обстоятельств по делу не имеет [2, с. 159]. С другой стороны, то, что следователь начинает допрос с выяснения данного факта, во многом препятствует возможности установления психологического контакта с обвиняемым. В этом плане следует признать бо-

лее адекватной ситуацию, когда у следователя было бы законодательно закреплено право выяснять мнение обвиняемого относительно предъявленного обвинения в любой момент допроса.

Определенные сложности вызывает и применение тех правил, которые были закреплены в криминалистической литературе, в том числе и в период действия УПК РСФСР, которые в настоящее время частично перенесены в действующее законодательство, но не в полной мере разработаны на уровне криминалистических рекомендаций или, наоборот, изложены в рамках тактики производства следственных действий, но не подкреплены законодательно.

Так, в криминалистической науке, а также в учебной литературе не всегда полностью отграничены такие самостоятельные следственные действия, как осмотр (ст. 176) и освидетельствование (ст. 179 УПК РФ). Во многих источниках освидетельствование обозначалось как разновидность осмотра [1, с. 72]. Причина этого крылась в том, что в ст. 181 ранее действовавшего УПК РСФСР освидетельствование было определено как следственное действие, которое проводилось для обнаружения на теле человека следов преступления или наличия особых примет.

Поскольку и осмотр, и освидетельствование имели сходные цели, определение этого как одного или различных следственных действий принципиального значения не имело. Вместе с тем ситуация существенно изменилась с принятием УПК РФ, ведь в ст. 179 содержание данного освидетельствования существенно расширено – это выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Вместе с тем криминалистическая научная и учебная литература по-прежнему считает освидетельствование разновидностью осмотра, что приводит к недостаточной разработке тактических приемов именно освидетельствования и, как следствие, недостаточная подготовка сотрудников правоохранительных органов к его производству.

Следующий пример прямо противоположного толка. Не вполне ясно, чем руководствовался российский законодатель, выделив в УПК РФ два самостоятельных следственных действия – следственный эксперимент (ст. 181) и проверка показаний на месте (ст. 194). Отличия между ними, действительно, имеются, однако основное заключается в том, что следственный эксперимент может проводиться не теми лицами и не в том месте, где определенные действия имели место в действительности. В этой связи разрабатываемые тактические приемы, по сути, повторяют друг друга и не отражают тех либо иных особенностей данных следственных действий.

Выход в данном случае видится в том, чтобы законодательно установить единое следственное действие, а уже в рамках его правовой регламентации закрепить некоторые особенности, касающиеся производства опытных действий.

Следующий момент. В ранее действовавшем УПК РСФСР (ч. 5 ст. 158) допрос начинался с предложения дать показания, а вопросы задавались следователем после этапа свободного рассказа. Соответственно, исходя из такого построения допроса, разрабатывались тактические приемы и рекомендации.

Вместе с тем в настоящее время последовательность допроса существенно изменилась. В ч. 2 ст. 189 УПК РФ закреплено, что следователь свободен в выборе тактики допроса, за исключением запрета задавать наводящие вопросы.

Несмотря на это, в большинстве криминалистических исследований как научного, так и прикладного характера тактические приемы и рекомендации, как и ранее, основаны на первоначальном этапе свободного рассказа, постановке вопросов перед допрашиваемым и т.п. Это несколько обедняет возможности криминалистики по созданию условий для эффективного уголовно-процессуального правоприменения.

В качестве вывода можно отметить, что уголовный процесс и криминалистика – это, по сути, две стороны одной медали. От совместных усилий ученых, представляющих эти две науки, во многом зависят как нормативно-правовое обеспечение уголовного судопроизводства, так и надлежащая правоприменительная деятельность.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30).

2. Нечаева Н.Б. Инновации в криминалистике // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2(32).

3. Нуриева Э.Н., Бакеева Л.В. Междисциплинарные связи как способ формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 23.

4. Скороходов П.А. История возникновения судебной медицины и ее связь с криминалистикой // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2015. № 1-2(17).

УДК 343.98

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Комаров И.М.,
доктор юридических наук
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: проблемы отношения следственной ситуации расследования преступления как информационной категории и криминалистической характеристики расследования уже давно представляют научный интерес для криминалистики. Отношение этих двух систем находится в родовидовом соподчинении, то есть следственная ситуация, являясь системой, в то же время входит элементом в систему криминалистической характеристики расследования и связана с его элементами, такими как версии и планирование, следственные, оперативно-разыскные, организационные действия и др. Однако не все вопросы этих связей и отношений изучены, а с развитием криминалистики для изучения преступной деятельности

появляется много новых проблем изучения следственной ситуации в связи с криминалистической характеристикой расследования, которые требуют соответствующего рассмотрения. Одной из них и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: ситуация расследования, криминалистическая характеристика расследования, расследование преступлений.

THE INFORMATION STRUCTURE OF THE INVESTIGATIVE SITUATION AND ITS RELATION TO THE SYSTEM OF CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS IN THE INVESTIGATION

Komarov I.M.,
Doctor of Law
(Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Abstract: the problem of the relationship of the investigation situation of a criminal investigation, as the information categories and forensic characteristics of the investigation has long been of scientific interest for criminology. The attitude of these two systems is radivilova the subordination, father-in-law investigating the situation, being at the same time it is an element in the system of criminalistics characteristics of inquiry and related to its elements such as the version and the planning, investigation, investigative, organizational actions, etc. However, not all the issues these bonds and relationships are studied, and with the development of criminology to study criminal activity, there are many new issues examination of the situation in connection with the forensic characteristics of the investigation that require appropriate consideration. One of them is the subject of this article.

Key words: situation investigation, criminalistics characteristic of investigation, the investigation of crimes.

Криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в качестве криминалистического понятия впервые была введена в научный оборот В.К. Гавло и В.А. Образцовым в 1982 г. [1, с. 109-118; 2, с. 59-61]. В работах В.К. Гавло эта характеристика получила наибольшее развитие как компонент криминалистической методики расследования преступлений. По своему характеру она наряду с криминалистической характеристикой подготовки, совершения и сокрытия преступлений является фундаментальной составной частью методики расследования отдельных видов преступлений, отражающей его перспективную направленность с содержанием закономерностей механизма предварительного расследования и судебного следствия.

Определяя основные компоненты криминалистической характеристики расследования, В.К. Гавло верно считает, что ими в целом являются «следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапе, система следственных, оперативно-разыскных и иных организационно-технических действий, и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования» [3, с. 29].

С учетом того, что типовая криминалистическая характеристика расследования представляет собой единое целое, объединяющее систему знаний о том, как раскрывать, расследовать и предотвращать преступления, закономерно

возникают вопросы, какое место в ней отводится следственной ситуации и что, собственно, она дает процессам планирования, организации и проведения предварительного расследования?

Рядом криминалистов криминалистические ситуации определяются в качестве совокупности условий, в которых в данный момент осуществляется досудебное производство, т.е. как обстановка, в «которой протекает доказывание» [4, с. 630].

Такой взгляд на это криминалистическое понятие нам кажется не вполне точным. Необходимо различать следственную ситуацию (обстановку) досудебного производства по расследованию следователем конкретного преступления и следственную ситуацию как категорию криминалистической науки.

Неповторимость конкретного досудебного производства по уголовному делу связана с множеством индивидуальных факторов и условий, в том числе с определенной характеристикой личности следователя, сложившейся на основе его опыта, интеллекта, характера, специализации, прочих особенностей. В совокупности они и определяют конкретную следственную ситуацию досудебного производства, ее субъективные факторы. Для нее нельзя разработать криминалистические рекомендации по применению тех или иных приемов, так как невозможно учесть все факторы и условия, возникающие в каждом отдельно взятом досудебном производстве. Если все же попытаться идти по данному пути, то это будет уже не криминалистика, а паракриминалистика, о которой верно писал А.М. Ларин [5].

Мы разделяем точки зрения О.Я. Баева, Л.Я. Драпкина, Г.А. Зорина и других криминалистов, утверждающих, что следственная ситуация как категория науки криминалистики есть не что иное, как модель главным образом информационного характера, типичных следственных ситуаций досудебного производства. Информационный характер является одной из главных особенностей следственных ситуаций, так как «отражает криминальные ситуации, образующие преступления» [6, с. 92]. Отношение к следственным ситуациям как к моделям позволяет воспринимать лишь наиболее значимые и типичные признаки и свойства тех следственных ситуаций конкретного досудебного производства, моделью которых они являются, и использовать в расследовании конкретных уголовных дел.

По своему содержанию типичные следственные ситуации выступают своеобразными теоретическими моделями, которые позволяют правильно ориентироваться в сложившемся положении вещей в общем и выбирать наиболее характерные для данного случая приемы и способы расследования, обеспечивающие собирание недостающей фактической информации по делу. В их основе лежат такие главные показатели, как наличие (отсутствие) типичной исходной информации, сведений о фактических и иных данных по досудебному производству, сориентированных на типовую криминалистическую характеристику отдельного вида (группы) преступлений. Поэтому раскрывать содержание следственных ситуаций необходимо через определение их информационной структуры. Выявляя информационную структуру следственной ситуации, можно сказать, что она состоит из данных, относящихся к типовой криминалистической характеристике вида (группы) преступлений и проявляющихся по ходу

досудебного производства, показывая тем самым, какие из них известны (неизвестны) на первоначальном этапе, установлены (не установлены) в ходе досудебного производства, каково их сочетание и значение для определенных задач досудебного производства. Особо следует акцентировать внимание на влияние следственной ситуации на формирование криминалистической характеристики расследования преступлений, отражающей сведения об обстановке, в которой выявлено преступление и возбуждено досудебное производство, проводятся процессуальные и не процессуальные действия, применяются криминалистические средства, приемы и методы для достижения задач досудебного производства.

Подобное понимание информационной структуры следственных ситуаций соответствует системно-генетическому подходу к объяснению сложных исследований различных явлений и, на наш взгляд, точнее определяет основу и поле нахождения в них фактических и иных сведений как результат и факт их образования.

Информационная структура следственных ситуаций, полагаем, включает в себя следующие компоненты: 1) следственные и оперативно-разыскные данные о способе, механизме, личности субъекта преступления, объекте и предмете преступного посягательства, личности потерпевшего, обстановки, мотиве, цели и других обстоятельствах расследуемого события; 2) следственные и оперативно-разыскные данные о расследуемом событии в целом; 3) наличие доказательств о расследуемом событии и его отдельных обстоятельствах; 4) данные о возможной инсценировке расследуемого события; 5) сведения о противодействии следствию со стороны заинтересованных лиц; 6) сведения о возможных источниках получения фактических и иных данных; 7) информация об обстановке, в которой выявлено, возбуждено уголовное дело, начато расследование и проводятся первоначальные следственные действия и иные действия; 8) данные об обстановке, в которой ведется расследование после производства первоначальных следственных и иных действий; 9) данные, затрудняющие расследование, как следствие своеобразия обстановки и условий по обнаружению и сохранению отдельных доказательств [7, с. 225-226].

На этот счет существуют и другие точки зрения [8, с. 129-138]. Систему этих компонентов можно считать самой общей теоретической моделью следственных ситуаций, применимых в досудебном производстве по расследованию любого преступления. Отсюда следственную ситуацию можно определить *как информационную теоретическую модель, познание которой обеспечивает следователю возможность выбора приемов, способов и методик для решения задач в типичных криминалистических ситуациях досудебного производства*.

Иными словами, эта теоретическая модель исходя из характера научной абстрактности содержащихся в ней компонентов позволяет сформулировать следователю в самом общем выражении «программу деятельности, направленную к решению определенной задачи» [9, с. 109].

Программа деятельности по расследованию преступлений на основе метода аналогии позволяет применить типичные модели следственных ситуаций любого вида (группы) преступлений, схожих по своей информационной структуре с вышеприведенной информационной системой. При этом следователь может абстра-

гироваться от отдельных компонентов ситуации, но лишь при определенных условиях: если они не характерны для расследования вида (группы) преступлений. Например, для досудебного производства по расследованию дезертирства нетипичным является такой компонент информационной структуры следственных ситуаций, как данные о возможной инсценировке расследуемого события. Поэтому этот компонент при построении типичных теоретических моделей следственных ситуаций в досудебном производстве по делам данной категории может быть опущен. Определяющим критерием в этих обстоятельствах является относимость компонентов к процессу досудебного производства. Более высокая степень конкретности этого знания предоставляет следователю возможность формулирования типичного алгоритма решения той или иной задачи досудебного производства, т.е. программы деятельности, «содержащей полный перечень всех необходимых действий и их последовательность» [9, с. 109].

Возникают вопросы: каков механизм этой деятельности и как им следует пользоваться для достижения поставленных целей? Криминалистическая характеристика вида (группы) преступлений подсказывает следователю своим содержанием, что и где надо искать, каковы следы-последствия содеянного и т.д. Она же содержит знания о типичных материально фиксированных и идеальных следах вида (группы) преступлений. Их закрепление в качестве уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации возможно посредством достижения системной задачи (системы целей), что при проверке следственной версии обеспечивает спланированная, организованная и примененная в процессе досудебного производства, например, тактическая операция. Ее характер и содержание через указанную задачу (цели) определяются типичной теоретической моделью следственной ситуации, которая на основе своей информационной структуры подсказывает, какие процессуальные и непроцессуальные действия необходимо провести и какова должна быть их последовательность.

Значимость следственных ситуаций для планирования, организации и проведения тактических операций в процессе досудебного производства определяется не только возможностью задать или подсказать следователю необходимую программу деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность, но и тем, что они могут изменять системы целей и задач расследования как полностью, так и частично.

Таким образом, связи и отношения между следственными ситуациями и тактическими операциями в системе криминалистической характеристики расследования можно определить как «типовую криминалистическую характеристику вида (группы) преступлений - следственная ситуация - тактическая операция - следователь». Следственные ситуации в этой системе на основе прямых вероятностных связей выступают фактором, определяющим содержание тактических операций. Криминалистическая характеристика преступлений здесь играет опосредованную информационную роль.

В основе определения тактического характера следственных ситуаций лежат степень и характер противодействия, оказываемого процессу досудебного производства, а также, как верно замечает О.Я. Баев, «обусловленные этим

отношения, складывающиеся между следователем и субъектом - носителем информации, интересующей следователя» [10, с. 108].

Методический характер следственных ситуаций на каждом этапе досудебного производства определяется уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информацией, обусловливающей направленность и возможность досудебного производства [11, с. 224-232].

Криминалистами также подмечено (А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков и др.), что сложные следственные ситуации, их оценка и разрешение возникают и при производстве отдельных следственных действий и тактических операций. Неправильный анализ и оценка фактических обстоятельств в ситуациях не позволяют рассчитывать на успех применения и следственных действий, и указанных операций. Как при производстве следственных действий, так и при проведении операций складываются определенные следственные ситуации, но по содержанию и направленности они различны. Следственные ситуации, возникающие в рамках проведения определенных следственных действий и операций, характеризуют сложившиеся локальные обстановки главным образом с тактических позиций. Информационная основа таких положений согласуется с локальным характером их роли. Должным образом оцененное своеобразие содержания обусловливает выбор наилучшей тактики одного или нескольких действий с целью успешного решения стоящих перед ними задач. Такие ситуации практически не связаны с характером и особенностями преступлений. Поэтому их предложено именовать ситуациями следственных действий и ситуациями тактических операций. С этим следует согласиться.

Важно при этом учесть, что тщательный анализ содержания следственных ситуаций предоставляет следователю возможность планировать, организовывать и проводить необходимые тактические операции, обусловленные именно этими ситуациями, их информационным содержанием.

Следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах, наряду со следственными ситуациями являются важным компонентом криминалистической характеристики расследования. Здесь тактическая операция будет выступать как комплексный способ решения задач досудебного производства.

Проверка версий, как утверждает А.М. Ларин, состоит в целенаправленном и целесообразном, т.е. эффективном, собирании доказательств [12, с. 155]. Представляется правильным при проверке следственных версий посредством тактических операций выделять два этапа: мыслительную деятельность, т.е. предварительную логическую обработку следователем выдвинутой следственной версии и его практическую деятельность – организацию и проведение запланированной тактической операции.

Тактические операции связаны со следственными версиями способами достижения сложной (системной) задачи досудебного производства. Следующим компонентом криминалистической характеристики расследования является система следственных, оперативно-разыскных и иных организационно-технических действий.

Фактически это система способов собирания, исследования и оценки доказательств, о которой писал С.А. Шейфер [13, с. 45-60]. Связи и отношения в тактических операциях и системе способов собирания, исследования и оценки доказательств определяются следственными ситуациями. Они, как отметил Л.Я. Драпкин, в соответствии с принципами кибернетики и теории ситуационного управления из относительно ненадежных элементов (отдельные процессуальные и непроцессуальные действия) сформируют надежную подсистему – тактическую операцию [14, с. 31].

Вышеизложенное приводит нас к следующим выводам:

- характер следственных ситуаций и следственных версий досудебного производства непосредственно указывает следователю на содержание тактических операций, в меньшей степени он корректирует их системные задачи (системы целей);

- системы следственных и организационно-технических мероприятий с учетом характера следственных ситуаций и следственных версий непосредственно формируют содержание проводимой по делу тактической операции.

Наши выводы близки к выводам Л.Д Самыгина, исследовавшего процесс расследования преступлений как систему деятельности. «Постановка задачи, - писал он, - лишь слегка намекает на пути ее решения. Прямые рекомендации насчет целесообразных методов и средств предлагает криминалистическая характеристика расследования вида (группы) преступлений, особенно теперь, когда есть возможность предложить даже алгоритм решения определенной задачи (тактические операции. - И.К.)» [15, с. 57].

Установленные связи и отношения, полагаем, играют важную роль в процессах моделирования тактических операций для практического применения их следователем в процессе досудебного производства.

Библиографический список

1. Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений / Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982.
2. Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании / Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982.
3. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – 38 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. - 3-е изд., доп. – М.: Юнити-Дана, 2001. – 837 с.
5. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие. – М.: Бек, 1996. – 192 с.
6. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография. – Калининград: КГУ, 1997. – 248 с.
7. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Томский ун-т, 1985. – 333 с.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. – М.: Юнити-Дана, 1997. Т. 3. – 512 с.
9. Эйсман А.А. Логика доказывания. – М.: Юрид. лит-ра, 1977. – 112 с.
10. Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методологическая сущность / Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: материалы международной конференции. – М., 2002.

11. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. – М.: ЭКСМО, 2009. – 298 с.
12. Ларин А.М. От следственной версии к истине. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – 200 с.
13. Шейфер С.А. Следственные действия. – М., 2001. – 208 с.
14. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988.
15. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1989. – 154 с.

УДК 343.9

О ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Кучин О.С.,
доктор юридических наук, доцент,
член-корреспондент РАЕ
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: в науке криминалистике является дискуссионным вопрос о роли и месте криминалистической характеристики в методике расследования преступлений. Многие специалисты разошлись во мнениях о необходимости использования криминалистической характеристики преступлений при разработке методик их расследования. Вместе с тем значение криминалистической характеристики преступлений в разработке частной методики их расследования велико. Она во многом является основой частных методик расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, частная методика расследования, наука криминалистика, обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений, преступление, следствие.

ABOUT THE IMPORTANCE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES FOR THE METHODOLOGY OF ITS INVESTIGATION

Kuchin O.S.,
Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of RAE
(Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Abstract: in the science of criminology, the question of the role and place of the criminalistic characteristics in the methodology of investigating crimes is debatable. Many experts disagreed on the need to use the criminalistic characteristics of crimes in the development of methods for their investigation. At the same time, the significance of the criminalistic characteristics of crimes in developing a private methodology for their investigation is great. It is largely the basis of private investigation techniques.

Key words: criminalistic characteristics of crimes, private investigation methodology, science of criminology, circumstances to be determined when investigating crimes, crime, investigation.

Уголовные дела многообразны, каждому из них присущи свои индивидуальные особенности, поэтому их расследование не терпит шаблонов. Но тем не менее существуют криминалистические положения общего характера и частные криминалистические методики расследования отдельных преступлений, знание которых следователем или дознавателем в настоящее время является обязательным.

Разработка общих положений методики расследования отдельных видов преступлений началась давно, т.к. ещё в 1925 г. И.Н. Якимов третью часть изданного им руководства по уголовной технике и тактике назвал «Методология. Применение методов уголовной техники и тактики к расследованию преступлений» [1]. Исходной базой для разработки частной методики расследования отдельных видов преступлений служат материальное и процессуальное законодательство, теоретические положения криминалистики, изучение и обобщение практического опыта и следственной практики, данные различных наук непосредственно или в переработанном виде и используемые в процессе расследования преступлений. Правовой основой методики расследования преступлений является уголовное и уголовно-процессуальное право. Если правовые нормы нарушаются, рекомендации методики теряют обоснованность, а сама методика перестаёт выполнять поставленную перед ней задачу.

В структуру методики расследования преступлений как основополагающая составляющая, по мнению автора статьи, входит криминалистическая характеристика расследуемого преступления. По нашему глубокому убеждению, разработать частную методику расследования без глубокого научного криминалистического изучения самого преступления невозможно. Также автор считает, что создание объективных, научно обоснованных и адекватных криминалистических характеристик того или иного преступления является одной из основных задач, которые стоят перед учёными-криминалистами.

Однако в настоящее время в науке криминалистике является дискуссионным вопрос о роли и месте криминалистической характеристики в методике расследования преступлений. Многие специалисты разошлись во мнениях о необходимости использования криминалистической характеристики преступлений при разработке частных методик их расследования.

Вместе с тем понятие криминалистической характеристики преступлений известно специалистам в области расследования преступлений достаточно давно. Но как элемент методики расследования преступлений его впервые предложил использовать Л.А. Сергеев» [2, с. 4], который определил криминалистическую характеристику преступлений как «особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций» [3, с. 425]. Также в своем исследовании Л.А. Сергеев предложил и систему элементов криминалистической характеристики преступлений. В дальнейшем криминалистическая характеристика преступлений была исследована А.Н. Колесниченко, который связал её с научно-правовыми основами расследования отдельных видов преступлений» [4, с. 10, 14].

Впоследствии в научных трудах О.Я. Баева, В.П. Бахина Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгрина, В.К. Гавло, Ю.П. Гармаева, И.Ф. Герасимова, В.Д. Зеленского, Е.П. Ищенко, В.Е. Коноваловой, С.А. Куемжиевой, С.П. Митричева, В.А. Образцова, Л.А. Сергеева, В.Г. Танасевича, В.Г. Шмонина и ряда других криминалистов раскрыто понятие, структура и содержание криминалистической характеристики преступления как важного элемента расследования. Однако до настоящего времени вопрос о понятии, содержании и месте криминалистической характеристики преступления остается спорным.

Так, в своих работах С.А. Куемжиева и В.Д. Зеленский отмечают, что криминалистическая характеристика преступления во многом является основой частных методик расследования» [5, с. 59].

А.В. Шмонин в своих исследованиях указывает на то, что сравнение различных определений криминалистической характеристики свидетельствует о необходимости включить в ее структуру результаты изучения и обобщения преступлений, имеющие значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, «иначе смысл криминалистической характеристики теряется» [6, с. 161]. Это лишь одно из мнений относительно рассматриваемого предмета.

В криминалистической науке, по мнению автора статьи, обоснованно распространенно мнение, что криминалистическая характеристика преступления является неотъемлемой частью методики его расследования. Она базируется на обобщении практики расследования уголовных дел, характеризуется множественностью элементов и относится к неограниченному числу расследованных преступлений. Считается, что криминалистическая характеристика преступления указывает на возможные варианты того или иного его обстоятельства» [7, с. 40-41].

Криминалистическая характеристика для частной методики расследования – это обобщенные данные о преступлении, выделенные по определённому признаку, служащему основанием для формирования частной методики.

Поскольку криминалистическая характеристика преступлений – это научно-практическая категория, правовой определенности она не имеет. На этом основании определение ее содержания при разработке отдельной частной методики расследования преступлений осуществляется всегда индивидуально.

По мнению автора, в криминалистической характеристике преступлений должны содержаться те сведения, которые обосновывают предлагаемые методические рекомендации и способствуют раскрытию и расследованию преступлений.

Вместе с тем автор статьи не ставит своей целью дать в ней своё определение понятия криминалистической характеристики, а только отмечает проблему спорности данной научной категории и ее пригодности для практики разработок методик расследования преступлений. Но в этой связи хотелось бы еще отметить и отсутствие единства научного мнения в определении структуры криминалистической характеристики преступления и даже вообще о том, нужна ли она правоприменителю в принципе.

Значительная часть криминалистов включает в содержание элементов криминалистической характеристики данные о: а) распространенности и уголовно-правовых характеристиках преступного деяния; б) личности типичного пре-

ступника и типичного потерпевшего; в) типичных способах совершения и сокрытия преступления; г) типичных следах и следовых картинах, иных данных, имеющие значение для расследования отдельных видов и групп преступлений.

Хотелось бы выделить некоторые, с нашей точки зрения, интересные для практики расследования преступлений современные понятия криминалистической характеристики преступлений.

По мнению С.А. Куемжиевой и В.Д. Зеленского, «криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему сведений о составных элементах преступлений, которые имеют значение для расследования и могут быть использованы для установления обстоятельств совершения, сокрытия преступлений» [5, с. 55].

И.А. Возгрин считал, что под криминалистической характеристикой отдельных видов преступлений следует понимать описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных действий. По содержанию туда входят: а) понятие отдельных видов преступлений и общие уголовно-процессуальные условия их расследования; б) состояние и значение борьбы с данным видом преступлений; в) криминалистическая классификация конкретных видов преступлений: по способу совершения, личности преступников и личности потерпевших» [8, с. 6, 43].

В дальнейшем, развивая свои взгляды на криминалистическую характеристику, И.А. Возгрин включит в ее содержание следующие структурные элементы: а) определение того преступления для раскрытия, расследования и предотвращения которого разработана частная методика; б) описание наиболее типичной исходной информации; в) систему данных о способах совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях их применения; г) сведения о личности вероятного преступника и потерпевших; д) описание обстоятельств, подлежащих выяснению при расследовании рассматриваемого вида преступления» [9, с. 35]. Указанная позиция этого автора относительно понятия и содержания криминалистической характеристики преступлений, по нашему мнению, наиболее интересна для следствия своей прикладной направленностью.

По мнению автора настоящей статьи, криминалистическая характеристика преступлений является основой для разработки частной методики расследования по любому уголовному делу. Она является отправной точкой для организации процесса её создания.

Криминалистическая характеристика обязательно должна включать в себя три блока вопросов, рассмотренных и изученных её создателем, в основе которых лежит исследование следственных ситуаций:

1. Значимые обстоятельства, имевшие место до совершения преступления.

2. Значимые обстоятельства, имевшие место в момент совершения преступления.

3. Значимые обстоятельства, имевшие место после совершения преступления.

4. Значимые обстоятельства, возникающие и имеющие место в период проведения расследования преступления.

Основой разработки частной криминалистической методики расследования преступлений является изучение и исследование диспозиции уголовно-

правовой нормы Особенной части УК РФ, опубликованной судебной практики по изучаемой категории уголовных дел, следственно-судебная практика по изучаемой категории преступлений, нормативный материал по преступлениям с бланкетными составами, данные анкетирования следователей, оперативных сотрудников, специалистов, осужденных лиц, материалы уголовных дел и доследственных проверок, документы прокурорского надзора, научные исследования в области криминологии, социологии, уголовного права, криминалистики, оперативно-разыскной деятельности и т.д.

Кроме того, при создании криминалистической характеристики преступления могут классифицироваться в соответствии как с нормами УК РФ, а также и по криминалистическим признакам. И уже исходя из созданной криминалистической характеристики исследователь может начать разрабатывать частную методику расследования конкретного преступления.

Так, И.В. Александров однозначно включает криминалистическую характеристику в состав методики расследования преступлений, определяя её как «… информационную модель преступлений определённой классификационной группы, включающую наиболее значимые для их расследования признаки» [10, с. 103].

При создании криминалистической характеристики преступления исследователь обязательно должен обратить внимание и включить в её состав следующие элементы: обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании того или иного уголовного дела (куда включаются предмет и пределы доказывания по конкретному составу преступления), механизм совершения того или иного преступления, сведения о личности преступника и потерпевшего. В ходе разработки криминалистической характеристики преступления необходимо обращать внимание на исследование поведения преступника в ходе совершения преступления, способы его совершения, технологию преступного противодействия расследованию.

Надо отметить, что чем более подробно и объективно будет описано преступление в разработанной криминалистической характеристике, тем проще и эффективнее это преступление будет расследоваться и тем подробнее будет разработана его частная методика. Автор данной статьи считает, что данное положение должно являться аксиомой для криминалистов и может научно обсуждаться только в плане усовершенствования этой научно-практической деятельности. Как верно отметил И.В. Александров, «…криминалистическая характеристика преступлений служит трафаретом расследования, позволяя определить круг обстоятельств, которые необходимо установить по делу, способствует выдвижению наиболее вероятных следственных версий и оптимальной их проверке, формированию алгоритмов и программ эффективного расследования преступлений» [10, с. 104].

Библиографический список

1. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – М., 1925.

2. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1966.

3. Сергеев Л.А. Криминалистика. – М., 1971.
4. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967.
5. Куемжиева С.А., Зеленский В.Д. Общие положения криминалистической методики: монография. – Краснодар: КубГАУ, 2015.
6. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. – М.: Юстицинформ, 2006.
7. Бурданова В.С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, как важнейший элемент частных криминалистических методик // Вестник криминалистики. 2001. № 2. С. 40-41.
8. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: лекция. – Ленинград, 1976.
9. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. В 4 ч. – СПб., 1993. Ч. 4.
10. Александров И.В. Криминалистика. Тактика и методика: учебник. – М.: Юрайт, 2016.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОБИРАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕРТОМ

Егоров Н.Н.,
доктор юридических наук, профессор
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: в статье рассмотрен содержащийся в уголовно-процессуальном законодательстве и в некоторых случаях невыполнимый на практике запрет на собирание объектов исследования экспертом.

Ключевые слова: материалы исследования; объекты исследования; собирание материалов экспертом; собирание объектов исследования экспертом; методика экспертизы; экспертное задание.

TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITY OF COLLECTING OBJECTS OF STUDY EXPERT

Egorov N.N.,
Doctor of Law, Professor
(Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Abstract: in the article contained in the criminal procedure law, and, in some cases, impossible in practice, the ban on picking up of objects of research expert.

Key words: materials research; research facilities; collection of materials expert; the gathering of objects of expert research; methods of examination; expert job.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит норму, запрещающую эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования (п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). В норме не раскрывается, что имеется в виду под материалами. Но если сравнить п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ, ч. 1 ст. 199 УПК РФ и п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, то можно прийти к выводу, что под материалами понимаются объекты исследований. Развернутый их перечень дан в ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1].

Данное требование закона о запрете на собирание экспертом объектов исследований на практике по различным причинам зачастую не осуществляется.

Во-первых, иногда собирание объектов исследования поручается эксперту следователем, что не выходит за пределы полномочий следователя самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 39 УПК РФ).

Это довольно распространенные случаи, когда следы преступления как потенциальные объекты исследований не обнаруживаются при производстве следственных действий ввиду недостатка времени или неблагоприятных погодных условий, либо они не могут быть выявлены следователем или специалистом, имеющимися у них технико-криминалистическими средствами, а могут быть обнаружены только в лабораторных условиях при применении соответствующих инструментальных методов. В этом случае назначается экспертиза для выявления латентных следов преступления, что предусматривается следователем постановкой специального вопроса, направленного на обнаружение таких следов. Методы обнаружения таких латентных следов, как правило, применяются на подготовительной стадии экспертного исследования [2, с. 97-104, 108].

Во-вторых, в некоторых случаях собирание объектов исследований напрямую предусмотрено методикой экспертизы. Например, при производстве баллистических экспертиз в ходе экспертного эксперимента, огнестрельное оружие следует привести в состояние, пригодное для производства выстрела. При необходимости сломанные (деформированные) или отсутствующие детали берутся из другого экземпляра оружия той же системы, модели или образца. Факт замены деталей отражается в заключении эксперта [3, с. 132]. Как правило, сломанные или отсутствующие детали берутся из огнестрельного оружия, находящегося в натурно-справочных коллекциях [4, с. 36].

В-третьих, собирание объектов исследований для производства экспертизы одним экспертом для другого предусматривается ведомственными приказами. Например, производство судебно-медицинской экспертизы трупа предполагает при проведении его внутреннего исследования: изъятие объектов для дополнительного инструментального и (или) лабораторного исследования; направление на инструментальное и (или) лабораторное исследование изъятых из трупа и его частей объектов; приобщение к материалам экспертизы результатов дополнительных инструментальных и (или) лабораторных исследований биологических объектов, а также поступивших дополнительных материалов [5].

Учитывая законодательный запрет на собирание материалов, было высказано мнение, что эксперт вправе представлять обнаруженные им доказательства только в случаях, когда они выявлены им случайно и не оказывают влияние на его заключение [6, с. 87].

Конечно, с нашей точки зрения, это не решение проблемы, требуется законодательное разрешение эксперту собирать материалы для производства судебной экспертизы: во-первых, во всех вышеперечисленных случаях:

а) для выявления латентных следов на представленных на исследование объектах;

б) приведение объекта в рабочее состояние с использованием аналогичных объектов из натурных справочных коллекций;

в) при судебно-медицинском исследовании трупа – изымать части тела, органы и ткани для гистологических, химических и других исследований.

Во-вторых, разрешить эксперту собирать материалы для производства экспертизы, если это предусматривается:

а) методикой экспертизы;

б) экспертным заданием, что полностью соответствует полномочиям следователя, предусмотренным ст. 38 УПК РФ.

Этот вариант, с точки зрения автора, является наиболее предпочтительным, поскольку методики экспертных исследований постоянно совершенствуются, появляются новые, позволяющие выявлять и исследовать объекты ранее недоступные и обеспечивающие надежное сохранение исходной информации о них.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 30 декабря 2001 г.; 5 февраля, 24 июля 2007 г.; 28 июня 2009 г.; 6 декабря 2011 г.; 2 июля, 25 ноября 2013 г.; 8 марта 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Майлис Н.П. Дактилоскопия: учебник. – М.: МосУ МВД России, Щит-М, 2008. – 124 с.

3. Криминалистическая экспертиза: курс лекций. Вып. 2: Судебно-баллистическая экспертиза / отв. ред. В.А. Ручкин, под общ. ред. Б.П. Смагоринского. – Волгоград: Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 1997. – 236 с.

4. Петров К. Боеприпаси за огнестрелно нарезно оръжие и тяхното криминалистичиско изследвание. – Болгария, Чирпан: Стара Загора, 2000. – 270 с.

5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2010 № 18111. П. 39 [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2010/08/20/expertiza-dok.html.

6. Гордон Э.С. Правовые и организационные проблемы судебно-медицинской экспертизы в советском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1991. – 377 с.

УДК 343.9 : 004.9

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ОТПЕЧАТКАМ ПАЛЬЦЕВ И ЕГО АДАПТАЦИЯ К РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Кардашевская М.В.,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);
Никонович С.Л.,
доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет туризма и сервиса);
Кардашевский В.В.,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье анализируется международный опыт установления личности по отпечаткам пальцев, вносится ряд предложений по оптимизации использования дактилоскопических учетов в Российской Федерации.

Ключевые слова: дактилоскопический учет; обязательное дактилоскопирование; граждане Российской Федерации; лица без гражданства; иностранные граждане; международный опыт дактилоскопического учета.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN IDENTIFICATION BY FINGERPRINTS AND ITS ADAPTATION TO RUSSIAN REALITY

Kardashevskaya M.V.,
Doctor of Law, Professor
(Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot);
Nikonovich S.L.,
Doctor of Law, Associate Professor
(*Russian State University of Tourism and Service);*
Kardashevskiy V.V.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot)

Abstract: the article analyzes the international experience of identification by fingerprints, makes a number of proposals to optimize the use of fingerprinting in the Russian Federation.

Key words: dactyloscopic, accounting; mandatory fingerprinting; Russian citizens; stateless persons; foreign citizens; international experience of fingerprinting/

В 2018 г. исполняется 20 лет с момента принятия Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [1], однако споры вокруг его содержания не прекращаются. Прежде всего, это касается вопросов обязательности дактилоскопирования, расширения круга лиц, которые подлежат обязательному дактило-

скопированию, и органа, осуществляющего данную деятельность. При этом большинство ученых-криминалистов, предлагающих обязательное дактилоскопирование всех граждан России, независимо от их служебного положения или причастности к преступлению, ориентированы, прежде всего, на единственную цель – заполнение базы данных дактилоскопического учета отпечатками пальцев всех граждан России для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. При этом все ссылаются на опыт зарубежных стран, где, якобы, все это уже осуществлено. Поэтому представляется необходимым более детально изучить этот опыт, прежде чем формулировать какие-либо предложения.

Ст. 6 Федерального закона определяет направления использования дактилоскопической информации, полученной в результате проведения государственной дактилоскопической регистрации. Первые три направления связаны с необходимостью установления личности тех, кто объективно не может сообщить о себе каких-либо сведений: пропавшие без вести граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства; неопознанные трупы; граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, не способные по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности. Для этого в ст. 9 Федерального закона перечислены лица, которые подлежат обязательному дактилоскопированию. Если сравнить этот перечень с нормативными правовыми документами других стран, то можно выявить следующие различия.

В ряде стран (Австралия, Австрийская Республика, США, ФРГ, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Арабская Республика Египет, Канада, Финляндская Республика, Французская Республика) предусмотрено обязательное дактилоскопирование лиц, обратившихся за получением визы для въезда в страну. Возраст этих лиц определяется по-разному: от 6 лет в Финляндской Республике до старше 14 лет в ФРГ. В п. «с» ст. 9 Федерального закона говорится только об иностранных гражданах и лицах без гражданства, обратившихся в органы внутренних дел с заявлением о получении дубликата визы взамен утраченной или испорченной.

Иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие на территорию Евросоюза в поисках убежища и подавшие ходатайства о предоставлении политического или иного убежища либо о признании их беженцами, подлежат обязательному дактилоскопированию с 14 лет. Данные об этих лицах подлежат хранению не более 10 лет в системе «EURODAC». Основная цель системы «EURODAC» – исключить возможность подачи иностранцем заявления о предоставлении статуса беженца параллельно в двух или более государствах [2]. После вступления 19 июля 2013 г. в силу постановления Европейского парламента и Совета ЕС № 604-2013 (т.н. «Дублин-III») часть накопленной в «EURODAC» информации при определенных условиях может быть использована и в рамках следственных действий, производимых правоохранительными органами одной из стран-членов ЕС или Европолом, в том числе и для розыска без вести пропавших лиц.

В Таджикистане предусмотрено обязательное дактилоскопирование граждан, проживающих в опасных чрезвычайных зонах, имеющих природное и техногенное свойство [3].

Таким образом, для установления личности иностранных граждан и лиц без гражданства, объективно не имеющих возможности сообщить сведения о себе, в Российской Федерации желательно ввести правило об обязательном дактилоскопировании лиц, обратившихся за получением визы на въезд в нашу страну. Однако положительное решение данного вопроса может иметь отрицательный резонанс в мировой политике, да и статистика по неопознанным трупам, лицам, пропавшим без вести, свидетельствует об отсутствии крайней необходимости в принятии такого решения.

Интересен способ решения данного вопроса, принятый на Украине. В июле 2017 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о введении новых правил пограничного контроля. 1 сентября президент страны подписал указ о вступлении их в силу с 1 января 2018 г. Согласно данным правилам все иностранные граждане из государств, входящих в список стран миграционного риска, за исключением глав государств и правительств зарубежных стран, членов парламентских и правительственных делегаций, лиц до 18-летнего возраста, круизных туристов [4], членов экипажей транспортных средств, дипломатического персонала, должностных лиц международных организаций, должны будут при пересечении украинской границы в пунктах пограничного пропуска пройти дактилоскопирование всех десяти пальцев. Кроме того, пересечь границу можно будет только при наличии биометрического паспорта [5]. Собранные отпечатки пальцев будут храниться как на дактилоскопическом учете в Госпогранслужбе Украины (для соблюдения сроков пребывания в стране приехавших), так и на дактилоскопическом учете МВД Украины (как для розыска пропавших без вести лиц, так и для проверки на причастность к нераскрытым преступлениям) [6].

Таким образом, на Украине обязательному дактилоскопированию подлежат не только мигранты, но и туристы из стран миграционного риска старше 18 лет. Представляется, что данное правило может быть использовано и в нашей стране, тем более что практика дактилоскопирования мигрантов у нас давно отработана, а значит, введение такого правила не потребует никаких дополнительных финансовых вложений.

Следующим направлением использования дактилоскопической информации, полученной в результате проведения государственной дактилоскопической регистрации, является подтверждение личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Помимо уже отмеченных правил дактилоскопирования, которые в том числе могут использоваться при установлении личности человека, в ряде стран используются дополнительные меры. Так, в Австрийской, Итальянской и Финляндской Республиках, ФРГ предусмотрено обязательное дактилоскопирование иностранных граждан при оформлении документов по месту их проживания на территории страны. Причем в Финляндской Республике данная процедура предусмотрена для лиц старше 6 лет.

Конечно, наибольший интерес представляет обязательное дактилоскопирование граждан страны. Оно предусмотрено в Аргентине (при рождении ребенка); в Республиках Армения (при получении паспорта) и Индия; Королевстве Испания (при получении удостоверения личности гражданина Испании, как правило, с 14 лет); в Китайской народной республике (при получении удостоверения личности гражданина – программа начала действовать с 2013 г.), в Финляндской и Австрийской Республиках (при получении паспорта).

Однако необходимо учитывать, что информация по отпечаткам пальцев хранится исключительно в чипе паспорта или иного документа, удостоверяющего личность гражданина. Полицейские к ней доступ не имеют и использовать в расследовании преступлений в настоящее время не могут. Исключение составляет только финская полиция, которая имеет право пользоваться данной информацией для опознавания жертв крупных катастроф или преступлений (и только!).

Следующим направлением использования дактилоскопической информации являются предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также предупреждение и выявление административных правонарушений. Практически во всех странах мира существует дактилоскопический учет лиц, нарушивших закон. Однако и здесь есть ряд исключений. Так, в ФРГ дактилоскопический учет ведется на уровне Земель и отсутствует единая по стране база данных. В Государстве Израиль дактилоскопированию подлежат только лица, подозреваемые в совершении насильственных преступлений. Следует отметить, что в Государстве Израиль вообще отсутствует полицейский дактилоскопический учет. Дактилоскопирование не является обязательным и в местах лишения свободы. Связано это с тем, что обязательному дактилоскопированию подлежат все военнослужащие, а все граждане этой страны проходят обязательную воинскую службу. Однако полиция не имеет доступа к дактилоскопическому учету Министерство обороны.

В процессе раскрытия и расследования преступлений нередко возникает необходимость в получении отпечатков пальцев потерпевших и свидетелей для исключения следов неподозреваемых. В Российской Федерации данная процедура регламентируется ст. 202 УПК РФ и является обязательной для подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также иных физических лиц при рассмотрении сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ – заявителя, очевидца и др.). Следует отметить, что ни в УПК, ни в федеральном законе не указывается, что делать с данными отпечатками пальцев после проведения дактилоскопической экспертизы. В настоящее время эксперты сами решают этот вопрос, и некоторые из них вносят дактилоскопические сведения в единую базу данных дактилоскопического учета. В ряде стран (Палестина, Финляндская Республика) такое дактилоскопирование является добровольным, и личные данные дактилоскопированного лица подлежат уничтожению: в Палестине – после окончания сравнительной процедуры, в Финляндской Республике – после судебного разбирательства. В связи с этим предлагается дополнить ст. 202 УПК РФ частью 5 в следующей редакции «5. После проведения сравнительного исследования образцы подлежат уничтожению, за исключением образцов, полученных у подозреваемого, обвиняемого».

В мировой практике профилактики преступлений только в законодательстве ФРГ специально предусмотрено обязательное дактилоскопирование лиц в целях недопущения совершения ими преступления. Если имеются подозрения в отношении лица, не сообщающего сведения о себе, что оно совершит уголовно наказуемое деяние либо по своему виду и способу исполнения может иметь предпосылки повторного совершения, оно подлежит обязательному дактилоскопированию. После установления личности отпечатки подлежат уничтожению, но в некоторых случаях, если лицо ранее совершало преступления, хранятся на дактилоскопическом учете.

И последний момент, на котором следует остановиться, – это орган, осуществляющий ведение дактилоскопического учета. Если оценивать мировой опыт по данному вопросу, то в большинстве стран данный учет ведется в самостоятельных органах. Например, в Австралии – Национальная автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев; в Европейском союзе – система «EURODAC» и Автоматическая система идентификации отпечатков пальцев Automated Fingerprint Identification System (AFIS). В ряде стран отсутствует специальный дактилоскопический учет. Он объединен в единую систему биометрической идентификации (отпечатки пальцев, фотографии, генотипоскопические и фоноскопические сведения). Примером являются единая Федеральная биометрическая идентификационная система Аргентинской Республики и специальное управление, созданное в Республике Индия для осуществления проекта биометрической идентификации. В России на сегодняшний день дактилоскопический учет ведется и ГИАЦ МВД России (алфавитно-дактилоскопический), и в ЭКЦ МВД России, куда вошли сведения из упраздненной ФМС России. Естественно, что возможно дублирование сведений, хранящихся на разных учетах. Поэтому создание самостоятельного органа предлагается вполне обоснованным. Представляется, что России следует воспользоваться опытом Аргентинской Республики и Республики Индия по созданию единой системы биометрической идентификации.

Реализация рекомендаций и предложений, изложенных в данной статье, позволит повысить эффективность идентификации личности человека при обеспечении национальной безопасности России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Регламент Совета ЕС от 11 декабря 2000 г. № 2725/2000 «О создании системы «EURODAC» для сравнения отпечатков пальцев» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Республики Таджикистан от 3 сентября 1999 г. № 830 (ред. от 27.11.2014 № 1143) «О государственной дактилоскопической регистрации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Круизный туризм – перевозка людей водным транспортом [Электронный ресурс]. – URL: sokolov33.ru/index.php/vid-tirizrr.
5. Биометрический загранпаспорт: что это такое [Электронный ресурс]. – URL: visas am.ru/samotur/passport/ka.
6. Вступил в действие закон о дактилоскопии россиян на Украине [Электронный ресурс]. – URL: m.pravdanews.info/vstupil-v-deys.

УДК: 343.13; 343.14; 343.98

ФИКСАЦИЯ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Баранов А.М.,
доктор юридических наук, профессор;
Горшков М.М.,
кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России);
Корякин И.П.
(Управление медицинского обеспечения Департамента тыла МВД России)

Аннотация: работа посвящена проблеме фиксации хода и результатов производства следственных действий. Проводится анализ действующего законодательства и правоприменительной практики о возможности отказа от традиционной формы фиксации результатов следственного действия на бумажном носителе и переходу к электронной форме.

Ключевые слова: следственные действия, способ фиксации хода и результатов, протокол, электронный носитель.

FIXATION OF THE COURSE AND RESULTS OF INVESTIGATIVE ACTIONS, TRADITION AND MODERNITY

Baranov A.M.,
Doctor of Law, Professor;
Gorshkov M.M.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the MIA of Russia);
Koryakin I.P.
(Department of Medical Support of the Department of Logistics of the MIA of Russia)

Annotation: the work is devoted to the problem of fixing the course and results of the investigation. The analysis of the current legislation and law enforcement practice on the possibility of abandoning the traditional form of fixing the results of the investigative action on paper and the transition to electronic form is analyzed.

Key words: investigative actions, way of fixing the course and results, protocol, electronic medium.

Казалось бы, что проблемного в вопросе фиксации хода и результатов следственных действий в досудебном производстве? На первый взгляд, вопрос относится к числу элементарных для лиц, обладающих специальным юридическим образованием или даже незначительным опытом работы в правоохранительных органах и стакивавшихся с производством дознания или предварительного следствия. Всем знаком протокол, отпечатанный типографским способом или на печатной машинке – до недавнего времени, а ныне с использованием персонального компьютера и принтера, в крайнем случае, составленный от руки на чистом листе бумаги.

В действительности проблема есть. Современное общество за последние два десятилетия сделало громадный шаг в техническом развитии. Результаты этого развития находят место не только в высокотехнологичном производстве, наукоемких отраслях экономики страны, но проникли в наш быт и стали предметом повседневного пользования. Простой пример: фотография и кино-, видеосъемка. Двадцать лет тому назад эти ремесла были уделом специалистов. Эта деятельность была доступна лицам, обладающим специальными знаниями, а процесс был трудоемким (так называемый мокрый процесс) и затратным. От момента съемки до получения фотографий, готового киноматериала проходил значительный временной этап. Для изготовления фотографии, кинопленки надо было обладать знаниями о фоточувствительности пленки, разрешающих способностях объектива, концентрации и порядке подготовки химических реактивов для обработки фотопленки, кинопленки, фотобумаги и т.д.

Сегодня рядовой пользователь, от школьника до пенсионера, с помощью смартфона или цифрового фотоаппарата способен за секунды изготовить любое количество снимков и видеозаписи, а с помощью программ *WhatsApp, Viber* и др. сделать их доступными неограниченному количеству лиц и сохранить в виртуальном пространстве интернет-ресурсов, что обеспечит их длительную сохранность.

Вполне оправдан вопрос – какова взаимосвязь вышеуказанного с протоколированием следственных действий? Самая что ни на есть прямая. Правоприменительная практика фиксации порядка производства и результатов следственного действия оказалась невосприимчива к техническому прогрессу. Единственное достижение – это отказ от аналоговых средств фиксации и переход к цифровым, в остальном же порядок протоколирования на бумажном носителе остался неизменен. Попробуем разобраться, в чем причина, и предложить путь ее устранения.

Начнем с анализа нормативной базы вопроса. Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле. Содержание нормы таково, что не препятствует толкованию о возможности электронной (видео) фиксации следственного действия. Однако ч.ч. 7, 8 ст. 166 УПК РФ имеют указания на то, что протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии, а к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, электронные носители информации, при этом однозначно формируя представление правоприменителя о необходимости составления протокола на бумажном носителе.

От порядка и способа протоколирования следственных действий обратимся к общим правилам оформления процессуальных действий и документов. В ст. 474 УПК РФ законодатель установил, что процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом. Обращаем внимание, что закон разрешает составлять процессуальные документы *элек-*

тронным способом. Однако, правоприменитель, да и ряд ученых, со времени принятия УПК РФ (а прошло уже 16 лет) норму об изготовлении процессуальных документов *электронным* способом понимают только в значении набора текста документа на персональном компьютере с последующей распечаткой на принтере, т.е. на печатной машинке современного вида.

И вот что удивительно: такое толкование существует только в отношении процессуальных документов, составляемых в досудебном производстве. Смеем смело делать такое утверждение, поскольку содержание ст. 474.1 УПК РФ дозволяет электронный документооборот при производстве в суде. Более того, в ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ суду дозволяется решение изготовить в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. При изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе, т.е. экземпляр на бумажном носителе выступает как *дополнение* к электронному документу. Совершенно противоположный подход к фиксации результатов уголовного судопроизводства в суде и в досудебном производстве.

Может быть, такой подход законодателя есть исключение? Отнюдь! Согласно ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи (правило это действует уже с 2011 года). В отдельных случаях согласно ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ суд вправе принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференцсвязи.

Справедливости ради следует вспомнить попытку законодателя, предпринятую в 2013 году в ч. 5 ст. 191 УПК РФ, обязать в досудебном производстве применение видеозаписи или киносъемки в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражают. Однако содержание нормы таково, что обязательность видеозаписи не исключает составление протокола следственного действия на бумажном носителе.

Удивительнее всего была реакция руководства большинства подразделений дознания и органов предварительного следствия. Следователям (в ряде регионов) негласно было рекомендовано получать возражение от несовершеннолетнего или его законного представителя на применение видеозаписи при производстве следственного действия. В чем причина такой реакции? Ответ банален. Первое – это отсутствие технических условий. В подразделениях Министерства внутренних дел и Следственного комитета отсутствуют помещения для проведения следственных действий (допросов, очных ставок) с применением видеозаписи. Второе – это отсутствие практических навыков и научно обоснованных рекомендаций по проведению следственных действий с применением видеозаписи и фиксацией на электронном носителе. Интересно, как обстоит ситуация с данной проблемой в государствах, ранее входивших в со-

став Советского Союза, законодательство и правоприменение которых родственно российскому.

УПК Республики Казахстан в ст. 213 предусматривает возможность допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос), не ограничиваясь какой-либо стадией уголовного процесса. Однако указание в ч. 3 ст. 213 на обязательность подписания протокола участниками следственного действия свидетельствует о необходимости составления протокола на бумажном носителе. Такой же порядок закреплен в ч. 7 ст. 199 «Протокол следственного действия» УПК Республики Казахстан.

Существовавший в УПК Республики Казахстан подход к обязательному фиксированию результатов следственного действия в протоколе на бумажном носителе не согласуется с изменениями, произошедшими в 2017 году. Эти изменения по своей сути носят революционный характер. В новой статье 42-1 «Формат уголовного судопроизводства» установлена возможность фиксации уголовного судопроизводства в Республике Казахстан в бумажном и (или) электронном форматах. Лицо, ведущее уголовный процесс, по своему усмотрению может вести уголовное судопроизводство в электронном или бумажном формате, о чем выносится мотивированное постановление.

УПК Украины в ст. 103 «Формы фиксирования уголовного производства» предусматривает возможность фиксировать процессуальные действия в ходе уголовного производства на носителе информации, на котором с помощью технических средств зафиксированы процессуальные действия. В ч. 2 ст. 104 «Протокол» УПК Украины уточняется, что если с помощью технических средств фиксируется допрос, текст показаний может не вноситься в соответствующий протокол при условии, что ни один из участников процессуального действия не настаивает на этом. В таком случае в протоколе отмечается, что показания зафиксированы на носителе информации, который прилагается к нему. Ст. 107 «Применение технических средств фиксации уголовного производства» устанавливает возможность фиксации процессуального действия с помощью технических средств в ходе досудебного расследования, в том числе при рассмотрении вопросов следственным судьей. По ходатайству участников процессуального действия применение технических средств фиксации обязательно. Фиксирование с помощью технических средств уголовного производства в суде во время судебного разбирательства является обязательным. Участники судебного разбирательства имеют право получить копию записи судебного заседания, сделанного с помощью технического средства. Неприменение технических средств фиксирования уголовного производства в случаях, если оно является обязательным, влечет недействительность соответствующего процессуального действия и полученных в результате ее совершения результатов, за исключением случаев, если стороны не возражают против признания такого действия и результатов ее осуществления в силе.

Анализ законодательства Украины и Казахстана свидетельствует о более прогрессивном подходе к вопросу использования электронных средств фиксации и хранения информации в уголовном судопроизводстве. Конечно же, правовое регулирование в обеих странах в этом вопросе еще далеко от совершенства, более

того, противоречиво, но все же законодатель этих стран пытается идти в ногу со временем и предоставляет правоприменителю соответствующие возможности.

После анализа законодательства обратимся к учебной литературе по порядку производства и фиксации следственных действий. Для полноты восприятия ситуации проанализируем учебники по «Уголовному процессу» и «Криминалистике».

Начнем с уголовного процесса. По мнению профессора В.В. Кальницкого, протоколирование – одно из общих правил производства следственных действий, относящееся к процедуре закрепления хода и результатов следственного действия ч.ч. 6, 8 ст. 164 УПК РФ. В ходе производства следственного действия ведется протокол, который может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут применяться стенографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись [1, с. 241-242]. В других учебниках по уголовному процессу обнаруживаем аналогичный подход, что вполне объяснимо, поскольку в учебной литературе ученые-процессуалисты излагают общепринятое, устоявшееся в теории и практике восприятие норм закона.

Обратимся к теории криминалистики. В учебниках по этой в большей степени, чем уголовный процесс, прикладной дисциплине обнаруживаем, что основной задачей криминалистической тактики является организационное и техническое обеспечение наиболее эффективного проведения следственных действий [2, с. 395, 401; 3, с. 134; 4, с. 453]. В соответствующих разделах по криминалистической фотографии и видеозаписи обнаруживаем устоявшуюся систему научных положений и разработанные на их основе методы и средства фотосъемки и видеозаписи. При этом обучающей информации (практических рекомендаций) о порядке организации и проведения видеосъемки как средства фиксации производства и результатов отдельных видов следственных действий не обнаруживаем. На лицо проблема теории тактики криминалистики – отсутствие соответствующих научно обоснованных разработок.

«Документальный видеофильм, в полной мере отражающий произведенное следственное действие, можно снять, лишь правильно применяя операторские приемы видеозаписи. Поскольку на экране синхронно воспроизводится образная и звуковая информация, съемку фильма нужно проводить так, чтобы были доброкачественно зафиксированы не только изображение, но и звук» [5, с. 97].

Должны ли ученые-криминалисты ждать соответствующего законодательного дозволения, чтобы преступить к разработке рекомендаций по организации и техническому обеспечению электронного порядка фиксации хода и результатов следственных действий? Однозначно нет. В криминалистике есть тому прекрасные положительные примеры. Предъявление для опознания, прежде чем стать самостоятельным следственным действием, использовалось в качестве тактического приема допроса, следственный эксперимент также применялся как тактический или технический прием при производстве отдельных следственных действий [6, с. 43]. «В недрах практики зародилось такое процессуальное действие, как проверка показаний. Уголовно-процессуальным законом оно было не предусмотрено, а понятие и процедура его проведения до поры до времени разрабатывалась в криминалистике» [7, с. 21].

В современном мире вопрос о переходе к электронному документообороту уже фактически решен. Уголовное судопроизводство, консервативное по своей сущности, в вопросе технического перевооружения стоит на одном из последних мест. Применение электронных средств фиксации сначала при производстве следственных действий, а потом и всего судопроизводства должно в первую очередь решаться усилиями науки криминалистики. Уже сегодня ряд ученых высказывает мнение, что в ближайшие годы надо будет создавать новую криминалистику, в которой немного останется от старых методик, преступления в основном будут раскрываться с использованием новых коммуникационных и иных технологий [8, с. 6-10; 9, с. 253-259].

Как мы уже отмечали, неприятие электронного протоколирования следственных действий объясняется не только отсутствием законодательного дозволения, но в большей степени отсутствием навыков у следователей и дознавателей видеозаписи.

Разработка тактики производства следственного действия с применением методов и средств видеозаписи в действительности большая проблема. Кафедра криминалистики Омской академии МВД России осознала серьезность вопроса в 2014-2015 годах, когда проводила занятия по повышению квалификации с практическими работниками следствия, дознания и экспертами по организации взаимодействия при производстве следственных действий на первоначальном этапе расследования. Занятия показали, что ни следователи (дознаватели), ни эксперты не знают, как квалифицированно и профессионально осуществлять видеозапись следственного действия. Многие были не готовы психологически к тому, что работать придется под объективом видеокамеры. Возникали вопросы, кто должен выступать в качестве оператора, может ли это лицо меняться при производстве осмотра места происшествия. Даже при производстве допроса возникало множество тактических сложностей: как расположить камеру, должна ли она быть статична или запись может вестись в динамике, все ли участники следственного действия должны находиться в кадре и т.д.

Справедливость требует признать, что и преподаватели не были в готовы к квалифицированному и профессиональному решению данной проблемы. Большинство преподавателей не владеют в достаточной мере операторским искусством. Да, именно операторским искусством, а еще ораторским и режиссерским, поскольку говорить и что-то делать на камеру и без камеры – вещи совершенно разные. Нам представляется, что не только искусством, но и базовыми знаниями операторского мастерства владеют далеко не все преподаватели криминалистики высших учебных заведений МВД России.

Подготовка и обучение навыкам криминалистической видеозаписи преподавателей для последующего обучения курсантов и практических работников – вопрос уже не сегодняшнего, а вчерашнего дня. Проблема обучения преподавателей требует серьезного и скорейшего разрешения, поскольку не во всех городах есть учебные заведения по подготовке видеооператоров. Только при таком комплексном подходе консерватизм или традиция протоколирования на бумажном носителе уступят место электронной форме протокола.

Да, есть еще серьезная проблема накопления, хранения и передачи электронных документов при производстве по уголовному делу. Поскольку проблема действительно серьезная, то и требует отдельного рассмотрения в самостоятельной публикации.

Библиографический список

1. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. - 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. - 555 с.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. - 781 с.
3. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебник. – М.: Дашков и К, 2009.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма-Инфра, 2001. - 990 с.
5. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Контракт, 2006. - 748 с.
6. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник. – СПб.: Лема, 2009. - 904 с.
7. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. – М.: Проспект, 2011. - 768 с.
8. Ищенко Е.П. Криминалистика учит думать, анализировать, планировать, и в этом смысле ее изучение полезно всем юристам // Судья. 2014. № 5. С. 6-10.
9. Шутемова Т.В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу? // Библиотека криминалиста. 2016. № 3(26). С. 253-259.

УДК 343.98.062

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Леханова Е.С.,
доктор юридических наук, доцент
(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Аннотация: статья посвящена категории «судебно-бухгалтерская информация». Исследована связь способа совершения преступления с содержанием судебно-бухгалтерской информации. Автор выделяет объективные и субъективные факторы, влияющие на возможности обнаружения доказательств в данных бухгалтерского учета.

Ключевые слова: экономические преступления, расследование, информация о преступлении, судебная бухгалтерия, судебно-бухгалтерская информация.

THE USE OF FORENSIC ACCOUNTING INFORMATION FOR PURPOSES OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Lekhanova E.S.,
Doctor of Law, Associate Professor
(Nizhni Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky)

Abstract: the article is devoted to the category «forensic accounting information». The connection of the method of committing a crime with the content of forensic accounting information is investigated. The author highlights the objective and subjective factors affecting the detection of evidence in accounting data.

Key words: economic crime, investigation, information about the crime, forensic accounting, forensic accounting information.

К числу основных понятий, составляющих современный категориальный аппарат науки судебной бухгалтерии, несомненно, относится термин «судебно-бухгалтерская информация». Его появление стало результатом изучения сложных механизмов взаимодействия преступной деятельности, совершаемой в процессе либо под видом законных хозяйственных операций, и деятельности по формированию документированной систематизированной информации об объектах бухгалтерского учета. Методологической основой исследований в данной сфере, начало которых относится к 80-м годам прошлого столетия, явились системные представления о преступной деятельности, совершаемой под видом законных хозяйственных операций, как о материальном процессе реальной действительности, получающем отражение во внешней среде и неизбежно отражающем особенности этой среды в своем собственном содержании [1, с. 27-29]. В результате было установлено, что в формируемой экономической информации о деятельности хозяйствующих субъектов в случае совершения преступления отражается не само деяние, а результат взаимодействия преступной и легальной, законной хозяйственной деятельности.

По существу, информация о глубоко замаскированных противоправных деяниях в сфере экономики представлена в данных бухгалтерского учета в неявном виде. Наука «судебная бухгалтерия», в отличие от науки бухгалтерского учета, как раз и нацелена на познание закономерностей обнаружения и использования такой судебно-бухгалтерской информации [2, с. 16].

Декодирование судебно-бухгалтерской информации является одной из главных задач деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в сфере экономики. Конечная цель характеризуемой деятельности применительно к конкретному деянию заключается в том, чтобы создать систему доказательств по конкретному уголовному делу. Очевидно, что система доказательств должна быть адекватным отображением системы преступной деятельности, реализованной через совокупность конкретных действий. Следует согласиться с М.К. Каминским в том, что деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию конкретного преступления может рассматриваться как развивающаяся система, воссоздающая структуру расследуемого преступления, на базе чего и ведется доказывание ее компонентов и всей совокупности их связей [3, с. 153-154].

Именно способ совершения преступления определяет содержание и структуру системы судебно-бухгалтерской информации, исходя из которых строится методика ее первичного прогнозирования, а также последующего уточнения первоначального прогноза.

Основой прогноза, а следовательно, и механизма обнаружения судебно-бухгалтерской информации, является генетическая взаимосвязь признаков способа преступления, которая проявляется на трех уровнях информации: документация, учетные регистры и отчетность. Особую роль здесь играет первичная учетная документация, служащая важнейшей базой доказывания преступлений в сфере экономики.

Процесс обнаружения судебно-бухгалтерской информации и создание доказательственной базы по уголовному делу может быть разделен на два этапа: первый предполагает обнаружение изменений (подлогов) в учетных данных, на втором выявляют действительные учетные сведения об изменениях в объектах бухгалтерского учета.

Взаимосвязь двух этапов вполне очевидна. На основании выявления подложных записей в бухгалтерском учете можно установить степень поражения ими данных, формируемых его системой. Только на этой основе возникает возможность восстановить первоначальный вид экономических показателей. В конечном итоге обнаруженные изменения объектов учета, не получившие ввиду подлогов правильного отображения в учете, приобретают значение доказательств по уголовному делу.

Основным в процессе обнаружения доказательств является первый этап исследования. Именно он предопределяет успешность второй стадии работы. Кроме того, на первом этапе обнаруживаются имеющие собственное доказательственное значение изменения учетных данных.

Возникновение этих доказательств вполне закономерно. В случае преступного использования средств бухгалтерского учета обычные бухгалтерские операции чередуются с маскируемыми под них преступными действиями. Сами эти действия, как и обычные операции, вызывают изменения в специфической материальной среде – в совокупности материализованных знаковых представлений о явлениях хозяйственной жизни экономического субъекта. Часть таких представлений (записи в документах о фиктивных хозяйственных операциях, иные подлоги) является результатом определенных преступных действий, а в случае выявления – доказательствами по уголовному делу. С помощью связанных с событием преступления изменений данных бухгалтерского учета устанавливаются участие работников бухгалтерского аппарата в совершении общественно опасных деяний, способы маскировки причиненного ущерба и другие важные обстоятельства.

Обнаружение судебно-бухгалтерской информации представляет собой объективную возможность, которая реализуется в ходе раскрытия и расследования преступлений. Однако, несмотря на объективно существующую возможность, некоторые доказательства (в нашем случае изменения учетных данных) могут остаться не обнаруженными в силу действия различных объективных и субъективных факторов, среди которых можно выделить:

– специфичность форм выражения некоторых информационных сигналов;

– влияние субъективных факторов на возникновение самих этих форм.

Специфичность форм выражения информационных сигналов в случаях интеллектуального подлога в учетных документах прежде всего связана с тем, что этот подлог может не вызывать каких-либо особенностей во внешнем виде самих документов. Бестоварная накладная, безденежное платежное поручение, составленные с соблюдением всех реквизитов, обычно ничем не отличаются от подлинного документа, поскольку подлог здесь выражен в иной форме, не уловимой при внешнем осмотре. Объективным фактором, затрудняющим выявление интеллектуального подлога, в данном случае является специфичность формы проявления подложных учетных записей во внешней среде. Установить такие подлоги можно лишь при системном подходе к изучаемым явлениям учетного процесса.

Известно, что показатели как отдельного учетного документа (регистра), так и всей совокупности документов и учетных записей образуют единую систему. Внесение в конкретный документ (регистр) подложных данных приводит к тому, что в результате преступных действий совокупность взаимосвязанных показателей приобретает новое свойство: в ней возникают характерные несоответствия. В отличие от элементарных отображений (след пальца, транспортного средства, подчистки, исправления) информационное значение в подобных ситуациях приобретают не сами предметы и явления, а разнообразные связи и отношения между ними.

Для извлечения информации о подлоге недостаточно рассмотреть подложную запись или документ как таковые. Их необходимо сопоставить с другими документальными данными. Доказательственное значение в этом случае приобретают как документы, являющиеся целиком или в какой-то части продуктом преступных действий, так и документы, происхождение которых само по себе с преступными действиями не связано. Последняя группа документов приобретает доказательственное значение также в результате преступных действий, но не как продукт этих действий, а как элемент единой системы данных, деформированных этими действиями.

Таким образом, в процессе доказывания могут использоваться как подложные, так и доброкачественные учетные записи. Документы и записи, содержащие заведомо ложные сведения (как изменения среды, вызванные непосредственно преступными действиями), приобретают значение вещественных доказательств по уголовному делу. Документы и записи, выполненные в обычном порядке, также могут стать доказательствами по делу, однако это возможно лишь в тех случаях, когда изучение их дает сведения об изменении среды, вызванном самим преступлением. В этих случаях учетные записи не становятся вещественными доказательствами, а используются при доказывании в качестве соответствующих документов.

Ценность их для доказывания злоупотреблений состоит именно в том, что они правильно отображают какие-либо стороны фактически выполненной хозяйственной операции, содержание которой искажено в других исследуемых документах.

Информация о криминальных изменениях проявится тогда в виде разного рода противоречий между взаимосвязанными учетными данными. Так, если один из экземпляров накладной будет содержать заведомо ложные сведения (завышенная цена, заниженное количество товарно-материальных ценностей), то этот экземпляр как элемент среды, непосредственно измененный преступными действиями, явится вещественным доказательством.

Второй экземпляр той же накладной, где операция отражена правильно, также будет доказательством. Доказательственное значение будет приобретено им в результате изменения среды, вызванного преступлением (подлог в первом экземпляре накладной). Однако как таковой второй экземпляр сам не является изменением среды, порожденным преступными действиями, и потому не становится вещественным доказательством. Он остается документом в процессуальном значении этого слова.

Другая особенность процесса декодирования судебно-бухгалтерской информации предопределяется возможной направленностью преступных действий не только на сокрытие изменений хозяйственной деятельности, но и на возникновение самих форм выражения информации о подлоге.

Влияние субъективных факторов на возникновение судебно-бухгалтерской информации достаточно многообразно. В зависимости от этого можно различать четыре основные ситуации, которые в значительной степени определяют стратегию декодирования.

Первая ситуация характеризуется тем, что преступник, наряду с оставлением обычных следов, придает учетным данным определенные свойства, специально предназначенные для информирования о фактах подлога. Разумеется, при этом выбирается код, понятный самому преступнику или узкому кругу заинтересованных в сокрытии подлога лиц. Роль кода могут играть различные пометки на подложных документах, выполнение отдельных реквизитов специальным способом, использование необычных аналогий между реквизитами подложных документов.

Специальная система кодирования информации встречается не только при составлении подложных первичных документов. Применяется она иногда и при ведении различного рода черновых записей, так называемого неофициального учета. В целом эту ситуацию следует рассматривать как особо благоприятную для обнаружения доказательств, поскольку в случае расшифровки избранного преступником кода работа по выявлению подложных документов здесь заметно облегчается.

Вторая ситуация, особенно неблагоприятная для выявления подложных документов, возникает, если преступники знают возможные формы выражения информации о хозяйственной деятельности в данных учета и имеют доступ ко всем взаимосвязанным документам. Для предупреждения возможных несоответствий они вносят подложные записи, подкрепляющие друг друга, во все эти документы либо нарушают порядок оформления некоторых из них с тем, чтобы исключить использование их при выявлении преступлений. Преступники нередко пользуются сложившимися на предприятии без их собственных усилий недостатками в организации учета и оформления документов.

Процесс обнаружения подложных документов в этом случае характеризуется всемерным расширением круга объектов исследования, апробированием самых разнообразных судебно-бухгалтерских методов. В результате иногда удается обнаружить в документах некоторые несоответствия, почему-либо не замеченные преступниками.

Третья ситуация аналогична второй в том смысле, что преступник знает формы выражения информации о подлоге. Однако, в отличие от предыдущей ситуации, он по каким-то причинам не в состоянии внести в документы достаточное число изменений (например, если некоторые документы оформляются лицами, не входящими в преступную группу). В этих случаях, расширяя круг сопоставляемых документов, в конечном итоге удается найти характерные противоречия. В некоторых конкретных ситуациях, когда в преступлении участвуют работники двух или нескольких организаций (отделов), полная маскировка преступлений оказывается невозможной из-за различий в исходных учетных данных. В последнем случае, заведомо оставляя следы, преступник выбирает наиболее безопасную, с его точки зрения, форму отражения совершаемых подлогов в учетной информации и совершает некоторые из них специально для того, чтобы направить происходящие в учетном процессе изменения в нужное русло.

Последняя, четвертая ситуация может быть охарактеризована как «неосознанное информирование». Преступник не знаком с формами выражения информации о подлоге, а его действия объективно вызывают в учетных данных характерные изменения, которые приобретают значение информационных сигналов о совершенных противозаконных действиях.

Исходя из уровня представлений преступника, в четвертой ситуации можно выделить два частных случая. Для первого характерно полное незнание преступником конкретных методов исследования, применяемых для выявления подлогов, для второго – частичное знание этих методов.

Таким образом, знание принципов декодирования судебно-бухгалтерской информации позволяет разрабатывать криминалистические методические рекомендации для типичных ситуаций оперативно-следственной практики в целях выявления и расследования преступлений.

Библиографический список

1. Голубятников С.П., Дубровин В.А. Использование экономического анализа при расследовании преступлений. – М.: Юридическая литература, 1981. – 120 с.

2. Судебная бухгалтерия: курс лекций / С.П. Голубятников, С.С. Воронов, Е.С. Леханова, А.Н. Мамкин. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2013. – 354 с.

3. Каминский М.К. Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений / Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. – Горький, 1977. Выпуск 8.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННО-БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Еремин С.Г.,
доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье отмечается, что стремительное и глобальное развитие компьютерных информационных технологий существенно повлияло на организацию всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и бизнеса во всем мире. В статье мы рассматриваем реальные проблемы, связанные с угрозой вмешательства киберпреступников в работу финансовых компаний и их клиентов. В целях повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений в сфере ДБО авторы изложили некоторые важные элементы криминалистической характеристики, содержащие специфическую информацию, способствующую выдвижению версий, проведению следственных действий для получения доказательств преступления данного вида, установлению лиц его совершивших.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; компьютерная информация; доказательства преступления; интернет-банкинг; юридические лица; физические лица; способы преступления; следы-признаки преступления; следственные версии; дистанционно-банковское обслуживание.

SOME IMPORTANT ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF REMOTE BANKING

Eremin S.G.,
Doctor of Law, Professor
(Volgograd Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article notes that the rapid and global development of computer information technology has significantly affected the organization of all spheres of society, including business worldwide. In this article we consider the real problems associated with the threat of interference of cybercriminals in the work of financial companies and their customers. In order to improve the efficiency of the disclosure and investigation of crimes in the field of DBD, the authors outlined some important elements of the forensic characteristics that contain specific information that contributes to the advancement of versions, conduct investigative actions to obtain evidence of a crime of this type, the establishment of persons who committed it.

Key words: forensic characterization; computer information; evidence of a crime; Internet banking; legal persons; natural persons; methods of crime; the traces of the crime; investigative leads; remote-banking services.

Быстрое и глобальное развитие компьютерных информационных технологий существенно повлияло на организацию бизнеса во всем мире, стали очевидными автоматизированные функциональные процессы, современные технологии устранили расстояния, увеличили количество различного рода хозяйст-

венно-финансовых операций. В частности, сегодня можно хранить корпоративные данные на сервере в Малайзии, а осуществлять платежи в другом государстве или, находясь в Волгограде, оказывать услуги иранским партнерам и т.д. Глобальность социальной информатизации позволяет совершать хищения компьютерной информации или неправомерного осведомления заинтересованных лиц о ее содержании [1].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова обозначены два определения термина «информация»:

Первое сводится к тому, что это «… сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством».

Второе, что это «… сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь (научно-техническая и газетная информация, средства массовой информации – печать, радио, телевидение, кино)» [2].

К.К. Колин пишет: «Информация – это не плод нашего воображения, не продукт деятельности сознания, а реальный физический феномен, характеризующий состояние и движение материи или энергии» [3, с. 2-16].

Вместе с тем, М.С. Цветкова и Л.С. Великович отмечают: «Сведения – это знания, выраженные в сигналах, сообщениях, известиях, уведомлениях и т.д.» [4, с. 21].

За последние годы системы дистанционного банковского обслуживания (ДБО) стали неотъемлемой частью взаимодействия коммерческих и иных организаций с банковской системой. Все чаще финансовые операции совершаются с помощью сети Интернет, а возможность удаленного доступа к банковским услугам в режиме реального времени важна в решении различного рода вопросов современного бизнеса. Удобство применения таких систем позволяет снизить издержки и повысить оперативность проведения финансовых операций.

Дистанционное банковское обслуживание – это комплекс сервисов удаленного доступа клиентов к банковским услугам.

При этом клиент удаленно (без визита в банк) передает необходимые распоряжения, используя информационные технологии. Существует большое количество терминов, используемых как синонимы для описания услуг дистанционного банковского обслуживания через Интернет. Например, клиент-банк, банк-клиент, электронный банкинг и пр. Встречаются и англоязычные варианты обозначений (например, online-banking, remote banking, e-banking, home banking, internet banking и т.д.).

Однако, несмотря на разное количество терминов, связанных с наиболее распространенным видом ДБО, системы электронного банкинга сводятся к двум основным типам систем, в которых и совершается большая часть преступлений:

1. Клиент-банк.

2. Интернет-клиент.

Так, первая система направлена на обслуживание банком юридических лиц; вторая – на обслуживание физических лиц.

Обе вышеназванные системы объединены тем, что доступ к системе осуществляется через персональный компьютер и для соединения с банком используется компьютерная сеть Интернет. Принципиальное отличие состоит в том, что для системы «Клиент-банк» устанавливается на компьютере специальная программа, а для системы «Интернет-клиент» вполне достаточно наличия обычного браузера (см. рис. 1).

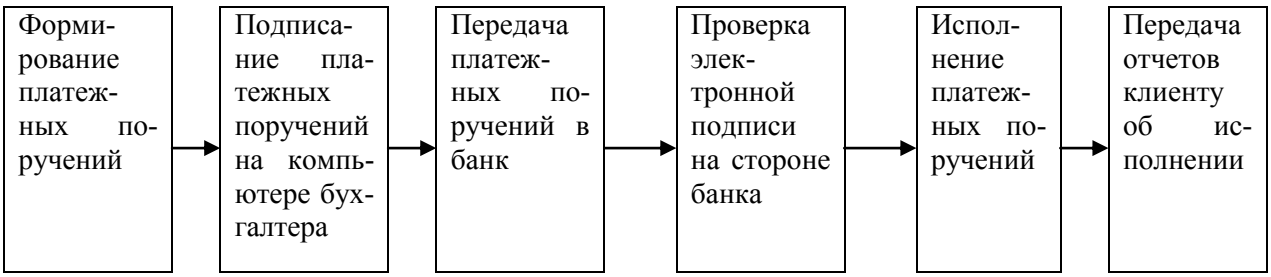

Рис. 1. Схема дистанционного банковского обслуживания.

Из схемы видно, что дистанционное банковское обслуживание – это вполне приемлемая, удобная, доступная и оперативная форма обоюдного взаимодействия банка и клиента, несущая выгоды обеим сторонам.

Однако, кроме преимуществ, применение информационных технологий ДБО обозначило новые, ранее неизвестные и даже непредполагаемые проблемы для добросовестных пользователей. Одна из таких реальных проблем – это угроза вмешательства киберпреступников в работу финансовых компаний и их клиентов. Оперативные сотрудники, следователи, эксперты стали сталкиваться с различными преступлениями, затрагивающими интересы финансовых организаций и граждан. Это DDos-атаки (распределенные атаки на отказ в обслуживании), подрыв репутации путем размещения в Интернете клеветы, оскорблений, а также мошенничество в системах дистанционного банковского обслуживания, взлом серверов и хищение конфиденциальной информации и денежных средств. Каждое из этих незаконных действий пагубно отражается на хозяйственно-финансовой и иной деятельности пострадавших компаний и граждан, но наибольший финансовый ущерб наносят мошенничества системам интернет-банкинга.

В этой связи представляется важным рассмотреть содержание отдельных значимых элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере дистанционного банковского обслуживания. В криминалистической литературе традиционно выделяют такие элементы криминалистической характеристики, как: 1) способ подготовки, совершения и сокрытия преступления; 2) личность преступника; 3) механизм следообразования; 4) предмет преступного посягательства; 5) обстановка совершения преступления (место, время) и др. Рассмотрим наиболее значимые из них применительно к преступлениям в сфере ДБО.

Под способом совершения преступления принято считать детерминированный целым рядом субъективных и объективных факторов комплекс действий субъекта (субъектов) по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния [5, с. 331].

В частности, ученый Я.П. Яблоков указывает на «…очевидное проявление закономерных связей между способом совершения преступления и формой его отражения в окружающей среде …» [6, с. 3].

Следует иметь в виду, что не обязательно, чтобы способ преступления включал в себя все вышеназванные названные элементы, так как существуют преступления, где преступник может не осуществлять никаких действий по сокрытию или не может их осуществить (к примеру, в силу своего болезненного состояния), что бывает редко. Все же преступник при совершении преступлений, требующих интеллектуального подхода, стремится скрыть преступление (уничтожить оставленные следы, фальсифицировать обстановку происшествия либо непосредственно самих следов). Цель этих действий предполагает, с одной стороны, воспрепятствовать своевременному обнаружению преступления, с другой, скрыть возможность установления личности преступника. Многие ученые-криминалисты считают способ совершения преступления центральным звеном криминалистической характеристики, а ее другие элементы, связанные с ним, хотя и имеющие самостоятельное значение, признают второстепенными. В то же время бесспорно установлено наличие корреляционной зависимости между способом преступления и личностью преступника, обстановкой (временем и местом) совершения преступления и личностью преступника, механизмом следообразования и другими структурными элементами криминалистической характеристики.

Н.И. Шумилов обозначает три группы «информационных» способов совершения преступлений, где объектом посягательства является информация, содержащаяся на машинных носителях:

1) незаконное изъятие носителей информации;

2) несанкционированное получение информации;

3) неправомерное манипулирование информацией [7].

В целом нам импонирует такая классификация Н.И. Шумилова, но в ней наличествуют особенности (в частности, незаконное изъятие носителей информации может восприниматься как хищение компонентов техники, содержащей такую информацию, т.е. квалифицироваться как кража собственности).

Наряду с этим Ю.И. Ляпунов и В. Максимов полагают, что предметами рассматриваемых видов преступлений выступают компьютерная информация либо информационные ресурсы машинных носителей в системе ЭВМ или их сети [8, с. 9].

На этом основании, на наш взгляд, действия преступников, похитивших компьютер, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений против: а) собственности; б) компьютерной информации (в случае, когда установлен неправомерный доступ к охраняемой законом информации).

Справедливой представляется позиция В.Б. Вехова полагающего, что «… способы совершения рассматриваемых видов преступлений делятся в зависимости от их вида: во-первых, когда компьютерная техника выступает в роли объекта посягательства; во-вторых, когда она же выступает в роли орудия и средства совершения преступления. Он полагает в первом случае то, что объектом преступного посягательства является информация, находящаяся в компью-

тере. В.Б. Вехов не отрицает, что такие же действия могут быть совершены и без нее (физическое уничтожение жесткого диска компьютера с находящейся на нем информацией). Вместе с тем автор, считая, что орудием преступления является компьютерная техника, подразумевает ее использование как для получения несанкционированного доступа, прослушивания и перехвата сообщений, так и для хранения информации (например, баз данных номеров украденных автомобилей) [9].

В итоге очевидно отсутствие границ отнесения того или иного способа совершения рассматриваемых видов преступлений к какой-либо группе способов ввиду взаимной интеграции содержания понятий. С учетом сказанного предлагаем из существующих оснований классификации видов преступлений и, соответственно, способов их совершения, выделить те, в которых:

а) информация в устройствах компьютерного типа выступает в роли объекта посягательства;

б) компьютерная техника и средства коммуникации выступают в роли орудия и средств совершения преступления;

в) к информации, находящейся на машинных носителях, возможны неправомерный доступ, а также манипулирование ею в преступных целях только при использовании аппаратных и программных средств компьютерной и иной техники (смешанная группа способов), т.е. частные виды первых двух групп способов совершения рассматриваемых преступлений объединены в третью группу. Итак, способы совершения преступлений в сфере высоких информационных технологий, включая ДБО, мы объединяем в следующие три группы способов, в которых:

1) объектом посягательства является информация, находящаяся на машинных носителях (компьютерах, мобильных телефонах, электронных записных книжках и т.д.);

2) компьютерная техника, средства коммуникации и т.д. выступают в виде орудий и средств совершения и сокрытия преступления;

3) применяются высокотехнологичные устройства, и их использование направлено на получение незаконного доступа к информации, ее модификации или блокирования и оперирования ею в преступных целях.

Как представляется, перечисленные группы объединяют достаточно большое количество способов совершения преступлений в сфере высоких информационных технологий. Однако каждый конкретный способ может быть отнесен к той или иной группе по классификационным основаниям, под которыми подразумеваются приемы совершения определенных действий в преступных целях.

Для отнесения того или иного способа к конкретной группе способов совершения преступлений в сфере высоких информационных технологий, где объектом посягательства становится информация, находящаяся на машинных носителях, классификационным основанием является метод блокирования, т.е. выполнение преступником действий, физически приводящих к блокировке или уничтожению информации на машинных носителях (разукомплектованию устройств, использованию физических и химических методов воздействия на них,

ограничению к ним доступа в виде организации завалов в ходе взрыва и др. в целях временного затруднения доступа либо полного уничтожения). Подобная ситуация будет очевидна при краже.

Так, в США преступники похитили компьютеры с важной информацией стоимостью полмиллиарда долларов, что рассматривалось как промышленный шпионаж против Interactive Televisiont Technologies Inc. Похищенная информация являлась секретным коммерческим проектом по превращению каждого телевизионного приемника в устройство доступа к сети Интернет [10].

Рассмотрим наиболее распространенный способ мошенничества в системах интернет-банкинга, который состоит из трех основных этапов:

1. Получение информации для осуществления неправомерного доступа в систему «Клиент-банк».

2. Проведение мошеннической операции.

3. Обналичивание денег.

В ***первом способе*** (получение информации для осуществления неправомерного доступа в систему дистанционного банковского обслуживания «Клиент-Банк») для хищения авторизационных данных пользователя системы ДБО (логина, пароля и ключей электронной цифровой подписи) преступники используют специальное вредоносное программное обеспечение (ПО). Чаще всего это модификации известных банковских Троянов Zeus, SpyEye, Carberp с дополнительным функционалом.

Схема работы таких вирусов следующая: сотрудник компании (гражданин) посещает зараженный веб-сайт, с которого на его компьютер, используя ту или иную уязвимость, загружается вредоносная программа, обходящая антивирусную и другие виды защит. Попадая на компьютер, такая программа определяет, с какими приложениями работает пользователь. При обнаружении следов работы с системами дистанционного банковского обслуживания или системами электронных денег на компьютер дозагружаются вредоносные модули, предназначенные для хищения авторизационных данных пользователя.

Все эти данные вместе с сопутствующей информацией, например, о количестве денежных средств на банковских счетах, попадают в руки преступников. Современные банковские вирусы, к примеру, Трояны, имеют широкий функционал и способны работать одновременно с несколькими компьютерными системами дистанционного банковского обслуживания, обеспечивая киберпреступникам возможность удаленного доступа и сокрытия следов преступлений.

Во ***втором способе*** (проведение мошеннической операции) при получении данных от вируса Трояна. Мошенники проверяют полученные сведения и определяют возможности для совершения преступления. Важную роль на данном этапе совершения преступления играют средства защиты ЭВМ, применяемые банком и его клиентом (см. рис. 2).

Рис. 2. Схема мошеннической финансовой операции.

Для отправки подложного платежного поручения мошенники могут использовать различные возможности вредоносных программ. Например, возможны отправка платежного поручения непосредственно с компьютера клиента банка с использованием средств удаленного управления или автоматическое формирование мошеннического платежного поручения вирусом и подмена вредоносной программой реквизитов легитимного платежного поручения за мгновение до его подписания и передачи в банк.

После отправки платежного поручения в банк основная задача преступников сводится к ограничению доступа легитимного пользователя к системе «Клиент-банк». Для этого применяют различные способы (смену пароля от системы интернет-банкинга, вывод из строя компьютера пользователя, DDos-атаку на сервер банка). Конечно же, преступники стремятся повредить файловую систему жесткого диска пользователя или удалить один из компонентов операционной системы. Пока клиент банка занят восстановлением работоспособности компьютера, денежные средства покидают его счет и попадают в руки преступников.

Третий способ (обналичивание денежных средств) обычно осуществляется специализированными группами лиц, связанными с организованными преступными группировками. Схема обналичивания продумывается при подготовке к хищению денежных средств, предполагаемых к выведению. При небольших суммах, например, до 2-х млн руб., нередко используют банковские пластиковые карты физических лиц, предпочтительны с большими лимитами по выдаче наличных средств в банкоматах. Если же предполагается вывести значительные суммы денежных средств, преступники используют цепочку счетов подставных компаний и физических лиц с разделением средств на мелкие для снятия денег через банкомат (см. рис. 3).

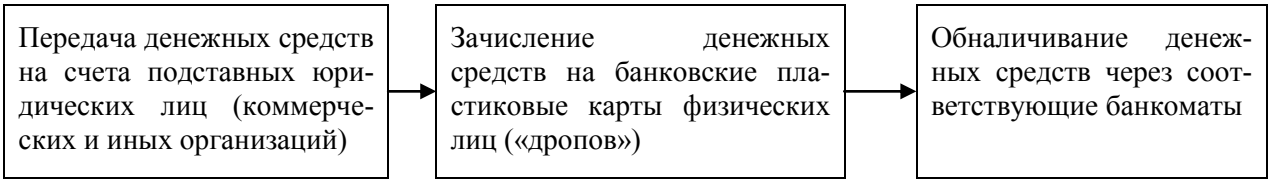

Рис. 3. Схема обналичивания похищенных денежных средств.

Рассмотренные нами примеры представляют собой лишь некую общую схему, часто используемую преступниками-мошенниками в качестве основы с добавлением в нее различных промежуточных этапов. В целом сценариев со-

вершения мошенничества в системах интернет-банкинга по хищению и легализации (обналичиванию) денежных средств может быть множество, и зависят они от профессиональных навыков преступников.

Следует отметить, что общим для всех способов совершения рассматриваемых видов преступлений, совершаемых в сфере высоких информационных технологий, является единый механизм следообразования, под которым понимается специфическая конкретная форма протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа.

В отличие от традиционно рассматриваемого в криминалистике физического следообразующего воздействия (механического или теплового), здесь будет иметь место другой механизм следообразования (физико-химическое воздействие, сопряженное с механическим). К примеру, механическое движение нажатия пальцем руки на какую-либо клавишу клавиатуры компьютера вызовет изменение напряжения и силы тока в электрической цепи, что может повлечь изменение магнитного поля носителя информации (при ее сохранении или копировании), либо передачу этого электрического импульса по каналам коммуникаций к другому компьютеру (при обмене информацией), или же может быть вновь преобразовано в механическое движение головки принтера (при распечатывании информации).

Механизм следообразования, характерный для определенного вида или группы преступных посягательств, предполагает содержание сведений о локализации следов, их признаках, видах, сохранности и других криминалистически значимых данных, способствующих эффективному поиску и работе с ними. Обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов-признаков преступления являются неотъемлемыми компонентами предварительного расследования, на котором при дальнейшем исследовании формируются криминалистические версии. Полагаем, прав Б. Анин, который отмечает, что предлагаемая учеными-криминалистами Г.Л. Грановским, А.Я. Гинзбургом, Г.И. Повреснюком, А.В. Калининым и другими традиционная классификация следов-признаков совершения тех или иных преступлений не охватывает виды новых преступлений, в том числе в сфере высоких информационных технологий, постоянно увеличивающихся и используемых в преступных целях [11, с. 18].

Нам представляется, что для следообразующего воздействия в сфере высоких информационных технологий очевидны следующие виды следов, указывающих на признаки преступлений:

а) программы и текстовые файлы и (или) их части, не входящие в стандартный состав системы, функционирующей в данном устройстве ранее, до совершения преступления;

б) наборы команд, отдельных знаков, символов и т.д., содержащихся в программах системы, текстовых и иных документах, которые были умышленно внесены преступником в систему для изменения ее свойств, возможностей, содержания и т.п.;

в) записи в учетных файлах системы, так называемые log-файлы, в которых содержится информация о пользователях (не только о преступниках), когда-либо использовавших данное устройство, регистрирующих особенности работы пользователя в системе, время его работы и т.д., причем количество ре-

гистрируемых служебных параметров зависит как от функционирующей в данном устройстве системы, так и от проводимой на нем политики безопасности.

Естественно, перечисленные следы-признаки не являются традиционными, исчерпывающими и не могут быть отнесены ни к одной существующей в криминалистике группе следов.

Библиографический список

1. Рабовский С.В., Маевский Л.С. Основы информационной безопасности: содержание и правовое обеспечение. – М., 2002.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд. – М., 2006. – 944 с.
3. Колин К.К. Эволюция информатики // Информационные технологии. 2005. № 1. С. 2-16.
4. Цветкова М.С., Великович Л.С. Информатика и ИКТ: учебник. - 3-е изд. – М., 2012. – 352 с.
5. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1999.
6. Яблоков Я.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник МГУ. Сер. Право. 2000. № 2. С. 3.
7. Шумилов Н.И. Криминалистические аспекты информационной безопасности: дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Юр. инст., 1997.
8. Ляпунов Ю., Максимов В. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. 1997. № 1. С. 9.
9. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. акад. Б.П. Смагоринского. – М.: Право и закон, 1996. – 182 с.
10. Kabay M.E. The Information Security Year in Review // National Computer Security Association (NCSA) News. 1997.
11. Анин Б. Защита компьютерной информации. – СПб.: BHV, 2000.

УДК 343.359

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОБЪЕКТАХ ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Иванов П.И.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Кондратьев А.В.,
адъюнкт
(Академия управления МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности расследования налоговых преступлений, совершаемых на объектах горнорудной промышленности.

Ключевые слова: налоговые преступления, расследование, особенности деятельности, оперативное сопровождение, горнорудная промышленность и ее объекты.

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF THE INVESTIGATION OF TAX CRIMES COMMITTED AT THE MINING FACILITIES

Ivanov P.I.,
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of Russia;
Kondrat'ev A.V.,
postgraduet
(Academy of management of the MIA of Russia)

Abstract: the article discusses some features of the investigation of tax crimes committed at the facilities of the mining industry.

Key words: tax crimes, their investigation, features of this activity, operational support, mining industry and its facilities.

Проблема расследования налоговых преступлений, лишь отчасти привлекавшая внимание криминалистов и специалистов в области теории ОРД, приобрела в последнее время большую актуальность и остроту. Ее суть, на наш взгляд, заключается в преодолении противоречий между потребностями практики в плане повышения эффективности расследования указанных видов преступлений, и недостаточным уровнем разработки для этого теоретических основ.

Со своей стороны полагаем, что повышенный интерес исследователей к затронутой проблеме во многом связан с активизацией противоправной деятельности организованных преступных структур, имеющих коррумпированные отношения с представителями органов власти и управления [1, с. 25-37]. Как известно, их позиции намного усилены из-за наличия у них коррупционных связей среди сотрудников правоохранительных органов. К тому же в настоящее время существует немало так называемых фирм, которые за большие деньги обучают предпринимателей, как уйти незаметно от уплаты налогов либо оказывают непосредственное содействие в этом.

В этом плане заслуживают особого внимания мнения таких профессоров, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская, которые, рассматривая расследование преступлений в сфере экономической деятельности, справедливо отмечают, что «расследование преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой достаточно трудную задачу прежде всего потому, что данная категория относится к так называемой «беловоротничковой» преступности, иными словами, они совершаются профессионально подготовленными людьми с достаточно высоким интеллектом, располагающими необходимыми средствами и возможностями для реализации своих преступных замыслов. Трудность определяется также и тем, что не накоплен достаточный опыт, отсутствуют надежные методики расследования, мало еще следователей, подготовленных должным образом. Расследование этой категории требует знания экономики, финансового дела, бухгалтерского учета, банковской деятельности, новых судебно-экономических экспертиз» [2, с. 751].

Как показывает проведенное выборочное исследование, сказанное полностью относится и к расследованию налоговых преступлений, входящих в структуру преступлений в сфере экономической деятельности. В этом плане не являются исключением налоговые преступления, совершаемые на объектах горнорудной промышленности.

К тому же нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что лица, проходящие по делам данной категории, их окружение, оказывают сильное противодействие расследованию, порой известные на практике средства и методы его преодоления не способны нейтрализовать предпринимаемые с их стороны контрмеры.

Даже глава государства в своем ежегодном Послании, затрагивая вопрос об улучшении делового климата, обеспечении высочайшего уровня предпринимательских свобод и конкуренции, особо подчеркнул, что «… нормы уголовного права должны жестко действовать в отношении преступлений против интересов граждан, общества, экономических свобод. Это посягательство на собственность и средства граждан, рейдерские захваты, нарушение конкуренции, уклонение от уплаты налогов и разворовывание бюджетных средств» [3].

С учетом названия настоящей статьи для нас представляют интерес налоговые преступления, в том числе уклонение от уплаты налогов. Чтобы убедиться, насколько правоохранительные органы активно ведут борьбу с данным видом преступления, приведем данные за 2017 г. За прошлый год всего было выявлено 8,7 тыс. преступлений (-6,8%). Следует заметить, что порядка 88,5% (7,7 тыс.) пресечено сотрудниками ОВД, в том числе 3,5 тыс. квалифицированных деяний в крупном и особо крупном размерах. Было раскрыто 232 (+13,2%) преступления, совершенных группой лиц, 63 – организованной группой либо преступным сообществом.

Со своей стороны полагаем, что вышеприведенные данные вряд ли отражают реальные масштабы налоговой преступности в стране, поскольку криминологами отмечается высокий уровень ее латентности. Чтобы на него как-то воздействовать в целях снижения, на наш взгляд, необходимо принять действенные меры на системной основе.

Возвращаясь к статистике, отметим, что в прошлом году налоговыми преступлениями бюджетной системе государства нанесен ущерб на сумму 66,7 млрд рублей. Из них было возмещено 45,3 млрд рублей.

Принятыми мерами удалось выявить 3,2 тыс. лиц, совершивших налоговые преступления.

Что же касается количества выявленных и раскрытых фактов совершения налоговых преступлений на объектах горнорудной промышленности, то ныне существующая ведомственная статистика специально не выделяет графу, где нашли бы отражения сведения об этом[6]. К большому сожалению, их количество

[6] Справедливости ради следует отметить, что статистика отражает сведения о выявленных преступлениях на объектах топливно-энергетического комплекса (ТЭК), входящих в систему горнорудной промышленности. В прошлом году в этом комплексе было выявлено 1,8 тыс. (+15,3%) преступлений, следствие по которым обязательно. Размер материального ущерба составил 12,8 млрд рублей.

незначительное. Как нам представляется, это обусловлено множеством факторов, в том числе, как уже нами отмечалось, низким уровнем квалификации как следователей, так и оперативных работников, отсутствием методик выявления, раскрытия и расследования налоговых преступлений (ст.ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ).

Как нам представляется, нормы Уголовного закона, в том числе в части, касающейся налоговых преступлений, работали бы в интересах укрепления экономической безопасности страны более успешно, если следователи и оперативные работники имели бы в своем распоряжении методики их расследования, разработанные на основе обобщения судебно-следственной и правоприменительной практики, а также оперативного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства указанной категории преступлений. Здесь речь мы ведем о частной методике расследования, содержащей схему действий как следователя, так и оперативного работника подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). В основе расследования – следственные ситуации, выдвинутые по результатам изучения и анализа материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела.

В концептуальном плане частная методика расследования налоговых преступлений, совершаемых на объектах горнорудной промышленности, как показывает выборочное исследование, состоит из ряда взаимосвязанных между собой компонентов (элементов), а именно:

криминалистической и оперативно-разыскной характеристик налоговых преступлений, то есть совокупности признаков, позволяющих составить своеобразный типичный «портрет» как данного вида преступления, так и лица (лиц), его совершившего. Тем самым мы предлагаем не ограничиваться лишь характеристикой самого преступления, нужна также информация и о личности типичного преступника;

углубленного изучения типичных следственных и оперативно-разыскных ситуаций по делам рассматриваемой категории. В настоящей статье мы хотим подчеркнуть авторскую позицию и в этой части: сотрудники ЭБиПК, как правило, параллельно с расследованием уголовного дела ведут в рамках своих полномочий, предоставленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативно-разыскное сопровождение расследования.

Названный компонент (элемент) включает также осуществление совместного планирования производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Исходя из механизма совершения налогового преступления (типичных способов его совершения и сокрытия) выбирается принцип организации действий на начальном и последующем этапах расследования уголовного дела рассматриваемой категории. Многолетняя практика убедительно показала, что принцип «от способа совершения налогового преступления – к приемам (методам) его раскрытия и расследования» чаще всего кладется в основу организации расследования налоговых преступлений;

совокупности тактических приемов и способов производства первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Последние носят обеспечительный характер (поиск мест хранения преступно на-

житого имущества, предоставление следователю интересующей информации, преодоление возможного противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых и т.п.) [4, с. 135-140]. Чтобы обеспечить внезапность проведения того или иного следственного действия, заблаговременно определяется его тактика.

Первоначальный этап расследования налоговых преступлений предполагает тщательное изучение следователем механизма совершения данного вида преступления, максимальный сбор доказательств, установление виновных, принятие мер по обеспечению возмещения причиненного ущерба;

последующих следственных действий (оперативно-разыскных мероприятий) и тактики их осуществления. Эти действия в первую очередь направлены на дальнейшее собирание, исследование, оценку и использование фактических данных (результатов ОРД).

Расследование налоговых преступлений, совершаемых на объектах горнорудной промышленности, имеет *специфические особенности*, которые, как показывает выборочное исследование, обусловлены:

1. Механизмом совершения самих налоговых преступлений (уклонение от уплаты налогов, уклонение от уплаты сборов с физических и юридических лиц, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств либо имущества).

Как нам представляется, невозможно выяснить в ходе расследования механизм совершения налоговых преступлений на предприятиях сфер добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств, предварительно не ответив на следующие вопросы:

кому же причинен материальный ущерб: корпорации, холдингу, государственному добывающему предприятию, акционерному обществу, контрольный пакет акций которых находится в государственной собственности)?

кто мог способствовать совершению налоговых преступлений на указанных предприятиях? Это могут быть организации-контрагенты и финансово-кредитные учреждения;

какова роль «анонимных» коммерческих структур, использованных в преступных схемах уклонения от уплаты налогов предприятий сфер добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств, в том числе зарегистрированных в оффшорных зонах?

не совершались ли финансовые операции и иные сделки (по реализации, передаче, получению, ввозу, вывозу продукции и т.п.), результаты которых хозяйствующие субъекты сфер добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств могли сокрыть от налогообложения?

какие документы могут содержать материальные следы совершенных на рассматриваемых предприятиях сферы добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств налоговых преступлений (договоры, счета-фактуры, товарно-транспортные накладные, международные товарно-транспортные накладные, таможенные декларации на товары, бухгалтерская, налоговая отчетность, в том числе «черная бухгалтерия»)?

кто мог стать очевидцем совершения налоговых преступлений и иных правонарушений на указанных предприятиях (работники бухгалтерии, финан-

совых и планово-экономических подразделений, товароведы, экспедиторы, кладовщики, аудиторы, представители налоговых и иных контролирующих органов и т.д.)?

что из себя представляют криминально активные лица (неоднократно попадавшие в поле зрения правоохранительных и контролирующих органов в связи с нарушениями в налоговой сфере, а также криминальные бизнесмены, выдающие себя за добропорядочных предпринимателей)?

не имеются ли коррумпированные связи руководителей и учредителей названных предприятий с представителями органов власти и управления, в том числе правоохранительных и контролирующих органов?

что должно являться в первую очередь предметом розыска (денежные средства, ценности и иное имущество, выведенные из оборота руководителями и учредителями предприятий сфер добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств, за счет которых в дальнейшем может быть обеспечено возмещение причиненного бюджету материального ущерба)?

2. Необходимостью принятия действенных мер по сохранности минерально-сырьевых ресурсов. Изучение и анализ оперативно-следственной практики показывает, что, несмотря на принимаемые меры, имеют место уязвимые звенья в технологической цепочке добычи и обогащения сырья, которые умело используют члены организованных преступных структур в целях незаконного обогащения. Как известно, Россия была и остается крупнейшей горнодобывающей страной, по запасам минерально-сырьевых ресурсов она занимает ведущие позиции. Отсюда следует, что экономное и рачительное использование природных богатств, как и прежде, остается проблемой первостепенной важности.

3. Сложноструктурным построением отрасли. Так, в *узком смысле* горнодобывающая промышленность представляет собой комплекс отраслей, занимающихся добычей и обогащением полезных ископаемых – таких как базовые металлы (руды полиметаллические, медные, свинцовые, алюминиевые и т.д.), благородные металлы, железная руда, урановые руды, уголь, алмазы, известняк, калиевый полевой шпат (поташ), графит, асбест, слюда, глины и другие минеральные строительные материалы. Отсюда следует, что горнорудная промышленность – понятие собирательное, так как оно включает в себя множество отраслей горнодобывающей промышленности. В *широком же смысле* к горнодобывающей промышленности иногда относят также добычу нефти и газа, хотя чаще всего они выделяются в отдельную отрасль. Разработки ведутся как открытым (карьеры), так и подземным (шахты) способом.

4. Местом и ролью горнодобывающей промышленности в глобальной экономике. Она на сегодня является ведущей отраслью. В настоящее время, по данным британской газеты «FinancialTimes», названная отрасль занимает 5-е место в мире по уровню капитализации крупнейших компаний вслед за банковским сектором, нефтегазовой, фармацевтической и компьютерной промышленностью.

5. Спецификой законодательного регулирования рассматриваемой отрасли. Действующее законодательство, например, разрешает артелям старателей при наличии лицензии осуществлять добычу драгоценных, редких, цветных металлов, слюды и других полезных ископаемых. Для этого им устанавли-

вается квота. Коллективы граждан (артели старателей), занятые добычей золота и других драгоценных, редких и цветных металлов, а также янтаря и слюды, сами же осуществляют разведку и добычу вахтовым способом на вновь осваиваемых, труднодоступных месторождениях.

6. Непосредственным влиянием состояния горнорудной промышленности на формирование бюджета страны. Полученные от экспорта сырья и готовой продукции средства обеспечивают пополнение стабилизационного фонда и резервов государства. В то же время совершаемые в данной отрасли экономики налоговые и иные корыстные преступления причиняют многомиллиардный ущерб бюджетам различных уровней.

7. Многообразием способов совершения налоговых преступлений, в свою очередь, оно влияет на уровень их латентности.

Завершая рассмотрение обозначенного нами вопроса, считаем важным отметить следующее.

Во-первых, в настоящей статье из-за ограниченности объема мы не смогли подробно рассмотреть все обстоятельства, определяющие специфику расследования налоговых преступлений на объектах горнорудной промышленности. В связи с этим остановились лишь на некоторых из них.

Во-вторых, содержание методики расследования указанных видов преступлений должно включать в себя не только типичные следственные действия по делам данной категории, но и комплекс оперативно-разыскных мероприятий, преследующих цель, прежде всего, нейтрализации противодействия расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых) и их окружения.

В-третьих, расследование налоговых преступлений – это область частной методики. Между тем концептуальные положения общей криминалистической методики (принципы, закономерности, научно обоснованные рекомендации по организации расследования, тактические приемы и способы и т.д.) должны касаться и частной.

В-четвертых, расследование налоговых преступлений, как справедливо утверждают криминалисты, это творческий процесс, частная методика ни в коей мере не должна сковывать инициативу как следователя, так и оперативного работника, сопровождающего расследование.

Библиографический список

1. Иванов П.И. Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2012. № 1. С. 25-37.

2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. – М.: Норма, 1998.

3. План Президента Путина // Российская газета. 2018. № 46(7509). С. 4.

4. Иванов П.И., Кустов А.М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов оперативно-розыскной деятельности (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3(39). С. 135-140.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ОТРАСЛЕВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Новичков В.Е.,
доктор юридических наук
(Юго-Западный государственный университет (г. Курск))

Аннотация: в статье дается анализ соотношения и взаимопроникновения криминалистического прогнозирования и ряда отраслевых юридических прогнозов в структуре прогнозирования в сфере борьбы с преступностью по их предмету, целям, задачам, функциям.

Ключевые слова: криминалистическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, пенитенциарное, оперативно-разыскное прогнозирование, прогностика, предвидение, футурология, преступление, преступность, сфера борьбы с преступностью.

CRIMINALISTIC FORECASTING IN THE STRUCTURE OF BRANCH FORECASTING IN THE SPHERE OF FIGHT AGAINST CRIME

Novichkov V.E.,
Doctor of Law
(Southwest State University (Kursk))

Abstract: the article analyzes the relationship and interpenetration of forensic forecasting and a number of sectoral legal forecasts in the structure of forecasting in the fight against crime in their subject, goals, objectives, functions.

Key words: criminalistic, criminal law, criminal procedure, penitentiary, operational-investigative forecasting, prognostication, foresight, futurology, crime, crime, the sphere of fight against crime.

Происходящие в современном мире общесоциальные, государственно-правовые, технические, социально-психологические и даже личностные процессы развиваются настолько активно, что они требуют постоянного государственного мониторинга, прогнозирования и принятия оперативных решений по ним, а кроме того, эти процессы определили тенденции развития существующих цивилизаций в направлении их глобализации. Вместе с этим обострились и увеличились все имеющиеся в современных государствах, в том числе и в России, вытекающие из соответствующих процессов негативные социально-правовые конфликты, противоречия и риски, которые также выходят на новый уровень развития внешних и внутренних отношений. Вследствие этого возникла острейшая необходимость в выработке прогнозных оценок этих конфликтов и противоречий, рисков и негативных тенденций, их краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования и принятия перспективных, наиболее эффективных решений. Необходимо учитывать и то, что некоторые обще-

ственные явления отстают от всеобщего развития и нуждаются в своевременном стимулировании и поддержке, другие, напротив, опережают и требуют перспективных дотаций.

В свою очередь, некоторая часть населения оказалась и вовсе не готовой к подобной интенсификации общественных отношений, что повлекло за собой «футурофобию настроений» - боязнь того будущего, которое так или иначе представляет себе индивид и на которое рассчитывает каждый человек.

Вышеперечисленные и другие прогнозные аспекты нуждаются в первую очередь в их изучении, анализе и научном обосновании.

Как одно из направлений в науке прогнозирование в сфере борьбы с преступностью определяется следующими концептуальными значениями: а) прогнозным мышлением законодателя и правоприменителя; б) требованием к своевременному принятию управленческих решений; в) оперативным реагированием на совершенные преступления; г) предвидением возникновения новых форм и видов противоправного поведения индивидуума и общественно опасных деяний, а также возможностей их предотвращения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений на принципах законности и с учетом новейших научно-прикладных знаний и достижений, иными словами, всего того, что обуславливает своевременность, научность и компетентность в сфере борьбы с преступностью и считается императивом настоящего времени.

Как учебная дисциплина предвидение перспектив борьбы с преступностью складывается из прогнозов криминологического, уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминалистического, оперативно-разыскного, пенитенциарного и иного порядка (отдельной главой либо параграфом соответствующей отраслевой дисциплины) и включает в себя совокупность передовых идей, разработанных многими общественно-социальными, правовыми и иными отраслевыми юридическими науками, а, следовательно, требует от обучающихся универсальных знаний в их базовой, дополнительной, факультативной и иных частях. Например, в предмет прогнозирования в сфере борьбы с преступностью входит криминологическое прогнозирование, в ходе которого изучаются не только материальные объекты, относящиеся к преступности и сопричастные с ней, но и предлагаются методики научного мониторинга всего того, что связано с этим негативным и опасным для общества явлением.

В свою очередь, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминалистическое, оперативно-разыскное, пенитенциарное виды прогнозирования, также входящие в предмет футурологических знаний в сфере борьбы с преступностью, способствуют развитию прогнозно-гипотетического мышления обучающихся: умению строить гипотезы, комбинировать и моделировать проблемные ситуации, законодательное, процедурное, криминалистическое и оперативное реагирование на модели виртуальных ситуаций и предполагаемых образцов поведения человека в связи с ними.

Перефразируя А.Н. Литвинова и Р.Л. Степанюка, отметим, что тот этап, который характеризовался проникновением общей теории социально-правового прогнозирования в отдельные юридические отрасли (этап дифференциации прогнозирования в рамках отдельных отраслей материального, процедурного

права и иных сопричастных к ним научных знаний), подошёл к своему логическому завершению и одновременно вывел видовую прогностику на обобщенный и качественно новый уровень решения наиболее сложных теоретических и прикладных задач во всей сфере борьбы с преступностью [1, с. 11].

Криминалистическое прогнозирование как отрасль научного знания, обучения и эмпирики входит в структуру прогнозирования в сфере борьбы с преступностью и тесным образом соотносится с другими отраслями юридического прогнозирования. Данный вид предвидения в специальной литературе рассматривается в нескольких аспектах, которые, в принципе, сводятся к следующим логико-языковым феноменам, отражающим предмет криминалистического прогнозирования:

1) это криминалистическое учение, в систему которого включена частная теория криминалистического прогнозирования со свойственным одноименной науке (криминалистике) предметом. Данный тезис достаточно точно определил Р.С. Белкин, который подчеркивал, что криминалистическое прогнозирование как одна из частных криминалистических теорий образует систему, а её предметом является также система объективных закономерностей – закономерностей возникновения доказательств и судебного исследования, имеющая в том числе и прикладной, практический характер криминалистической науки, функциональная направленность которой заключается в обслуживании нужд практики раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, т.е. в данном случае, говоря о криминалистическом прогнозировании, можно утверждать, что «система познается системой» [2, с. 283-285];

2) в основе криминалистического прогнозирования находятся все те информационные данные, которые определяют текущее состоянии одноименной теории, её структуры и потребности практики, а также перспективности совершенствования структуры научных и экспертных криминалистических органов, учреждений и системы их управления [3, с. 401-402];

3) в криминалистическом прогнозировании преступность и порождаемые ею последствия как функциональные стороны объекта исследования изучаются с позиции известных и новых средств, форм и методов борьбы с нею, совершения преступлений новым способом, при неизвестных ранее, но возможных, в принципе, обстоятельствах, которые будут способствовать совершению преступления, определению направлений совершенствования технико-криминалистических средств и приемов, тактик конкретных видов следственных действий [4, с. 32-51].

Затронутые здесь аспекты, относящиеся к объекту и предмету криминалистического прогнозирования, показывают, что они также соответствуют и свойственны тем основным направлениям исследований, которые характеризуют предметы иных отраслей прогнозирования, непосредственно участвующих в решении задач в сфере с борьбы с преступностью. На данную особенность криминологического прогнозирования указывают многие ученые, которые убеждены в том, что предметом криминалистического и иного отраслевого прогнозирования служат закономерности содержания одних и тех же материальных объектов и субъективных компонентов, составляющих сферу борьбы с

преступностью, которые выражают взаимосвязи преступных событий, фактов и условий, с помощью которых и «возможны превращения этих отражений в доказательственную информацию при расследовании преступлений». Такой подход позволяет собрать фрагментарные отраслевые прогнозные данные в одно целое, доказав тем самым принадлежность объективных и субъективных свойств объекта и ряда событий к одному направлению исследования, «или же, наоборот, удостовериться в простом, случайном совпадении» такого объекта и различных составляющих его предмета [5, с. 144-145].

Это утверждение обусловлено ещё и тем, что: во-первых, общие проблемы прогнозирования в сфере борьбы с преступностью разрабатываются практически всеми специальными науками, исследующими данное социально-правовое явление. Недостатком подобного изучения является дублирование в разных отраслевых прогнозных исследованиях большей части одних и тех же проблем в сфере борьбы с преступностью; во-вторых, общие проблемы прогнозирования в сфере борьбы с преступностью можно отнести к предмету какой-то одной юридической науки, но это приведет к искусственному расширению предмета научных юридических отраслей, изучающих сферу борьбы с преступностью, и, если не к вытеснению из частных проблем той или иной науки, то обязательно к деформации её предмета в силу ограниченных возможностей отраслевого прогнозирования в их разрешении; в-третьих, очевидно, что такую огромную сферу, как борьба с преступностью, вряд ли «потянет» какое-либо одно из юридических научных направлений, а значит, её необходимо изучать и использовать в рамках единых научных знаний. В данном случае действительным аргументом в пользу необходимости комплексного подхода к прогнозированию в сфере борьбы с преступностью является наличие таких потребностей, которые не может удовлетворить, не изменив своему предмету, ни одно из существующих направлений юридической прогностики.

Иными словами, в структуру криминалистического прогнозирования входят как криминалистические признаки, присущие единичному преступлению, так и имеющие уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, оперативно-разыскную и пенитенциарную (уголовно-исполнительную) сущность, а приложение отдельных составляющих данных признаков находит свое содержание в прогнозировании тех или иных методик судебно-следственной практики.

Криминалистическое прогнозирование соотносится с указанными выше направлениями юридического прогнозирования в сфере борьбы с преступностью не только схожестью их предметов, но и общностью конструкций концепций, приоритетов, целей, задач и методов в силу их социогенного характера. Не вдаваясь в полемику, здесь следует оговорить, что разработка реальных концепций и приоритетов борьбы с преступностью с использованием криминалистического прогнозирования зависит от определения понятия «преступность», от отношения к этому социально-правовому явлению в первую очередь государства и от избрания критериев оценки эффективной деятельности правоохранительных органов в разумном применении криминалистических приемов, методов и средств раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

Существующие прямые связи между криминалистическим прогнозированием и другими отраслями юридической прогностики, конечно, не должны пониматься однозначно, т.к. между ними существуют связи прямые и обратные, непосредственные и опосредованные. Эти связи усложняются либо упрощаются по мере развития социальных отношений, тем более если такое развитие сопровождается становлением новых базисных и надстроечных отношений, их «взлетами» и «падениями», «ускорением» или «застоем», предкризисными и кризисными ситуациями.

Криминалистическое прогнозирование и иные отраслевые прогнозирования способны в полной мере воплотиться в реальный комплексный прогноз при условии научного предвидения уголовно-процессуальных отношений, так как научно предсказывать достижение целей уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-политического установления, не располагая данными уголовно-процессуального прогнозирования, а значит, и оперативно-разыскного, очень сложно.

Предмет уголовно-процессуального прогнозирования, исходя из содержания уголовно-процессуального права, можно обозначить как предвидение изменения норм этой отрасли права, тенденций процессуальной деятельности правоприменительных и в первую очередь судебных органов, закономерностей развития уголовно-процессуальных отношений, возникающих между их субъектами и участниками, а также строгое процессуальное обеспечение уголовно-правовых установлений. Более того, векторы различных прогнозов в сфере борьбы с преступностью, криминалистического прогнозирования и уголовно-процессуального предвидения сходятся в плоскости юридической практики борьбы с преступностью. Многие тенденции правореализации могут быть выявлены, а установленные – правильно объяснены и экстраполированы в будущее только в случае согласования результатов предвидения рассматриваемых отраслей юридического прогнозирования.

Например, квалификация преступления на первых этапах представляет собой не что иное, как уголовно-правовое и одновременно уголовно-процессуальное, а также криминалистическое прогнозирование, т.к. на практике чаще всего квалификация общественно опасных деяний осуществляется в рамках стадий уголовного судопроизводства. Имея в качестве первичной информации юридический факт (преступление) с многочисленными и многообразными объективно-субъективными признаками, правоприменитель прогнозирует конечный результат квалификации этого факта, определив всего лишь четыре элемента состава преступления, закрепленного в конкретной уголовно-правовой норме и приняв соответствующее процедурное решение. Здесь же наблюдается взаимосвязь криминалистического прогнозирования, а именно в той части, когда ее перспективные и специальные приемы и методы могут применяться в уголовном судопроизводстве для предупреждения, раскрытия и расследования преступления (юридического факта), а также для успешного и правильного производства процессуальных действий.

Здесь просматривается зависимость прогнозов в сфере борьбы с преступностью от результатов прогнозирования эффективности уголовно-процессуальных норм, к изучению которых подключается криминалистика как своего рода праксиология уголовного судопроизводства. Прогнозируя динамику следственных ситуаций, поведение участников уголовного процесса, возможную квалификацию преступного деяния, результаты принимаемых решений, перспективы судебного решения, наказания, предупреждения преступлений и т.д., правоприменитель обращается к криминологическому, уголовно-правовому, пенитенциарному, уголовно-процессуальному и криминалистическому прогнозированию одновременно.

Библиографический список

1. Литвинов А.Н., Степанюк Р.Л. Прогнозирование и планирование в криминалистике / под общ. ред. В.И. Гаенко. – М.: ЮРКНИГА, 2004.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. В 3-х т. - 3-е изд., доп. – М., 2001. Т. 2.
3. Грановский Г.Л. Прогнозирование в криминалистике / Демократия и право развитого социалистического общества: материалы Всесоюзной научной конференции (21-23 ноября 1973 г.). – М.: Моск. ун-т, 1975.
4. Горшенин Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 1994.
5. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Российская; под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма-Инфра-М, 2000.

УДК 343.375

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ КАДАСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТАТЬЯ 170.2 УК РФ)

Нудель С.Л.,
доктор юридических наук, доцент
(Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России)

Аннотация: в статье на основании детального анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства, исследования материалов следственной практики определены и охарактеризованы особенности расследования уголовных дел о внесении заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ).

Ключевые слова: кадастровая деятельность, преступление, уголовное дело, возбуждение уголовного дела, дознание, расследование.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF CADASTRAL ACTIVITIES (ARTICLE 170.2 OF THE CRIMINAL CODE)

Nudel S.L.,
Doctor of Law, Associate Professor
(All-Russian research Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia)

Abstract: the article defines and characterizes the peculiarities of investigation of criminal cases on the introduction of false information in the boundary plan, technical plan, the act of inspection, the project of land surveying or the map-plan of the territory (article 170.2 of the Criminal Code) on the basis of a detailed analysis of the criminal law and criminal procedure legislation, research materials of investigative practice.

Key words: cadastral activity, crime, criminal case, initiation of criminal case, inquiry, investigation.

В целях охраны имущественных прав Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, граждан и организаций, создания эффективного механизма оперативного реагирования и пресечения их нарушения, а также снижения количества нарушений имущественных прав в сфере оборота объектов недвижимости [3, 7] Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) включена ст. 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории».

Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что, несмотря на актуальность проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с нарушением имущественных прав в сфере оборота объектов недвижимости, результативность деятельности органов внутренних дел по противодействию данным деяниям остается крайне низкой. В частности, по данным ГИАЦ МВД России, в 2015 году в целом по России, было зарегистрировано лишь 1 преступление, предусмотренное указанной статьей УК РФ, в 2016 году – 2.

В соответствии со ст. 150 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 170.2 УК РФ, производится предварительное расследование в форме дознания.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ч.ч. 1 или 2 ст. 170.2 УК РФ. Анализ положений нормативных правовых актов и материалов уголовных дел показывает, что *поводами для возбуждения* рассматриваемой категории уголовных дел могут являться:

1. Сообщение из органов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), осуществляющей функции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, по оказанию государственных услуг в сфере осуществления государственного кадастрового учета недвижимого имущества, землеустройства, а также функции

по государственной кадастровой оценке, государственному земельному надзору, государственному надзору за деятельностью саморегулируемых организаций кадастровых инженеров, национального объединения саморегулируемых организаций кадастровых инженеров, по организации единой системы государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии». Данные материалы могут содержать: сопроводительное письмо, в котором приводятся данные о нарушителе, расчет и обоснование суммы причиненного вреда, ходатайство о признании гражданским истцом по уголовному делу (при наличии ущерба), доверенность на лицо, представляющее в суде интересы Росреестра, перечень прилагаемых документов и предметов; материалы проверки по факту внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории, содержащей сведения о нарушениях требований нормативных правовых актов; протокол об административном правонарушении; результаты экспертного исследования; расчет размера причиненного ущерба; платежные и другие документы о возмещении ущерба, причиненного в результате преступления; письменные объяснения нарушителей, а также лиц, принимавших участие в обнаружении факта внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории и др.

2. Постановление прокурора о направлении материалов проверки исполнения законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о государственном кадастровом учете в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. К постановлению могут прилагаться: материалы соответствующей проверки, результаты экспертного исследования, письменные объяснения нарушителей и др.; копии актов прокурорского реагирования, вынесенные в отношении нарушителей законодательства – представление прокурора, предостережение о недопустимости нарушения закона и др.

3. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из средств массовой информации. В данном случае согласно ч. 2 ст. 144 УПК РФ проверка проводится по поручению прокурора. В ходе проведения проверки редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

4. Заявление о преступлении, поступившее от физического или юридического лица (включая органы государственной власти), которым причинен ущерб в результате совершения преступления. Данное заявление должно содержать информацию об обстоятельствах, указывающих на признаки совер-

шенного преступления, в том числе сведения о предполагаемом преступнике; данные о документах, в которые внесены заведомо ложные сведения; сведения о размере причиненного ущерба и др.

5. Заявление о преступлении, поступившее от саморегулируемой организации кадастровых инженеров, которая в соответствии со ст. 30 Федерального закона «О кадастровой деятельности» осуществляет контроль за профессиональной деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований законодательства, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области кадастровых отношений, стандартов осуществления кадастровой деятельности и правил профессиональной этики кадастровых инженеров [1].

Указанное заявление может содержать сведения об основаниях проведения проверки деятельности конкретного кадастрового инженера, материалы проверки, включая полученные документы, объяснения, сведения о причиненном ущербе и т.п.

6. Рапорт сотрудника органов внутренних дел об обнаружении признаков преступления.

Проверка сведений, содержащихся в сообщении, для принятия решения о возбуждении уголовного дела может осуществляться посредством: а) получения объяснений от: должностных лиц Росреестра, выявивших факт внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории; лиц, сообщивших о преступлении; лиц, совершивших преступление; иных лиц, обладающих сведениями об обстоятельствах совершенного преступления; б) производства осмотра: места происшествия (непосредственно помещений, где произошло внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории, и т.д.); документов (межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков, карта-план территории, документы, на основании которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории; разрешительные документы на осуществление предпринимательской деятельности – свидетельства о регистрации, лицензии, разрешения и т.д.; трудовые контракты, должностные инструкции, приказы и др.); оборудования и аппаратуры, использованных для внесения в документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов; в) изъятия документов и предметов в порядке, установленном УПК РФ; г) назначения судебной экспертизы и получения заключения эксперта; д) направления органу дознания письменного поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий и др.

При этом для участия в производстве указанных действий дознаватель вправе привлекать специалистов – сотрудников Росреестра, ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» или представителей саморегулируемой организации кадастровых инженеров.

Оценивая содержание поступивших материалов, дознавателю в целях возбуждения уголовного дела следует, прежде всего, установить: факт внесения кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории или подлог документов, на основании которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории; наличие крупного или особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству; соответствие выявленных фактов признакам состава преступления, предусмотренного ч.ч. 1 или 2 ст. 170.2 УК РФ; виновность соответствующего лица в совершении преступления.

Последовательность проведения следственных действий определяется следственной ситуацией, сложившейся на момент обнаружения признаков внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории. Дознаватель осуществляет производство следственных действий в соответствии с требованиями, закрепленными ст.ст. 164-170 УПК РФ.

Основными задачами *осмотра места происшествия* являются: изучение и фиксация обстановки места совершения преступления; обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления; получение информации о механизме и способе совершения и сокрытия преступления; установление обстоятельств, обусловливающих возможность его совершения; получение иной информации для выдвижения общих и частных версий о лицах, совершивших преступление.

Местом происшествия следует считать не только место, в котором непосредственно произошло расследуемое событие, но и место его подготовки и обнаружения его последствий. Например: помещения (офисы, кабинеты), где произошло внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории; территорий, земельных участков или строений, по результатам обследования, изучения, описания которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории.

По результатам осмотра составляется протокол, к которому прилагается схема места происшествия с точным указанием мест обнаружения следов, объектов, подлежащих исследованию. При проведении осмотра места происшествия может применяться фотографирование или видеозапись. Полученные фотоснимки, материалы видеозаписи прилагаются к протоколу осмотра места происшествия.

В ходе производства осмотра необходимо выяснить и отразить в *протоколе*: особенности помещений (офисов, кабинетов), где произошло внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории; признаки (характеристики) территорий, земельных участков или строений, которые были описаны в межевом плане, техническом плане, акте

обследования, проекте межевания земельного участка или земельных участков либо карте-плане территории.

В ходе осмотра места происшествия *изъятию* подлежат технические устройства, электронные носители информации, включая компьютеры, а также документы (в том числе с признаками подделки): межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков, карта-план территории; документы, на основании которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории; разрешительные документы на осуществление предпринимательской и кадастровой деятельности – свидетельства о регистрации, лицензии, разрешения и т.д.; трудовые контракты, должностные инструкции, приказы, договоры, наряды, черновые записи, схемы, чертежи и др.

Изъятые предметы направляются в экспертные учреждения для производства необходимых экспертных исследований.

Дознаватель, имея достаточные основания полагать, что в каком-либо помещении или ином месте находятся предметы, имеющие значение для дела, в соответствии со ст.ст. 182-183 УПК РФ проводит *выемку.*

При допросе лица, подозреваемого во внесении заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории, необходимо выяснить: является ли подозреваемый кадастровым инженером, входит ли в члены саморегулируемой организации кадастровых инженеров, застрахована ли его деятельность; какие сведения в межевом плане, техническом плане, акте обследования, проекте межевания земельного участка или земельных участков либо карте-плане территории, иных документах были ложными (недостоверными); знал ли подозреваемый о том, что данные сведения являются ложными (недостоверными) в момент подготовки соответствующих документов, то есть умышленно ли он внес заведомо ложные сведения; когда, по чьей инициативе были внесены соответствующие ложные сведения в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории, иные документы; когда и какие непосредственно действия по искажению действительного содержания документов были произведены; использовалось ли при этом какое-либо оборудование; какие подготовительные действия были осуществлены; кто еще участвовал во внесении заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории; в чем состояли конкретные действия каждого из соучастников, их данные и др.

Дознаватель в целях подготовки к проведению допроса может обратиться к специалистам в области кадастра, специалистам в области использования технологического оборудования, а также изучить указанные ранее нормативные правовые акты, регламентирующие кадастровую деятельность.

При допросе подозреваемого следует учитывать, что в соответствии со ст. 226.4 УПК РФ до начала первого допроса дознаватель разъясняет подозре-

ваемому право ходатайствовать о производстве *дознания в сокращенной форме*, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе делается соответствующая отметка.

При *допросе свидетелей* по делам данной категории дознаватель также выясняет известные им обстоятельства, связанные с внесением заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории и др.

В ходе производства *допроса* сотрудников органов внутренних дел, Росреестра, ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии», саморегулируемой организации кадастровых инженеров, как правило, выясняются следующие вопросы: где, когда и при каких обстоятельствах (в том числе при проведении каких контрольных или оперативно-разыскных мероприятий) был выявлен факт внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории; в чем непосредственно заключалось внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории или подлог документов, на основании которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории (с указанием положений нарушенных нормативных правовых актов, конкретных сведений, которые были искажены и т.п.); какие методы и способы контроля и анализа использовались при обнаружении и оценке факта нарушения законодательства; каков размер ущерба, причиненного преступлением, кому был причинен ущерб, каким образом (по какой методике) был произведен расчет ущерба, был ли возмещен причиненный ущерб; какие процессуальные документы (акты, протоколы и др.) были составлены и когда; количество подозреваемых; характер и последовательность их действий; какое оборудование и материалы использовались при совершении преступления, их количество, состояние; может ли допрашиваемый опознать лицо, совершившее преступление, по каким приметам; кто из сторонних лиц мог быть свидетелем преступления и др.

При наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных свидетелей, подозреваемых дознаватель вправе произвести между ними *очную ставку*.

При расследовании внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории также могут быть проведены такие следственные действия, как проверка показаний на месте, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др.

В ходе расследования внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории в первую очередь

может быть проведена *технико-криминалистическая экспертиза документов* (исследование документов и их реквизитов, технических средств, использованных для их изготовления) [4]. Основанием ее назначения может являться необходимость установления: технических средств (приборов, приспособлений, устройств и т.д.), примененных для изготовления документов (их реквизитов); способа изготовления документов (их реквизитов); факта, а также способа изменения первоначального содержания документов (их реквизитов); первоначального содержания документов (их реквизитов), утраченного в результате подчистки, травления и других способов воздействия на них; давности изготовления документов или внесения в них отдельных изменений, а также и последовательности их внесения.

Также дознавателем может быть назначена *экспертиза документов, подготовленных кадастровыми инженерами.* Проведение данной экспертизы в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 30 Федерального закона «О кадастровой деятельности» может быть поручено экспертам саморегулируемой организации кадастровых инженеров [6]. В рамках экспертизы проводится проверка на предмет наличия допущенных кадастровым инженером в документах, подготовленных таким кадастровым инженером при выполнении кадастровых работ, ошибок либо их отсутствия, а также на предмет наличия допущенных кадастровым инженером при выполнении кадастровых работ нарушений требований законодательства, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области кадастровых отношений либо отсутствия таких нарушений. Заключение, подготовленное по результатам проведения указанной экспертизы, должно содержать подробное описание проведенной проверки и включать обоснованные выводы в отношении предмета проведения экспертизы, в том числе ссылки на соответствующие положения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации. Особое внимание при назначении и производстве данной экспертизы необходимо уделить установлению размера ущерба.

При этом следует отметить, что согласно ст. 29.2 Федерального закона «О кадастровой деятельности» ущерб, причиненный действиями (бездействием) кадастрового инженера заказчику кадастровых работ и (или) третьим лицам, подлежит возмещению за счет страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности кадастрового инженера.

В случае необходимости могут быть также проведены, например: *почерковедческая экспертиза* (исследование почерка и подписей), *землеустроительная экспертиза* (исследование объектов землеустройства, в том числе с определением их границ на местности), *компьютерная экспертиза* (исследование компьютерной информации) и другие роды (виды) судебных экспертиз.

В целях профилактики совершения преступлений и в соответствии с ч. 1 ст. 158 УПК РФ дознаватель, установив в ходе производства по уголовному делу нарушения в деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих кадастровую деятельность, вносит в соответствующую организацию (в том числе саморегулируемую организацию кадастровых инженеров) или должностному лицу представление о принятии мер по устра-

нению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона.

Также согласно требованиям Приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» дознаватель направляет информацию в органы Росреестра с указанием недостатков в деятельности организаций, должностных лиц (о совершенных нарушениях законодательства, инструкций, правил и т.д., повлиявших на совершение преступления) для принятия мер в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации [5].

Дознаватели обязаны в трехдневный срок письменно информировать соответствующие подразделения органов внутренних дел о подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, а также в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, по месту совершения преступления, по месту жительства или месту пребывания указанных лиц для постановки их на профилактический учет.

Сформулированные рекомендации направлены на повышение эффективности деятельности подразделений дознания органов внутренних дел в ходе расследования уголовных дел о внесении заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О кадастровой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4017.
2. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4354.
3. План мероприятий («дорожной карты») «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 2236-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7088.
4. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 18.01.2017) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 191.
5. Приказ МВД России от 17 июня 2006 г. № 19 (ред. от 28.11.2017) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») // СПС «КонсультантПлюс».
6. Письмо Росреестра от 2 ноября 2016 г. № 07-08433/16 «О рассмотрении обращения» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (№ 632682-6) [Электронный ресурс]. – URL: http://asozd.duma.gov.ru.

УДК 343.375

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НОВЫХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ СОБСТВЕННОСТИ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ

Желудков М.А.,
доктор юридических наук, доцент
(Тамбовский государственный технический университет)

Аннотация: с учетом существующей в России защищенности общественных отношений собственности в научной статье прослеживаются проблемные вопросы применения новых средств и способов защиты от корыстных преступлений. Преступления против собственности совершаются с применением все новых средств проникновения на объект. В этой связи очень важно, чтобы средства защиты были адекватно новыми и создавали существенные трудности для корыстных преступников.

Ключевые слова: защита собственности, корыстная преступность, технические средства, радиочастотная идентификация, архитектурная криминология.

SOME FEATURES ON FORMATION OF NEW MEANS AND WAYS OF PROTECTION OF OBJECTS OF PROPERTY AGAINST CRIME

Zheludkov M.A.,
Doctor of Law, Associate Professor
(Tambov State Technical University)

Abstract: taking into account the security of the public relations of property existing in Russia, in the scientific article problematic issues in application of new means and ways of protection against crimes for profit are traced. Property offenses are committed with application all of new funds of penetration for an object. In this regard it is very important that means of protection were adequately new and created essential difficulties for mercenary criminals.

Key words: protection of property, mercenary crime, technical means, radio-frequency identification, architectural criminology.

Среди основных приоритетов создания в Российской Федерации правового государства находится защита объектов собственности от преступных посягательств. Преступления против собственности затрагивают различные сферы жизнедеятельности, предусматривающей возможность соприкосновения с общественными отношениями собственности. «Нет, пожалуй, более "устойчивой" характеристики человека, чем его приверженность к своему, личному, частному» [4, с. 345-346]. Однако каждый собственник, вступая во взаимоотношения с государством, должен быть уверен в том, что существующая в обществе система безопасности создает надежные возможности по защите его объектов собственности от преступного посягательства.

В то же время, если обратить внимание на статистику, то сведения, представленные в ней, выглядят не так радужно. Например, за период с января по май 2018 года «половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершённые путём кражи, мошенничества, грабежа, разбоя. Каждое тридцать седьмое зарегистрированное преступление – квартирная кража» [1].

Подобные данные явно указывают на то, что органы внутренних дел постоянно занимаются предупредительной деятельностью в отношении преступлений против собственности. Однако принимаемые ими меры ещё недостаточно эффективны в складывающейся криминальной обстановке. Последние 20 лет, занимаясь проблемами сдерживания уровня преступлений против собственности, правоохранительные органы уделяли мало внимания системным основам защиты объектов собственности.

В свою очередь, система защиты собственности от корыстной преступности, по нашему мнению, входит в общие системные основы безопасности личности, общества и государства. Подобный вывод напрашивается по исследовательским данным систем безопасности *Швейцарии*, где отдельные компоненты защиты объектов собственности вписаны в общий механизм безопасности всего швейцарского общества. Среди них выделим следующие мероприятия:

1) деурбанизация – в Швейцарии нет ни одного города, где население составляло бы 1 млн или более жителей, что облегчает реализацию принципов всестороннего социального контроля в небольших поселениях городского типа, где все знают друг друга, и поэтому обеспечен почти полный взаимный контроль, взаимная поддержка и взаимопомощь;

2) деиндустриализация – отсутствие в Швейцарии крупной промышленности, ориентированной на производство средств производства для средств производства, там развивается исключительно потребительская сфера промышленности;

3) деэмансипация – замужняя женщина в Швейцарии, как правило, не работает и не учится, а занимается детьми, семьей и мужем, что является фактором, снижающим уровень преступности среди несовершеннолетних;

4) демиграция – в Швейцарии преобладает коренное население;

5) децентрализация полиции – разукрупнение силовых министерств и их управлений в кантонах и ориентация на местную общину, усиление аппарата полиции на местах.

С учетом в том числе зарубежного опыта при противодействии корыстной преступности предлагаем определенные требования к защищаемым объектам собственности:

– целеполагание, последовательность, систематичность проводимых защитных мер и постоянный мониторинг возникающих угроз и опасностей для собственности;

– планирование мероприятий защиты с учетом детализации деятельности каждого субъекта защиты применительно к общему и конкретному объекту;

– направление защиты на индивидуальный, конкретный объект защиты с учетом его особенностей в интересах достижения поставленной цели;

– способность мероприятий защиты надежно и универсально перекрыть различные способы, методы и приемы воздействия со стороны корыстного преступника;

– взаимодействие субъектов защиты между собой и с иными государственными, муниципальными, общественными и индивидуальными субъектами;

– связь организационного обеспечения с правовым, идеологическим и нравственным обеспечением защитных мер;

– соответствие информационной среды потребностям практики защиты права собственности от корыстных преступлений;

– адекватный профессиональный и технический уровень деятельности органов внутренних дел по предлагаемым мерам защиты.

Предлагаем вновь вспомнить о забытой сегодня в России, архитектурной криминологии, где важной составляющей в системе защиты собственности считается безопасная застройка городской среды. «Архитектурный стиль больших городов может не только защитить от преступления, но и облегчить его совершение, а иногда и спровоцировать. По некоторым данным, в высотных жилых домах регистрируется в семь раз больше преступлений, чем в малоэтажных жилищах» [2, с. 212].

В одном из районов г. Лондона (Стоунбридж) муниципалитет для обеспечения безопасности жителей снес ряд домов, а министерство жилищного строительства выделило собственникам по 1 тыс. фунтов стерлингов для технической защиты своего жилища. Современная структура застройки в Великобритании включает в себе защитные мероприятия, в том числе с учетом предотвращения корыстных деяний.

В России вопросы безопасности от корыстных деяний при строительстве проработаны недостаточно отчетливо. Явно видны перекосы в сторону увеличения высотности зданий и точечной застройки городов, где средства и способы защиты чужой собственности отходят на второй план. Не забываем о применении современных технических средств безопасности, затрудняющих для преступника проникновение на объект [2, с. 59].

Причем применяемые технические средства должны удовлетворять определенным требованиям защиты, а именно:

– охватывать весь имущественный объект информационным вниманием;

– использовать многоуровневую последовательность в их преодолении и доступе к ним;

– иметь надежную внутреннюю начинку с трудностью для проникновения посторонних, но удобную при обслуживании, эксплуатации;

– иметь комплекс различных способов и средств, которые создают существенные препятствия для корыстного преступника.

При этом невозможно замыкаться только на оборудовании системой видеонаблюдения, подход к использованию средств защиты должен быть комплексным. Например, поставив в доме камеру, следует задуматься о местах входа в дом, оборудовав их другими средствами защиты.

Например, «система видеонаблюдения г. Москвы охватывает большинство городских объектов, улиц и автомагистралей. В ЦАО города Москвы создан Центр мониторинга видеоинформации, сотрудники которого круглосуточно, в режиме реального времени, с 1 февраля 2016 г. получают информацию с камер и незамедлительно направляют сведения о нарушениях общественного порядка в ГУ МВД России по городу Москве. В едином центре по хранению данных (ЕЦХД) должна содержаться информация следующего характера: видеоизображение объекта и его нахождение, дата и время наблюдения, сведения о поставщиках и пользователях информации. Всего задействовано 142 000 камеры. Доступ на постоянной основе в ЕЦХД придан уполномоченным субъектам. Запланировано подключение к ней других внешних систем видеонаблюдения. Проводится пилотный проект по предоставлению жителям видеоизображений с камер подъездного видеонаблюдения и услуги запирающее устройство» [9]. В жилище следует продумать наличие запорных устройств, которые нельзя вскрыть подбором ключей, отмычкой или высверливанием, с учетом специального ригеля исключающего перепиливание, выбивание, отжим и высверливание [5, с. 370].

Среди различных средств технического обеспечения безопасности обратим внимание радиочастотную идентификацию объектов – способ автоматического определения объектов, в котором посредством радиосигналов считываются или записываются данные, хранящиеся в так называемых транспондерах, или RFID-метках. Данное направление защиты на практике показывает существенные преимущества для предотвращения краж товаров в магазинах, а также защиты автотранспорта от угонов. Ридеры (считывающие устройства) должны быть установлены скрытно в полицейских автомобилях для считывания информации с транспондеров (меток) в режиме реального времени.

«Радиочастотные метки не только позволяют фиксировать номер автомобиля в реальном времени (и данные его владельца), но и создают дополнительную информацию о накладных перевозимых грузов, путевых листах, дате предыдущего или следующего техобслуживания и т.п. Все данные в реальном времени можно заносить в центральную базу поиска угнанного автотранспорта, что позволяет совершенствовать процесс поиска автомобилей» [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что корыстные преступники постоянно совершенствуют свои навыки, а также технические возможности при проникновении на объект собственности. В этой связи, средства защиты должны быть новыми и функциональными. Сложно создать абсолютную защиту для конкретного объекта от всех преступлений [5]. Поэтому надежные технические средства должны применяться в совокупности с другими способами системной защиты. По причине небольшого объёма статьи, не раскрывая полностью механизм защиты, тем не менее считаем, что использование системного подхода сообразуется не как панацея для абсолютной защиты права собственности, а как полезное теоретико-методологическое средство, способное упростить процедуру защиты объектов, создать структурную модель взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, определить сущность, функционирование и развитие нового социально-правового института защиты права собственности от корыстных преступлений.

Библиографический список

1. Данные статистики МВД России [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/13566897/.
2. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: ИНФРА. М-НОРМА, 1997. - 374 с.
3. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Российское право, 1992. - 432 с.
4. Криминология: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. - 160 с.
5. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили; под ред. Г.А. Аванесова. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. - 480 с.
6. О массовых беспорядках в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. 1983. № 3. С. 11.
7. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учебное пособие. – М.: Юристъ, 2005. - 284 с.
8. Транспорт. Бесконтактные системы идентификации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.idlogic.ru .
9. Четыре года спустя. Промежуточные итоги программы «Безопасный город» в Москве [Электронный ресурс]. – URL: http://www.secuteck.ru/.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Можаева И.П.,
доктор юридических наук
(Академия управления МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

Ключевые слова: культурные ценности, противодействие преступным посягательствам на культурные ценности.

ON THE ISSUE OF COUNTERING CRIMINAL ENCROACHMENTS ON CULTURAL PROPERTY

Mozhaeva I.P.,
Doctor of Law
(Management Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article deals with the problems of countering criminal encroachments on cultural values.

Key words: cultural values, counteraction to criminal encroachments on cultural values.

Культурная политика является важной составляющей в задаче укрепления страны, национальной идентичности и обеспечения национальной безопасности. Охрана культурных ценностей от преступных посягательств – одна из важных правоохранительных функций государства.

В соответствии со Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года противоправные посягательства на объекты культуры отнесены к угрозам национальной безопасности в области культуры. В настоящее время в розыске находится более 75000 единиц культурных ценностей, похищенных на территории Российской Федерации, основная часть которых вывезена за рубеж [1, с. 86]. Обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям является одной из основных целей государственной культурной политики.

Организация противодействия преступным посягательствам на культурные ценности, в том числе на межгосударственном уровне, в рамках взаимодействия в сфере культурной безопасности – эффективный способ реализации внешнеполитической доктрины нашей страны. Культурные связи – один из самых эффективных инструментов в механизме внешнеполитической деятельности [2, с. 86]. В Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается, что организованная преступность носит глобальный характер и требует ответа со стороны всего международного сообщества. В списке наиболее прибыльных сфер преступной деятельности «черному рынку» произведений искусства эксперты отводят четвертое место после торговли наркотиками, оружием и отмыванием денежных средств, добытых преступным путем.

Тенденции сохранения культурного наследия требуют принятия первоочередных мер, связанных с противодействием преступным посягательствам на культурные ценности: 1) информационное обеспечение противодействия преступным посягательствам на культурные ценности; 2) формирование постоянно действующей межведомственной комиссии по предупреждению незаконного вывоза культурных ценностей за пределы России; 3) издание совместного межведомственного нормативного правового акта о взаимодействии в сфере борьбы с преступными посягательствами на культурные ценности и др.

В этой связи необходимо комплексное изучение проблем противодействия преступным посягательствам на культурные ценности уголовно-правовыми средствами; рассмотрение современных тенденций организации взаимодействия при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, посягающих на культурные ценности; выявление и анализ типичных проблем, возникающих в процессе противодействия преступным посягательствам на культурные ценности, ориентированные в дальнейшем на разработку рекомендаций, направленных на совершенствование управленческой, оперативно-разыскной и криминалистической деятельности [3, с. 196].

Противодействие преступным посягательствам на культурные ценности – это основанная на законных и подзаконных нормативных актах совместная, согласованная деятельность равноправных в выборе средств и методов решения поставленных задач субъектов, направленная на обеспечение эффективного выявления, расследования и предупреждения преступлений в указанной сфере.

Противодействие преступным посягательствам на культурные ценности, как было выше изложено, осуществляется в основном с учетом имеющихся уголовно-правовых мер и организационных возможностей государства и органов исполнительной власти [4, с. 66].

Одним из необходимых условий эффективности данного противодействия является научный подход к его организации. К сожалению, большинство исследований характеризуются высоким уровнем теоретического обобщения и не затрагивают реальных проблем, стоящих перед региональной практикой.

Исследование недостатков и ошибок в организации деятельности по противодействию преступным посягательствам на культурные ценности, выявленных путем обобщенного анализа оперативно-служебной информации о деятельности правоохранительных органов за период 2012-2017 гг. [5, с. 86], а также судебно-следственной практики позволило вычленить комплекс типичных проблем. Данный комплекс в зависимости от уровня может дифференцироваться на правовые, организационно-управленческие, организационно-криминалистические и иные типичные проблемы, возникшие в процессе противодействия преступным посягательствам на культурные ценности [6, с. 186].

Оптимизация сил и средств противодействия преступным посягательствам на культурные ценности обусловлена совокупностью факторов. Содержание внешних факторов составляют:

– обусловленная современными тенденциями развития российского государства и международными стандартами необходимость качественного совершенствования противодействия преступным посягательствам на культурные ценности [7, с. 102];

– сложившаяся к настоящему времени потребность в оптимизации противодействия преступным посягательствам на культурные ценности;

– необходимость обеспечения непрерывности, системности и комплексности мер противодействия преступлениям указанной направленности.

Внутренние факторы непосредственно связаны с современным состоянием, структурой и динамикой трансграничной организованной преступности, к числу которой относится преступные посягательства на культурные ценности, и потребностями межгосударственной правоприменительной практики.

Оптимизация противодействия преступным посягательствам на культурные ценности должна основываться на инновационном междисциплинарном подходе и сосредоточенности на совершенствовании уголовного правосудия в трансграничном контексте. В этой связи актуализировалась необходимость сосредоточения усилий по разрешению типичных проблем на следующих значимых направлениях:

1. Оптимизация механизма правового регулирования противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

2. Информационное обеспечение противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

3. Организация международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

4. Оптимизация межведомственного взаимодействия в рамках противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

5. Оптимизация профилактической деятельности в рамках противодействия преступным посягательствам на культурные ценности [8, с. 116].

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день назрела необходимость обеспечения культурной безопасности на национальном и межгосударственной уровнях как важной составляющей в задаче укрепления национальной идентичности, обеспечения национальной и транснациональной безопасности.

В этой связи комплекс мер по оптимизации противодействия преступным посягательствам на культурные ценности должен охватывать все основные направления организации противодействия преступным посягательствам на культурные ценности.

Библиографический список

1. Алексеев А.А., Весельский В.К., Пясковський В.В. Расследование отдельных видов преступлений: учебное пособие. - 2-е изд. перераб. и доп. – К.: Центр учебной литературы, 2018. - 320 с.

2. Криминалистика: учебное пособие / Е.П. Ищенко и др. – СПб., 2017. - 441 с.

3. Зайцев О.А., Карлов В.Я. Криминалистика: проблемно-тематический комплекс: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 270 с.

4. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие / Г.Н. Мухин, Д.В. Исютин-Федотков. – М.: Юрлитинформ, 2017. - 314 с.

5. Криминалистика: учебник / под ред. В.Ю. Шепитько. – Киев: Ин Юре, 2017. - 682 с.

6. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: курс лекций / В.К. Весельский, А.В. Ищенко, В.С. Кузьмичев, Д.Б. Сергеева, Ю.М. Черноус. – Киев: ХмЦНП, 2016. - 178 с.

7. Культурология: курс лекций / сост. и отв. ред. А.А. Радугин. – М.: Библионика, 2007. - 303 с.

8. Культурология: История мировой культуры / под ред. А.Н. Марковой. – М., 2017. - 393 с.

УДК 343.144

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТАКТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ С ОБВИНЯЕМЫМИ И ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ

Замылин Е.И.,
доктор юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: подследственный, будучи заинтересованным в исходе дела, имеет намерение представить свои противоправные действия и поведение в более выгодном для него свете, а порой и выдвигает заранее подготовленное ложное алиби. У данной категории участников уголовного судопроизводства довольно отчетливо прослеживается защитная доминанта в виде активных и пассивных действий. Успех допроса с участием подозреваемого (обвиняемого), занимающего негативную позицию, в немалой степени зависит от того, насколько проводящий его следователь разбирается в закономерностях психики допрашиваемого.

Ключевые слова: следователь, подозреваемый, обвиняемый, допрос, противодействие, доказательства, достоверные показания.

SOME QUESTIONS IN RELATION TO TACTICS AND PSYCHOLOGY OF COMMUNICATION WITH DEFENDANTS AND SUSPECTS

Zamylin E.I.,
Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the person under investigation, have been interested in the outcome of the case, has intention to present the illegal acts and behavior in light, more favorable to him, and at times and puts forward in advance prepared false alibi. At this category of participants of criminal legal proceedings the protective dominant in the form of active and passive actions is quite distinctly traced. Success of interrogation with participation of the suspected (defendant) taking a negative position in no small measure depends on that, the investigator who was how carrying out it understands regularities of mentality of interrogated.

Key words: investigator, suspect, defendant, interrogation, counteraction, proofs, authentic indications.

Допрос обвиняемого (подозреваемого) является одним из наиболее важных и сложных следственных действий, где процесс установления истины не ограничивается получением признательных показаний, выяснением обстоятельств по делу, но и преследует иную, как это ни банально звучит, не менее важную цель – оказание положительного воспитательного воздействия на подследственного.

В сущности, допрос подозреваемого и обвиняемого в тактическом плане не имеет коренных различий [1], хотя при всей незначительности их нельзя не принимать во внимание. Так, при допросе подозреваемого следователь обладает

определенными преимуществами в процессе получения наиболее полных и достоверных показаний от лица, которое располагает ограниченными сведениями об объеме доказательств его виновности, а фактор внезапности и неожиданности лишает подозреваемого возможности продумать, выработать определенную линию поведения, психологически подготовить себя к следственному действию.

Если же брать в целом, то в лице подозреваемого и обвиняемого в значительном большинстве случаев следователь встречает субъекта, который, будучи заинтересован в исходе дела, имеет намерение представить свои противоправные действия и поведение в более выгодном для него свете, а порой и выдвигает заранее подготовленное ложное алиби. В основном у данной категории участников уголовного процесса довольно отчетливо прослеживается защитная доминанта в виде отрицания и опровержения имеющихся в отношении них улик. Противодействие следователю в установлении истины по делу проявляется в виде активных и пассивных действий, то есть допрашиваемый или сообщает заведомо недостоверную информацию, или вообще отказывается отвечать на поставленные вопросы (в следственной практике случаи отказа обвиняемого от дачи показаний относительно редки; по нашим данным, это соотношение колеблется примерно в пределах 1:18).

Успех следственного действия с участием обвиняемого, занимающего негативную позицию, в немалой степени зависит от того, насколько проводящий его сотрудник разбирается в закономерностях психики. Умение понимать внутренние процессы и состояние человека, с которым мы общаемся, психологи называют эмпатией [2]. Эмпатия следователя основана на умении правильно представлять, что происходит внутри допрашиваемого, что он переживает, к чему стремится, как воспринимает и оценивает себя и окружающий мир (способность смотреть на людей и воспринимать различные события их глазами имеет чрезвычайно важное значение для понимания окружающих). Кроме этого, эмпатия основана на способности с помощью воображения почувствовать жизненную ситуацию другого человека и те роли, которые он исполняет. Способность следователя к эмпатии тем выше, чем богаче и разнообразнее его представления о других людях, чем гибче и изобретательнее он пользуется ими.

Следователь должен учитывать, что в отношении обвиняемых (подозреваемых) предлагаемый контакт обусловлен принудительным характером общения, в результате которого те не испытывают положительных эмоций; это является серьезным препятствием на пути к достижению определенного результата [3]. Межличностное общение в условиях следствия характеризуется в ряде случаев повышенным уровнем тревожности. Это состояние часто сочетается со страхом, который, угнетающе действуя на психику человека, нередко выступает в качестве причины ложных показаний и самооговора [4].

Вникая во внутренний мир подследственного, следует признать, что он крайне редко видит в следователе союзника, человека, готового прийти ему на помощь. Заметную роль в этом играют не только личностные качества должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, но и объективные факторы, подготавливающие соответствующую психологическую установку, а именно: допрос как один из видов социальной связи вызывает у фигу-

ранта неуверенность и внутреннее напряжение, которое «усугубляется осознанием особой ответственности момента, когда ошибка, неверный шаг, необдуманное слово могут привести к тяжким для него последствиям» [5].

Психологически вполне объяснима испытываемая неприязнь обвиняемого к следователю как источнику опасности, ставящему под сомнение его благополучие. На момент вызова или доставления по месту ведения следствия он не владеет достаточной информацией о количестве и доказательственном значимости улик, которыми располагает допрашивающий. Соответственно, сознание обвиняемого работает в следующем направлении: получить по возможности наиболее полную информацию от следователя и не допустить ошибок со своей стороны, даже самых незначительных, которые могут подвергнуть его угрозе разоблачения. Одно это уже отнюдь не способствует формированию атмосферы доверия и взаимопонимания, что, естественно, отрицательно сказывается на качестве получаемой информации. А значит, в процессе восприятия следователем фактических обстоятельств по делу в интерпретации обвиняемого тщательному психологическому анализу должна быть подвергнута не только содержательная часть показаний данного участника следственного действия, но и эмоциональная форма их изложения.

На пути к преодолению столь нежелательного для взаимодействия психического состояния следователю приходится прилагать немалые усилия, чтобы доходчиво и понятным языком разъяснить подследственному его процессуальное положение, значение для него достоверных показаний и деятельного раскаяния в совершенном. В случае отказа давать показания следователю прежде всего необходимо разъяснить фигуранту по делу о негативных последствиях подобной позиции. Здесь ставка делается на то, что человек всегда остается заинтересованным в своей судьбе, и рекомендации криминалистики и юридической психологии по разъяснению, что обвиняемый упускает возможность самозащиты (доказательства его виновности могут исследоваться и оцениваться односторонне) и вина может быть доказана и без его помощи, а вот смягчающие обстоятельства без его участия установить довольно сложно, остаются действенными и в современной сложной обстановке [6].

Не вызывает сомнений и тот факт, что личное поведение следователя придает определенный импульс поведенческим установкам обвиняемого (подозреваемого). Независимо от ситуации, сложившейся на момент допроса, со стороны следователя недопустимы невыполнимые обещания, неискренность по отношению к допрашиваемому, чтобы он не ответил тем же. Вполне закономерно, что индивид, однажды преднамеренно введенный в заблуждение, стремится впредь избегать подобных ситуаций. Своеобразная психологическая зависимость в виде недоверия и подозрительности к действиям должностного лица может возникнуть и закрепиться на фоне беспокойства и внутреннего напряжения как следствие ранее пережитого субъектом или близкими ему людьми злоупотребления доверием.

Приведем пример из практики. *Неприязнь и ярко выраженный конфликтный настрой С., задержанного по подозрению в совершении уголовно наказуемого деяния, сложились как следствия некорректных действий дознавателя, проводившего неотложные следственные действия с его участием: оскорбления,*

угрозы, необоснованный отказ в удовлетворении законных просьб и ходатайств. Поэтому, когда дело было передано по подследственности, С. занял крайне негативную позицию, отказываясь не только давать показания по делу, но и вообще вступать в какой-либо контакт со следователем. Последний, имея опыт работы с подобной категорией подследственных, первым сделал шаг на пути к преодолению недоверия и отчуждения, предложив обвиняемому свидание с его матерью и любимой девушкой, разлуку с которыми он глубоко переживал; не было отказа и в передаче продуктов питания и вещей. В результате С. изменил свою позицию и пошел на деловое сотрудничество со следствием.

Учитывая психологию лиц, к которым в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, следует принять за правило их вызов и доставление по месту ведения следствия. Допрос в условиях, коренным образом отличающихся от места, где задержанный проводит основную часть времени, в совокупности с решением ряда личных проблем формирует предпосылки для адекватного реагирования на заинтересованность следователя в выяснении обстоятельств совершенного преступления. Проявление внимания к личности допрашиваемого, учет его интересов подготавливают почву для делового сотрудничества и порой, независимо от отношения того к правоохранительным органам в целом, создает предпосылки к нейтрализации назревающего конфликта.

Исследуя внутренний мир лица, совершившего противоправное деяние, нельзя оставлять без внимания систему ценностных ориентаций, взглядов и установок, которые присущи ему как представителю определенной социальной группы. С точки зрения оценки личности в системе уголовного судопроизводства, как нам представляется, было бы крайне неразумно со стороны следователя не учитывать и так называемый социальный статус, который «напрямую связан с установками и видами поведенческих реакций, жизненной тактикой, стратегией, определяющими вектор направленности личности. Статус отражает глубинные личностные тенденции, которые всегда сказываются на функционировании личности во время уголовного судопроизводства и потому связаны с (*ее – Е. З.*) процессуальным статусом» [7].

Современная наука, игнорируя биологические аспекты формирования человека, отвергает природную предрасположенность к преступлениям и наличие у него каких-то особенных генетически запрограммированных и передаваемых по наследству наклонностей к правонарушениям. Считается, что основное отличие личности преступника от личности законопослушного гражданина состоит в негативном содержании ценностно-нормативной системы, сочетании некоторых устойчивых психологических особенностей, имеющих криминологическое значение [8]. Общепризнано, что именно в координатах ценностно-нормативной системы личности и социальной среды, их взаимодействии надо искать непосредственные причины преступного поведения [9]. А значит, задача следователя состоит и в поиске путей разоблачения и нейтрализации негативных последствий влияния обозначенной среды на лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Как биосоциальное существо каждый человек (за редким исключением) для удовлетворения своих потребностей, достижения личных и совместных целей стремится к объединению с другими людьми, в том числе и для успешной

реализации антиобщественных установок. В этом случае среди множества факторов, влияющих на восприятие и познание действительности, особую роль играют стереотипы мышления и оценок, которые укоренились в сознании фигурантов, что на протяжении определенного временного периода в составе группы совершали уголовно наказуемые деяния. От того, насколько должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, будет последовательно и убедительно в разоблачении неприглядной роли ценностных ориентаций, послуживших основой формирования личности, а также неформальной нормативной базы, действующей внутри определенной группы, настолько будет зависеть не только успех проведения отдельно взятого следственного действия или мероприятия, но и расследования по делу в целом.

Так, ориентируя свою деятельность на выявление структуры преступной группы, роли, которую выполнял каждый из подследственных в ходе противоправной деятельности, следователь должен делать ставку на рядовых исполнителей, так как обвиняемых, занимающих нижнюю ступеньку в иерархической структуре преступной группы, проще склонить к сотрудничеству. Не акцентируя внимания на степени виновности, следователь подводит фигуранта к осмыслению того, что основную тяжесть наказания должны нести организаторы и руководители группировки, их «идейные вдохновители», которые, как правило, остаются вне уголовного преследования.

Разочарование подследственного в «идеалах», обида на лидеров группировки закладывает основы делового сотрудничества со следствием. Поэтому деятельность следователя в ходе подготовки к допросу и его проведения должна быть нацелена на выявление и использование антагонизмов, межличностных противоречий, противоречий в интересах соучастников преступной деятельности и конфликтов, имеющих место в их среде. В ходе расследования разногласия могут обостриться и выйти из-под контроля признанных в группе авторитетов. Это особенно свойственно периоду, когда лица, проводившие основную часть времени вместе, изолированы от общества и друг друга, когда они лишены не только привычных условий существования, но и информации о поведении на следствии каждого из них, когда окончательно не выработана (если она вообще прорабатывалась) линия поведения на случай задержания, и т.д.

Практика свидетельствует, что представители руководящего звена оказывают негативное воздействие не только на представителей стороны обвинения, но и членов своей преступной группы, продолжая руководство своими «подопечными» (даже если в отношении тех в качестве меры пресечения применено заключение под стражу), вплоть до приказов отказаться от дачи показаний, изменить их, прорабатывая линии поведения на следствии и в суде (о чем уже говорилось выше), в том числе подготавливая ложное алиби и т.п.

Так, в ходе расследования ряда заказных убийств в г. Рязани, лица, обвиняемые в совершении данных преступлений, будучи арестованными, не прекращали контактировать с сообщниками, оставшимися «на воле», входящими в так называемую слоновскую группировку. В числе прочего последние, подготавливая ложное алиби, передали обвиняемым в СИЗО записку с текстом: «Валите все на Горелова. Его нет в живых» [10].

В литературе, освещающей проблемы криминалистической тактики, широко представлены тактические приемы допроса подозреваемых и обвиняемых, в том числе в условиях конфликтной ситуации [11]. Поэтому считаем, что нет необходимости в их анализе и исследовании в рамках представленной работы. Как представляется, эффективное решение рассматриваемой проблемы невозможно осуществить посредством наращивания карательной политики. Считаем актуальным исследование вопроса о дальнейшем развитии поощрительных норм права, которые представляют собой правовые стимулы для общественно полезного поведения лица, совершившего преступление.

Направленность поощрительных норм выражается прежде всего в том, что, стимулируя желательное для общества поведение, они способствуют возбуждению у отдельных преступных элементов стремления не только к признанию вины, но и к деятельному раскаянию, повышая эффективность правового регулирования процесса борьбы с преступностью в целом [12].

Деятельное раскаяние имеет важное практическое значение; его преимущества очевидны, так как информация предоставляется лицом, непосредственно принимавшим участие в преступлении.

Библиографический список

1. Звездина Е.И. Исторические и процессуальные аспекты развития института подозреваемого // Право и политика. 2007. № 5. С. 91.

2. Мелибруда Е. Я – ТЫ – МЫ: Психологические возможности улучшения общения. – М., 1986.

3. Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса: учебное пособие. – Гродно, 1986.

4. Лушечкина Н.А. Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1982. № 3. С. 78-79.

5. Зорин Г.А. Инновационные подходы к решению проблем теории и практики криминалистического портрета личности преступника / Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства. – М., 2008. Ч. 2.

6. Подшибякин А.С. Преодоление противодействия расследованию в ходе допроса / Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. – М., 1997.

7. Иванов Л.Н. Полисистемные исследования личности в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 2006.

8. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология. – М., 2005.

9. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник. – М., 1991.

10. Китаев Н.Н. Гипноз и преступления. – Иркутск, 2006; [Электронный ресурс]. – URL: // www.pseudology.org/KitaevSmyk/HypnosisCrime.htp.

11. Аверьянова Т.В. Особенности расследования преступлений организованных преступных сообществ / Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. – М., 1997.

12. Пушкин А.В. Поощрительные нормы уголовного права как средство борьбы с противодействием нормальному ходу расследования преступлений / Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. – М., 1997.

УДК 343.1

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДА МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Гусев А.В.,
доктор юридических наук, доцент
(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается метод мысленного эксперимента, представляющий собой общенаучный метод теоретического познания, позволяющий путем конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно и условно задаваемых ситуациях установить важные данные.

Ключевые слова: метод мысленного эксперимента, элемент моделирования, сознание, формально-логические методы.

FORENSIC VALUE OF THE METHOD OF MENTAL EXPERIMENT

Gusev A.V.,
Doctor of Law, Associate Professor
(Krasnodar University of the MIA of Russia)

Abstract: the article deals with the method of mental experiment, which is a General scientific method of theoretical knowledge, allowing by constructing idealized objects and manipulating them in artificially and conditionally set situations to establish important data.

Key words: the method of mental experiment, the element of modeling, consciousness, formal logical methods.

По мере развития научных знаний и появления новых методов их реализации криминалистическая наука адаптирует эти знания для своих практико-ориентированных задач, поэтому процесс формирования системы методов криминалистики еще не закончен.

Среди таких методов обращает на себя внимание метод мысленного эксперимента, представляющий собой общенаучный метод теоретического познания, позволяющий путем конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно и условно задаваемых ситуациях установить важные данные [1, с. 102].

Мысленный эксперимент предполагает проведение анализа последовательности реальных наблюдений и переход от них к некоторой ситуации, в которой мысленно исключается действие определенных сил и факторов [2, с. 46]. Если в натурном эксперименте исследователь проектирует предполагаемые события, непосредственно воздействуя на экспериментальный объект и познавая полученные следствия таких действий [3, с. 226-227], то в мысленном эксперименте ход рассуждений обратный: от наличных следствий к возможным причинам, что позволяет осуществить ретроспективный анализ существования изу-

чаемого факта. При этом логическая структура мысленного эксперимента осуществляется в соответствии с принципами гипотетико-дедуктивного рассуждения, в ходе которого сначала создается наглядный мысленный образ, а потом реализуется логико-схематический поиск ответа на вопросы исследования, по отношению к которым и был создан идеализированный объект.

Первые свидетельства о применении метода мысленного эксперимента относятся к периоду зарождения философской науки в античный период жизни общества, что непосредственно было связано с отсутствием какой-либо возможности проверить опытным путем познаваемое явление, поэтому именно теоретический вывод считался самым верным. Таким образом, возникновение предвестника метода мысленного эксперимента, сформулированного в более поздний период, было объективно обусловлено.

В настоящее время существует много возможностей практического изучения познаваемого вопроса, но при этом значение мысленного эксперимента как исследовательского метода нисколько не уменьшается.

Несмотря на то, что мысленный эксперимент протекает в сознании человека, использование при его проведении формально-логических методов и методов содержательной логики, интерпретируемых с позиции общих принципов предмета познания криминалистики, позволяет получить объективные результаты. Конечно, мысленный эксперимент не является готовым знанием, он лишь иллюстрирует возможность определенного вывода, который можно сделать при проведении материального эксперимента. Такая особенность мысленного эксперимента позволила ученым говорить о том, что это вообще не метод познания, а лишь форма логического рассуждения, помогающая исследователю уяснить определенное теоретическое положение, и он не имеет той доказательной силы, которая присуща эксперименту настоящему. Однако при этом отмечалось, что результаты такого мысленного эксперимента могут приводить к достоверным заключениям, если практикой доказаны исходные положения, а в ходе самого рассуждения не было допущено логических ошибок [4, с. 31].

Соглашаясь с тем, что в основе мысленного эксперимента лежит умозаключение, формирующееся на основе применения логических методов познания, считаем, что отнесение такого экспериментального действия только к логическому рассуждению недопустимым. В основе такого экспериментального подхода лежит конкретная, а не абстрактная информация, что позволяет определить исходные данные для логического умозаключения, при этом в ходе самого рассуждения используются такие информационные данные, имеющие научное обоснование и предопределяющие наступление возможных вариантов прогнозируемых последствий.

Учитывая значимость мысленного эксперимента для решения криминалистических задач, его практическая реализация была предложена как элемент моделирования [5, с. 31-32], в процессе которого искусственно создается материальная или идеальная система, воспроизводящая получение представления о явлениях и процессах, связанных с преступлением и его расследованием [6]. Несомненно, моделирование имеет важное значение в криминалистической практике, однако метод мысленного эксперимента может реализовываться и самостоятельно.

Актуальность данного метода очевидна для криминалистики, где часто возникают вопросы научного разрешения, требующие, например, сохранности объектов познания, но при этом и выяснения динамического или статического механизма их взаимодействия. Реальное проведение в этом случае экспериментальных действий может повлечь повреждение или уничтожение целостной структуры изучаемого комплекса признаков данных объектов. Кроме того, могут возникать ситуации, при которых осуществление реального эксперимента опасно для жизни и здоровья людей или отсутствуют условия полного воспроизведения обстановки и условий проведения реальных экспериментальных действий.

Для более полного научного представления о чем-либо требуется, конечно же, осуществление комплекса научных методов познания, в том числе и проведение реальных экспериментальных действий. Однако именно мысленный эксперимент создает условия для качественного проведения реального эксперимента, поскольку с его помощью просчитываются условия реального экспериментирования и предполагаемые результаты его дальнейшего применения. Научная взаимозависимость мысленного и реального экспериментирования определяется практическим опытом, который строится на основе реальных физических законов. В криминалистике таким опытом должно быть знание физических процессов, проявляющихся в практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также логическое объяснение как самих элементов познания, так и полученных результатов.

Вместе с тем нельзя не отметить и то, что результаты мысленного эксперимента носят исключительно познавательный характер, никак не влияя на доказательственную базу по уголовному делу, поскольку полученные в ходе такого эксперимента результаты не лишены субъективизма. Невозможность использования результатов мысленного эксперимента в качестве доказательства существенно снижает его криминалистическое значение, но не исключает, в принципе, такой возможности, если будут найдены условия, при которых такая задача будет решена.

Одним из таких подтверждающих условий, по нашему мнению, является перевод мысленного эксперимента в виртуальную форму его осуществления, где он уже приобретает признаки виртуального эксперимента, который представляет собой сочетание элементов имитационного и математического моделирования [7]. Мысленный эксперимент, подкрепленный результатами произведенных математических расчетов его возможной реализации, может рассматриваться не в качестве абстрактной модели, а как подтверждение возможности существования определенного факта.

Тем самым мысленный эксперимент переходит в разряд иной деятельности, которая уже имеет возможность своего логического подтверждения не только мысленными абстракциями индивидуума, а конкретной, принципиально проверяемой информацией. Это обстоятельство формирует, на наш взгляд, новый в криминалистике исследовательский подход, в котором сочетаются признаки мысленного и виртуального эксперимента, а применение человеком законов формальной логики дополняется математическими и иными данными, полученными в ходе проецирования мысленного эксперимента на процесс виртуального экспериментирования с помощью компьютерного программного обеспечения.

Библиографический список

1. Зуев К.А. Компьютеризация общества (методологические и специально-философские проблемы): дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1990.
2. Рузавин Г.И. Методология научного познания: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
3. Берзин В.Ф. Задача эксперимента в идентификационных исследованиях следов внешнего строения объектов / Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: материалы научной конференции на базе научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы при Таджикском государственном университете им. В.И. Ленина. – Душанбе, 1962. Вып. 2.
4. Копнин П.В. Эксперимент и его роль в познании // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 31.
5. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учебное пособие. - 2-е изд., исправ. и доп. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2001.
6. Метод моделирования в криминалистической деятельности [Электронный ресурс]. – URL: https://studfiles.net.
7. Бычкова Д.Д. Моделирующий виртуальный эксперимент [Электронный ресурс]. – URL: https://docviewer.yandex.ru.

УДК 343.412

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Озерова Е.Г.,
доктор филологических наук, доцент
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»));
Симоненко Е.И.,
кандидат филологических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы противодействия экстремистской деятельности. В связи с тем, что отличительной особенностью экстремистской деятельности является использование языковых средств, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела становится необходимым проведение соответствующих экспертиз и исследований в экспертно-криминалистических центрах с целью установления признаков состава преступления.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, лингвистическая экспертиза, противодействие, состав преступления, вражда.

THE INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT BODIES AT REVEALING OF SIGNS OF CRIMES RELATED TO EXTREMIST ACTIVITIES

Ozerova E.G.,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
(Belgorod State National Research University (NIU «BelGU»));
Simonenko E.I.,
Candidate of Philological Sciences
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article deals with the issues of countering extremist activity. Due to the fact that the distinctive feature of extremist activity is the use of language means, it becomes necessary to carry out appropriate examinations and studies in forensic centers in order to establish the signs of a crime in order to solve the question of initiation of criminal proceedings.

Key words: extremism, extremist activity, linguistic expertise, counteraction, crime, enmity.

В условиях современной действительности, характеризующейся нарастанием экстремистских настроений в обществе, деятельность правоохранительных органов, задачи законодательства должны быть направлены на решение проблемы противодействия экстремистской деятельности. Актуальность поставленной проблемы подтверждается и статистическими данными. Анализ данных Главного информационно-аналитического центра МВД РФ о состоянии преступности показывает, что в Российской Федерации, начиная с 2010 года, наблюдается неуклонный рост числа преступлений экстремистской направленности и характера [3]. Более 50% преступлений приходится на преступления, предусмотренные ст.ст. 280, 282, 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, количество осужденных за экстремизм в 2015 году увеличилось на 30%, о чем свидетельствуют «Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции в 2015 году», опубликованные Верховным судом России.

В целях повышения эффективности противодействия экстремистской деятельности считаем необходимым взаимодействие всех структурных подразделений правоохранительных органов. Так, отличительной особенностью преступлений, предусмотренных ст.ст. 280 и 282 УК РФ, является использование специальных средств, как правило, языковых или изобразительных, для реализации коммуникативных установок авторов экстремистских высказываний, иллюстраций, поэтому для точной квалификации данных преступлений необходимы специальные познания в области лингвистики, культурологии, психологии и т.д. Проанализировав практику расследования и раскрытия преступлений экстремистской направленности в Белгородской области и по всей России в целом, мы пришли к выводу, что на сегодняшний день большое распространение получили экстремистские тексты, как с изображениями, так и без них, функционирующие в сети Интернет, поэтому для решения вопроса о возбуждении уголовного дела становится актуальным проведение соответствующих экспер-

тиз и исследований в экспертно-криминалистических центрах с целью установления признаков состава преступления.

При выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности экспертам-лингвистам направляются на исследования материалы для решения вопросов о выявлении признаков словесного экстремизма в текстах, изъятых в ходе проведения соответствующих проверок. Как уже было сказано, выводы исследований экспертов важны не только для принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, но и для правильной квалификации содеянного. Например, с использованием специальных знаний в области лингвистики в следующем тексте при производстве лингвистической экспертизы был выявлен призыв к осуществлению насильственных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по принадлежности к расе, национальности, религии, что соответствует диспозиции ст. 282 УК РФ: *«**Америка** должна понять, что тот кошмар, который она пережила в Фалудже, ...является всего лишь началом обратного отчета для ее упразднения и уничтожения! Концом ее правления в мире! Концом ее несправедливости! Концом ее беспорядков и гордыни! Аллах приказал нам **мобилизовать** все наши силы для изменения положения в Исламском мире. Пока мы вновь не объединимся и не спасемся! Так **давайте же претворим** религию Аллаха, ведь в это мы уверовали. Ведь свидетельство о вере требует от нас этого. Всевышний Аллах говорит: «О, вы, которые уверовали! Не изменяйте Аллаху и Посланнику, - тогда вы измените доверенному вам, в то время как вы знаете истину». В ответ на крик наших сестер, взывающих о помощи, когда совершается посягательство на их честь! Халиф мусульман **отправит армии**! С позволения Всевышнего Аллаха и с его помощью Халиф освободит все **оккупированные** мусульманские территории».*

В представленном фрагменте текста выражено побуждение. Адресант побуждения - группа лиц, обозначенных как «мы», адресат - группа лиц, объединённых по религиозному признаку «мусульмане» и обозначенных как «Исламская Умма», объект предполагаемого действия - группа «Америка». В анализируемом фрагменте лексема «Америка» употребляется в переносном значении (путём соотнесения общего и частного в анализируемом контексте актуализируется значение «те, кто правит Америкой», «американцы)», поэтому негативную оценку получают лица, обладающие признаком «американцы».

Средства выражения побуждения - «давай + глагол будущего времени» («давайте претворим»), контекст. Анализ содержания побуждения свидетельствует о том, что адресант побуждает адресата осуществить деятельность, имеющую массовый, общественно значимый характер, - освободить оккупированные мусульманские территории. В пресуппозиции приведённых высказываний находится информация о том, что «Америка» правит в мире, в том числе и в Исламском мире, при этом осуществляет беспорядки, несправедливые действия, выступает оккупантом. В связи с этим адресант побуждает адресата изменить сложившееся положение дел, побуждает к деятельности, имеющей массовый характер, - мобилизовать свои силы («Аллах приказал нам мобилизовать все наши силы»), поскольку желаемое положение дел отсутствует:

мобилизовать – осуществлять мобилизацию [4];

мобилизация – 2. Приведение армии в состояние готовности к ведению военных действий [5].

Далее по тексту адресант призывает «претворить религию Аллаха», что в контексте высказывания воспринимается как призыв мобилизовать силы («Аллах приказал нам мобилизовать все наши силы – Так давайте же претворим религию Аллаха»):

претворить – 2. Воплощать во что-либо реальное, ощутимое, осуществлять что-либо на деле, в действительности [4].

На основе указанных словарных дефиниций определено, что адресант побуждает адресата к военным действиям. Речь адресанта эмоциональна, насыщена восклицаниями, которые усиливают прагматический эффект представленного фрагмента текста. Эмоциональный фон высказывания усиливает частица «же» («Так давайте **же** претворим религию Аллаха, ведь в это мы уверовали»), которая отнесена к группе эмоционально-экспрессивных и с помощью которой в тексте выражается стремление адресанта обозначить важность и назревшую необходимость военных действий. Также побуждение к военным действиям раскрывается в высказывании: «Халиф мусульман отправит армии!»:

армия – 1. Совокупность вооруженных сил государства [4];

отправлять – 1. Заставлять кого-либо уйти, уехать; отсылать куда-либо. отт. Направлять, посылать кого-либо или что-либо с какой-либо целью или с поручением; командировать [4].

В контексте представленного фрагмента обещание, выраженное в высказывании «отправит армии», воспринимается как предложение совершить обозначенное действие. Жанровая природа текста (воззвание) и массовый характер предполагаемых действий подтверждают мысль о том, что адресант преследует цель призвать адресата к военным действиям с целью оказания сопротивления лицу, обозначенному как «Америка». Таким образом, в представленном фрагменте текста выражено побуждение к военным действиям в форме призыва. Адресант призывает «Исламскую Умму» оказать вооружённое сопротивление «Америке». Призыв «мобилизовать силы» и «отправить армии» актуализирует значение «исполнение насильственных действий», что определяет враждебный характер предполагаемых действий.

Для инициаторов лингвистических исследований становится очень важным анализ субъективной составляющей текста в связи с выявлением признаков состава преступления. Исследование субъективной позиции автора текста может стать основой анализа коммуникативной целеустановки экстремистского текста и косвенно указать на мотив автора текста.

Специфика текстов экстремистской направленности проявляется в их ориентированности на возбуждение вражды и ненависти и закрепляется в обозначении «язык вражды», применяемом в исследованиях по лингвистике по отношению к большому корпусу публичных экстремистских текстов. Тема вражды реализуется в виде основной темы текстов экстремистской направленности. Таким образом, определение авторской позиции в экстремистском тексте следует проводить с точки зрения выраженности в тексте враждебного отношения

(враждебных оценок и эмоций) автора к группам лиц, объединенных на основании признака социальной, расовой, национальной, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо другой группе.

В контексте решения вопросов о наличии/отсутствии экстремистских высказываний эксперт определяет действия одной группы лиц по отношению к другой группе лиц как враждебные.

В российском законодательстве слово «вражда» употребляется в качестве синонима слов «ненависть», «рознь». Так, в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью понимается «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной *розни*», а ст. 282 УК РФ, устанавливающая ответственность за возбуждение *ненависти* либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо группе [2].

Несмотря на то, что понятие «вражда» находится вне юридической терминологии, употребление слова «вражда» в формулировках экстремистских составов предопределяет естественные ограничения на использование его экспертами. Широко распространенная формулировка вопроса для решения его в рамках психолого-лингвистической экспертизы: «Имеются ли в представленном тексте высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам отношения к расе, религии, национальности?» находится в явном противоречии с нормой права, исключающей для эксперта правовую квалификацию деяния: в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» четко указано, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится исключительно к компетенции суда [1]. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды».

Таким образом, в процессе производства лингвистической экспертизы эксперт и инициатор лингвистического исследования сталкиваются с рядом проблем теоретического и практического характера, связанных с оценкой результатов данного исследования, выявления признаков состава преступления на основе лингвистической информации. Все это указывает на то, что для выявления юридически значимых признаков по преступлениям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности, эксперту и инициатору лингвистического исследования необходимо регулярно взаимодействовать.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

2. Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

3. Статистические данные ГИАЦ МВД России / Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics.

4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь. – М., 2006. Т. 1-3.

5. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ-классик, 2008.

УДК 343.11

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Быков В.М.,
доктор юридических наук, профессор
(Тамбовский государственный технический университет)

Аннотация: в данной статье автор раскрывает основные проблемы судебной реформы в России и предлагает пути решения этих проблем.

Ключевые слова: судебная система, судебная реформа, апелляция, кассация, судебные инстанции.

PROBLEMS OF JUDICIAL REFORM IN RUSSIA

Bykov V.M.,
Doctor of Law, Professor
(Tambov State Technical University)

Abstract: in this article, the author reveals the main problems of judicial reform in Russia and suggests ways to solve these problems.

Key words: the judicial system, judicial reform, appeal, cassation, court.

Как стало известно, «Верховный Суд России предлагает создать отдельные апелляционные суды и кассационные суды Председатель Верховного Суда России Вячеслав Лебедев рассказал журналистам, что надеется на принятие уже этой осенью законопроекта о создании в стране полноценной четырехзвенной системы судов общей юрисдикции» [1].

На наш взгляд, законодателю следует установить, что суд второй инстанции является единым судебным органов, который рассматривает жалобы на приговоры и другие решения судов первой инстанции. Апелляция и кассация не должны быть отдельными судами, а только лишь в различном процессуальном порядке рассматривать уголовные дела в суде второй инстанции по жалобам на приговоры.

Каким должен быть порядок рассмотрения уголовных дел в суде второй инстанции? Полагаем, все жалобы на решения суда первой инстанции, поступающие в суд второй инстанции, должны быть рассмотрены и оценены по своим основаниям коллегией из трех судей на предварительном слушании с участием сторон. На этом предварительном слушании суд должен наряду с другими вопросами в первую очередь решить исходя из основания жалоб сторон, имеется ли необходимость в повторной проверке и в исследовании всех доказательств, в том числе и представленных сторонами новых доказательств, непосредственно в новом судебном разбирательстве.

Если суд на предварительном слушании установит, что в своих жалобах стороны указывают, что суд первой инстанции допустил ряд ошибок при рассмотрении уголовного дела, связанных с исследованием доказательств, или с их неполным исследованием, или неверной оценкой, то очевидно, что повторное полноценное исследование доказательств возможно только в апелляционном порядке.

Апелляционный порядок проверки приговора суда первой инстанции необходимо использовать также во всех случаях, когда суд необоснованно отклонил ходатайства сторон или о вызове дополнительно свидетелей; или об истребовании других документов и вещественных доказательств; или о назначении судом новых судебных экспертиз.

Очевидно, что в этих случаях суд должен будет заново исследовать имеющиеся в уголовном деле доказательства непосредственно в ходе нового судебного разбирательства, в связи с чем на предварительном слушании суд обязан будет принять решение о проверке приговора и других решений суда первой инстанции в апелляционном порядке.

В других случаях основаниями жалоб сторон могут явиться допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора. Очевидно, что такого рода жалобы сторон могут успешно быть проверены и разрешены в соответствии с законом и установленными судом первой инстанции фактическими обстоятельствами уголовного дела в кассационном порядке.

Естественно, что в суд второй инстанции могут поступать жалобы сторон, в которых указывается не одно какое-то основание для обжалования судебного решения, а несколько оснований. Поэтому, если в этих жалобах сторон будет указано, что основаниями для обжалования решений суда первой инстанции являются такие основания, как: неверная оценка судом представленных сторонами доказательств; или неполное их исследование судом первой инстанции; или сторонам необоснованно судом отказано в истребовании и исследовании новых доказательств; то во всех этих случаях на предварительном слушании, независимо от наличия в жалобах других оснований, на предварительном слушании должно быть принято решение о рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции в апелляционном порядке.

Кратко наше предложение можно сформулировать таким образом: если суд второй инстанции на предварительном слушании признает необходимым вновь непосредственно исследовать доказательства, в том числе и новые, которые готовы представить стороны, то на предварительном слушании должен

быть определен апелляционный порядок проверки постановленного судом первой инстанции приговора. Во всех других случаях, когда на предварительном слушании суд убеждается, что законность, обоснованность и справедливость приговора могут быть с успехом проверены в кассационном порядке, должен быть определен именно кассационный порядок рассмотрения уголовного дела в суде второй инстанции.

На наш взгляд, законодатель не должен отдавать предпочтение какому-то одному порядку проверки решений суда первой инстанции. Этот выбор, в каком порядке рассматривать уголовное дело по жалобе на решения суда первой инстанции, должен делать только суд второй инстанции исходя из оснований жалоб сторон на решения суда первой инстанции. Такое решение законодателя, по нашему мнению, наиболее соответствовало бы интересам правосудия в целом.

Конечно, трудно точно предположить, сколько при нашем подходе к проблеме суд второй инстанции будет рассматривать уголовных дел с использованием апелляционного или кассационного порядка. И дело тут не только в цифрах, показывающих, как часто будет использоваться тот или иной порядок проверки решений суда первой инстанции.

Если в уголовно-процессуальном законе будет указано два равноправных процессуальных порядка проверки решений суда первой инстанции – апелляционного и кассационного, то это позволит суду второй инстанции выбрать наиболее оптимальный вариант проверки решений суда первой инстанции с конкретной ситуации и тем самым дифференцировать этот порядок относительно оснований поданных сторонами жалоб. Принятие законодателем нашего предложения позволит также значительно сократить сроки и материальные затраты на уголовное судопроизводство в суде второй инстанции.

Верховный Суд Российской Федерации предложил также сократить в региональных судах коллегии присяжных заседателей до восьми человек, а также ввести суд присяжных и в районных судах, в которых коллегия присяжных должна состоять из шести человек [2].

Сама по себе идея обеспечить участие во всех судах первой инстанции присяжных заседателей является совершенно обоснованной. Сокращение числа присяжных заседателей при рассмотрении всех уголовных дел – это также правильное предполагаемое решение.

В связи с этим рассмотрим правовое положение присяжных заседателей в российском суде более подробно. Оказывается, что для полноценного участия в судебном разбирательстве они законодателем лишены многих прав.

Кто такой присяжный заседатель? П. 30 ст. 5 УПК РФ устанавливает, что присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для участия в судебном заседании и вынесения вердикта. Вердикт же в п. 5 ст. 5 УПК РФ определяется законодателем как решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей. Достаточно ли у присяжных заседателей прав, чтобы выполнить возложенные законом на них процессуальные функции и вынести законный, обоснованный и справедливый вердикт?

Обратимся к уголовно-процессуальному закону. В соответствии со ст. 333 УПК РФ присяжные заседатели вправе:

- участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов и производстве иных следственных действий;

- просить председательствующего разъяснить нормы закона, относящиеся к уголовному делу, содержание оглашенных в суде документов и другие неясные для них вопросы и понятия;

- вести собственные записи и пользоваться ими при подготовке в совещательной комнате ответов на поставленные перед присяжными заседателями вопросы.

При формировании коллегии присяжных заседателей председательствующий судья в судебном заседании обязан сообщить присяжным не так уж много сведений о рассматриваемом уголовном деле. Практически в настоящее время присяжные заседатели начинают свое участие в судебном процессе с чистого листа. По закону никакой подготовки к участию в судебном процессе им вести не положено: с материалами уголовного дела их никто не знакомит и даже копию обвинительного заключения им также перед началом судебного процесса никто не вручает.

В отличие от присяжных заседателей, председательствующий судья и стороны при подготовке к судебному процессу имеют возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, а в ходе судебного разбирательства стороны располагают копией обвинительного заключения. А вот присяжные заседатели лишены права полноценно подготовиться к судебному разбирательству.

Присяжные заседатели весь ход судебного процесса, показания потерпевших, свидетелей, подсудимых и экспертов должны воспринимать на слух. При отсутствии самых необходимых правовых знаний и опыта участия в судебных процессах получить правильное, объективное представление об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела для присяжных заседателей в связи с этим весьма затруднительно.

Почему бы законодателю не ввести в УПК РФ правило о выдаче до начала судебного заседания каждому присяжному заседателю копию обвинительного заключения, если уж ознакомление всех 12 присяжных заседателей с материалами уголовного дела представляется весьма затруднительным? Наличие в распоряжении каждого из присяжных заседателей копии обвинительного заключения помогло бы им в дальнейшем с большим пониманием и участием следить за ходом судебного следствия по уголовному делу.

Некоторые ограничения прав присяжных в ходе судебного следствия просто вызывают удивление. Присяжные заседатели не имеют права даже самостоятельно задать вопрос допрашиваемым в суде лицам. Так, ч. 4 ст. 335 УПК РФ устанавливает: «присяжные заседатели через председательствующего вправе после допроса сторонами подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта задать им вопросы. Вопросы излагаются присяжными заседателями в письменном виде и подаются председательствующему через старшину. Эти во-

просы формулируются председательствующим и могут быть им отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению».

Если присяжные заседатели являются полноценными судьями, на которых лежит обязанность вынесения вердикта, определяющего во многом судьбу подсудимого, то они должны иметь право задавать вопросы сразу после председательствующего судьи до того, как свои вопросы будут задавать допрашиваемым лицам стороны. Законодатель не позволяет присяжным заседателям даже самостоятельно сформулировать и задать вопросы допрашиваемым лицам в ходе судебного следствия.

Обратим внимание на серьезное противоречие в правах присяжных заседателей: решать вопрос о том, виновен ли подсудимый в совершении преступления или нет, законодатель присяжным заседателям доверяет, а вот задать самостоятельно вопрос допрашиваемым лицам в ходе судебного следствия - нет!? Думается, что присяжные заседатели должны иметь право самостоятельно формулировать и непосредственно задавать вопросы допрашиваемым лицам в ходе судебного следствия как в письменном виде, так и устно.

Необоснованно ограничены в своих правах присяжные заседатели и при исследовании личности подсудимого. Ч. 8 ст. 335 УПК РФ устанавливает: «данные о личности подсудимого исследуется с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого».

Заметим, что почему-то у законодателя не возникает таких опасений в отношении председательствующего судьи, который как раз и назначает подсудимому меру наказания. Нам кажется, что необоснованность такого рода запретов очевидна. Наивно полагать, что присяжные не будут знать, кто предстал перед ними в суде в качестве подсудимого.

Таким образом, можно считать, что в суде с участием присяжных подсудимый оказывается в более благоприятной ситуации, чем в обычном суде. Это, в свою очередь, нарушает принцип равенства, а также права потерпевших, личность которых по закону может исследоваться с различных сторон и безо всяких ограничений.

Будучи недостаточно сведущими в области права, присяжные заседатели, конечно, нуждаются в консультациях по многим правовым вопросам, которые неизбежно возникают при рассмотрении любого уголовного дела в судебном заседании. Закон обязывает председательствующего разъяснять нормы закона присяжным заседателям (п. 2 ч. 1 ст. 333 УПК РФ).

Однако практика рассмотрения уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей богата удивительными ошибками, которые допускают присяжные заседатели при оценке доказательств. Например, В. Демченко, опираясь на изучение практики рассмотрения уголовных дел судами с участием присяжных заседателей в Хабаровском крае, в своей интересной статье приводит

просто изумительные примеры ошибочных решений, которые принимались присяжными заседателями.

Так, например, автор статьи пишет: «практика рассмотрения дел с участием присяжных заседателей показывает, что некоторые выводы присяжных необъяснимы с точки зрения логики. Как можно умудриться при наличии осколков гранаты, очевидцев преступления, выводов судебно-медицинской экспертизы о том, что смерть потерпевшего имеет насильственный характер и наступила в результате взрыва, не признать доказанным даже факт события преступления? Почему при уличающих сведениях потерпевшего о даче взятки, об обнаружении у лица помеченных денег, изъятии на квартире его близкого родственника части предмета взятки присяжные, тем не менее, не признали доказанным факт получения взятки? Почему признается, что лицо умышленно уничтожило имущество путем поджога, но при этом не признается виновным?» [3].

Конечно, присяжные заседатели могут обратиться за консультацией к председательствующему судье. Но, наш взгляд, это не разрешает проблему, так как не исключается, что председательствующий судья может оказаться заинтересованным в определенном исходе уголовного дела, и его консультации могут быть не вполне объективными и корректными. Поэтому представляется, что присяжным заседателям должно быть предоставлено право обращения за консультацией по правовым вопросам к независимым специалистам.

Что касается предоставленного присяжным заседателям права вести собственные записи в ходе судебного разбирательства (п. 3 ч. 1 ст. 333 УПК РФ), то это право должно быть дополнено указанием на возможность использования ими звукозаписывающей техники.

Кроме того, присяжные заседатели лишены права рассматривать уголовное дело в полном объеме. Они не имеют возможности знакомиться с теми доказательствами, которые были признанны судом недопустимыми. В соответствии с ч. 6 ст. 335 УПК РФ: «если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных».

Это серьезное ущемление прав присяжных заседателей, непосредственно влияющее на полноту исследования доказательств по уголовному делу. Конечно, вердикт не должен быть основан на недопустимых доказательствах. Но почему законодатель проявляет такое недоверие к присяжным заседателям? В дальнейшем присяжные заседатели услышат оценку этих доказательств как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, да и в напутственном слове председательствующий судья в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ должен разъяснить присяжным заседателям основные правила оценки доказательств. Неужели после всего этого присяжные заседатели не разберутся в том, какие доказательства следует признать допустимыми, а какие – нет?

Как показывает судебная практика, с исследованием доказательств в суде с участием присяжных возникают большие проблемы. Так, например, по одному из уголовных дел, рассматривавшихся в суде с участием присяжных заседателей, было установлено, что в результате обыска в квартире подсудимого был найден пистолет. Подсудимый заявил, что никакого пистолета у него дома не

было, что пистолет был принесен сотрудниками милиции с собой и подброшен, после чего в квартиру были приглашены понятые, которые и засвидетельствовали его обнаружение своими подписями. Защитник подсудимого ходатайствовал о проведении допросов понятых в судебном заседании с целью выяснения действительной картины и выявления возможных противоречий в их показаниях.

Действительно, одновременно с проверкой достоверности доказательств суд должен проверить и их допустимость. Однако, если в рассмотренном случае допросы понятых проводить без присяжных, то нарушается право последних на исследование доказательств, а не просто порядок их восприятия. Житейская мудрость, на которую уповали сторонники введения суда присяжных, позволит присяжным отличить ложь от правды в показаниях понятых и сделать собственный вывод о достоверности результатов обыска [4].

Суд с участием присяжных в таком составе, как сегодня, изначально не в состоянии вообще осуществлять правосудие. К такой точке зрения все больше приходят ученые-процессуалисты. Так, например, В.П. Божьев, комментируя постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о производстве в суде с участием присяжных заседателей, справедливо указывает: «…но очевидно и другое: присяжные заседатели ни в первом, ни при повторном рассмотрении не в состоянии (по уровню своих знаний) решить вопрос о виновности подсудимых по сложным, многотомным делам» [5].

Самые отрицательные последствия для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора влечет за собой лишение присяжных заседателей права совместно с профессиональным судьей определять лицу, признанному виновным, меру наказания. В настоящее время это прерогатива только одного профессионального судьи.

Как относится к этой норме УПК РФ? После принятия УПК РФ в 2001 году, когда из уголовного судопроизводства были устранены народные законодатели, в науке уголовного процесса сразу же возникла активная дискуссия о том, нужны ли народные заседатели при рассмотрении в суде уголовных дел по первой инстанции.

Сейчас много говорят и пишут о борьбе с коррупцией. С точки зрения решения задач по борьбе с коррупцией в судебной системе российский суд с участием присяжных заседателей является весьма несовершенным и уязвимым и в этом плане. Если сейчас провести антикоррупционную экспертизу норм УПК РФ о суде с участием присяжных, то самой опасной с точки зрения проявления коррупционности среди судей, наверное, была бы признана норма п. 3 ст. 350 УПК РФ. Эта норма устанавливает, что в суде с участием присяжных заседателей председательствующий судья единолично постановляет обвинительный приговор с назначением наказания.

Единоличное рассмотрение уголовного дела одним судьей, в принципе, всегда субъективно, а потому недопустимо. В этом случае отсутствует возможность оппонировать, дискутировать при вынесении приговора, в том числе и в вопросе определения наказания, и в этом заложена возможность принятия неверных, незаконных и необоснованных решений по уголовному делу. Это ведет к тому, что в целом возрастает вероятность судебной ошибки при отправлении

правосудия. Кроме того, на одного судью, выносящего приговор, всегда заинтересованным лицам проще организовать и осуществить незаконное давление – как со стороны различного рода коррумпированных чиновников, так и со стороны криминальных кругов.

Каким же должен быть суд с участием присяжных заседателей? Самое главное – профессиональные судьи и присяжные заседатели должны, на наш взгляд, составлять одну коллегию, и присяжные заседатели как представители народа должны получить одинаковые права наравне с профессиональными судьями! Полагаем, профессиональных судей в составе суда с участием присяжных заседателей должно быть три. Тогда все юридические вопросы при постановлении приговора могли бы обсуждать специалисты в области права. В нынешнем составе суда даже самый порядочный и квалифицированный председательствующий судья не имеет возможности посоветоваться с коллегами-юристами, обсудить сложные вопросы применения норм права, разрешить какие-то свои сомнения, которые, конечно, у него возникают при постановлении приговора.

В связи с этим заметим, что более удачной по сравнению с российским судом присяжных является модель суда присяжных по УПК Республики Казахстан, согласно которому судьбу подсудимого решают девять присяжных совместно с двумя судьями, составляющие единую коллегию судей. Хотя в целом ст. 559 УПК Республики Казахстан практически дублирует ст. 333 УПК РФ, регламентирующую права присяжных, полномочия присяжных заседателей в Казахстане не ограничиваются лишь вынесением вердикта.

Так, согласно ст. 569 УПК РК в случае, если вопрос о вине подсудимого решен положительно, то судьи разрешают вопрос о том, является ли деяние преступлением, и каким именно уголовным законом оно предусмотрено (статья, часть, пункт), а также разъясняют присяжным заседателям, какие меры наказания предусмотрены за эти деяния.

После разрешения судьями вопроса квалификации деяния судом с участием присяжных заседателей без перерыва решаются вопросы: имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность и наказание; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; какое наказание должно быть назначено подсудимому; имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания или освобождения от наказания либо об отсрочке отбывания наказания в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Казахстан.

В таком же порядке суд может лишить подсудимого почетного, воинского, специального или иного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса, государственных наград, решение по которым принимается путем открытого голосования. Решения считаются принятыми, если за них проголосовало большинство голосующих [6].

По УПК Республики Казахстан присяжные имеют право участвовать при решении вопроса о назначении наказания наравне с судьями, что говорит о высоком статусе присяжного заседателя. Сравнивая два уголовно-процессуальных кодекса, можно прийти к выводу, что по УПК РФ присяжные заседатели не являют-

ся полноправными судьями, поскольку отстранены от решения такого важного вопроса, как назначение виновному в совершении преступления наказания.

Таким образом, при реформировании суда присяжных в Российской Федерации следует установить правило, что судьи-профессионалы и судьи из народа должны составлять одну коллегию и принимать все решения по большинству голосов. Эта коллегия судей должна состоять из трех судей-профессионалов и четырех присяжных заседателей. Нам представляется, что в таком составе суд может обеспечить вынесение по всем уголовным делам законных, обоснованных и справедливых приговоров.

Библиографический список

1. Куликов В. Людей попросят рассудить // Российская газета. 2018. 25 января.
2. Куликов В. Рассудят сообща // Российская газета. 2016. 10 февраля.
3. Демченко В. Суд присяжных: проблемы и возможности // Законность. 2010. № 1. С. 18.
4. Стабров Н. И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 32.
5. Божьев В. Пленум Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2006. № 4. С. 5.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: учебно-практическое пособие. – Алматы: Норма-К, 2002.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ АВИАЦИОННОЙ ТРАВМЕ

Спичак И.В.,
доктор фармацевтических наук, профессор;
Павлова Т.В.,
доктор медицинских наук
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»));
Жерновой М.Г.,
кандидат медицинских наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в настоящей статье авторами рассмотрены актуальные проблемы проведения судебно-медицинской экспертизы получения травм и причинения вреда здоровью в результате авиационной травмы.

Ключевые слова: авиационная травма, летательный аппарат, взрыв, пожар, ударные нагрузки, конструктивная особенность летательного аппарата, термическое повреждение.

FEATURES OF FORENSIC EXPERTISE IN AVIATION INJURY

Spichak I.V.,
Doctor of Pharmacy, Professor;
Pavlova T.V.,
Doctor of Medical Science
(Belgorod State National Research University (NIU «BelGU»));
Zhernovoy M.G.,
Candidate of Medical Sciences
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: in this paper, the authors discussed the urgent problems in the implementation of judicial-medical examination of injury and harm to health as a result of the aviation accident.

Key words: aircraft injury, aircraft, explosion, fire, shock loads, design feature of the aircraft, thermal damage.

В условиях современности актуальными становятся вопросы особенностей судебно-медицинской экспертизы при авиационной травме. Участившиеся случаи террористических актов на объектах авиационного транспорта и крушения самолетов в условиях боевых действий, гибель населения и разрушения объектов инфраструктуры при падении летательных аппаратов вынуждают более детально и тщательно изучать особенности повреждений, возникающих у пострадавших при авиационной травме.

Комплекс повреждений у пассажиров и членов экипажа летательных аппаратов, а также лиц, повреждения которым нанесены вне его вследствие летного происшествия, называют авиационной травмой. Под летательными аппаратами понимают следующие механизмы: реактивные и винтомоторные самолеты, планеры, дирижабли, аэростаты, вертолеты, воздушные шары с возможностью пилотирования и др. С учетом особенностей обстоятельств, в которых произошли авиационные происшествия, их классифицируют следующим образом [8].

1. Травмы, возникающие во время воздушного полета:

а) катапультирование;

б) столкновение летательного аппарата с неподвижными и летящими объектами;

в) разгерметизация;

г) отравление;

д) взрыв;

е) пожар.

2. Травмы, возникающие при падении летательного аппарата на землю:

а) до соударения летательного аппарата с землей;

б) соударение летательного аппарата с землей с последующим взрывом и (или) пожаром.

3. Травмы, возникающие при нахождении летательного аппарата на земле:

а) при нахождении пострадавшего в летательном аппарате:

- пожар;
- взрыв;

- отравление;

б) при нахождении пострадавшего вне летательного аппарата:

- затягивание пострадавшего реактивным двигателем;
- удар о крыло летательного аппарата;
- травмы от воздействия струевого потока реактивного двигателя;
- переезд пострадавшего колесами шасси летательного аппарата;
- удар пострадавшего лопастями винта летательного аппарата.

4. Комбинированные и сочетанные варианты обстоятельств авиационной травмы [13].

К основным факторам при авиационной травме, приводящим к повреждениям пострадавшего, относят:

- инерционные ударные нагрузки;
- твердое аэродромное покрытие:
- волна газов от взрыва;
- неподвижные наружные конструкции летательного аппарата;
- подвижные наружные конструкции летательного аппарата;
- действие крайних высоких и крайних низких температур;
- действие химических агентов;
- предметы в салоне и кабине летательного аппарата;
- встречный воздушный поток;
- барометрическое воздействие [9].

В каждом случае авиакатастрофы воздействуют свойственные именно данному типу факторы повреждения. Травма во время полета в воздухе может произойти вследствие столкновения с неподвижным или летящим объектом, при катапультировании, пожаре, взрыве, разгерметизации и отравлении.

При столкновении летательного аппарата с неподвижным или летящим объектом на людей, находящихся в кабине, будут воздействовать исключительно механические факторы. Повреждения будут образовываться от инерционного ударного воздействия и от ударов о подвижные и неподвижные предметы в кабине: педали и ручки управления, приборную доску, штурвал и др. [8].

При взрыве летательного аппарата повреждения будут возникать из-за действия следующих основных компонентов взрывной травмы: взрывная волна, термическое воздействие на организм пострадавшего, действие химических агентов. Сила травмирующего воздействия на находящегося в летательном аппарате человека будет находиться в прямой зависимости от расстояния от эпицентра взрыва. Повреждения при этом будут весьма вариабельны: от незначительных повреждений, таких как кровоподтеки, поверхностные ссадины, ушибленные раны и локальные закрытые переломы, возникающие от соударения с окружающими предметами вследствие воздействия на тело взрывной волны и отбрасывания его и повреждения разнообразными вторичными снарядами, до тотального разрушения тела при значительной близости к эпицентру источника взрыва. Химическое и термическое воздействие от взрывной травмы может наблюдаться в случае нахождения человека в зоне, наиболее близкой к центру взрыва, что проявляется образованием карбоксигемоглобина и появлением обширных ожогов [3].

При возгорании, кроме воздействия на организм термического фактора, влияние могут оказать и химические повреждающие агенты, что является особенно опасным тогда, когда случается возгорание красок и синтетических материалов, покрывающих поверхности конструкций и приборов, а также поверхностей внутри кабины. Так, безвредные и химически инертные в обычных температурных условиях синтетические полимеры при пожаре способны разлагаться на мономеры высокой токсичности: четырехфтористый этилен, формальдегид, метилхлоракрил, винилхлорид и другие высокотоксичные химические соединения [1].

Достаточно яркая картина наблюдается при воздействии на людей различных повреждающих химических факторов при нахождении пострадавших в кабине летательного аппарата. Мелкодисперсные ядовитые взвеси и ядовитые газы также могут быть причиной отравлений при насыщении ими воздуха кабины. Выхлопные газы, вырабатываемые поршневыми двигателями, и содержащийся в них конденсат зачастую приводит к тяжелой интоксикации и отравлении организма. К химическим факторам, приводящим к отравлению, относят и такие как: пары охлаждающей жидкости и авиационного топлива, испарения от всевозможных грузов, продукты распада нагретой током изоляции электропроводки. Поломки кислородной системы, масло- керосино- и бензопроводов являются причинами, приводящими к загрязнению воздуха.

Барометрическое воздействие на большой высоте при разгерметизации кабины летательного аппарата – не единственный повреждающий фактор. При срывании и нарушении целостности колпака кабины скоростных одноместных самолетов могут возникать повреждения вследствие ударного воздействия встречного воздушного потока. Разгерметизация кабины летательных аппаратов на значительных высотах приводит к травмам и повреждениям, характерным для действия крайних низких температур [2]. Умеренное инерционное ударное воздействие приводит к травмам, характерным при катапультировании. Данные повреждения возникают в результате барометрического воздействия, встречного потока воздуха, соударения с наружными конструктивными элементами летательного аппарата [5].

При падении на землю летательного аппарата травмы зачастую связаны с первичным мощным механическим воздействием, связанным с соударением о землю. В случае если авиакатастрофа заканчивается первичным соударением с поверхностью земли, на теле пострадавшего наблюдаются травмы от инерционного ударного воздействия. Если удар о земную поверхность сопровождается пожаром или взрывом, повреждения возникнут вследствие иных повреждающих факторов: химического и термического воздействия, взрывной волны.

При динамическом и статическом нахождении летательного аппарата на земле травмы возникают у лиц как внутри, так и вне летательного аппарата. Следует отметить, что в таких случаях авиационных катастроф не будет наблюдаться повреждений, возникающих от значительного инерционного воздействия [11].

Внутри летательного аппарата травмы могут возникнуть от действия крайних высоких температур при пожаре, в результате отравления или взрыва. Перечень факторов повреждения в каждом из отдельных типов авиационной травмы в каждом индивидуальном случае будет таким же, что и в полете, а вы-

раженность и характер образующихся повреждений определяются следующими конкретными обстоятельствами: интенсивность пожара, мощность взрыва, удаленность от центра взрыва пострадавшего, степень неисправности и локализация в топливной системе горючего и др.

При повреждениях, возникающих вне летательного аппарата, на земле в основном наблюдаются повреждения от воздействия работающего двигателя (турбореактивного, поршневого, реактивного) и выступающих частей движущегося летательного аппарата. Повреждения при воздействии выступающими конструкциями движущегося летательного аппарата сводятся в основном к повреждениям, возникающим при соударении с крылом и в результате переезда колесом шасси летательного аппарата. В данном случае перед переездом может быть удар колесами шасси с последующим соударением тела пострадавшего с твердым аэродромным покрытием. Все вышеперечисленные повреждения, как и травмы от соударения тела пострадавшего с вращающимися лопастями винта, исключительно механического происхождения [10].

Травмы от воздействия реактивного двигателя выражаются в следующих основных формах: повреждения от действия реактивной струи двигателя и от засасывания конструктивными частями воздухозаборника двигателя. При воздействии струи реактивного двигателя травмы будут возникать в результате воздействия крайних высоких температур и механического повреждения (удары струей и воздействие при контакте с грунтом или твердым покрытием аэродрома). При засасывании в воздухозаборник двигателя преобладают в основном повреждения от механического воздействия [12].

Таким образом, анализируя многообразие и сложность повреждений, которые возникают у пострадавших в результате авиационной травмы, мы пришли к выводу, что дальнейшее изучение особенностей судебно-медицинской экспертизы при авиационной травме становится одним из приоритетных в рамках рассмотрения вопроса транспортной травмы.

Библиографический список

1. Судебная медицина / под ред. В.В. Томилина. – М.: Норма, 2017.
2. Попов В.Л. Судебная медицина. – М.: Юрид. центр, 2016.
3. Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах. – Ростов н/Д, 2014.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с доп. и изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Волков В.Н. Судебная медицина: курс лекций. – М.: Юристъ, 2014.
6. Гурочкин Ю.Д., Соседко Ю.И. Судебная медицина: учебник. – М.: Эксмо, 2006.
7. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова и др. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
8. Судебная медицина: учебник / под ред. В.Л. Попова. – СПб., 2002.
9. Судебная медицина: учебник / под ред. Г.А. Пашиняна. – М., 2012.
10. Судебная медицина: учебник / под ред. В.В. Томилина. – М., 2007.
11. Судебная медицина: руководство / под ред. В.В. Хохлова, Л.Е. Кузнецова. – Смоленск, 2008.
12. Судебная медицина в вопросах и ответах: справочник-пособие для юристов и врачей / под ред. В.И. Акопова. – М.: Феникс, 2008.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Лытнева Н.А.,
доктор экономических наук, профессор
(Орловский государственный университет экономики и торговли);
Киданова Н.Л.,
кандидат экономических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены экономические преступления, связанные с использованием электронных средств платежа, признаки конкретного состава данного преступления, выявление и предотвращение которых являются одной из актуальных проблем.

Ключевые слова: экономические преступления, киберпространство, электронные средства платежа.

CHARACTERIZING E-PAYMENT CRIMES IN TERMS OF CRIMINAL LAW

Lytneva N.A.,
Doctor of Economics Sciences, Professor
(Orel State University of economics and trade);
Kidanova N.L.,
Candidate of Economic Sciences
(Belgorod Law Institute of MIA of the Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article deals with the analysis of economic crimes involving means of e-payment, elements of crime, detection and prevention of the latter being among the pressing issues of today.

Key words: economic crime, cyberspace, electronic payment facilities.

Анализ действующего российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что к основным нормам, ориентированным на противодействие посягательствам, совершаемым с использованием электронных средств платежа, относятся ст.ст. 158, 159, 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Положениями отечественной уголовно-правовой доктрины под объектом состава преступления понимаются общественные отношения. Объект преступления в каждом отдельно рассматриваемом случае взаимосвязан с предметом посягательства и способом незаконного использования электронного средства платежа. К объекту хищения посредством платежных карт (ст. 159 УК РФ) относятся общественные отношения, возникающие в сферах распределения, перераспределения и использования денег (платежных карт).

Теорией уголовного права определено, что предмет любой формы хищения характеризуется определенными товарно-материальными ценностями, обладающими экономическим свойством стоимости. Таким образом, под объектом преступного посягательства в системе применения электронных платежей понимаются общественные отношения по обеспечению и реализации права собственности либо имущественного обязательства (см. рис. 1):

Рис. 1. Объекты преступного посягательства при хищениях денежных средств посредством АТМ-банкинга (банкомат).

Хищение денежных средств может осуществляться посредством использования поддельных (украденных) платежных карт для получения наличных денежных средств в банкомате. В этом случае злоумышленник вступает во взаимоотношения непосредственно с банком. Такое хищение характеризуется совокупностью определенных операций. С правовой точки зрения при выявлении хищения электронных денежных средств возникает ряд определенных трудностей в определении стадии совершения преступления и момента его окончания. Например, совершенное преступление может считаться оконченным:

- с момента фактического снятия денежных средств с банковских счетов клиентов;

- на момент изъятия имущества, когда у виновного возникает реальная возможность распорядиться денежными средствами по своему усмотрению;

- на момент зачисления изъятых денежных средств со счета владельца на счета похитителя – физического (юридического) лица.

Применительно к хищениям электронных денег определение момента окончания преступления является очень сложным и практически невозможным, поскольку электронные денежные средства, находящиеся на банковских счетах, имеют обезличенный характер. Объективная сторона данного вида преступления – это совокупность внешних типичных признаков, предусмотренных уголовным законодательством, что затрудняет определение механизма совершения преступления с использованием электронных средств платежа (всех элементов). В связи с этим возникает необходимость конкретизации экономико-правовой природы таких преступлений, а также доказательства легальности их порядка [7]. Исполнение денежных обязательств с использованием электронных средств платежа представлено на рисунке 2 (см. рис. 2):

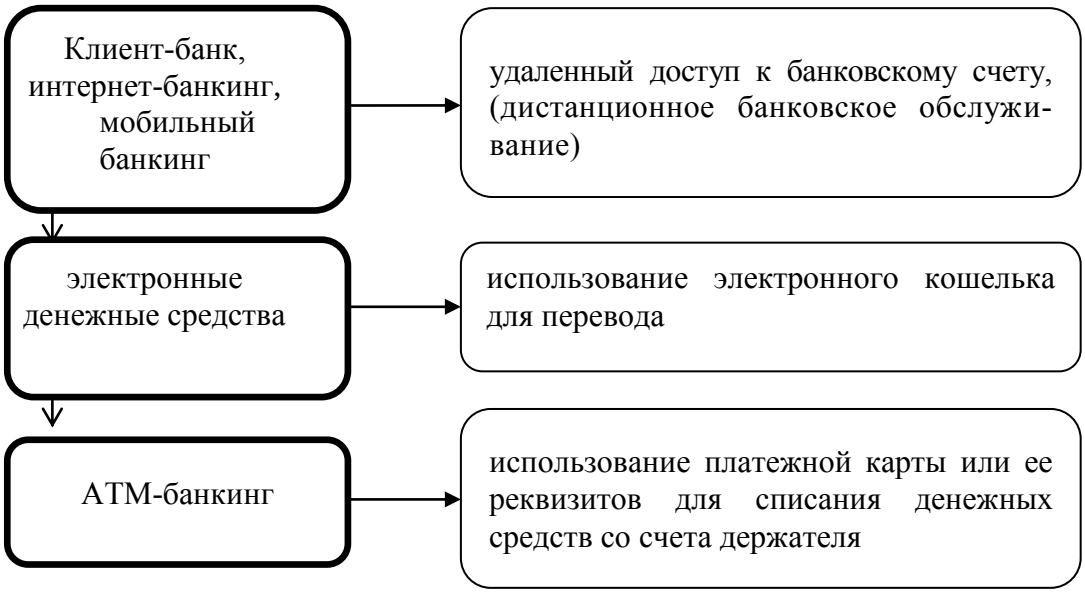

Рис. 2. Исполнение денежных обязательств с использованием электронных средств платежа

В настоящее время широкое применение получили системы онлайн-банкинга (или интернет-банкинга), то есть системы, посредством которых предоставляются банковские услуги в сети Интернет. Все операции с банковскими счетами могут производиться в режиме онлайн-платежей с любого информационного устройства. Для лицевого счета клиента банк создает персональную страницу, которая находится под защитой при осуществлении операций по поступлению и списанию денежных средств с банковского счета владельца. Система работает в режиме реального времени, следовательно, операции и транзакции, осуществляются и отражаются на балансовом счете клиента мгновенно. АТМ-банкинг является наиболее востребованной разновидностью электронных средств платежа и вместе с тем наиболее криминогенной. Банковская политика управления направлена на повсеместную агитацию перехода населения на безналичный расчет. Однако при этом клиент банка (держатель карты) зачастую оказывается в информационном вакууме и не всегда соблюдает необходимые правила безопасности [8], не всегда знает как действовать в случае обнаружения списания денежных средств с карты.

К электронным денежным средствам относятся денежные средства предоставленные оператору для осуществления электронных переводов, информация о которых учитывается без открытия банковского счета. Электронные денежные средства выполняют функцию погашения денежных обязательств лица, осуществляющего банковскую операцию, в том случае, если это лицо вправе передавать распоряжения в отношении кредиторов с использованием исключительно электронных средств платежа (электронные денежные средства не тождественны безналичным денежным средствам).

Как с научной, так и с правовой позиции серьезное внимание уделяется понятию «электронные деньги», которые представляют собой своеобразный механизм предъявителя, не предусматривающий обязательного открытия банковского счета. Европейский Центральный банк и Центробанк России не учитывают электронные денежные средства как электронные средства платежа, так как функционирование электронных денежных средств осуществляется с использованием электронных средств платежа (электронные кошельки). В соответствии с законодательством российского государства оказывать услуги по переводу электронных денежных средств могут только кредитные организации. При эмиссии электронных денежных средств традиционные денежные средства переводятся на банковский счет, а не на банковскую карточку клиента. Таким образом, легальное исполнение денежных обязательств с использованием электронных средств платежа может осуществляться различными способами.

Для полной юридической оценки действий лица, совершающего хищение чужого имущества с использованием поддельной платежной карты, необходимо проведение соответствующей технической экспертизы. Для определения квалификации мошенничества по ст. 159 УК РФ устанавливаются все признаки хищения, а также наличие специфического средства и способа его совершения. Под уголовно-правовой запрет подпадают действия, характеризующие сознательное сообщение ложных сведений сотруднику банка или сотруднику торговой организации относительно подлинности и принадлежности карты (предоставление поддельных документов, удостоверяющих личность).

Объективная сторона рассматриваемого состава преступлений представлена рядом альтернативных действий, влекущих хищение денежных средств или приобретение незаконных прав. Такие действия включают: ввод информации о денежных средствах, удаление информации о денежных средствах, блокирование информации о денежных средствах, модификацию информации о денежных средствах. Во многих странах наблюдается тенденция по ужесточению ответственности за противоправные действия в экономической сфере, а также осуществляется непрерывное реформирование норм уголовного законодательства. На наш взгляд, учитывая неограниченность круга возможных жертв и размеры причиняемого ущерба, должны быть реализованы и приняты соответствующие поправки в отечественном законодательстве.

Проведенный в рамках данной статьи анализ научной литературы и нормативных правовых актов позволил достичь поставленной цели. Соответствующие направления должны быть оптимизированы в теории и практике уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности.

Библиографический список

1. Басов А.А Момент окончания хищения, совершаемого с использованием платежных карт // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 107-110.

2. Быков В.М., Черкасов В.Н. Понятие компьютерной информации как объекта преступлений // Законность. 2013. № 12. С. 37-40.

3. Гладких В.И. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации // Российский следователь. 2014. № 22. С. 25-31.

4. Есаков Г.А.Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48-53.

5. Кириллов М.А., Степанов М.В. Платежные карты как средство совершения мошенничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 129-132.

6. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24-32.

7. Парушина Н.В. Применение документальных методов при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы // Аудитор. 2005. № 9. С. 10-17.

8. Парушина Н.В., Кыштымова Е.А. Аудит: основы аудита, технология и методика проведения аудиторских проверок. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2012. – 558 с.

9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – М.: Контракт, 2015. – 928 с.

УДК 004.9 : 343.9

ВОЗМОЖНОСТИ ВЕРОЯТНОСТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Савотченко С.Е.,
доктор физико-математических наук, доцент;
Акапьев В.Л.,
кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: рассмотрены вопросы применения вероятностных методов моделирования в расследовании преступлений и криминалистических экспертизах. Выделены принципиальные особенности судебного исследования. Проанализированы различные вероятностные подходы для выработки экспертных оценок.

Ключевые слова: расследование преступлений, судебно-экспертная деятельность, моделирование, вероятность, криминалистическая экспертиза.

THE POSSIBILITIES OF PROBABILISTIC MODELING IN CRIMINALISTICS

Savotchenko S.E.,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor;
Akapev V.L.,
Candidate of Pedagogical Sciences
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the questions of application of probabilistic methods of modeling in investigation of crimes and forensic examinations are considered. Principal features of judicial research are singled out. Various probabilistic approaches for the development of expert assessments are analyzed.

Key words: crime investigations, forensic expert activity, modeling, probability, forensic examination.

Проблема применения математического моделирования, в том числе с использованием аппарата теории вероятностей, в расследовании преступлений и проведении криминалистических экспертиз является одной из самых обсуждаемых тем в научной среде. Такое повышенное внимание можно объяснить следующими предпосылками:

- при производстве большинства судебных экспертиз требуется привлечение современных научных методов, в том числе реализованных с использованием компьютерных средств обработки данных и соответствующего математического аппарата, включая теорию вероятностей;
- выводы судебных экспертов и решения, принимаемые следователем, основываются на их внутреннем убеждении, которое опирается на веру в истинность представляемых ими материалов. К сожалению и вера, и убежденность представляют собой субъективные характеристики. Однако в последние годы для работы с ними в различных предметных областях разработаны разнообразные вероятностные подходы;
- информация в виде экспертных выводов, используемая, например, при доказывании, может носить не только категорический, но и вероятностный, предположительный характер, что также допускает применение соответствующих математических методик;
- принятие решений как на этапе предварительного следствия, в том числе и при производстве судебных экспертиз, так и на этапе судебного производства, в частности, в условиях наличия косвенных доказательств, осуществляется на базе умозаключений, построение которых определяется законами логики, в значительной степени к настоящему времени формализованных и обеспеченных соответствующим математическим аппаратом.

Не останавливаясь на рассмотрении моделей и методов специальных наук, сосредоточимся на вероятностном моделировании процесса выработки экспертных оценок и тесно связанных с этим процессом проблемах. Особое внимание уделим принципиальным с этой точки зрения особенностям судебного исследования.

Первое заключается в том, что по своей природе судебное исследование строится на принципах индукции. Как следствие, так и суд строит логическую цепочку от частных разрозненных фактов к их обобщению, от свидетельских показаний, косвенных улик и других материалов по делу к принятию вывода о виновности или невиновности обвиняемого или подсудимого (сюда относим по аналогии и заключения судебных экспертов). Как и, собственно, в научных исследованиях на отдельных этапах может применяться инструментарий дедуктивных схем построения рассуждений, однако логическая канва любого судеб-

ного решения всегда индуктивна, а значит, не гарантирует истины. Следовательно, в таких случаях можно говорить только о вероятном исходе в экспертном заключении.

С другой стороны, особое значение имеет недостаточность и противоречивость информации, на основании которой принимаются решения, что значительно осложняет формирование доказательной базы. Различные субъективные факторы, связанные с замалчиванием «неудобных» фактов, обманом, ошибками и иными причинами, приводят к снижению качества доказательной базы, ее информационной основы. Как результат, посылки, которые используются при дедуктивных рассуждениях, могут содержать элементы неуверенности, сомнения, логической размытости, неполного знания, ошибочных представлений. Указанные моменты также должны учитываться [1].

По этой причине зачастую отсутствует возможность дать точную оценку уровню достоверности того или иного отдельно взятого факта, утверждения, квалифицирующего признака (экспертное исследование), вынести законное, обоснованное и справедливое решение. Изложенное делает важным как принцип всесторонности, полноты и объективности экспертного исследования и всех обстоятельств дела, так и принцип внутреннего убеждения следователя, судебного эксперта, судьи, принимающих ответственное процессуальное решение.

В теории доказательств и судебно-экспертной работе зачастую используется термин «вероятность». В своих работах Л.Е. Владимиров указывал, что «при оценке силы судебных доказательств на основании приблизительных обобщений нужно всегда помнить, что, при невозможности знать все случаи исключений, мы получаем только вероятное доказательство (probable evidence), более или менее высокую степень вероятности, на основании которой обыкновенно и действуем в жизни» [3]. Он отмечал тот факт, что уголовно-судебная достоверность представляет собой такое стечение вероятностей, которое вытекает из представленных на суде доказательств, способных привести судью к внутреннему убеждению в том, что произошедшее событие, выступающее в качестве предмета исследования, действительно имело место. Подобные точки зрения высказываются и современными правоведами [4].

Положение о вероятностном характере знания нашло применение и в области судебной экспертизы. Вероятность как логическая форма представляет собой промежуточную ступень на пути от незнания к знанию, на пути познания истины.

Степень истинности вероятных выводов эксперта может быть самой различной, и это надлежит всегда учитывать.

В частности, итоговая оценка совокупности совпадающих и различающихся признаков осуществляется по результатам сравнительного исследования и является основой для формирования вывода судебного эксперта.

В зависимости от объема и значимости установленных совпадений и различий судебный эксперт наряду с категорическими (положительными и отрицательными) выводами формулирует и вероятные выводы (положительные и отрицательные).

Так, вероятно положительный вывод формулируется судебным экспертом в случае, если совокупность совпадающих признаков близка к индивидуальной, но не составляет ее. Основанием для вероятного суждения судебного эксперта об отрицании тождества является совокупность различающихся признаков, не исключающая возможность, например, выполнения исследуемой рукописи лицом, с почерком которого проводилось сравнение [5, с. 156].

На практике заключения эксперта с вероятностными выводами в работе судебно-экспертных учреждений представляют собой значительную долю от их общего числа. Нам представляется, что, когда речь идет о выводах судебного эксперта, изложенных в вероятной форме, необходимо понимать, прежде всего, их известную степень достоверности, правдоподобия, соответствия истинности, а не голое предположение, лишенное материальных, научных и логических оснований.

Как показывает опыт, могут носить вероятностный характер даже заключения идентификационных экспертиз (генетической, дактилоскопической, почерковедческой и т.д.).

Вероятность в экспертном исследовании может проявляться также в тех случаях, когда констатируется классификационная принадлежность объекта по такому признаку, как группа крови, по наличию не идентифицирующих, а лишь классифицирующих признаков, или примененный судебным экспертом в процессе исследования метод в своей основе опирается на математическую статистику, тем самым представляя собой высокую степень достоверности и т.п. В подобных случаях эксперт придает выводу вероятностную форму.

Распространенность использования понятий теории вероятности в области моделирования доказывания обусловлена не столько действительно вероятностным характером некоторых доказательств, а также интуицией, подсказывающей, что нечто подобное вероятности может иметь место, сколько наличие полноценного, хорошо отработанного аппарата теории вероятности и математической статистики. Это открывает возможность применения данных разделов математики в рассматриваемых областях правоприменительной техники.

Однако при этом нельзя не отметить и ряд возникающих проблем.

Ключевым моментом, с нашей точки зрения, здесь является наличие в науке и практике применения автоматизированных информационных систем нескольких взаимодополняющих подходов к понятию вероятности, которые используют следующие основные вероятностные модели.

1. Классическая вероятностная модель – наиболее распространенная и основанная на том, что вероятность события A определяется как отношение m – числа элементарных исходов, благоприятствующих событию A, к общему числу элементарных исходов n по формуле:

$$P(A) = m/n.$$

Основным недостатками классической вероятностной модели являются требования того, чтобы общее число элементарных исходов должно быть конечным, а также сами элементарные исходы должны быть равновозможными.

Тем не менее такая модель находит самое широкое применение на практике в силу своей простоты.

2. Статистическая вероятностная модель основана на том, что вероятностью события *A* называется величина, к которой стремится относительная частота *w* события *A* при большом числе испытаний *n*, то есть справедлива формула:

$$P(A) = \lim_{n \to \infty} w(A).$$

Здесь было введено понятие относительной частоты – отношения числа появлений события *A* к общему числу проводимых испытаний. К недостатку данной модели можно отнести требование проведения большого числа повторения испытаний.

3. Аксиоматическая вероятностная модель основана на том, что вероятность определяется как число из интервала [0, 1], удовлетворяющее специальной системе аксиом А.Н. Колмогорова. Это наиболее общая с точки зрения математики модель, снимающая недостатки классической вероятностной модели, однако малоприменимая с практической точки зрения в силу трудностей, связанных с формализацией теоретико-множественными отношениями и алгебры событий реальных процессов в ходе проведения криминалистических экспертиз.

4. Логико-субъективная модель основана на том, что вероятность определяется как степень субъективной уверенности в том, что данное событие или явление имело или может иметь место. Именно такая модель зачастую и принимается как единственно применимая в ходе выработки экспертных оценок в условиях высокой неопределенности.

Из всех перечисленных точек зрения на вероятность, как правило, логико-субъективный подход чаще всего используется в научной литературе по моделированию неточных рассуждений, который специалисты по соответствующим разделам логики и математики определяют термином «правдоподобные рассуждения». Именно он наиболее активно проникает в процесс расследования преступления, в частности, в доказывание по уголовному делу [6 – 9]. Очевидной причиной этого явления выступает тот факт, что далеко не всегда судебный эксперт или другой специалист способен установить действительное значение вероятности. Зачастую его оценки носят интуитивный, субъективный характер, так как сама природа экспертного исследования исключает возможность использования статистических данных и не позволяет делать выводы об «исходах опыта» [9].

Как результат, вероятность приобретает смысл субъективного количественного показателя уверенности судебного эксперта в высказываемом им утверждении и степени его веры в него. Подобные показатели могут сработать и в более простых моделях логических рассуждений, а вероятностный подход, в свою очередь, уже не выглядит единственно возможным.

Все перечисленное делает актуальной проблему расширения круга методов, используемых для компьютерного моделирования вопросов судебной экспертизы и криминалистики. В частности, за счет привлечения моделей, основанных на неклассических логиках.

В заключение можно сформулировать, что предлагается вкладывать в понятие современных информационных технологий анализа и оценки судебно-экспертной деятельности: совокупность принципиально новых компьютерных средств и методов обработки данных, объединяемых в специальные математические модели, в том числе и вероятностные, и системы, обеспечивающие целенаправленную обработку исходной информации с целью выработки и отображения информационного продукта, характеризующего реально существующие условия правоохранительной деятельности.

Библиографический список

1. Хоменко А.П. Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2011. № 4(32).
2. Иванова О.А. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2017.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательства: учебное пособие. – СПб.: издание книжного магазина «Законоведение», 1910.
4. Аршинский Л.В. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике / Л.В. Аршинский, Н.Ю. Жигалов, Ц.Б. Мункожаргалов // Российский следователь. 2013. № 3. С. 44-52.
5. Васильев С.Н. Интеллектуальное управление динамическими системами / С.Н. Васильев, А.К. Жерлов, Е.А. Федосов, Б.Е. Федунов. – М.: Физ.-мат. лит., 2000.
6. Криминалистика: учебник для вузов / И.Ф. Герасимов, Я.Л. Драпкин, Е.П. Ищенко [и др.]; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2000.
7. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Признаки почерка в экспертно-криминалистическом исследовании. – Волгоград: ВА МВД России, 2004.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов и др.; отв. ред. Н.В. Жогин. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973.
9. Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001.

УДК 343.98

ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ С МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ СВЯЗИ

Жукова П.Н.,
доктор физико-математических наук, доцент;
Насонова В.А.,
кандидат физико-математических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Золотухина Н.В.,
кандидат юридических наук
(Военный университет Министерства обороны Российской Федерации)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемные вопросы допустимости доказательств в уголовном процессе при изъятии компьютерной информации с мобильных устройств связи, связанные с ограничением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: мобильное устройство связи, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, компьютерная информация.

THE QUESTION OF GETTING COMPUTER-BASED DATA FROM MOBILE COMMUNICATION DEVICES

Zhukova P.N.,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor;
Nasonova V.A.,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Zolotukhina N.V.,
Candidate of Law
(Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation)

Abstract: the article considers questions of admissibility of evidence in criminal procedure of seizure of computer-based data from mobile communication devices, related to the restriction of the constitutional rights of the citizens.

Key words: mobile communication device, investigative, operative and detective actions, computer-based data.

Современное развитие общества характеризуется все большим внедрением информационных технологий в обеспечении расследования преступлений. Говоря об информационном обеспечении расследования преступлений, мы подразумеваем совокупность единой системы сбора и получения информации из внешних и внутренних источников, схем информационных потоков, циркулирующих в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Процесс информационного обеспечения начинается с получения криминалистически значимой информации от ее источника или потенциального носителя. Носителями и источниками криминологической информации о преступлении и преступнике выступают гомологические, предметные и документальные носители информации.

К группе документальных носителей можно отнести: письменные документы, фото-, кино- и видеоизображения, фонограммы, графические изображения, электронные документы и др. Та информация, которую несут эти источники, является объектом информационного обеспечения. Повсеместное внедрение информационных технологий приводит и к росту распространения электронных документов.

При внедрении информационных технологий возникает ряд проблем, основная из которых – возможность тотального контроля за поведением личности, включая раскрытие персональных данных и нарушения конституционных прав личности. Не менее значимы проблемы, связанные с информационной безопасностью, кражи коммерческой, профессиональной, служебной и государственной тайны.

Еще одна проблема – использование электронной информации в качестве доказательств по уголовным делам.

Эта проблема существует из-за уголовно-процессуальной формы, не отвечающей вызовам и требованиям информационного общества. Существующая уголовно-процессуальная форма требует письменного оформления доказательственной информации в протоколах следственных действий, но которая, при настоящих объемах электронной информации, вынуждает следователя выполнять трудоемкую работу по собиранию доказательств. Только в июле 2016 г. законодатель предпринял, да и то, на наш взгляд, недостаточные усилия по модернизации уголовно-процессуального доказывания [1]. Кроме того, операторы связи и организаторы распространения информации в сети Интернет в настоящее время обязаны предоставлять эту информацию государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации. Для беспрепятственного получения такой информации в законодательство об оперативно-разыскной деятельности включено новое оперативно-разыскное мероприятие – получение компьютерной информации [1].

Следственный осмотр является одним из самых распространенных следственных действий. Суть осмотра заключается в том, что следователь сам непосредственно убеждается в наличии фактов, имеющих доказательственное значение. При этом могут применяться самые разные методы познания [2].

Процессуальный порядок осмотра предусмотрен ст. 176-180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона следственный осмотр может проводиться в присутствии понятых. Следователь имеет право в необходимых случаях привлекать к участию в осмотре обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля. Поскольку осмотр мобильных устройств отличается от иных видов осмотра тем, что компьютерная информация, содержащаяся в мобильном устройстве, зачастую не может восприниматься человеком непосредственно органами

чувств, воспринимать (следовательно, и осмотреть в смысле УПК РФ) ее можно с помощью технических и программных средств.

Осмотр мобильных устройств, да и вообще любой компьютерной информации, это не столько осмотр как таковой, а скорее, техническое исследование, требующее определенных знаний.

При осмотрах, обысках, выемках, сопряженных с изъятием как компьютерной техники, так и мобильных телефонов, зачастую возникает ряд общих проблем, связанных со спецификой изымаемых объектов.

Фактически оптимальный вариант изъятия мобильного телефона и носителей информации – это фиксация их и их конфигурации (в случае компьютерной техники) на месте обнаружения, а также история посещенных сетевых ресурсов, история программ обмена короткими сообщениями, удаленные данные, геолокационные координаты и другая криминалистически значимая информация.

Следует учитывать, что речь идет о двух самостоятельных действиях: изъятие самого мобильного устройства связи; извлечение информации из памяти мобильного устройства или SIM-карт, карт памяти.

Получить мобильное устройство связи можно при:

- осмотре места происшествия (ст. 176 УПК РФ);
- осмотре трупа (ст. 178 УПК РФ);
- обыске (ст. 182 УПК РФ);
- выемке (ст. 183 УПК РФ);
- личном обыске подозреваемого, обвиняемого (ст.ст. 93, 184 УПК РФ).

Кроме того, выемку мобильного устройства могут осуществить сотрудники органа дознания по письменному поручению следователя, в производстве которого находится уголовное дело, но обязательно с участием специалиста.

При осмотре места инцидента необходимо изымать все мобильные устройства и SIM-карты, находящиеся при потерпевшем для установления, в частности, последних контактов лица. Кроме того, мобильные устройства связи возможно обнаружить в ходе осмотра местности и жилища.

Следует иметь в виду, что данные лица могут принять меры к сокрытию или уничтожению мобильных устройств либо электронных накопителей (например, SIM-карт).

Данные в изъятом телефоне могут помочь в быстром раскрытии преступления по горячим следам, опытный специалист за считанные минуты может получить данные, необходимые для подтверждения или опровержения предварительных подозрений.

Изучение материалов проверки и опрос должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее – оперативные сотрудники), показало, что у лиц, доставленных в органы дознания, в обязательном порядке изымается мобильное устройство (сотовые телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры, портативные устройства GPS и др.).

Принимая во внимание, что до возбуждения уголовного дела в рамках проводимой доследственной проверки сообщения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, оперативным сотрудникам необходимо изучить информацию, содержащуюся на электронном носителе – телефоне, им приходится делать выбор между предусмотренными законом оперативно-разыскными мероприятиями, а именно:

1. *Исследование предметов и документов* – это оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ), которое заключается в изучении объектов (предметов, документов, веществ и иных объектов), имеющих отношение к событию, интересующему оперативного работника, которые сохранили или могли сохранить на себе следы преступления, являлись или могли являться орудием совершения преступления или результатом преступной деятельности в целях выявления следов и орудий совершения преступлений и результатов преступной деятельности [3, с. 23]. Требования, предусмотренные законом к проведению данного ОРМ, не содержат никаких трудностей ни организационных, ни технических мероприятий.

На производство рассматриваемого ОРМ не требуется разрешения руководителя органа дознания, суда, а также необязательно привлечение к участию специалистов. Единственная трудность заключается в подмене понятий ОРМ, т.к., исследуя мобильное компьютерное устройство без снятия информации с технических каналов связи и получения компьютерной информации, необходимо ограничиться его внешним осмотром (и частичной разборкой, включающей снятие чехла для изучения внешних особенностей, отделение аккумуляторного устройства и т.п.).

2. *Снятие информации с технических каналов связи* – это негласное оперативно-техническое мероприятие, проводимое на основании судебного решения, целью которого является получение, преобразование и фиксация при помощи технических средств различных видов сигналов, передаваемых подозреваемыми лицами по любым техническим каналам связи [3].

3. *Получение компьютерной информации* проводится на основании судебного решения при наличии информации:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

3) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]).

В очередной раз законодатель предложил норму, но не обеспечил грамотного толкования её применения.

Мы согласны с мнением А.Л. Осипенко, что в техническом плане получение компьютерной информации может осуществляться, в том числе и при непосредственном доступе к устройствам памяти, установленным в компьютере и периферийном оборудовании [5].

К сожалению, автор не уделяет должного внимания «простейшим формам обращения к компьютерным ресурсам, находящимся у операторов связи или в открытом доступе, либо к устройствам хранения компьютерной информации, полученным в распоряжение субъектов оперативно-разыскной деятельности», а рекомендует оформлять получение информации с технических каналов связи с объектов, полученных гласным путём «через иные ОРМ (наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проводимое гласно обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и др.)» [5].

Как показало интервьюирование оперативных сотрудников, они не видят чёткой законодательной регламентации своих действий, направленных на корректное изъятие информации с мобильных устройств, обеспечивающих защиту конституционных прав и свобод граждан, а также достижения задач оперативно-разыскной деятельности, и изымают компьютерную информацию, включая электронные сообщения, из телефонов по основаниям, предусмотренным п. 5 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД без судебного решения, получая согласие лица в письменной форме или оформляя результатами проведённого ОРМ «исследование предметов и документов».

Как показывает практика, проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища в случаях, не терпящих отлагательства в порядке и по основаниям, предусмотренным ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД проводятся в единичных случаях, что невозможно проиллюстрировать наглядными примерами.

Здесь в качестве иллюстрации предлагаем Программу изучения судебной практики о рассмотрении судами материалов о проведении оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина[7], представленный на сайте Сладковского районного суда Тюменской области в разделе «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации» – «Обзоры судебной практики», где мы можем посмотреть практику в цифрах.

Например, «за период 2010 года ходатайств о разрешении контроля записей телефонных переговоров – 0; за период 2011 года – 6; за период первого полугодия 2013 года было рассмотрено 1 ходатайство о контроле и записи телефонных переговоров».

[7] Сайт Сладковского районного суда Тюменской области [Электронный ресурс]. – URL: http://sladkovsky.tum.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=224

Органы, осуществляющие ОРД, в районный суд ходатайств об ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» или «снятие информации с технических каналов связи» не предоставляли.

Случаев, когда судья в постановлении о разрешении (отказе) на проведение ОРМ использовал формулировку мероприятия, не соответствующую Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», не зафиксировано.

Постановлений о разрешении (отказе) на проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» не выносилось.

Случаев принятия решения о проведении ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» в отношении лиц, пропавших без вести, с целью осуществления их розыска либо лиц, которые могут располагать сведениями о местонахождении разыскиваемых, не зафиксировано.

Случаев принятия решения о проведении ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» при возникновении угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных по их заявлению или с их согласия не зафиксировано».

В соответствии с реалиями существующей практики такие ОРМ, как «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации» с разрешения суда или в случаях, не терпящих отлагательства, с последующим уведомлением суда не проводятся. Оперативные сотрудники используют основания для производства ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, предусмотренные п. 5 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД без судебного решения, получая согласие лица в письменной форме или оформляя результатами проведённого ОРМ «исследование предметов и документов».

И здесь мы можем столкнуться с проблемой признания доказательств недопустимыми.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми и со ст. 89 УПК РФ – запрещается использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам Кодексом.

Оперативные сотрудники воспользовались бы требованиями, предъявляемыми для осмотра и выемки электронных сообщений, предусмотренными УПКРФ. Законодатель подверг расширительному толкованию такие следственные действия, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, добавив в ст. 185 УПК РФ ч. 7, согласно которой следователь при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, может по решению суда провести их осмотр и выемку, но не предусмотрел чёткий порядок их производства.

Учитывая бурное развитие информационных технологий и устаревшую уголовно-процессуальную форму, следует сделать вывод о необходимости модернизации совершенствования уголовно-процессуального доказывания в части, касаемой изъятия компьютерной информации при осмотре мобильного устройства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности от 06.07.2016 № 374-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.
2. Шошин А.А. Некоторые проблемы определения понятия «следственный осмотр» // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4(21). С. 175.
3. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: учебно-методическое пособие / Т.В. Астишина, Г.П. Афонькин, А.В. Кузьмин, Е.В. Маркелова. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2016.
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83-90.
6. Осипенко А.Л., Лахин А.Н. Использование информационных технологий в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2(37). С. 101-106.

УДК 343.985.7

ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кокурин Г.А.,
доктор юридических наук, доцент;
Беляева Е.Р.
(Уральский юридический институт МВД России)

Аннотация: криминалистическая характеристика, являясь элементом криминалистической методики раскрытия и расследования фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, стала одной из важнейших составляющих процесса предварительного расследования, так как обладает большим информационным потенциалом. Авторы в своей статье затрагивают некоторые вопросы, связанные с содержанием криминалистической характеристики фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, уделяет внимание взаимосвязи таких элементов криминалистической характеристики указанного вида преступления, как личность потерпевшего и личность преступника.

Ключевые слова: криминалистика, оперативно-разыскная деятельность, фальсификация, личность потерпевшего, оперативный сотрудник.

VICTIM'S IDENTITY AS ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF FALSIFICATION OF RESULTS OF INVESTIGATION AND SEARCH OPERATIONS

Kokurin G.A.,
Doctor of Law, Associate Professor;
Belyaeva E.R.
(Ural Law Institute of the MIA of the Russia)

Abstract: the criminalistic characteristic, being an element of a criminalistic technique of disclosure and investigation of falsification of results of investigation and search operations, I became one of the most important components of process of preliminary investigation as has high information potential. The authors in the article raises some questions connected with contents of the criminalistic characteristic of falsification of results of investigation and search operations, pays attention to interrelation of such elements of the criminalistic characteristic of the specified type of crime as victim's identity and the identity of the criminal.

Key words: criminalistics, investigation and search operations, falsification, victim's identity, quick employee.

Задачи расследования преступлений сложно успешно решить, если оперативными сотрудниками или органами предварительного следствия не будет получена информация не только об обстоятельствах, характеризующих преступное деяние, но и о личности преступника или потерпевшего. Данная информация при раскрытии и расследовании фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности является не менее важной, поскольку характер, способ совершения преступления, вид оперативно-разыскного мероприятия, которое в дальнейшем планируется сфальсифицировать, во многом зависит как от личности виновного, так и от личности пострадавшего.

Кроме того, данные о личности потерпевшего, в отношении которого были сфальсифицированы результаты оперативно-разыскной деятельности, «в значительной мере могут способствовать установлению направленности мотивов поведения преступника, его общих и индивидуальных качеств, так как потерпевший и преступник всегда находятся в специфических связях, отношениях в единой системе "преступник-жертва"» [2, с. 36]. В.В. Вандышев, раскрывая криминалистическое значение взаимосвязи «жертва-преступник», отмечает, что достоверное или предположительное знание взаимоотношений участников криминального конфликта обеспечивает моделирование личности преступника и обстоятельств посягательства; определение группы лиц, среди которых может находиться виновный, и свидетелей; установление необходимого круга организационно-технических мероприятий, следственных действий, оперативно-разыскных мер; выявление способов совершения преступления, уклонения от уголовной ответственности и т.д. [1, с. 21].

Изучение сведений о свойствах личности потерпевшего трудно переоценить, так как они значимы для расследования преступления. В составлении наиболее верного личностного портрета преступника, совершившего фальси-

фикацию результатов оперативно-разыскной деятельности, мотива совершения преступного деяния, круга возможных участников и т.п. может помочь изучение данных о личности потерпевшего. Личность потерпевшего – это совокупность сведений о физических, биологических, психологических, демографических и иных свойств, которые отражают информацию о поле, возрасте, образе жизни, профессии потерпевшего, религиозных убеждениях, расовой, национальной принадлежности [3, с. 149-153].

Как правило, в юридической психологии личность потерпевшего характеризуют исходя из следующего:

- образ жизни потерпевшего до совершения преступления (возможно, и после), а также его поведение при совершении преступного деяния и после;

- пол, возраст, национальность, расовая принадлежность, служебное положение и др.

Авторы в своей статье выделяют особенности лиц, пострадавших от фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности. С этой целью необходимо обратиться к социально-демографическим и нравственно-психологическим характеристикам лиц, ставших жертвами беспредела сотрудников оперативных подразделений.

Изучив практику уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, возможно выделить некоторые особенные черты, характерные для жертв фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.

Исследование следственной и судебной практики по рассматриваемому нами виду преступления показало, что в большинстве случаев пол и возраст не имеют значения и не являются первоочередными факторами, которыми руководствуется оперативный сотрудник при совершении рассматриваемого нами вида преступления. Однако статистика такова, что жертвами фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности становятся лица в возрасте от 30 до 50 лет, и связано это со спецификой преступного деяния. Оперативные сотрудники чаще всего обращают внимание на наличие судимости у лица, в отношении которого планируется совершение исследуемого нами вида преступления, его социальное положение, вредные привычки и т.п. Так, в отношении наркозависимого человека совершается фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, на основе проведенной исследовательской работы возможно сделать выводы о несомненной взаимосвязи оперативного сотрудника, сфальсифицировавшего результаты оперативно-разыскной деятельности, и его жертвы. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все аспекты поставленного перед исследователем вопроса.

Обобщая изложенный материал, можно выделить несколько типов потерпевших, которые могут стать жертвой фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности:

1. Мужчина в возрасте от 30-50 лет, не трудоустроен, ранее судим (может быть, и неоднократно), возможно, отбывает наказание в исправительном учреждении за совершенное им преступление, холост, детей нет, имеет наркотическую и алкогольную зависимость. Указанный вид потерпевшего испытывает потребности: в материальных благах, определенных условиях содержания, если данный потерпевший отбывает наказание и т.п., чем может воспользоваться оперативный сотрудник для достижения своей преступной цели.

Так, М. отбывал наказание в исправительном учреждении за совершенное им преступление. За денежное вознаграждение и сигареты, предложенные ему оперативным сотрудником, а также за обещание ходатайствовать о досрочном освобождении признался в якобы незаконном приобретении и хранении им патронов [4].

2. Мужчина в возрасте от 30-50 лет, не трудоустроен, ранее привлекался к уголовной ответственности (может быть, неоднократно судим, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления), холост, детей нет, имеет наркотическую и алкогольную зависимость.

В данном случае у оперативного сотрудника возникает умысел сфальсифицировать результаты оперативно-разыскной деятельности, будучи уверенным в том, что лицо, уже ранее осужденное или привлекавшееся к уголовной ответственности, возможно, даже и по этой же статье УК РФ, не будет вызывать доверия у органов предварительного следствия, и все заявления, замечания, высказанные потерпевшим о незаконных действиях оперативных сотрудников, останутся без внимания.

Так, Г., якобы в ходе производства оперативно-разыскных мероприятий признался оперативному сотруднику Л.А. Прохорову о совершенной им краже, о чем Г. была написана явка с повинной. Далее в отношении Г. было возбуждено уголовное дело, он был привлечен к уголовной ответственности. В ходе предварительного следствия Г. отказался от показаний, данных им оперативному сотруднику, и сообщил о том, что сведения, содержащиеся в явке с повинной, написаны им под давлением оперативного сотрудника. Однако данные показания следователем были оставлены без внимания. Вина оперативного сотрудника в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, была установлена спустя 3 месяца с даты возбуждения уголовного дела [5]. Весь этот период времени Г. был незаконно привлечен к уголовной ответственности. Отметим, что Г. неоднократно судим, имеет алкогольную зависимость, являлся жителем «зоны оперативного облуживания».

3. Мужчина в возрасте от 40-50 лет, женат, имеет на иждивении детей, трудоустроен (в основном занимает должность руководящего состава), вредных привычек не имеет, ранее не судим и к уголовной ответственности не привлекался.

Хотелось бы в очередной раз отметить взаимосвязь личности преступника и потерпевшего. Так, Д.А. Сугробов, находясь в должности начальника Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции в звании генерал-лейтенанта полиции, осужден за совершение ряда должностных преступлений, в число которых входит и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности. Потерпевшими по данным уголовным де-

лам являются: директор департамента контроля расходов на науку, образование, культуру, спорт и СМИ счетной палаты А. Михайлик, президент Федерации триатлона России С. Быстров, исполняющая обязанности руководителя управления Росреестра Московской области О. Жданова и т.п. Всего Д.А. Сугробову вменяется 21 эпизод совершения преступного деяния [7]. На данном примере можно сделать вывод о том, что чем выше должность, занимаемая преступником, тем и выше положение в обществе потерпевшего.

4. Мужчина в возрасте от 20-50 лет, трудоустроен, имеет средний достаток, как правило, женат, есть несовершеннолетние дети, ранее не судим и к уголовной ответственности не привлекался, является законопослушным гражданином. Данный вид потерпевшего встречается крайне редко, и сотрудник оперативного подразделения совершает фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности обычно из мести (потерпевший каким либо образом помешал незаконному завладению бизнеса, нанес личную обиду и т.п.).

Следует подчеркнуть, что такая типология не является исчерпывающей, так как на обстоятельства совершения преступления, в нашем случае - фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, могут повлиять различные факторы, не зависящие от преступника.

Данный вид преступления еще опасен не только для граждан, но и для самих сотрудников полиции. Принимая во внимание специфику деятельности лица, уполномоченного на проведение оперативно-разыскных мероприятий, социальный статус лиц, с которыми обычно приходится работать сотрудникам оперативных подразделений, велика возможность их оговора. Как правило, оговор сотрудника полиции совершается с целью избежать уголовной ответственности, из мести и иных причин. Таким образом, в процессе расследования фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности необходимо максимально установить сведения о личности потерпевшего, убедиться в наличии события преступления.

Так, Будаев И.В. и Мухин О.В., находясь в должности оперуполномоченных отдела экономической безопасности и противодействия коррупции, в рамках проведения оперативно-разыскного мероприятия задержали гражданку К.И.Я., в отношении которой было возбуждено уголовное дело. С целью избежать уголовного преследования гражданка К.И.Я. заявила, что в отношении нее вышеуказанными сотрудниками была совершена фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности. Однако в ходе судебного разбирательства по обвинению Будаева И.В. и Мухина О.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, исходя из совокупности полученных в ходе предварительного следствия доказательств факт оговора был установлен [6].

Изучение личности потерпевшего по данной категории дел просто необходимо, так как это может обеспечить полноту, объективность проведения расследования. Собрав полный массив информации о личности потерпевшего, следователь может определить наиболее эффективные методы расследования, которые благоприятно отразятся и на профилактической деятельности по борьбе с фальсификацией результатов оперативно-разыскной деятельности.

Библиографический список

1. Вандышев В.В. Реализация взаимосвязей жертвы и преступника в раскрытии и расследовании насильственных преступлений. – СПб., 1992.
2. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.А. Хмурова, Д.В. Зеленского. – Краснодар, 1998.
3. Скориков Д.Г., Шувалов Н.В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 149-153.
4. Решение по делу 10-8/2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/.
5. Приговор от 11 февраля 2016 г. № 1-53/2015 1-53/2016 [Электронный ресурс]. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/.
6. Решение по делу 22-3355/2016 [Электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/.

УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА НА ОРГАНИЗАЦИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Щукин В.И.,
кандидат юридических наук, доцент;
Озеров И.Н.,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается организация раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта и влияние на неё факторов, определяющих специфику функционирования объектов транспорта. Определены основные формы взаимодействия территориальных и транспортных органов внутренних дел.

Ключевые слова: расследование преступлений, специфика, объекты железнодорожного транспорта.

INFLUENCE OF SPECIFICS OF FUNCTIONING OF OBJECTS OF RAILWAY TRANSPORT ON THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION OF CRIMES

Schukin V.I.,
Candidate of Law, Associate Professor;
Ozerov I.N.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: in article the organization of disclosure and investigation of the crimes committed on objects of railway transport and influence on her of the factors defining specifics of functioning of objects of transport is considered. The main forms of interaction of territorial and transport law-enforcement bodies are defined.

Key words: investigation of crimes, specifics, objects of railway transport.

В современных условиях к деятельности органов внутренних дел возникает все больше вопросов к организации раскрытия и расследования преступлений. В условиях оптимизации численности правоохранительных органов их решение в теоретическом и практическом плане влияет на эффективность расследования преступлений, совершаемых в различных сферах, в том числе и на железнодорожном транспорте. В последнее время значительно возрос научный интерес к исследованию проблем организации расследования преступлений не только со стороны криминалистов, но и ученых в области уголовно-процессуального права, оперативно-разыскной деятельности, организации управления.

В этой связи следует отметить мнение А.В. Шмонина, который определил что «несмотря на многочисленные теоретические изыскания в области организации расследования преступлений в правоохранительных органах … до настоящего времени отсутствуют научно обоснованные технологии организации расследования преступлений» [10, с. 12].

Следует согласиться с А.Ф. Волынским, который отметил что научные исследования проблем «частей целого», организации раскрытия и расследования преступлений (уголовно-процессуальной, криминалистической, оперативно-разыскной и других видов деятельности) – всего лишь ступени на пути к познанию «целого», которые должны найти продолжение в комплексных межкафедральных, междисциплинарных исследованиях. Их целью должно быть совершенствование правового регулирования, методического обеспечения и организации раскрытия и расследования преступлений как «целого» [3, с. 11].

Более того, по мнению Можаевой И.П., в современных условиях имеющиеся криминалистические рекомендации по разработке, внедрению и использованию отдельных положений организации расследования преступлений не обобщены и не имеют единой системы, что создает методологические трудности осмысления проблем, выработки научно-практических рекомендаций по повышению эффективности деятельности [8, с. 5].

В целом организация расследования преступлений была объектом исследования А.Ф. Волынского, А.В. Шмонина, Е.А. Ефремовой [5], по отдельным видам преступлений, в частности, совершенных на объектах железнодорожного транспорта, – О.В. Цукановой, В.Г. Красильникова.

В современной криминалистике принято рассматривать несколько уровней организации расследования.

Уровень, на котором организация конкретного акта расследования выступает как комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной следствен-

ной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах сил, средств и времени.

Уровень, который включает в себя организацию проведения следственного действия или организационно-технических мероприятий в рамках конкретного акта расследования, осуществляемые главным образом на стадии подготовки следственного действия [6].

А.Ф. Волынский основным составляющим элементом организации определил взаимодействие. Суть организации применительно к раскрытию и расследованию преступлений как организационно-правовой категории в контексте субъектно-правовых отношений – это объединение людей (читай следственно-оперативная группа), совместно и согласованно действующих в определенных целях (в данном случае в целях раскрытия и расследования преступления) и на основе определенных процедур и правил (разумеется, изложенных в УПК РФ). С этих позиций, полагаем, вполне оправдано взаимодействие следователя, оперативного работника, специалиста-криминалиста рассматривать, прежде всего, как совместные, согласованные действия [3, с. 10].

При взаимодействии следует также постоянно учитывать изменение целей и задач, интересов, времени оснований взаимодействия, отношение к нему взаимодействующих подсистем, занимаемое ими положение в иерархической структуре, сложившиеся отношения, связи, условия, возможности и другие факторы с целью их корректировки. Учитывая изложенные позиции, а также то, что наличие общих универсальных положений при формировании частных криминалистических методик не исключает возможность дифференцированного рассмотрения *специфических факторов*, условий, влияющих на расследование отдельных видов преступных деяний, требующих специальных рекомендаций [2, с. 13], мы обратили внимание на изучение проблем организации расследования преступлений на объектах железнодорожного транспорта.

С учетом того, что организация расследования преступлений достаточно многогранная структура взаимосвязанных элементов, где, на наш взгляд, определяющим является специфика сферы преступной деятельности и её влияние на деятельность субъекта расследования, следует остановиться на них более подробно.

Специфика функционирования объектов железнодорожного транспорта и её влияние на организацию расследования преступлений, совершаемых в этой области, являлись объектами ряда научных исследований [4].

Система и классификация факторов, определяющих специфику функционирования объектов железнодорожного транспорта и влияющих на организацию расследования преступлений, совершаемых в этой сфере, достаточно разнообразна.

В обобщенном виде её можно представить следующим образом:

1) общедоступность и значительная протяженность железнодорожных магистралей, наличие на них большого количества станций и других остановочных пунктов; что определяет линейный принцип построения сети железных дорог;

2) круглосуточность функционирования объектов железнодорожного транспорта по постоянному и сезонному графику;

3) постоянное передвижение пассажиров на объектах железнодорожного транспорта (стационарных, подвижных);

4) ограниченная зависимость объектов железнодорожного транспорта от климатических факторов;

5) сравнительно низкая стоимость проезда, провоза багажа;

6) плотность сети железных дорог.

Кроме указанных условий, можно выделить особенности, которые обусловлены технологическим процессом работы железнодорожного транспорта:

- подвижность части обслуживающего персонала (машинисты, проводники вагонов, работники вагонов-ресторанов и т.п.);

- интенсивность движения транспортных средств, которая, в свою очередь, обусловлена во многом социальными условиями и сравнительно невысокой себестоимостью перевозок.

Следует признать, что на организацию расследования преступлений оказывает влияние специфика той сферы деятельности, где они совершаются.

Основным отличием деятельности органов внутренних дел на транспорте от территориальной полиции, является следующее:

а) линейный принцип построения ОВД на транспорте;

б) влияние деятельности транспортных предприятий на расстановку сил и средств;

в) оторванность и удаленность сотрудников полиции от основных сил и средств;

г) особенности формирования свидетельской базы при совершенных преступлениях;

д) особенности нахождения места происшествия;

е) формирование пассажиро- и грузопотоков;

ж) прохождение транспорта по территории различных государств ближнего и дальнего зарубежья [7, с. 10].

Взаимодействие линейных и территориальных ОВД с формальной стороны очень разнообразно и выражается в различных формах. По мнению Г.Н. Бочарова, различные виды форм взаимодействия можно условно объединить в четыре группы:

- обмен информацией, представляющей взаимный интерес;

- совместная разработка планов мероприятий правоохранительного характера;

- проведение других согласованных мероприятий, не предусмотренных планами и реализация их на практике [1, с. 133].

По мнению И.П. Савченко, взаимодействие должно осуществляться в трех направлениях:

- предупреждение и раскрытие преступлений;
- розыск скрывшихся преступников;
- охрана общественного порядка на объектах транспорта и прилегающей к ним территории.

Основными формами взаимодействия территориальных и транспортных органов внутренних дел должны стать:

– совместное изучение проблем охраны правопорядка, обмен опытом;

– оказание материально-технической, консультативной и иной помощи;

– обмен информацией, представляющей взаимный интерес;

– совместная выработка планов мероприятий правоохранительного характера;

– проведение других согласованных мероприятий, не предусмотренных планами;

– реализация их на практике;

– нормотворческая деятельность на уровне субъектов федерации [9, с. 233].

Учитывая изложенные положения, следует отметить, что на организацию раскрытия и расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, оказывает влияние специфика данного вида транспорта. С целью эффективности расследования указанной категории преступлений имеется необходимость в разработке и совершенствовании имеющихся приемов и методов этой деятельности.

Библиографический список

1. Бочаров Г.Н. Некоторые аспекты организации взаимодействия руководителей транспортных и территориальных ОВД по обеспечению общественного порядка и безопасности / Правоохранительная деятельность на транспорте: итоги и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России, 1999.
2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. № 22. С. 7-13.
3. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7-11.
4. Елинский В.И., Коткин П.Н. Особенности организации расследования уголовных дел о транспортных происшествиях на железнодорожном транспорте // Российский следователь. 2010. № 12.
5. Ефремова Е.А. О соотношении понятий «управление» и «организация» в деятельности органов предварительного расследования // Российский следователь. 2011. № 16. С. 38-39.
6. Красильников В.Г. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение раскрытия краж на объектах железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004.
7. Литвинов Н.Д., Крикунов С.С., Путятин В.Д. Об особом статусе органов внутренних дел на транспорте и возможных путях совершенствования их деятельности в борьбе с преступностью и терроризмом / Правоохранительная деятельность на транспорте: итоги и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России, 1999.
8. Можаева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2014.
9. Савченко И.П. Взаимодействие транспортной и территориальной милиции – важнейшее условие повышения эффективности борьбы с преступностью / Правоохранительная деятельность на транспорте: итоги и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России, 1999.
10. Шмонин А.В. Криминалистические аспекты организации расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3(15). С. 12-16.

УДК 343.3

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Коцюмбас С.М.,
кандидат юридических наук
(Белгородский областной суд)

Аннотация: в статье исследуются проблемы квалификации действий обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации при завладении денежными средствами граждан посредством услуги «Мобильный банк». На основании анализа судебно-следственной практики Белгородской области автор приходит к выводу о том, что правоохранительными органами действия обвиняемых ошибочно квалифицируются по ст. 272 УК РФ, а также по совокупности со ст. 158 УК РФ, поскольку совершение лицом действия по завладению денежных средств при помощи находящейся в его законном владении сим-карты путем направления смс-сообщения следует считать способом совершения преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 158 УК РФ.

Ключевые слова: расследование преступлений, квалификация действий, неправомерный доступ к компьютерной информации.

ON SOME PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFYING CRIMES RELATED TO UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION

Kotsyumbas S.M.,
Candidate of Law
(Belgorod Regional Court)

Abstract: the article examines the problems of qualification of the actions of the accused in committing a crime, stipulated by Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation - unauthorized access to computer information when the funds of citizens are acquired through service the «Mobile Bank». Based on the analysis of judicial-investigatory practice of Belgorod region the author comes to the conclusion that law enforcement actions of the accused mistakenly qualify under article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and also in conjunction with article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation as a person committing an action for the misappropriation of funds, using it is in his lawful possession of the SIM card by sending SMS, should be considered a means of committing a crime under the relevant part of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: investigation of crimes, qualification of actions, illegal access to computer information.

XXI век не зря называется информационным. От того, как отдельные граждане, большие производственные коллективы, а порой и целые государства умело и оперативно используют необходимую им информацию зависит их благополучие и эффективное решение самых различных (политических, экономических, социальных) задач. Сейчас немалый объем среди общего массива информации занимают сведения, на которые распространяются различные формы защиты, начиная со сведений, связанных с частной жизнью лиц и заканчивая информацией, составляющей государственную или коммерческую тайну, авторские и смежные права. Поэтому отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности, выходят сегодня на передний план борьбы с преступлениями, где информация выступает в одних случаях как предмет хищения, а в других как способ совершения преступления.

Не осталось в стороне в данном вопросе и уголовное право. Одной из новелл Уголовного кодекса России 1996 года явилось появление самостоятельной главы, посвященной компьютерным преступлениям (глава 28), включающая в себя на настоящие момент три статьи – неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274).

Не касаясь недостатков законодательного определения и эффективности применения на практике указанных норм, в своей статье мы остановились на сложных вопросах квалификации преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации.

Изучение практики расследования и последующего рассмотрения в судах Белгородской области уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 158 и 272 УК РФ, позволило нам прийти к выводу о том, что квалификация действий («формула» обвинения) у следователей по указанным составам преступлений вызывает определенные сложности и зачастую противоречит требованиям уголовно-процессуального закона.

Обстоятельства совершения преступлений по всем уголовным делам указанной категории примерно следующие.

Весной 2016 года Сидоров купил сим-карту оператора сотовой связи ОАО «Мегафон», имеющую абонентский номер 8910745612, с которой бывшим собственником Петровым была подключена услуга «Мобильный банк». Данная услуга потерпевшим Петровым не была отключена в установленном порядке и позволяла распоряжаться счетом № 0101010101 его банковской карты ОАО «Сбербанк России». В дальнейшем на данный абонентский номер стали приходить смс-сообщения, содержащие сведения о производимых по счету Петрова операциях, а также информацию о номере счета банковской карты потерпевшего. 15 мая 2016 года Сидоров, используя принадлежащий ему мобильный телефон, а также активную сим-карту, подключенную к сети ОАО «Мегафон» с абонентским номером 8910745612, незаконно воспользовался услугой «Мобильный банк» и, имея умысел, направленный на нарушение работы сети

ЭВМ «Сбербанк России» с последующим копированием, модификацией и блокированием информации, позволяющей распоряжаться денежными средствами, сформировал и направил на номер «900», смс-сообщение специального формата, тем самым из корыстной заинтересованности незаконно осуществил списание денежных средств на сумму 10 000 рублей.

Данные (аналогичные) преступления следователями Белгородской области квалифицируется по соответствующей части ст. 158 УК РФ, а также ч. 2 ст. 272 УК РФ, при этом при идентичности действий обвиняемых квалифицирующие признаки состава преступления указываются разные:

- ч. 2 ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло ее модификацию и копирование;

- ч. 2 ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло ее модификацию;

- ч. 2 ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло ее блокирование, модификацию и копирование.

Также следует отметить, что нередки случаи квалификации неоднократных действий обвиняемого, направленных на завладение деньгами потерпевшего (направление смс-сообщений в течение непродолжительного промежутка времени), как ряда оконченных преступлений, например, ч. 2 ст. 272 (7 эпизодов) УК РФ и ч. 2 ст. 158 УК РФ.

По смыслу закона, не образуют совокупности преступлений и квалифицируются как единое продолжаемое преступление юридически однородные, тождественные действия виновного, охваченные единым умыслом и целью, направленные на единый объект.

Как видно из обвинения, С. совершил 7 эпизодов неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации из корыстной заинтересованности в период времени с 13 час. 42 мин. 18 мая до 20 час. 47 мин. 19 мая, а именно: С. воспользовался услугой «Мобильный банк» ОАО «С» и, используя абонентский номер, подключенный к банковской карте, принадлежащей П., неправомерно с целью хищения денег осуществил семь раз доступ к компьютерной информации.

При таких данных установленные следствием обстоятельства свидетельствуют о том, что действия С., связанные с неоднократным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, которые повлекли ее копирование и модификацию компьютерной информации, охватывались единым умыслом С., направленным на хищение денег в сумме 4600 рублей с лицевого счета, принадлежащего П.

Следовательно, действия С. должны быть квалифицированы как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 272 УК РФ.

Еще один пример из судебной практики Белгородской области. 14 января 2014 года Чурилов купил сим-карту оператора сотовой связи ОАО «М», имеющую абонентский номер, к которой бывшим собственником Ш. была подключена услуга «Мобильный банк». Данная услуга потерпевшим Ш. не была отключена в установленном порядке и позволяла распоряжаться счетом его бан-

ковской карты на данный абонентский номер стали приходить смс-сообщения, содержащие сведения о производимых по счету Ш. операциях, а также информация о номере счета банковской карты потерпевшего.

Имея навыки пользования услугой «Мобильный банк», позволяющей распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете банковской карты, Чурилов 31 марта 2014 года, находясь у себя дома по адресу: <адрес>, используя принадлежащий ему мобильный телефон, а также активную сим-карту, подключенную к сети оператора мобильной связи ОАО «М», имеющую абонентский номер №, незаконно воспользовался услугой «Мобильный банк», которая была предоставлена Ш., для проведения комплекса операций, осуществляемых посредством мобильной связи. Имея преступный умысел, направленный на нарушение работы сети ЭВМ ОАО «С», копирование и модификацию, то есть изменение охраняемой законом компьютерной информации ЭВМ законного пользователя услуги «Мобильный банк», предоставляемой ОАО «С» Ш., Чурилов А.И. получил неправомерный доступ к компьютерной информации, позволяющей распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете № банковской карты ОАО «С» №, принадлежащей Ш., с целью хищения денежных средств со счета потерпевшего.

Таким образом, сложившаяся в регионе практика квалификации действий обвиняемого при изложенных выше обстоятельствах по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ и ст. 272 УК РФ, также является небесспорной по следующим основаниям.

Как известно, ст. 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Общим объектом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие правомерный доступ, создание, хранение, модификацию, использование компьютерной информации самим создателем, потребление ее иными пользователями. В ч. 3 ст. 272 УК РФ указан дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие интересы службы. Объективная сторона рассматриваемого состава преступления включает в себя: общественно опасное деяние (действие), состоящее в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации; общественно опасное последствие в виде уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации и причинно-следственной связи между указанным действием и любым из названных последствий. Законодателем в диспозиции анализируемой статьи не уточнено понятие доступа к информации. Для этого следует обратиться к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где в п. 6 ст. 2 указано, что «доступ к информации – возможность получения информации и её использования». Под охраняемой законом понимается информация, для которой законом установлен специальный режим ее правовой защиты (например, государственная, служебная и коммерческая тайна, персональные данные и т.д.). Неправомерным считается доступ к конфиденциальной информации или информации,

составляющей государственную тайну, лица, не обладающего необходимыми полномочиями (без согласия собственника или его законного представителя), при условии обеспечения специальных средств ее защиты.

Таким образом, неправомерный доступ к компьютерной информации – это незаконное либо не разрешенное собственником или иным ее законным владельцем использование возможности получения компьютерной информации. При этом под доступом понимается проникновение в ее источник с применением средств (вещественных и интеллектуальных) компьютерной техники, позволяющее использовать полученную информацию (копировать, модифицировать, блокировать либо уничтожать её).

Состав данного преступления носит материальный характер и предполагает обязательное наступление одного из последствий:

а) уничтожение компьютерной информации – это прекращение ее существования, т.е. удаление ее с определенного машинного носителя без возможности восстановления;

б) блокирование информации – это создание препятствий доступа к ней, в результате чего информацию невозможно использовать при ее сохранности;

в) модификация – это видоизменение, преобразование информации;

г) копирование – это точное повторение или перенос информации с одного носителя на другой.

Преступление окончено с момента наступления любого из указанных последствий. Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла.

Здесь следует не согласиться с позицией А.И. Чучаева, который, в частности, считает, что данное преступление может быть совершено и по неосторожности [1]. Не вызывает каких-либо сомнений, что, осуществляя действия, направленные на получение неправомерного доступа к информации, виновное лицо осознает общественную опасность и фактический характер своих действий, предвидит неизбежность или возможность наступления хотя бы одного из последствий, предусмотренных законом (уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации), желает либо сознательно допускает их наступления или относится к ним безразлично.

Мы придерживаемся мнения большинства ученых, которые считают, что неправомерный доступ к компьютерной информации совершается или с прямым, или с косвенным умыслом [2, с. 44; 3, с. 36].

Субъект преступления общий – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Способы совершения преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, можно разделить на две группы.

К первой относятся способы непосредственного воздействия лица на компьютерную информацию, когда проникновение осуществляется путем введения различных команд в компьютерную систему. В этом случае следы совершения преступления останутся только на носителе компьютерной информации, задействованном при совершении преступного посягательства. Такой дос-

туп может осуществляться как лицами, имеющими право на него, так и лицами, специально проникающими в зоны с ограничениями по допуску.

Вторая группа – это способы удаленного (опосредованного) воздействия на компьютерную информацию, например: проникновение в чужие информационные сети путем соединения с тем или иным компьютером; проникновение в компьютерную систему с использованием чужих идентификационных данных; подключение к линии связи легитимного пользователя с получением доступа к его системе; использование вредоносных программ для удаленного доступа к информации и т.п.

С учетом изложенного полагаем, что с объективной стороны неправомерный доступ к компьютерной информации представляет собой незаконное либо не разрешенное собственником или иным ее законным владельцем проникновение в ее источник с использованием средств компьютерной техники, позволяющее использовать эту информацию.

Условием уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации по ст. 272 УК РФ является наступление последствий в виде копирования, модификации, блокирования либо уничтожения компьютерной информации. При этом копированием информации является создание копии имеющейся информации на другом носителе, то есть перенос информации на обособленный носитель при сохранении первоначальной информации неизменной, а модификацией – внесение изменений в компьютерную информацию (или ее параметры), в том числе внесение изменений в программы, базы данных и иные составляющие компьютерной информации, находящейся на материальном носителе.

Как следует из изученных нами материалов уголовных дел, обвиняемые приобрели возможность совершения операций с денежными средствами на лицевом счете банковской карты не в результате совершения ими активных действий в целях неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, а воспользовавшись произошедшим без их участия подключением услуги «Мобильный банк» на используемый абонентский телефонный номер, ошибочно указанный или не отключенный потерпевшим при оформлении или использовании банковской карты.

Не содержат описанные деяния и признаков наступления таких последствий, как модификация и копирование охраняемой законом компьютерной информации, находящейся, как указано в приговорах, в сети ЭВМ. Изменение первоначальных данных о движении денежных средств по лицевому счету потерпевшего влечет их хищение подсудимым, а не модификацию компьютерной информации, которая сама по себе не претерпела каких-либо изменений.

С учетом изложенного считаем неверной квалификацию действий обвиняемых при обстоятельствах, изложенных в настоящей статье, по ст. 272 УК РФ. Действия обвиняемого по завладению денежными средствами при помощи находящейся в его законном владении сим-карты путем направления смс-сообщения, по нашему мнению, следует считать способом совершения преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 158 УК РФ. Поэтому при квалификации действий виновного лица правоприменителям необходимо различать, был ли к

информации лишь неправомерный доступ (завладение без целей хищения) либо обладатель её полностью лишился и, таким образом, имело место хищение.

Полагаем, что обозначенные проблемы вполне разрешимы и находятся в компетенции Верховного Суда Российской Федерации, который в соответствующем постановлении по данной категории дел мог бы разъяснить правоприменителям сложные вопросы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации, его отграничения от иных составов преступлений, в том числе от хищений путем кражи или мошенничества.

Библиографический список

1. Чучаев А.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров. - 2-е изд. – М.: Проспект, 2017.
2. Сударева Л.А. Правовое и информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел по предупреждению компьютерных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
3. Кузнецов А.П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: учебно-практическое пособие. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2007.

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Чернышев С.А.,
кандидат социологических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Прокопенко И.Е.
(Экспертно-криминалистический центр УМВД России по Белгородской области)

Аннотация: в статье рассматриваются возможности использования голографических методов в криминалистике.

Ключевые слова: голографические методы, криминалистика.

THE USE OF HOLOGRAPHIC METHODS IN CRIMINALISTICS

Chernyshev S.A.,
Candidate of Sociological Sciences
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Prokopenko I.E.
(Expert forensic center of the MIA of Russia across the Belgorod region)

Abstract: the article discusses the possibility of using holographic methods in criminalistics.

Key words: holographic methods, criminalistics.

Научно-технический прогресс не стоит на месте, каждый день в мире появляются какие-либо новые предметы, технологии и процессы. Но, как известно, все хорошее и новое рано или поздно оказывается в руках преступников. Возможности, которыми на сегодняшний день располагает научно-технический прогресс, с огромной силой привлекают к себе представителей преступного мира. Это проявляется, прежде всего, в том, что они используют новейшие технологии и методики в своих преступных целях для извлечения выгоды, например, для создания сложных технологий теневого бизнеса или управления банковскими системами. Так как с каждым годом преступник становится всё умнее, обладая при этом современными технологиями, то органам внутренних дел приходится использовать в своей деятельности такие же технологии, но при этом досконально их изучив и исследовав, создавать такие средства и устройства, которые бы помогали в раскрытии преступлений.

Специалисты указывают, что в ходе экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений весьма эффективным является использование голографических методов. Криминалистическая голография является методом получения информации полей света или невидимых колебаний, а также преобразования переносимой волновыми полями информации об объектах. Голографию можно сравнить с классической фотографией по общности задачи – осуществлению записи информации об объекте на светочувствительном материале. В современном российском обществе эта методика уже применяется, но она еще не так популярна, как в западноевропейских странах.

Голографические методы в криминалистике дополняют традиционные и в полном объеме отвечают требованиям, предъявляемым к производству экспертиз и сохранности целостности объектов исследования.

Главное достоинство голографии проявляется в том, что она позволяет получить копию исследуемого объекта или следов преступления, которая точно передает все особенности пространства и способствует решению идентификационных задач.

Данные методы показали высокую результативность при выявлении невидимых следов обуви на напольных покрытиях [1].

Голографические методы используют не только при детальной, но и при узловой съёмке, которая запечатлевает как сам след либо объект, так и окружающую обстановку. Целесообразно применять методы голографии для фиксации места происшествия, состоящее из нескольких планов, в которых имеет место огромное скопление предметов, таких как: место разрушения, пожара, последствия взрыва, а также в случаях быстротечного изменения места происшествия.

Особенности внешнего строения объекта определяются рельефностью его поверхности. Поэтому изучение рельефа и микрорельефа является одной из проблем, которая наиболее часто возникает при проведении криминалистических исследований (например, трасологических – следы давления и удара, баллистических – следы бойка на капсюле гильзы). Преимущество голограмм состоит в том, что они обеспечивают исследование поверхности объекта, рельеф которого восстанавливается в трех измерениях. С помощью составных голо-

грамм можно преобразовать рельеф исследуемого объекта для более детального его изучения. Такой же точки зрения придерживаются и В.А. Зотчев, Е.П. Ищенко, П.П. Ищенко, А.А. Топорков [2, 3].

Доказана эффективность использования голограмм при решении задач автотехнической экспертизы (исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, исследование следов столкновения на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия), связанных с точным установлением пространственного положения восстановленных по голограммам объектов и расстояний между ними, а также механизма и пространственно-временных характеристик дорожно-транспортного происшествия [1].

На сегодняшний день существует целый ряд приборов, разработанных для использования их в голографии и применяемых криминалистической техникой. К числу таких средств относится голоскоп – компактное устройство, которое предназначено для фиксирования объёмных объектов через маленькие отверстия, так как данный объект находится вне зоны прямой видимости. Его используют и при осмотре места происшествия, и при производстве других следственных действий, ведь с его помощью можно увидеть то, что находится за малыми отверстиями, так как человеческий глаз на это не способен.

Наряду с голоскопом применяют голографический дисдрометр, который помогает зафиксировать загрязнение воздуха и быстродвижущиеся частицы. Полученные голограммы рассортировывают и создают коллекции различных образцов преступного посягательства, которые в последующем используются не только образовательными организациями, но и территориальными органами внутренних дел.

С помощью голографического метода можно сравнивать следы папиллярных узоров рук, если имеются какие-либо искажающие признаки, которые вызваны кривизной следовоспринимающей поверхности, а также если в следе обнаружены частицы вещества, которое используется для его выявления. Применяя данный метод, можно сравнить неполные следы, размер которых составляет около 20% от общего следа папиллярного узора, и перекрывающиеся следы, в которых угол перекрытия равен не более 20 градусов.

Голограммы также могут быть как самостоятельными источниками доказательств, так и приложениями к протоколу следственных действий или заключения эксперта.

Библиографический список

1. Григорович В.Л. Применение методов голографической интерферометрии для исследования криминалистических объектов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 1(7). С. 50-54.

2. Криминалистика: учебник / под ред. В.А. Образцова. – М.: Юристъ, 1997.

3. Ищенко Е.П., Ищенко П.П., Зотчев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись: учебно-практическое пособие / под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Юристъ, 1999.

УДК 343.98

СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С КВАЛИФИКАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Журавлев С.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России)

Аннотация: рассматривается сущность криминалистического мышления в деятельности по расследованию преступлений. Прослеживается взаимовлияние криминалистического и квалификационного переосмысления расследуемых событий. Уточняется взаимосвязь методической и организационной составляющей процесса расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическое знание, криминалистическое мышление и вопросы квалификации, криминалистическое мышление и правотворчество, криминалистическое мышление в методике и организации расследования преступлений.

THE CONTENT OF FORENSIC THINKING AND ITS CORRELATION WITH THE QUALIFICATION COMPONENT OF THE CRIME INVESTIGATION ACTIVITY

Zhuravlev S.Yu.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the essence of criminalistic thinking in the investigation of crimes is examined. The mutual influence of the criminalistic and qualitative reinterpretation of the events under investigation is traced. The relationship between the methodological and organizational components of the investigation of crimes is specified.

Key words: forensic knowledge, forensic thinking and qualification issues, forensic thinking and lawmaking, forensic thinking in the methodology and organization of crime investigation.

Криминалистическое знание и криминалистическое мышление имеют большие перспективы для популяризации в среде практических работников и тех, кто еще только осваивает азы профессии юриста. Важен также и контекст значения криминалистического мышления для процесса правотворчества. Существует некоторая структура внутренней работы (профессиональной мыследеятельности), которая должна предварять внешние действия правоприменителя. Она является важнейшим условием эффективности принимаемых методических и тактических решений в процессе расследования преступлений. Не до конца осмыслена роль криминалистического мышления и в процессе правотворчества.

Для криминалиста первично понимание сути происходящих явлений. В первую очередь после получения первичной информации следует понять, что и как происходило, кто в этом участвовал, где протекали события, что этому

способствовало, а что затрудняло совершение определенных действий, насколько распространены конкретные проявления исследуемого негативного процесса (явления) в настоящее время и какова перспектива его развития в будущем. Необходимо понять суть той деятельности, признаки которой нами обнаружены. Следует осознать результаты этой деятельности с позиции возможного вреда, нарушения сложившегося порядка, опасности в целом для общества или отдельных граждан.

Криминалистическая направленность данного понимания заключается в обнаружении измененных состояний объектов, которые попали в сферу этой вредной деятельности. Фиксация отличий между исходным состоянием объекта и его конечным состоянием, фиксация информации, содержащейся в измененных состояниях объектов, создает предпосылки для объяснения происходящих процессов, понимания содержания прошлых событий, а также позволяет моделировать определенное развитие ситуации в будущем.

Правовая оценка расследуемого явления дается ступенчато, последовательно, по мере фиксации и перепроверки достоверности обнаруживаемой информации. В этом смысле она вторична. Правовая оценка возможна лишь на основе результатов исследования содержания негативного процесса (явления) через призму возникших следов и ни в коем случае не должна опережать процесс сущностного познания реальности. Для субъекта расследования (того, кто следует по следам, распознает их, фиксирует и переосмысливает варианты их практического использования в доказывании) право является ориентиром в понимании того, какие существуют возможные варианты нормативной оценки (квалификации) расследуемого события. При этом наиболее негативной тенденцией в этом взаимосвязанном процессе познания – оценки является опережающая правовая (уголовная, административная) квалификация расследуемого события.

В процессе расследования начальная квалификация может быть принципиально изменена, например, за счет смены субъектного состава фигурантов по уголовному делу, за счет установления принципиально новых эпизодов обвинения, за счет уточнения мотивов действий тех лиц, которым предъявлено обвинение и т.п. Причиной такой итоговой трансформации правовой оценки негативного явления будет объективная и полная информация об исследуемом событии, которая зафиксирована по правилам криминалистической методики и тактики расследования преступлений. Именно в этом смысле мы говорим о первичности криминалистического знания в структуре процесса познания в рамках деятельности по расследованию преступлений.

Квалификационное мышление в процессе расследования проходит три этапа. Для *этапа начального выявления признаков криминальной ситуации* характерно мышление в режиме исходного правового ориентирования. Оперативный работник (или следователь) понимает палитру возможных к применению правовых норм, но собирая сведения об отдельных фактах преступной деятельности, лишь предполагает возможность итоговой квалификации. В этом смысле практик ориентирован в нормах права, предполагает некоторые квалификационные перспективы, но до конца не знает, в каком объеме будут собраны сведения о документируемой преступной деятельности.

Этап формирования предварительных квалификационных суждений характерен для стадии возбуждения уголовного дела. В этот период происходит процессуальная трансформация проверочного материала в уголовное дело и в постановлении о возбуждении уголовного дела делается ссылка (привязка) к конкретной статье (или нескольким статьям) уголовного кодекса. Специфическими шагами на этапе формирования предварительных квалификационных суждений являются моменты предъявления обвинения, по их результатам изменяется субъектный состав фигурантов, в отношении которых принято процессуальное решение о наличии в их деятельности признаков участия в событии преступления.

*Этап формирования итоговых квалификационных выводов и*меет протяженность от момента составления обвинительного заключения до вынесения судом окончательного решения по данному уголовному делу. В режиме итогового квалификационного суждения мышление правоприменителя работает и на стадиях кассационного и надзорного производства. Особенность данного этапа в том, что субъект итоговых квалификационных выводов лишь повторно переосмысливает имеющиеся данные по уголовному делу. При этом приращение новой доказательственной и ориентирующей информации не происходит.

Таким образом, применительно к деятельности по расследованию преступлений необходимо говорить о приоритете криминалистического мышления и сопровождающем характере квалификационного мышления следователя или оперативного работника. С дидактической точки зрения практические задачи по уголовному праву должны формировать не столько итоговое (надзорное) квалификационное мышление, сколько способствовать выработке навыка ступенчатого квалификационного анализа с учетом содержания поступающей информации.

Работа по криминалистическому моделированию преступной деятельности важна применительно к вопросам правотворчества. Определять в законе правовые ориентиры и рамки оценки можно лишь после детального криминалистического исследования негативного общественного явления. До завершения формирования криминалистической характеристики совершенно преждевременно говорить об уголовно-правовой или административно-правовой характеристике. Именно в криминалистической характеристике детально исследуется кто, с кем, в чьих интересах и в какие временные рамки, на каком объекте и как действовал, какие средства применял и т.п. Детальное понимание типичных вариантов развития негативной деятельности является основой для формирования диспозиции вводимой или корректируемой статьи уголовного закона. К сожалению, на сегодняшний день реальность такова, что сначала в законе появляются изменения, затем формируется начальная или достаточно устойчивая правоприменительная практика и лишь после этого проводятся научные исследования по формированию криминалистической характеристики данного преступления. Даже отдельные примеры опережающих криминалистических исследований по формированию прогностических методик расследования являются скорее исключением, чем правилом [1, с. 92-99].

Исключение из технологии правотворчества этапа криминалистического моделирования криминального механизма приводит к вульгаризации в нормах уголовного права понимания структуры и содержания определенного вида преступной деятельности. Как следствие – увеличивается число норм уголовного закона, которые отражают лишь некоторую часть подлежащей криминализации деятельности.

Важный аспект криминалистического мышления связан с пониманием соотношения категорий «методика расследования» и «организация расследования». Наиболее эффективным является такое состояние деятельности по расследованию, которое можно выразить формулой «разработана и апробирована научно обоснованная методика расследования и действует эффективная организация работы органа предварительного расследования». Наименее эффективным является ситуация, когда не разработана и не апробирована научно обоснованная методика расследования и нет эффективной организации работы по данным фактам.

В реальной жизни методические и организационные составляющие деятельности по расследованию могут иметь не такое контрастное соотношение. Если разработана конкретная методика расследования, которую никто не проверил на практике, то это может означать, что организационные приоритеты деятельности по расследованию имеют другие акценты.

Более позитивное состояние вопроса может заключаться в том, что есть организационные предпосылки для успешной работы по расследованию, но нет разработанной методики расследования. В данной ситуации есть инициативные практические работники, которые с использованием доступных им научно-методических средств (рекомендаций) пытаются бороться с вредным для общества явлением, но при этом нет системных научных исследований, которые обобщают данный опыт расследования и создают предпосылки для его совершенствования.

Глупая организация деятельности и сплошной юридизм в восприятии реальности значительно опасней и по своим последствиям страшней, чем отсутствующая методика. Это проявляется во всех элементах организации жизни конкретного подразделения по расследованию преступлений. Никакие методические заделы, никакие научные разработки не заменят отсутствие сущностного познания реальности и организационной устремленности на изменения в сторону методического и тактического совершенствования деятельности по расследованию преступлений.

Важный междисциплинарный вывод состоит в том, что обучение процессу расследования, с криминалистической точки зрения, состоит в привитии навыка принятия методических и тактических решений по сбору, анализу и использованию полученной доказательственной информации. А в части, касающейся вопроса уголовно-правовой квалификации, необходимо говорить, а следовательно, и обучать сопровождающему процесс расследования квалификационному мышлению и организационному самоопределению. В его основе должна лежать способность к ступенчатой уголовно-правовой квалификации и пониманию организационной стороны правоприменения. Эту логику профессионального мышления правоприменителя, а также недопустимость опережающих

квалификационных суждений и организационных ожиданий следует целенаправленно формировать у обучаемых.

Для последовательного формирования криминалистического стиля мышления и принятия правильных организационных решений требуется осознание педагогами последовательных этапов формирования ключевых компетенций обучаемых.

Рассматриваемая в данной статье технология криминалистического мышления должна быть известна, понятна и освоена педагогами других предметных специализаций. Особенно это важно для преподавателей оперативно-разыскной деятельности, предварительного расследования, для тех, кто учит административному расследованию.

Важнейшей составляющей криминалистического мышления является осознание того факта, что в процессе расследования применяются не одна, а как минимум четыре методики (программы) работы: а) общая (базовая) методика расследования; б) методика работы с первичной информацией; в) методика криминалистического анализа информации, выдвижения, разработки версий и формирования системы доказательств; г) тактико-методический алгоритм обоснования, принятия и реализации решения о проведении отдельного тактического действия или их комплекса.

Методическое содержание работы по расследованию в своей основе имеет универсальную логику. Она основана на специальном оперировании понятиями, суждениями и умозаключениями. Предполагается, что логическое содержание этих категорий должно быть усвоено обучающими, которые приступают к изучению криминалистики. Уровень начального оперирования указанными категориями, понимание их отличий применительно к правоприменительной деятельности являются предпосылкой для освоения обучаемыми особенностей построения условно-вероятностных суждений по индуктивной и дедуктивной схеме.

В процессе индуктивного мышления отталкиваются от факта обнаружения первоначальных материальных и идеальных следов. Затем переходят к моделированию вариантов происшедших событий и тех возможных действий (бездействий), которые привели к возникновению обнаруженных следов. Моделирование и переосмысление особенностей следообразующей криминальной деятельности позволяет предположить существование измененных состояний объектов (следов), которые должны были возникнуть, но пока еще не обнаружены. Их обнаружение и является целью планируемых тактических действий.

В ходе дедуктивного мышления исходят из предположения о том, что некоторое лицо или группа лиц на определенном объекте и в определенных условиях занимается криминальной деятельностью. Затем переходят к моделированию возможных частных направлений деятельности отдельного лица или некоторой группы. В рамках прогнозируемых направлений деятельности моделируются конкретные действия (бездействия) применительно к четырем возможным фазам развития преступной деятельности. После этого переходят на уровень формулировки тех следов, которые объективно должны были возникнуть в результате совершения действий (бездействия), смоделированных на предыду-

щем уровне. Обнаружение следов возможных действий (или бездействий) является целью применения планируемых тактических средств.

Таким образом, криминалистическое мышление – это не чистая индукция или дедукция. Дедуктивного метода как такового просто не существует. В практическом мышлении субъекта расследования работает своеобразный индуктивно-дедуктивный криминалистический генератор, который позволяет на основании частных отображений понимать общий характер преступной деятельности. А в ситуации, когда есть основания предполагать наличие криминальной деятельности через моделирование ее процедур, выходить на понимание следов возможных действий (бездействий) злоумышленников.

Все содержание нашей науки свидетельствует, что криминалистика – это расследовательская (следовать по следам), сыскная философия юридической работы, технология ее поисково-познавательной деятельности, ее методика и тактика. Именно криминалисты непосредственно формируют и закрепляют профессиональные аналитические способности юриста, которые включают широкий спектр качеств от элементарной способности осмысливать окружающую реальность, события, процессы и до владения технологиями специализированного криминалистического анализа поступающей информации и складывающейся в работе юриста ситуации [2]. Формирование аналитических способностей проходит через определенные этапы, их содержание является особой дидактической криминалистической методикой.

Квалификационные способности юриста, на первый взгляд, формируются не криминалистами. При этом именно криминалисты создают аналитические предпосылки для формирования у будущего юриста способности соотносить установленные по делу обстоятельства с квалификационными признаками деяния и формулировать оценочные (квалификационные) выводы по результатам расследования. Без знания криминалистической характеристики преступной деятельности, без использования криминалистического моделирования механизма преступной деятельности и процесса расследования в правотворческой деятельности вроде бы можно и обойтись. Но при таком отношении к криминалистическому знанию в результаты правотворческого процесса закладывается вульгаризация преступного мира и деятельности по расследованию, а у правоприменителей формируется привычка к опережающему квалификационному мышлению и сплошному юридизму в оценке реальности.

Библиографический список

1. Крепышева С.К. К вопросу о формировании криминалистической характеристики преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов // Бизнес в законе. 2007. № 1.

2. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1997.

УДК 343.122

ПОТЕРПЕВШИЙ В СОСТАВЕ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТ. 143 УК РФ)

Курсаев А.В.,
кандидат юридических наук
(Договорно-правовой департамент МВД России)

Аннотация: в статье с учетом законодательства и судебной практики анализируется перечень лиц, которые могут являться потерпевшими в составе нарушения требований охраны труда. Обращается внимание на особенности квалификации преступления по ст. 143 УК РФ в зависимости от связи потерпевшего с производственными процессами. Рассматривается роль отрицательного поведения потерпевшего.

Ключевые слова: потерпевший от преступления, нарушение требований охраны труда, квалификация преступлений.

THE VICTIM IN PART OF VIOLATION OF REQUIREMENTS OF LABOUR PROTECTION (ARTICLE 143 OF THE CRIMINAL CODE)

Kursaev A.V.,
Candidate of Law
(Legal Department of the MIA of Russia)

Abstract: the article is subject to legislation and judicial practice analyzed the list of persons who may be injured in a part of violation of requirements of labor protection. Attention is drawn to the peculiarities of qualification of crime according to article 143 of the criminal code, depending on the relationship of the victim with the production processes. Examines the role of negative behavior of the victim.

Key words: the victim of a crime, violation of requirements of labour protection, qualification of crimes.

Статьей 143 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Одним из элементов данного состава преступления является потерпевший. Трактовка круга потерпевших вызывает существенные споры в доктрине уголовного права.

В уголовно-правовой науке под потерпевшим в уголовном праве предлагается понимать «лицо, права и законные интересы которого нарушены совершением преступления» [5, с. 62], «лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным» [11, с. 100].

Фаргиев И.А. отмечает, что признаки потерпевшего включаются в составы преступлений не во всех случаях, а лишь тогда, когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его определенными условиями. Это положение аналогично ситуации со специальным субъектом преступления [11, с. 109].

В качестве потерпевшего по ст. 143 УК РФ Н.К. Семернева предлагает рассматривать работников конкретного предприятия (учреждения, организации, объединения независимо от сферы хозяйственной деятельности и ведомственной подчиненности), а также иных лиц, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством. Указанное объясняется тем, что объектом данного преступления являются безопасные условия труда. Потерпевшими могут быть и иностранные граждане, и лица без гражданства, работающие на предприятиях, находящихся в юрисдикции России, если иное не предусмотрено международным договором. В тех случаях, когда от нарушений правил охраны труда, промышленной санитарии или техники безопасности вред причиняется здоровью иных людей, виновные в зависимости от характера преступных деяний несут ответственность по статьям о должностных преступлениях (ст.ст. 210 и 285 УК РФ) или преступлениях против личности [10, с. 185-186].

По мнению В.С. Комиссарова, потерпевшим при нарушении правил охраны труда может быть только лицо, постоянная или временная деятельность которого связана с данным производством, но не постороннее для данного предприятия лицо, оказавшееся в сфере действия опасных или производственных факторов [7, с. 133-134].

А.М. Климанов отмечает, что потерпевшим по ст. 143 УК РФ может быть как работник, находящийся в трудовых отношениях с работодателем, так и иное лицо, постоянная или временная деятельность которого связана с данным производством. Перечень лиц, участвующих в производственной деятельности работодателя, конкретизирован в ст. 227 ТК РФ и включает в себя, например, обучающихся, проходящих производственную практику, лиц, привлекаемых в установленном порядке к выполнению общественно полезных работ, лиц, получающих образование в соответствии с ученическим договором, и других. Если в результате нарушения требований охраны труда причиняется вред здоровью иных граждан, не находящихся в трудовых отношениях с работодателем, то виновные в зависимости от характера преступных деяний несут уголовную ответственность по статьям Особенной части УК РФ о должностных преступлениях или преступлениях против личности [1, с. 408-409].

Солидарен с ними и Н.И. Пикуров, который также придерживается мнения о том, что потерпевшим может быть лишь лицо, состоящее в трудовых отношениях с организацией или работодателем, поскольку согласно ст. 209 ТК РФ охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. Нормы об охране труда распространяются также на лиц, осужденных к лишению свободы и привлекаемых к труду администрацией, на других лиц, участвующих в производственной деятельности организации или индивидуального предпринимателя. Потерпевшим может быть не только работник, выполняющий трудовые обязанности на постоянной основе, но и лицо, выполняющее работы по заданию организации или индивидуального пред-

принимателя, а также обучающийся, проходящий практику. Действующее законодательство обязывает работодателя обеспечивать безопасность работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, осуществления технологических процессов, а также применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов (ст. 212 ТК РФ) [6, с. 188-189].

По мнению В.И. Курилова, в качестве потерпевшего от преступления может выступать любое лицо, работающее на предприятии, в учреждении, организации, независимо от формы собственности как на постоянной основе (постоянные рабочие и служащие этих предприятий), так и на временной [4, с. 596].

А.В. Голикова, анализируя ст. 143 УК РФ, приходит к выводу, что потерпевшим в данном случае может быть лишь лицо, которое осуществляло свои трудовые функции. В качестве правовых оснований возникновения трудовых отношений между работодателем и работником может выступать как трудовой договор, так и фактическое допущение к работе [13, с. 412-414].

Напротив, Лановенко И.П. полагает, что потерпевшими от преступления могут быть как работники, так и посторонние данному производству лица. По его мнению, понятие охраны жизни и здоровья трудящихся требует широкого толкования и означает приравнивание к категории работников производства тех посторонних лиц, которые по той или иной причине оказались в зоне выполняемых работ. По его мнению, законодатель не делает ссылки на то, что потерпевшими могут быть только работники производства. Квалификация подобных случаев для виновного становится запутанной. Кроме того, нарушение правил охраны труда на практике может нанести вред здоровью как непосредственным участникам трудового процесса, так и посторонним лицам. По его мнению, не следует забывать и то обстоятельство, что основное назначение правил охраны труда – это обеспечение безопасности производства для всех граждан [3, с. 77].

А.Н. Красиков придерживается той точки зрения, что потерпевшим от преступления может быть только лицо, работающее на предприятии. При этом, по его мнению, лишь оформленные надлежащим образом трудовые отношения на основании трудового договора (контракта) свидетельствуют о появлении трудовых прав работника и обязанности работодателя (или ответственного за охрану труда лица) создавать безопасные условия. В таком качестве могут выступать как постоянные работники организации, так и временные, чья деятельность связана с данным производством. Лица, пострадавшие на территории предприятия, организации, но не вступившие трудовые отношения с работодателем, не могут быть признаны потерпевшими от преступления [2, с. 175]. Полагаем, что данное определение существенно сокращает круг лиц, которые могут являться потерпевшими в данном преступлении, так как такой статус могут приобрести и лица, фактически допущенные к выполнению трудовой функции.

Так, гражданин М. без оформления трудовых отношений в установленном законом порядке был фактически допущен к работе в колбасном цехе индивидуального предпринимателя Л. Вводный инструктаж, инструктаж по охране труда на рабочем месте с М. проведены не были. При очищении оборудования от остатков фарша механизм был приведен в действие, руку М. затянуло шнеком, в

результате чего ему оторвало три пальца на правой руке. Действия индивидуального предпринимателя были обоснованно квалифицированы по ст. 143 УК РФ.

Как отмечает применительно к подобным случаям О.А. Смык, отсутствие документов не свидетельствует об отсутствии трудовых отношений, следовательно, обязанность по охране труда с такого работодателя не снимается [8, с. 15].

В то же время потерпевшие должны выступать в качестве участников производства. Так, граждане Г. и К.-Х.-К. при разборке склада нарушили технику безопасности, не воспользовались средствами защиты труда, поднялись на металлическую ферму высотой около 7 метров и стали проводить сварочные работы. Ферма, на которой они находились, упала на землю и придавила своим весом Г. и К.-Х.-К. В процессе предварительного следствия было установлено, что Г. и К.-Х.-К. являлись членами юридически не оформленной строительной бригады, старшим в которой был Л. Он искал работу для бригады, договаривался с руководителями соответствующих организаций, в том числе и в данном случае. Л. направил Г. и К.-Х.-К. для разбора склада. Однако в связи с тем, что Г. и К.-Х.-К. в трудовых отношениях не состояли, было признано, что в действиях руководителя данной бригады отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ (уголовное дело № 908264, прокуратура г. Невельска Сахалинской области).

В случае же если на территории предприятия пострадали лица, не имеющие никого отношения к предприятию или организации, содеянное, по нашему мнению, должно быть квалифицировано как преступление против жизни или здоровья (ст.ст. 109 или 118 УК РФ) либо халатность (ст. 293 УК РФ).

В частности, Верховный Суд СССР отметил, что не все суды, применяя ст. 140 УК РСФСР (ст. 143 УК РФ), учитывали, что нарушения должностными лицами правил охраны труда могут квалифицироваться по ней только в том случае, когда потерпевшими оказались работниками данного предприятия.

Так, Белотакайским судом Башкирской АССР к ответственности по ст. 140 УК РСФСР был привлечен директор межколхозной ТЭС К. за то, что он не предпринимал мер к замене непригодных электроопор, что привело во время ветреной погоды к их падению и травмированию восьмилетнего мальчика. Поскольку потерпевший не являлся работником ТЭС, преступление было правильно переквалифицировано Судебной коллегией Верховного Суда РСФСР на ст. 172 УК РСФСР (халатность) (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 4. С. 43).

Фактически наиболее полный перечень лиц, которые могут выступать в качестве потерпевшего по ст. 143 УК РФ, определен в пункте 2 Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, утвержденного Постановлением Минтруда России от 24 октября 2002 г. № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях».

Проведенное Н.Н. Хилтуновым социологическое исследование показало, что основное количество потерпевших представлено работниками предприятий, учреждений, организаций – 90,7%. Коэффициент участников производст-

венного процесса (стажер, практикант, командированный сотрудник) – 3,6%. В то же время процент потерпевших, посторонних для данного производства, составил 5,7% [12, с. 49-50]. При этом сам Н.Н. Хилтунов также по итогам научного исследования приходит к выводу, что потерпевшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть только носители конституционного права на безопасный труд, а не посторонние лица, оказавшиеся в силу различных обстоятельств в сфере поражения опасных сил производственного процесса. Если в результате нарушений правил охраны труда пострадавшими оказались лица, не связанные трудовыми отношениями с предприятием, где совершено такое нарушение, квалификация действия виновных по ст. 143 УК РФ исключается [12, с. 48-49].

З.Б. Соктоев и Е.И. Соктоева отмечают, что не всегда может быть признан потерпевшим и тот пострадавший, чья постоянная или временная деятельность хотя и связана с производством, но осуществляется вне соблюдения этим работником принятых на себя обязательств по безопасному ведению работ [9, с. 16].

Указанный вывод в целом согласуется и с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ», который указывает, что при привлечении к ответственности по ст. 143 УК РФ необходимо выяснять роль потерпевшего в происшествии. Если при этом будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим.

Например, согласившись с оправдательным приговором в отношении Н., Московский городской суд указал, что исходя из доказательств, представленных стороной обвинения, установлено, что потерпевший грубо нарушил требования правил техники безопасности, вследствие чего упал, получил многочисленные повреждение, отчего наступила его смерть. В связи с этим основания для привлечения Н. к ответственности по ч. 2 ст. 143 УК РФ отсутствовали (кассационное определение от 23.05.2012 № 22-6917).

Таким образом, судебная практика исходит из того, что потерпевшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть как работники предприятия, так и лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством. Если же в результате нарушения правил охраны руда и техники безопасности вред причиняется здоровью иных граждан, то виновные в зависимости от характера преступных деяний несут уголовную ответственность по статьям о должностных преступлениях или о преступлениях против личности.

Библиографический список

1. Квалификация преступлений против личности / под ред. А.М. Багмета. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 487 с.

2. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1996. – 211 с.

3. Лановенко И.П., Чангули Г.И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – Киев: Наук. думка, 1989. – 280 с.

4. Полный курс уголовного права. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб., 2008. – 785 с.

5. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. – М., 2009. – 248 с.

6. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Городец, 2009. – 1168 с.

7. Российское уголовное право: учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2009. – 672 с.

8. Смык О.А. Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 24 с.

9. Соктоев З.Б., Соктоева Е.И. Криминальные нарушения правил охраны труда и невыплата социальных выплат: учебное пособие. – М.: РПА, 2007. – 119 с.

10. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – М.: Юрайт, 2008. – 1008 с.

11. Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. – СПб.: Юридический центр, 2009. – 338 с.

12. Хилтунов Н.Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 159 с.

13. Энциклопедия уголовного права. Т. 16: Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. – СПб., 2011. – 952 с.

УДК 343.346

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ ПО ПАССАЖИРСКИМ И ГРУЗОВЫМ ПЕРЕВОЗКАМ ВОЗДУШНЫМ И ВОДНЫМ ВИДАМИ ТРАНСПОРТА, НЕ ОТВЕЧАЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

Журбенко А.М.,

кандидат экономических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Пахомов С.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию, по преступлениям в сфере пассажирских перевозок применительно к фактам оказания услуг населению по пассажирским (грузовым) перевозкам воздушным и водным видами транспорта, не отвечающим требованиям безопасности.

Ключевые слова: доказывание, уголовный процесс, особенности доказывания, предмет доказывания.

FEATURES OF PROOF OF CIRCUMSTANCES OF COMMISSION PRESTKPLENY IN THE SPHERE OF RENDERING SERVICES TO THE POPULATION IN PASSENGER AND AIR FREIGHT TRANSPORT AND THE WATER ACTIVITIES OF TRANSPORT WHICH AREN'T MEETING SAFETY REQUIREMENTS

Zhurbenko A.M.,
Candidate of Economic Sciences
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Pakhomov S.V.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Krasnodar University of the MIA of Russia)

Annotation: the article examines some aspects of proving the circumstances, which are subject to proof, for crimes in the sphere of passenger transportation, in relation to the facts of transport to the population for passenger (freight) transportation to air and water transport modes that do not meet safety requirements.

Key words: proof, criminal process, features of proof, subject of proof.

Доказывание как элемент уголовного судопроизводства имеет существенное значение. В научной литературе нередко рассматривают доказывание через призму его влияния на расследование преступлений [2].

Именно поэтому одновременно с самим процессом доказывания рассматривают и предмет доказывания. Законодатель, понимая всю важность анного элемента, закрепляет его в УПК РФ. Так, в ст. 73 УПК [1] отражены обстоятельства, сущность которых состоит в обеспечении всестороннего и наиболее полного исследования уголовных дел, а также принятие по ним обдуманных решений как на стадии предварительного расследования, так и во время судебных разбирательств.

Нельзя не отметить, что доказывание обстоятельств по преступлениям в сфере пассажирских перевозок имеет свои особенности с учетом специфики совершенных преступлений. Так, среди особенностей доказывания обстоятельств по преступлениям, совершенным на водном и воздушном транспорте, некоторые авторы выделяют следующие (см. рис. 1) [5]:

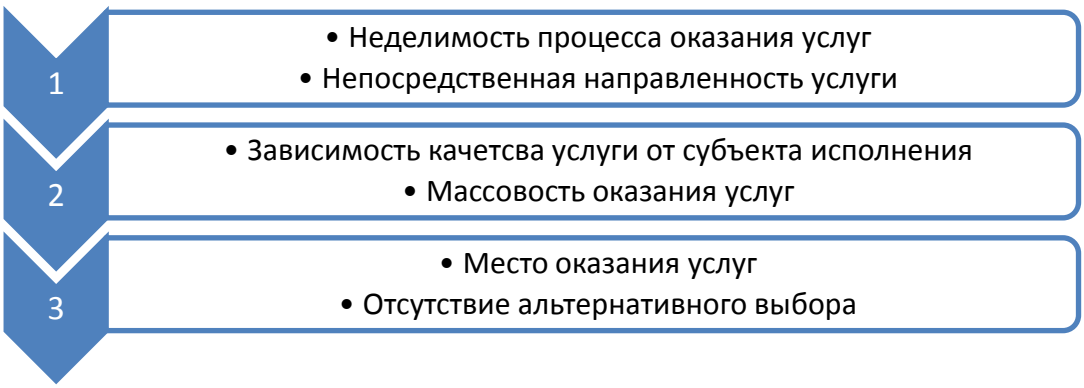

Рисунок 1. Особенности обстоятельств по преступлениям, совершенным на водном и воздушном транспорте.

Во-первых, это неделимость процесса оказания и потребления услуг, которые перевозчик предоставляет пассажирам. Иными словами, данный процесс обслуживания не предусматривает ни предпродажного, ни послепродажного периода.

Во-вторых, оказание услуг пассажирам имеет непосредственную направленность на конечного потребителя, т.е. мы можем говорить о персонифицированном подходе при реализации своих обязательств. Также следует говорить и о персонификации предоставляемой услуги в зависимости от субъекта исполнения работы по оказанию определенных услуг. Соответственно, можно утверждать, что полное удовлетворение требований пассажиров напрямую зависит от персонала предприятий, которые оказывают вышеупомянутые услуги.

В-третьих, процесс оказания услуг перевозчиком носит массовый характер. Данная характерная черта обусловлена, прежде всего, наличием крупного спроса на оказываемые услуги. Следовательно, говоря о массовости спроса, оказание услуг возможно на условиях публичного договора.

Следующей особенностью, выделяемой авторами, является место оказываемой услуги, т.е. услуга по перевозке всегда оказывается в нерасположении территории предприятия. Также в связи с тем, что транспорт находится на пути следования, возможность выбрать альтернативный товар либо услуги не представляется возможным.

Уровень безопасности оказанных услуг должен определяться в каждом конкретном случае индивидуально, исходя из конкретных обстоятельств дела [4]. Исследование указанных вопросов должно иметь комплексный характер. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать нарушения требований безопасности, которые влекут реальную угрозу жизни или здоровья потребителей.

Нельзя не отметить, что ключевое значение при доказывании играет допустимость представленных доказательств. Так, в юридической литературе выработано, в принципе, единое понятие доказательств как относящихся к делу сведений, облеченных в требуемую законом процессуальную форму. Такое понимание доказательства существовало в УПК РСФСР и в терминологически улучшенном виде сохранилось в УПК РФ.

Согласно действующему закону доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Прежде всего, следует отметить, что установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, закон понимает как процесс, а не как результат. Это означает, что все действия лица (органа), в производстве которого находится дело, направленные на получение доказательств, соответствующим образом фиксируются и находятся в материалах дела.

Наличие в материалах дела информации о всех совершенных процессуальных действиях и их содержании, во-первых, позволяет контролировать законность реализации властных полномочий должностными лицами, осуществляющими производство по делу; во-вторых, помогает реконструировать ход расследования и оценить качество его проведения; в-третьих, дает возможность без необходимости не повторять пройденный путь и сохранить все добытые сведения. Законодательная формулировка понятия доказательства содержит указание на то его свойство, наличие которого необходимо для того, чтобы оно могло быть использовано в процессе принятия решения и служило бы элементом фактической основы последнего. Это свойство доказательства – допустимость [7, с. 100-101].

Основным вопросом при расследовании рассматриваемых преступлений является определение критерия требований безопасности жизни и здоровья потребителей [6]. Уголовное законодательство не дает конкретного определения работ или услуг (при отсутствии последствий), не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Таким образом, мы можем выделить ряд итоговых положений:

1. Доказывание как элемент уголовного судопроизводства имеет существенное значение. В научной литературе авторы нередко рассматривают доказывание через призму его влияния на расследование преступлений. Именно поэтому одновременно с самим процессом доказывания рассматривают и предмет доказывания.

2. Законодатель, понимая всю важность данного элемента, закрепляет его в УПК РФ. Так, в ст. 73 УПК отражены обстоятельства, сущность которых состоит в обеспечении всестороннего и наиболее полного исследования уголовных дел, а также принятии по ним обдуманных решений как на стадии предварительного расследования, так и во время судебных разбирательств.

3. Нельзя не отметить, что доказывание обстоятельств по преступлениям в сфере пассажирских перевозок имеет свои особенности с учетом специфики совершенных преступлений. Так, среди особенностей доказывания обстоятельств по преступлениям, совершенным на водном и воздушном транспорте, некоторые авторы выделяют следующее:

- неделимость процесса оказания услуг;
- непосредственная направленность услуги;
- зависимость качества услуги от субъекта исполнения;
- массовость оказания услуг;
- место оказания услуг;
- отсутствие альтернативного выбора.

Также следует отметить, что установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, закон понимает как процесс, а не как результат. Это означает, что все действия лица (органа), в производстве которого находится дело, направленные на получение доказательств, соответствующим образом фиксируются и находятся в материалах дела.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Гришанкова Е. С. Понятие и содержание процесса доказывания в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 4(76).
3. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия БГУ. 2006. № 6.
4. Куликова О.Н. Проблемные вопросы, возникающие при применении ст. 238 УК РФ в случаях оказания услуг водным транспортом // Российский следователь. 2015. № 20. С. 52.
5. Пеньшин Н.В. Организация транспортных услуг и безопасность транспортного процесса: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Технология транспортных процессов». – Тамбов: ТГТУ, 2014. – 476 с.
6. Попов К.И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2(3).
7. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008.

УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ УСТАНОВЛЕННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ

Дронова О.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье систематизированы теоретические и практические задачи изучения потребительских товаров как комплексных объектов. Задачи, решаемые в ходе классификационных, идентификационных, диагностических и ситуационных исследований, позволяют получить криминалистически значимую информацию о легитимности нахождения потребительской продукции в товарообороте.

Ключевые слова: свойства товара, исследование, потребительский рынок, комплексный подход.

THE ISSUE OF NECESSARY SYSTEMS APPROACH TO THE STUDY OF PROPERTIES OF CONSUMER GOODS

Dronova O.B.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Volgograd Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article systematizes theoretical and practical problems of studying consumer goods as complex objects. The tasks solved in the course of classification, identification, diagnostic and situational studies make it possible to obtain criminally significant information about the legitimacy of finding consumer products in trade.

Key words: properties of the goods, research, consumer market, an integrated approach.

Потребности правоохранительных органов в получении криминалистически значимой информации в ходе выявления и расследования противоправных действий в сфере потребительского рынка предусматривает необходимость широкого использования различных исследований, позволяющих получить комплексное представление о предмете преступного посягательства и связанных с ним обстоятельств.

Потребительский товар как комплексный объект исследования предполагает возможность изучения характеристик самого товара, а также процессов, сопровождающих его производство, транспортировку, хранение и реализацию в рамках проведения идентификационных, диагностических или ситуационных исследований, которые могут осуществляться различными участниками контроля за состоянием товарооборота.

Исследование потребительских товаров можно рассматривать в теоретических и практических направлениях. Они заключаются в изучении и систематизации совокупности криминалистически значимых свойств, характеристик и признаков, присущих товарам, не соответствующим установленным требованиям, находящихся в зависимости от условий их проектирования, производства, оборота и используемых для создания судебно-экспертной методики комплексного исследования потребительских товаров, разработки технико-криминалистических средств, тактических и методических рекомендаций для работы с данными объектами в ходе производства оперативно-разыскных проверочных мероприятий, а также последующих следственных действий. При этом практические направления будут дифференцироваться на задачи непосредственного исследования рассматриваемых объектов в рамках экспертиз и возможности получения информации о характеристиках и свойствах потребительских товаров и сопутствующих им элементов всеми субъектами государственной контрольно-надзорной деятельности, а также негосударственных инициативных общественных организаций по защите прав потребителей и предпринимателей.

С учетом данного подхода к основным задачам исследования потребительских товаров, не соответствующих установленным требованиям, могут быть отнесены [1]:

- изучение закономерности появления и трансформации криминалистически значимых сведений о свойствах, характеристиках и признаках потребительских товаров в зависимости от внешних и внутренних условий, сопровождающих их жизненный цикл, а также сведений об информационно-разрешительном сопровождении товарооборота;

- разработка системы криминальных свойств потребительских товаров, не соответствующих установленным требованиям, в целях создания их криминалистической классификации;

- определение степени весомости показателей качества продукции как основных количественных характеристик одного или нескольких свойств продукции, входящих в ее качество, позволяющих определить легитимность присутствия в товарообороте;

- изучение и анализ достоверности основных источников получения предварительных сведений о наличии у потребительских товаров криминальных свойств [2];

- проведение комплекса самостоятельных исследований, изучающих отдельные компоненты, которые в совокупности позволяют получить полноценное представление о предмете преступного посягательства: товароведческая, химическая, пищевая, автороведческая, технико-криминалистическая, бухгалтерская, экономическая, санитарно-эпидемиологическая, ветеринарная, технологическая и т.д. При этом должна быть четко сформулирована конкретная судебно-экспертная задача, требующая своего решения, которая в ряде случаев может быть дополнительно разделена на подзадачи с учетом специфики объекта исследования, определены дополнительные сведения и материалы, необходимые для решения вопросов по существу. Частные методики и методы экспертного исследования, применяемые в ходе изучения и оценки совокупности признаков, должны быть стандартизированы и позволять получить достоверный, научно обоснованный вывод [1];

- совершенствование тактических приемов и методического обеспечения осуществления контрольно-надзорной деятельности уполномоченных лиц в сфере потребительского рынка в ходе проведения проверочных мероприятий, а также действий, направленных на сбор криминалистически значимой информации о нарушенных правовых и технических свойствах товаров;

- разработка инновационных технико-криминалистических средств проведения экспресс-исследований отдельных параметров и свойств потребительских товаров в целях расширения возможностей получения максимального объема информации на начальном этапе изучения данных о нарушениях в сфере потребительского рынка;

- создание новых и трансформация существующих информационно-поисковых систем проверки легальности нахождения потребительской продукции в товарообороте.

В ходе решения поставленных практических задач правоохранительными и иными органами исполнительной власти, а также негосударственными правозащитными организациями должны решаться основные вопросы установления взаимозависимости причин проявления в товарах криминальных свойств, выражающиеся в характеристиках первоначального сырья, технических и технологических условиях производства, соблюдения требований стандартов и регламентов при изготовлении, хранении, транспортировке, реализации и потреблении (использовании) [3]. К сожалению, в настоящее время в преобладающих случаях практического выявления нарушений в сфере потребительского рынка можно вести речь лишь о констатации самого факта наличия в проверяемых предметах противоправного посягательства криминальных свойств.

Совокупность практических задач исследования потребительских товаров дополнительно может быть дифференцирована по стадиям сбора криминалистически значимых сведений на этапы выявления, проверки и идентификации, в ходе которых будут решаться классификационные, идентификационные, диагностические и ситуационные вопросы.

Так, в ходе производства таможенного контроля в целях выяснения достоверности декларирования перевозимых грузов решаются задачи общего характера по идентификации ввозимого товара, его товарной принадлежности и области применения, соответствия товарно-транспортным накладным, проверки режима оборота конкретной продукции на территории страны. Кроме того, в ходе досмотра могут быть выявлены товары, не имеющие документального сопровождения, сокрытые среди легально ввозимой продукции. Такие товары нередко относятся к категориям фальсифицированных или содержащих признаки нарушения прав интеллектуальной собственности, информация о которых может быть соотнесена с данными таможенного реестра, ведущегося таможенным органом государства - члена таможенного союза, или единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств - членов таможенного союза. В данном случае основным объектом исследования будут товарные знаки, логотипы, размещенные на самих потребительских товарах, их упаковках, этикетках, бирках и т.д.

Товары, прошедшие таможенную процедуру, а также произведенные на территории страны, в установленных случаях проходят процедуры сертификации, в рамках которой будут решаться частные задачи установления соответствия товара национальным стандартам и техническим регламентам, а в отношении отдельной продукции возникает необходимость проверки совпадения фактических свойств объекта сведениям, указанным в маркировочных обозначениях и документальном сопровождении товаров (протоколах испытаний, сертификатах соответствия, предписания органов Госветнадзора, определяющие область реализации и т.д.). В ряде случаев должны решаться задачи установления соответствия исследуемого изделия образцам оригинальной продукции производителя (правообладателя) по внешнему виду, используемым материалам и компонентам как самого товара, так и сопутствующих ему элементов, технологии изготовления на предприятии, выпускающем сопоставляемую продукцию [3].

Отдельные категории продукции, как импортируемые, так и произведенные на территории страны, перед поступлением в оборот должны пройти учетно-регистрационные процедуры посредством снабжения федеральными специальными и акцизными марками, а также идентификационными метками и специальными маркировками. Основные задачи исследования данных объектов заключаются в установлении их подлинности (производства на предприятиях Гознак и иных установленных государством предприятиях), а также проверки посредством учетных данных в системе ЕГАИС и иных информационно-регистрационных ресурсов, позволяющих вести учет произведенного и ввезенного товара с целью установления конкретной стадии жизненного цикла проверяемого товара (партии).

В случаях выявления мест незаконного производства товаров могут решаться задачи установления фактов использования типовых шаблонов для изготовления продукции на обнаруженном техническом оборудовании по следам производственных механизмов, а также установления единого источника происхождения при применении основного базового компонента для создания «новой» продукции (например, технического спирта для производства водки, текилы, коньяков, бренди и т.д.).

В зависимости от обстоятельств расследования могут возникнуть ситуационные задачи выяснения фактических данных, связанных с установлением условий и обстоятельств формирования ненадлежащих свойств потребительских товаров, которые могли появиться на этапах производства, упаковки, маркировки, хранения, транспортировки, приемки, реализации и использования. При этом должен быть установлен механизм изменения свойств объекта исследования посредством установления типа негативного воздействия, определения условий, вследствие которых произошло изменение свойств, выявления причин изменения свойств.

Отдельными задачами исследования потребительских товаров являются определение среднерыночной стоимости самих товаров с учетом характера и степени возможных повреждений и изменений отдельных свойств и характеристик, а также определение ущерба, причиненного производителю (правообладателю) незаконным производством и использованием его продукции [1].

Перечисленные задачи исследования различных свойств и характеристик потребительских товаров предусматривают широкие возможности получения полноценного комплекса криминалистически значимой информации о легитимности нахождения продукции в товарообороте. Кроме того, перечисленные направления предусматривают необходимость дополнительной работы над созданием новых методик исследования рассматриваемых объектов, совершенствованием инструментально-аналитической базы, предназначенной для работы с ними, а также подготовки специалистов.

Библиографический список

1. Толубеева Е.М. Исследование потребительских свойств парфюмерных товаров // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-2; [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-potrebitelskih-svoystv-parfyumernyh-tovarov.

2. Соколова Е.А., Ларионова Н.А. Исследование совершенствования таможенного контроля товаров и транспортных средств // Kant. 2012. № 3(6); [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sovershenstvovaniya-tamozhennogo-kontrolya-tovarov-i-transportnyh-sredstv.

3. Дворядкина Е.Б. Локальный потребительский рынок товаров и услуг: теоретические аспекты исследования // Известия УрГЭУ. 2011. № 6(38); [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnyy-potrebitelskiy-rynok-tovarov-i-uslug-teoreticheskie-aspekty-issledovaniya.

УДК 343.35

ЛИЧНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА

Бочарникова Л.Н.,
кандидат юридических наук, доцент;
Курдюкова С.В.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье представлена характеристика личности современного экономического преступника и раскрыто значение её изучения в правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России.

Ключевые слова: экономическая безопасность, личность, криминологическая характеристика, экономический преступник.

THE IDENTITY OF THE ECONOMIC CRIMINAL

Bocharnikova L.N.,
Candidate of Law, Associate Professor;
Kurdyukova S.V.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article presents the characteristics of the personality of a modern economic criminal, and the importance of its study in the law enforcement activities of the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Key words: economic security, personality, criminological characteristics, economic criminal.

Проблема обеспечения экономической безопасности страны имеет большое значение. Экономические преступления охватывают широкий спектр общественно опасных деяний: мошенничество, присвоение или растрата, нарушение авторских и смежных прав, фальшивомонетничество, коммерческий подкуп, взяточничество и прочее.

Экономическая преступность считается источником значительного социального ущерба. Это потому, что она отрицательно влияет не только на демократические институты, но и подрывает государственное достояние, сокращая имеющиеся ресурсы для реализации государственной политики, сдерживает приток инвестиций, что приводит к лишению бюджета значительной части доходов, мешает развитию производственной сферы и препятствует нормальному функционированию предпринимательских, управленческих и банковских структур.

Более уязвима та категория граждан, которая больше всего нуждается в этой политике, так как они становятся основными жертвами коррупции и экономических преступлений. В то же время социальный ущерб, порожденный этой преступной деятельностью, обычно невидим: помимо общего негодования, довольно сложно точно осознавать истинные последствия этих преступлений.

Более того, избирательное и неэффективное преследование такого рода преступлений и ответственных лиц свидетельствует о структурной безнаказанности нашей судебной системой этой преступной деятельности. Представляется, это связано с тем, что экономические преступления часто совершаются субъектами, связанными с политической и экономической властью. Именно поэтому экономическая преступность должна быть под самым пристальным вниманием со стороны правоохранительных органов [6, с. 95].

Таким образом, вопрос обеспечения экономической безопасности страны имеет большое значение. Так, решение этого вопроса предполагает профилактику и противодействие экономической преступности в стране. Решение данной проблемы требует не только представлять причины, факторы и масштабы экономической преступности, но и адекватно представлять тех людей, которые вовлечены в преступную деятельность в сфере экономики. Ведь одной из причин неэффективности действий правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию экономических преступлений является отсутствие должного представления о личности преступника, совершающего преступление в сфере экономики.

Следует отметить, что изучением личности преступника занимаются во всем мире и этому посвящено множество криминологических исследований. Экономические преступники не остались в стороне, изучению их личности посвящены работы таких авторов, как О.Р. Абрамовская, А.В. Губарева, В.Д. Ларичев, А.Б. Марданов и др. [1; 2; 4; 7; 8].

Прежде чем приступить к изучению лица, совершившего экономическое преступление, необходимо уяснить, что понимается под личностью преступника.

Так, Н.С. Лейкина определяет личность преступника как совокупность криминологически значимых свойств человека, обусловивших совершение им преступления [6, 9]. На основе данного определения личности преступника можно предложить следующее определение личности экономического преступника. Под личностью современного экономического преступника следует понимать совокупность криминологически значимых свойств человека, сформировавшихся в процессе его экономической или профессиональной деятельности, обусловивших использование им средств, которые запрещены действующим уголовным законодательством, для получения материальных благ и достижения или сохранения высокой статусной позиции в обществе.

В настоящее время основной объём работы по раскрытию и пресечению преступлений в сфере экономики выполняют профильные подразделения МВД России, а именно Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции в структуре МВД, а на местах – управления и отделы. Внутри каждого подразделения есть свои отделы, оперативно-разыскные части и отделения, занимающиеся выявлением экономических преступлений в определенном отраслевом направлении: в сферах ТЭК и химии, машиностроения и металлургии, торговли, сельского хозяйства и т.д. По наиболее резонансным делам, а также при наличии угрозы государственным интересам и безопасности к раскрытию экономических преступлений привлекаются сотрудники Службы экономической безопасности ФСБ России [9].

Обратимся к статистике преступности в стране за 2017 год. По сравнению с 2016 годом на 3,4% сократилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено свыше 105 тысяч преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,1%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено более 89 тысяч преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил около 85%.

Самыми распространенными правонарушениями оказались разные виды мошенничества, соответствующие признакам преступления предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [12]. По сравнению с аналогичным периодом 2016 года количество таких преступлений увеличилось на 6,8%.

За январь-май 2018 года уже зарегистрировано свыше 58 тысяч преступлений экономической направленности и выявлено более 20 тысяч лиц, совершивших преступления экономической направленности [10]. Статистические данные свидетельствует о важности рассматриваемого нами вопроса.

При изучении личности преступника криминологи, как правило, ставят цель установления закономерностей преступного поведения, в связи с чем возникает важная задача для криминологии – исследовать факторы, которые на индивидуальном уровне формируют установки на противоправное поведение либо способствуют их реализации [1, с. 54].

Для того чтобы составить криминологический портрет финансового преступника, проанализируем информацию о совершённых преступлениях данного вида в России за 2017 год [11]. Проанализировав составы экономических преступлений и социально-статусные характеристики преступников и обвиняемых, можно сделать следующие выводы. Так, характеристики субъектов экономических преступлений отличаются от характеристик обвиняемых, совершивших иные преступления (по возрасту, по социальному статусу, уровню образования).

Анализ уголовных дел за 2017 год показал, что наиболее часто экономические преступления совершали преступники в возрастной категории 31-40 лет, такой возраст является наиболее криминогенным для экономических преступников.

Многие авторы в своих работах отмечают, что лица, совершившие экономическое преступление, чаще всего являются лицами мужского пола [3, с. 95]. Изучив материалы уголовных дел экономических преступлений прошлого года, признаем, что в настоящее время среди лиц, совершивших преступление в данной сфере, увеличилось число женщин. Например, особенно большой процент лиц женского пола среди преступников, совершающих: изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) – среди изученных 10 материалов уголовных дел, в 8 случаях были осуждены женщины; незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) – в 6 из 15 материалов уголовных дел были осуждены женщины.

Экономические преступления относятся к категории интеллектуальных, что предполагает хорошую подготовку и определенные знания преступников.

Таким образом, лица, совершившие преступление экономической направленности, как правило, имеют высшее образование.

Среди лиц, совершивших экономические преступления, встречаются представители всех слоев общества, но чаще всего они являются руководителями или иными должностными лицами субъектов хозяйствования всех форм собственности, государственными служащими и приравненными к ним лицами.

Из анализа материалов уголовных дел следует, что большая часть экономических преступников состояла в браке и занимались воспитанием собственных детей. В системе ценностной ориентации данная категория лиц придерживается материальной ценностной. В системе ценностей определяющей стала жажда обогащения, накопительство, нажива любой ценой, обман, корысть и забота о личном.

Психологические и психические свойства личности экономического преступника формируются в течение нескольких лет под влиянием социальной среды. У лиц данной категории проявляются такие качества, как недисциплинированность, негативное отношение к труду, исполнению своих профессиональных и служебных обязанностей. Лица, совершившие экономическое преступление, внешне создают впечатление законопослушного гражданина, однако их отношение к закону сопровождается безразличием к его нарушению.

Лица, совершающие преступления экономического характера, принимают активное участие в общественной, политической и экономической жизни общества, производят впечатление порядочных и честных людей. Для них характерна психология временщика, живущего сиюминутной выгодой, не заботящегося о завтрашнем дне и о своей стране, ресурсы которой они уничтожают.

Представляется, что уяснение представителями правоохранительных органов портрета экономического преступника позволит принять необходимые меры для наиболее эффективной деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию экономических преступлений.

Криминологический портрет лица, совершающего преступления в сфере экономики, существенно отличается от типологии лиц, совершающих иные противоправные деяния как по возрасту, уровню образования, социальному и семейному статусу, так и по психологическим характеристикам.

Следует отметить, что может быть предложено несколько вариантов характеристик лиц, совершающих экономические преступления, в зависимости от вида противоправного экономического поведения, поэтому представить обобщенный средний криминологический портрет экономического преступника довольно сложно. Так, личность карманного преступника слишком сильно отличается от личности руководителя мошенника. Портрет экономического преступника должен составляться применительно к конкретному виду противоправной деятельности, в которую он вовлечен.

Таким образом, портрет экономического преступника может быть представлен следующим образом: лицо, как правило, мужского пола в возрастной категории от 31 до 40 лет, с высшим образованием, придерживающееся материально ценностной ориентации, действующее с корыстной мотивацией в целях удовлетворения своих эгоистических побуждений.

Библиографический список

1. Абрамовская О.Р., Майоров А.В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 37(291). С. 54-57.

2. Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамиды экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 71-87.

3. Казакевич С.М., Криминологический портрет лица, совершающего экономические преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика 2017 № 2(40). С. 95.

4. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика личности экономического преступника и ее структура // Оперативник (сыщик). 2009. № 2(19). С. 10-17.

5. Лейкина Н.С. Криминология о преступнике: (в помощь лектору). – М.: Знание, 1978.

6. Майоров А.В. К вопросу об обеспечении экономической безопасности (виктимологический аспект) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2 (31). С. 95.

7. Марданов А.Б. Типология экономического преступника и криминологическая классификация личности экономического преступника // Публичное и частное право. 2014. № 2. С. 95-103.

8. Марданов А.Б. Личность современного экономического преступника: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011.

9. Судебный адвокат [Электронный ресурс]. – URL: https://www.advo24.ru/publication/.

10. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/.

11. Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. – URL: http://sudact.ru/practice/.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Жукова Н.А.,
кандидат юридических наук, доцент;
Ярощук И.А.,
кандидат филологических наук
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»))

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые возможности получения доказательственной информации при исследовании материалов экстремистской направленности в уголовном процессе. Авторы анализируют некоторые характерные особенности материалов экстремисткой направленности.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, доказывание, экстремизм, лингвистическая экспертиза, лингвистическое исследование.

TO THE QUESTION OF THE STUDY OF EXTREMIST MATERIALS IN THE CRIMINAL PROCESS

Zhukova N.A.,
Candidate of Law, Associate Professor;
Yaroshchuk I.A.,
Candidate of Philology
(Belgorod State National Research University (NIU «BelGU»))

Abstract: the article considers some possibilities of obtaining evidentiary information in the study of extremist materials in the criminal process. The authors analyze some characteristic features of extremist materials.

Key words: criminal procedure, evidence, proof, extremism, linguistic expertise, linguistic research.

Не секрет, что в XXI веке, в эпоху противоречий и конфликтов, перед мировым сообществом стоят задачи их мирного урегулирования. Основной задачей для нашей страны и других государств является борьба с экстремизмом и одним из крайних его проявлений – терроризмом, которые представляют собой социальную проблему, требующую своего разрешения. К сожалению, эти явления получили широкое распространение в России, и с каждым днём с нарастающей силой дестабилизируют общество, способствуют ослаблению государственности.

В настоящее время получают развитие новые способы выявления и расследования преступлений экстремистской направленности. Так, все чаще для раскрытия и расследования преступлений используется речевая информация, которая становится предметом доказывания по уголовным делам. Для установления отношения этих материалов к экстремистской деятельности требуется применение специальных познаний в области лингвистики.

К материалам экстремисткой направленности относятся видеоролики, записи в сообществах социальных сетей, комментарии, логин, аватар, интересы пользователя открытой телекоммуникационной сети Интернет, содержание его профиля, фотографии и другие изображения с нацистской символикой, которые включают в себя различные предметы, содержащие отличительные признаки фашистской идеологии.

В досудебных стадиях как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе его расследования возникает необходимость установления факта наличия или отсутствия доказательственной информации в материалах экстремисткой направленности. Это возможно путем проведения лингвистического исследования, а также последующего проведения психолого-лингвистических и лингвистических экспертиз.

Анализ опубликованной экспертной практики свидетельствует о том, что нередко проведение комплексной психолого-лингвистической экспертизы осуществляется с нарушением требований УПК РФ: экспертиза проводится одним экспертом, в отсутствие подозреваемого (обвиняемого) и т.д. По нашему мнению, в рамках расследования такой категории уголовных дел достаточно

проведения лингвистической экспертизы (конечно, если нет сомнения в психологическом состоянии подозреваемого, уровне его развития и проч.).

Материалы экстремистской направленности могут быть представлены как средствами коммуникации, так и паралингвистическими средствами (сопровождающие речь мелодии, жесты, действия и т.д.) и визуально-знаковой коммуникацией (графические изображения, фото). Как правило, они публикуются в открытом доступе с целью повлиять на мнение аудитории, побудить к действиям, изменить взгляды. Эта цель достигается с помощью языковых средств, сообщаемых типов информации и особенностей коммуникативной ситуации, а также невербальной, экстралингвистической (неязыковой) составляющей материалов экстремистской направленности.

Определенную сложность в проведении лингвистического анализа представляют креолизованные тексты (КТ – авт.), которые отличаются повышенной образностью в силу контаминации двух разнородных метафорических составляющих – вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык), выступающие в качестве типовой когнитивно-метафорической модели, некого образного стереотипа [18].

В нашем понимании креолизованный текст – это сложное текстовое образование, в котором вербальный и невербальный компоненты представлены в качестве органических частей единой монолитно-образной композиции и образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, комплексно воздействующее на конкретного адресата.

Основу исследования ассоциативно-образной архитектоники креолизованного текста составляют принцип антропоцентризма; методы компонентного, семантико-синтаксического и лексико-семантического анализа; анализа структурной и коммуникативной организации текста, пресуппозиций; методы функционально-прагматического анализа; метод когнитивно-семиологического анализа, основанного на взаимодействии внеязыковой и языковой семантики [22]; методы дискурсивного анализа [14, с. 22-129]; дискурсивно-прагматический анализ [4, 9, 10]; интенциональный аспект лингвопрагматического анализа [5].

Эксперт-лингвист не должен забывать о том, что главным объектом исследования всегда является текст, а любая другая сопутствующая информация – лишь тот контекст, который уточняет вербализованную часть КТ.

Опираясь на ряд приведённых толкований КТ, мы можем выделить две разнородных, но взаимосвязанных части КТ – текст и изображение.

Ассоциативно-образная архитектоника КТ представляется в качестве когнитивного феномена, а в основе смысловой реализации КТ лежит когнитивная метафора [18]. Как отмечает Дж. Джейнс, способность к метафоризации играет ведущую роль в эволюции сознания вообще [19]. Ассоциативно-образная сущность исследуемого объекта заключается не просто в языковом выражении, но и в невербальном. Так, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсу, «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [23], то есть метафору, лежащую в основе возникновения КТ можно определить в качестве когнитивного феномена [2].

Событие является основным строевым элементом дискурсивной ситуации. Изначально, в момент создания КТ, адресант ориентируется на *событие-*

идею [11], т.е. образ жизни определённой эпохи, определённого лингвокультурного сообщества, представителем которого он является. Событие-идея образует интенсионал смысловой структуры КТ. В процессе реализации своих коммуникативных интенций адресант воссоздаёт *референтные события*, т.е. события, соотносящиеся с конкретной действительностью, представляющие то денотативное пространство, с которым соотносится данный текст, или те образы культуры, которые закодированы в его значении [2]. Тем самым автор выстраивает событийную цепочку – основополагающий компонент дискурсивной ситуации. С этого момента она определяет смысловую полифонию текста.

Находясь в рамках конкретного социокультурного контекста и учитывая фоновые обстоятельства, адресант выбирает наиболее оптимальные, выразительные средства воздействия на адресата, вводя в текст изображения. В ключе рассматриваемых положений необходимо отметить, что любой автор, создавая речевое, неречевое произведение, должен ориентироваться на реального либо гипотетического адресата, поэтому самой главной его целью является выбор того образно-стилистического фона текста [15], который доступен для понимания, поскольку «говорящий может только тогда успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта» [19].

Реализация дискурсивно-прагматического потенциала КТ опирается на когнитивно-дискурсивные механизмы текстопорождения, что предполагает учет не только их синтагматических и парадигматических свойств, но и когнитивно-прагматических [15].

Таким образом, ассоциативно-образная архитектоника КТ формируется посредством взаимодействия когнитивной, языковой, речевой, коммуникативно-прагматической составляющей социокультурного контекста его реализации и включает в себя ценностно-смысловые ориентации представителей того или иного языкового сообщества.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Анисимова Е.Е. Лингвистика текстовая и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003.
4. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Урал. университетская пресса, 2000. – 534 с.
5. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. – М.: Наука, 1985. – 188 с.
6. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / Речевая коммуникация: специализированный «Вестник» / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Красноярский университет, 2000. Т. 3 (11). С. 104-110.
7. Богданов В.В. аспект деятельности семантики / Семантика и прагматика синтаксических единиц. – Калинин, 1984.

8. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. – Тверь, 2001. – 731 с.
9. Болотнова Н.К. Лексические средства репрезентации художественных понятий в поэтическом тексте // Вестник ЦПУ. 2005. Т. 3. С. 18-23.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.
11. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. Академии наук СССР. 1983. Вып. 4. С. 320-329.
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Здравомыслящее словообразование. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
14. Остин Дж. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. Т. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
15. Симоненко Е.И. Прагматический потенциал фразеологизмов в ценностно-смысловом пространстве художественного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2013. – 184 с.
16. Формановская Н.И. Взаимодействие слова: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
17. Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 24 с.
18. Ярощук И.А. Когнитивно-метафорическая палитра текста: на материале художественной прозы писателей Черноземья: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2013. – 178 с.
19. Dijk T.A. Language. Knowledge. Communication. – M., 1989. – 312 p.
20. Dijk T.A. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. – London and New York: Longman, 1977. – 261 p.
21. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Houghton Mifflin Company, 1976. – 476 p.
22. Lakoff J. Cognitive semantics / Meaning and mental representations. – Bloomington, 1988. P. 78-106.
23. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live in. – M.: editorial URSS, 2004. – 256 p.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО СПЕЦИАЛИСТА

Прокопенко А.Н.,
кандидат технических наук, доцент;
Дрога А.А.;
Гуржий А.А.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается некоторые аспекты расследования преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий с точки зрения технического специалиста.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, компьютерные технологии, вредоносное программное обеспечение.

FEATURES OF COLLECTING EVIDENCE WHEN INVESTIGATING CRIMES COMMITTED USING MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES FROM THE POINT OF VIEW OF THE TECHNICIAN

Prokopenko A.N.,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;
Droga A.A.;
Gurzhiy A.A.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article deals with some aspects of the investigation of crimes committed with the use of modern information and communication technologies from the point of view of a technical specialist.

Key words: information and communication technologies, computer technologies, malicious software.

В настоящее время в повседневной жизни используется множество разнообразных высокотехнологичных устройств – пластиковых карт, мобильных телефонов и компьютеров. Постоянно появляются новые модели, программы и сервисы. Все это делает нашу жизнь удобнее, но требует определённых навыков и знаний. С возрастающим количеством компьютерных пользователей увеличивается число как доверчивых потребителей, не способных отказаться от заманчивых предложений, так и тех, кто использует сеть Интернет для совершения противоправных деяний. Компьютерные и телекоммуникационные системы открывают не только уникальные возможности для удовлетворения самых широких запросов человека во всех сферах его жизнедеятельности и функционирования государства, но и создают благоприятные условия для различного рода злонамеренных действий. Находятся люди и организованные группы, профессионально делающие свой бизнес на мошенничестве в сфере высоких технологий и извлекающие незаконным путём колоссальные прибыли. Доходы таких криминальных пользователей составляют от 1000 до 15-20 млн долларов ежемесячно.

Приоритеты лиц, использующих компьютерные технологии в неправомерных целях, все очевиднее переходят в финансовую плоскость. Еще в начале 2010-х годов Евгений Касперский заявлял: киберпреступность превратилась в прибыльный и хорошо организованный бизнес. Но тогда его слова считались прогнозом, теперь они стали явью. С 2013 по 2016 год число преступлений в сфере информационных технологий в России выросло в шесть раз с 11000 до 66000 преступлений [1]. По данным Национального агентства финансовых исследований, за 2017 год от хакерских атак компании России понесли 116 млрд рублей убытков. С киберугрозами за год сталкивались почти 50% российских компаний, а 22% понесли убытки от киберпреступлений. Средняя сумма ущерба для одной компании приблизилась к 300 тыс. рублей.

Генеральным директором Group-IB (служба информационной безопасности) И. Сачковым выделены основные отрасли бизнеса, сталкивающиеся с противоправными событиями (киберпреступлениями) и приведены данные, отражающие структуру киберпреступности в России (см. рис. 1).

Рисунок 1. Отрасли бизнеса, которые сталкиваются с киберпреступностью.

Судя по приведённой И. Сачковым и А. Медведевым статистике, наиболее часто встречающимися инцидентами являются [2]:

– мошенничество с помощью систем дистанционного банковского обслуживания;

– атаки на бренд: создание фишинговых доменов, создание интернет-ресурсов, компрометирующих бренд или акционеров, создание интернет-порталов, занимающихся мошенничеством;

– распределённые атаки на отказ в обслуживании (DDoS-атаки), на системы ДБО, платёжные системы, интернет-сайты;

– внутреннее мошенничество с использованием компьютерных технологий: подмена платёжных документов и финансовой информации, хищение массивов данных, компрометация конфиденциальной информации.

До настоящего времени отсутствует единый подход к вопросам криминалистической тактики при расследовании преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. С нашей точки зрения, основным вопросом в содержании криминалистической тактики является тактика производства следственных действий. При этом важным является как соблюдение определенной последовательности действий при расследовании, так и выполнение ряда ограничений для сохранения следов преступления. Для разных видов преступлений эти ограничения и последовательность схожи, однако имеют некоторые принципиальные отличия.

Все преступления с использованием ИКТ можно условно подразделить на две группы: связанные с созданием и распространением вредоносного программного обеспечения (преступная прибыль получается от уничтожения, редактирования или копирования данных, препятствования работе информационных систем) и использующие электронные платежные системы для получения денежных средств (по мошенническим схемам или в результате взлома чужих счетов, в уплату за наркотики, детскую порнографию и т.д.).

При расследовании преступлений, связанных с использованием и распространением вредоносного программного обеспечения для персонального компьютера, целесообразно применять следующую последовательность мероприятий:

1. Подтвердить факт создания вредоносной программы для персонального компьютера. По возможности установить способ создания вредоносной программы. Может быть использована «чужая» вредоносная программа с некоторыми элементами модификации.

2. Подтвердить факт использования или распространения вредоносного программного обеспечения.

3. Установить лиц, участвующих в создании, использовании и распространении вредоносного программного обеспечения для ЭВМ.

4. Установить размер материального ущерба, причиненного вредоносным программным обеспечением.

5. Установить обстоятельства, способствовавшие совершению расследуемого преступления.

В том случае если имеется информация о том, что на объекте обыска находятся средства компьютерной техники, расшифровка данных с которых может дать доказательства по делу, то следователь должен заранее подготовиться к их изъятию. Обязательным требованием является участие в ходе обыска специалиста по компьютерной технике. По прибытии на место обыска следует сразу же принять меры к обеспечению сохранности компьютерной техники правонарушителя и имеющейся на ней информации. Для достижения этой цели требуется соблюдать ряд правил [3]:

– не разрешать кому бы то ни было из лиц, работающих на объекте обыска или находящихся здесь по другим причинам, прикасаться к персональному компьютеру нарушителя с любой целью;

– не разрешать кому бы то ни было из персонала выключать электроснабжение объекта;

– в случае если на момент начала обыска электроснабжение объекта выключено, то до его восстановления следует отключить от электросети всю компьютерную технику, находящуюся на объекте;

– следователю самостоятельно нельзя производить никаких манипуляций со средствами компьютерной техники, если результат этих манипуляций заранее неизвестен.

При изъятии средств компьютерной техники важно обеспечить строгое соблюдение требований действующего уголовно-процессуального законодательства. Для этого потребуется обратить внимание понятых на все производимые действия и их результат, давая им при необходимости пояснения, посколь-

ку многим участникам следственного действия могут быть непонятны производимые манипуляции. При опечатывании компьютерных устройств следует наложить один лист бумаги на разъем электропитания, расположенный на задней панели, второй – на переднюю панель вверху с захлестом на верхнюю панель и закрепить их края густым клеем. На листах бумаги должны быть подписи следователя, понятых и представителя персонала.

В случае невозможности изъятия и приобщения к делу в качестве вещественного доказательства средства компьютерной техники в обязательном порядке после его осмотра необходимо блокировать не только соответствующее помещение, но и отключать источники энергопитания аппаратуры или в крайнем случае создать условия лишь для приема информации с одновременным опломбированием всех необходимых узлов, деталей, частей и механизмов компьютерной системы.

При расследовании преступления, совершаемого с использованием электронных платежных средств, необходимо соблюдать следующую последовательность действий [4]:

1. Определить последовательность действий, направленных на сохранение источников доказательной информации.

2. Указать на условия, наиболее целесообразные для задержания преступника, личность которого установлена. В кратчайшие сроки необходимо лишить возможности злоумышленника скрыть следы преступления.

3. Установить всех лиц, участвующих в преступлении, их связи. Выяснить обстоятельства, способствующие совершению преступления.

4. Установить последовательность опроса свидетелей.

5. Установить последовательность опроса подозреваемых таким образом, чтобы была обеспечена полнота и всесторонность расследования.

6. Исключить возможность подозреваемых оказывать влияние на свидетелей.

7. Установить последовательность проведения обысков и выемок, указать на конкретные предметы, подлежащие выемке. Привлечь в качестве специалистов для производства отдельных следственных действий лиц, обладающих специальными знаниями.

8. Провести ряд мероприятий, направленных на установление размера материального ущерба. Необходимо учитывать, что преступление, совершенное с использованием электронной платежной системы направлено на получение материальной выгоды. Денежные средства должны быть выведены из платежной системы и обналичены.

9. Определить порядок взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками. Это обязательное условие, так как для правильного производства следственных действий и принятия решений потребуются знания эксперта.

10. Определить допустимость использования материалов, полученных в результате осуществления оперативно-разыскной деятельности.

Рассматривая тактические действия, проводимые следователями при проведении осмотра места происшествия, стоит выделить следующие [5]:

– привлечение к осмотру места технического специалиста и эксперта-криминалиста;

– запрещение доступа всех лиц, находящихся на месте осмотра, не только к компьютерной технике, но и ко всевозможным гаджетам;

– выявление следов рук, оставшихся на компьютерной технике и периферийных устройствах;

– установление расположения всей компьютерной техники в осматриваемом помещении, фиксация мест прокладки телекоммуникационных кабелей, наличие локальной и глобальной (беспроводной) сети в помещении, наличие сервера;

– установление запоминающих устройств;

– обнаружение бумажной и электронной документации, относящейся к киберпреступлениям;

– выявление прочих следов на работающей компьютерной технике.

Подводя итог, можно выделить ряд мероприятий, характерных для всех видов преступлений в сфере компьютерной информации, а именно:

1. Привлечь технического специалиста к мероприятиям, направленным на расследование правонарушения.

2. Установить и зафиксировать факт совершения преступления, соблюдая при этом ряд правил, направленных на обеспечение сохранности доказательств правонарушения.

3. Опросить свидетелей преступления, при этом, не допуская возможности кому-либо оказывать влияние на их показания.

4. Выявить всех лиц, участвующих в правонарушении.

5. Провести мероприятия, направленные на установление размера материального ущерба.

Оценивая другие вопросы криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ИКТ, можно отметить, что прослеживается объективная закономерность: чем технически сложнее преступление, тем меньшее количество людей способно обеспечить выполнение его отдельных «высокотехнологических» этапов [6].

Большинство авторов, исследовавших личности преступников, отмечают, что практически все обладают техническими знаниями, одарены в области использования компьютерных средств. В середине 90-х годов прошлого столетия были проведены исследования, в ходе которых определен возраст «компьютерных» преступников. 54% злоумышленников имели возраст от 20 до 40 лет, 33% – моложе 20 лет, 13% – старше 40 лет. Среди них 83% составляли мужчины. Стоит отметить, что это лишь статистические данные, а распределение по возрастным группам является недостаточно информативным. Возраст в большинстве случаев не играет в криминалистическом смысле решающей роли.

Библиографический список

1. Число киберпреступлений в России выросло за три года в шесть раз [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/.
2. Сачков И., Медведев А. Расследование компьютерных преступлений // Директор по безопасности. 2010-2011. № 12-1 (декабрь-январь). С. 73-74.
3. Методика раскрытия и расследования компьютерных преступлений [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lghost.ru/
4. Яковлев А.Н., Олиндер Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: научно-методическое пособие. – М., 2012. – 182 с.
5. Гусев А.В., Ценова Т.Л. Использование типовых информационно-следовых моделей места происшествия в целях эффективной организации взаимодействия субъектов поисково-познавательной деятельности // Российский следователь. 2010. № 7.
6. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.

УДК 343.85

РОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Серебрянникова М.В.,
кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

Аннотация: в настоящей статье авторы акцентируют внимание на значении использования помощи общественности в раскрытии и расследовании преступлений. Зачастую люди умалчивают о том, что заметили признаки совершаемых преступных деяний. В этой связи предлагается активизировать работу правоохранительных органов в данном направлении, поскольку каждое преступление должно быть выявлено и раскрыто.

Ключевые слова: правоохранительные органы, взаимодействие, помощь населения, раскрытие и расследование преступлений.

THE ROLE OF THE POPULATION IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Serebryannikova M.V.,
Candidate of Law
(Far Eastern law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: in this article, the authors focus on the importance of using public assistance in the detection and investigation of crimes. Often, the population is silent about the signs of committed criminal acts. In this regard, it is proposed to intensify the work of law enforcement agencies in this direction, since each crime must be identified and disclosed.

Key words: law enforcement bodies, interaction, assistance to the population, disclosure and investigation of crimes.

Анализ некоторых статистических данных о раскрываемости преступлений в Российской Федерации свидетельствует о том, что значительная их часть, несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры, остается нераскрытой. В то же время латентность преступлений, особенно совершаемых против личности граждан, в том числе несовершеннолетних, не поддается исчислению. Причин слабой выявляемости и раскрываемости преступлений по-прежнему остается много, одной из которых выступает слабое взаимодействие правоохранительных органов с населением. При этом процессуальные, организационные, тактические и иные вопросы относительно участия представителей общественности (населения) в раскрытии и расследовании преступлений в последнее время, по мнению автора, незаслуженно остаются в стороне от научных исследований. Между тем роль такого вида взаимодействия правоохранительных органов существенна, поскольку от активности и правосознания граждан зачастую зависят эффективность и результат выявления, раскрытия и расследования преступлений и привлечения лиц, их совершивших, к соответствующей уголовной ответственности. Вместе с тем некоторый анализ практики использования помощи населения свидетельствует и о положительных результатах, повышающих эффективность деятельности правоохранительных органов в данной сфере.

Несомненно, что главной целью взаимодействия является раскрытие преступления. При этом обращение органов предварительного расследования к помощи населения обуславливается в первую очередь его разыскной работой, связанной с отсутствием определенной информации относительно отдельных элементов расследуемого события, в том числе:

1) при розыске подозреваемого лица, личность которого установлена для следствия, однако не известно его место нахождения;

2) при розыске подозреваемого лица, личность которого еще не установлена для следствия;

3) при розыске потерпевших, в том числе в случаях, когда очевидно, что задержанное лицо может быть причастно к совершению аналогичных преступлений, о которых еще не известно правоохранительным органам;

4) при установлении свидетелей, ставших очевидцами совершения преступления (его подготовки или сокрытия);

5) при установлении личности убитого, обнаруженного неопознанного трупа;

6) при отыскании следов преступления, похищенного имущества, вещественных доказательств и т.д.

Кроме того, население способствует выявлению уже совершенных или готовящихся преступлений; ускорению всего хода расследования и раскрытия преступлений; получению информации о событиях или действиях, угрожающих общественным отношениям; повышению эффективности, оперативности и результативности при производстве отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Зачастую указанные задачи лежат в основе процессуальной формы взаимодействия, поскольку лица, располагающие какой-либо информацией, в ходе расследования приобретают уже определенный процессуальный статус и наделяются соответствующими правами и обязанностями.

В то же время население оказывает помощь и непроцессуального поля, как, например:

- помощь в отыскании и установлении места нахождения пропавшего без вести человека (при помощи волонтерских отрядов, групп, особенно на больших территориях);

- помощь в организации охраны общественной безопасности и обеспечения охраны порядка;

- помощь в выявлении и устранении причин и условий, способствовавших их совершению и т.д.

При этом формы предоставления помощи населением могут быть самыми разнообразными:

- участие в проверках устных и письменных заявлений и иных сообщений о преступлении;

- сообщение о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях как проявление активной гражданской позиции;

- участие в проведении проверок, рейдов, контрольных закупок с целью обнаружения признаков составов преступлений;

- оказание содействия в мероприятиях, направленных на охрану общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, патрулировании участков местности, наблюдении за предположительными местами сбыта похищенного имущества, добытого преступным путем (ломбарды, рынки, переходы, пункты приема металлолома);

- участие в получении информации, характеризующей личность преступника;

- участие в установлении местонахождения преступника, скрывающегося от суда, следствия и дознания, также похищенного имущества;

- участие в задержании преступников;

- привлечение представителей общественных организаций к выдаче характеристик, справок и иных документов, необходимых в расследовании и раскрытии преступления;

- обеспечение сохранности места происшествия;

- помощь следственным и оперативным органам в установлении новых эпизодов преступлений подозреваемого, обвиняемого, осужденного;

- непосредственное участие в преследовании преступника «по горячим следам», по возможному маршруту и направления движения, в поквартирных и подворовых обходах;

- участие в осмотре, обследовании, поиске на больших участках местности, территории для обнаружения следов преступления;

- участие в составлении план-схем на местности, в частности, указание на скрытые пути подходов и отходов;

- свидетельствование об образе жизни разыскиваемых и иных лиц;

- поддержка в реконструкции мест происшествия и т.д.

В настоящее время существуют особые организационные сложности в сфере привлечения населения к оказанию помощи в раскрытии и расследовании преступлений. Трудности возникают у правоохранителей по привлечению населения к участию в следственных действиях (в качестве статистов, понятых и т.п.) или оперативно-разыскных мероприятиях (например, в качестве закупщиков). Кроме того, лица, располагающие какой-либо значимой для следствия информацией, умалчивают о ней, боясь в силу разнообразных причин сообщить о ней. К сожалению, последствия такого отказа от взаимодействия с правоохранительными органами бывают очень страшные. Так, например, в настоящее время в Хабаровском краевом суде проходят судебные разбирательства по двум делам о жестоких убийствах малолетних детей своими матерьми и их сожителями. Два разных преступных эпизода, но одинаковые по содержанию, которые в силу своих ужасающих подробностей получили широкий общественный резонанс. К сожалению, подобные преступления не единичны. Самое страшное, на наш взгляд, в этих историях (как и во многих других) – это безучастное поведение свидетелей. В ходе расследования и судебных разбирательств устанавливается, что они видели, как родители систематически избивали детей, морили голодом, наказывали за малейшие проступки. В то же время никто из них не обратился в правоохранительные органы с соответствующей информацией. В противном случае возможно было бы избежать этих ужасных трагедий [1].

В криминалистике разработан определенный механизм взаимодействия следователя с общественностью, подразделяющийся на два вида – непосредственно и через средства массовой информации. Среди непосредственного взаимодействия с населением можно выделить такие формы, как:

- выступление представителей органов, ведущих предварительное расследование (ознакомление с состоянием оперативной обстановки в конкретном регионе, информирование о местах сосредоточения криминогенного элемента, о конкретных лицах, склонных к совершению преступлений);
- проведение специальных занятий, направленных на предупреждение преступлений (как пример, изучение приемов обеспечения сохранности документов);
- персональные беседы с отдельными гражданами;
- проведение инструктажей;
- составление ориентировок на преступников и др.

Однако из-за большой загруженности следственных органов они не в силах осуществить данную работу в полном объеме. Конечно, в этом направлении работают и иные подразделения правоохранительных органов (участковые уполномоченные полиции, инспектора по делам несовершеннолетних), в то же время результат предотвращения и профилактики преступлений очевиден. При этом совершенно понятно, что эффективная борьба против преступности невозможна одним лишь увеличением численности личного состава органов полиции или принятием «жестких» законов.

Законодательство четко устанавливает процессуальный статус, права и обязанности представителей общественности, которые вовлечены в сферу уголовного судопроизводства. Однако непроцессуальные формы участия населения в раскрытии и расследовании преступлений требуют значительной дора-

ботки в правовом, организационном и тактическом отношении. Так, например, среди основных задач в указанном направлении можно выделить следующие:

1) проанализировать законодательство и практический опыт работы в данной области зарубежных государств;

2) разработать специальную программу обучения, направленную на подготовку кадров правоохранительных органов по более тесному взаимодействию с общественностью, предусматривающую эффективное использование новых технологий;

3) проработать эффективный механизм взаимодействия общественных добровольных объединений (организаций), образованных с целью сотрудничества с полицией в борьбе с преступлением, и правоохранительных органов, особенно на региональном и местном уровнях, в том числе конкретизировав их правовой статус;

4) выработать комплекс мер по социальной и правовой защите граждан, участвующих в сфере взаимодействия с правоохранительными органами, в том числе предусмотреть меры поощрительного характера (как морального, так и материального) для повышения и поддержания морально-психологического состояния участников [например, 2];

5) активизировать работу по привлечению общественности (населения) к охране общественного порядка, например, путем совместного патрулирования улиц правоохранительных органов и общественных институтов (общественных объединений), и иные меры.

В любом случае, несмотря на вид и форму оказываемой помощи населением, правоохранительные органы должны помнить и соблюдать основные принципы любого взаимодействия, а именно: законность, разграничение компетенции субъектов взаимодействия; добровольность; контроль за действиями участников; проведение тщательного инструктажа; безопасность; плановость и динамичность взаимодействия; руководящая и организующая роль следователя и т.д.

Мы убеждены, что от активной работы каждого сотрудника правоохранительных органов с населением при выполнении возложенных на них функций возможно сократить уровень латентных преступлений и положительным образом повлиять на качество и эффективность раскрытия и расследования преступлений. Каждый гражданин должен быть готов выступить участником уголовного судопроизводства, не опасаясь за свои жизнь и здоровье, не боясь затратить свое личное время. И только выполняя свой гражданский долг, в нашей стране возможно будет предупредить совершение таких особо тяжких преступлений, о которых говорилось чуть выше.

Библиографический список

1. В Хабаровске перед судом предстанут сожители, которые обвиняются в убийстве ребенка: Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]. – URL: http://khabkray.sledcom.ru/news/item/.

2. Ястребов А.И. Использование опыта зарубежных стран в сфере участия общественности в охране (обеспечении) общественного порядка в Российской Федерации. – М., 2014.

3. Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 16 октября 2010 г. № 507 г. Москва «О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт» // Российская газета. 2010. 17 ноября.

УДК 343.98

УЧЕНИЕ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАССЛЕДОВАНИЮ: ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Головина Е.В.
(Тульский государственный университет)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы развития терминологии в криминалистической литературе и проблема отсутствия единого понятийно-терминологического подхода.

Ключевые слова: противодействие расследованию преступлений, противодействие предварительному расследованию, противодействие уголовному преследованию.

THE DOCTRINE OF COUNTERACTION TO INVESTIGATION: DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY

Golovina E.V.
(Tula State University)

Abstract: the article deals with the development of terminology in the forensic literature and the problem of the lack of a unified conceptual approach.

Key words: counteraction to investigation of crimes, counteraction to preliminary investigation, counteraction to criminal prosecution.

Учение о противодействии расследованию преступлений (в некоторых редакциях – теория преодоления противодействия) является одним из наиболее активно развивающейся в последние десятилетия. И хотя сам термин «противодействие расследованию» начал активно использоваться в языке криминалистики в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, история формирования основ и положений этого учения достаточно давняя. Ученые-криминалисты неоднократно проводили этапизацию развития положений рассматриваемого учения, выделяя от трех до четырех этапов ее развития (И.В. Тишутина, Э.У. Бабаева [1, с. 31; 2, с. 38]), начиная с трудов зарубежных и отечественных пионеров криминалистики (Г. Гросс, И.Н. Якимов, В.И. Громов и др.) и до наших дней.

Несмотря на достаточно глубокую проработку основ указанного криминалистического учения (теории), на сегодняшний день его дальнейшее развитие и применение сопровождают ряд дискуссионных проблем, а также новые задачи, которые ставит перед криминалистикой правоохранительная практика.

Отсутствие единообразия в понимании базовых положений учения о противодействии расследованию преступлений ключевым образом проявляется в отсутствии единого понятийно-терминологического подхода к определению сущности такого явления. Так, рассматриваемое явление обозначается в криминалистической литературе различными терминами. Наиболее широкое распространение в последние три десятилетия получил термин «противодействие расследованию преступлений» и как его синоним – термин «противодействие предварительному расследованию» (Р.С. Белкин, А.Ф. Волынский, В.П. Лавров, В.Н. Карагодин, И.В. Тишутина, А.М. Кустов, С.Ю. Журавлев, И.А. Николайчук, В.Д. Зеленский, А.Ю. Головин, И.П. Можаева, Н.Е. Мерецкий и многие другие ученые-криминалисты). Впрочем, некоторые авторы для обозначения рассматриваемого явления используют несколько иные терминологические обозначения.

Так, Э.У. Бабаева, О.Я. Баев, М.О. Баев, Ю.П. Гармаев, А.Г. Калугин и некоторые другие авторы используют для определения рассматриваемого явления термин «противодействие уголовному преследованию» [2, с. 38; 3, с. 42-44; 4; 5, с. 239; 6, с. 121-125]. По сути, как представляется, предлагается термин, определяющий посткриминальную деятельность преступников и иных связанных с ними лиц, с одной стороны, как более широкую по своему содержанию, чем противодействие предварительному расследованию и не всегда противоправную, с другой – ограниченную по времени своего осуществления только различными процессуальными стадиями. Видится правильным распространять сферу криминалистического познания на стадию судебного разбирательства по уголовным делам, на которой также может осуществляться противодействие достижению целей уголовного судопроизводства, в том числе продолжаться подобное поведение, начатое до начала судебного разбирательства.

Определенную сложность при применении термина «противодействие уголовному преследованию», на наш взгляд, вызывает использованная в его формулировке легальная уголовно-процессуальная дефиниция «уголовное преследование». Как следует из п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. То есть, исходя из указанной нормы, пока в уголовно-процессуальных отношениях не появились подозреваемый и обвиняемый, нет и уголовного преследования. Или, наоборот, поскольку уголовное преследование начинается со стадии предварительного расследования, то в предшествующей ей стадии возбуждения уголовного дела не может быть ни подозреваемого, ни обвиняемого. На это обстоятельство неоднократно указывалось в юридической литературе [7, с. 61; 8; 9, с. 28].

Кроме того, уголовное преследование в силу законодательной дефиниции ориентировано на изобличение подозреваемого, обвиняемого в содеянном. В этой связи учеными-криминалистами справедливо обращается внимание на вопросы изобличения самооговора, «распознания отсутствия совершенно особого феномена преступной осведомленности непричастного лица, пресечением заведомо ложных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении уже на момент обращения в органы уголовного преследования лжепотерпевшего в связи с якобы имевшим место криминальным посягательством» [10, с. 19] и так далее. Решение указанных вопросов вряд ли может быть отнесено к содержанию изобличения лиц, виновных в совершении преступления, однако вполне может рассматриваться в качестве методов выявления и преодоления осуществленного или осуществляемого противодействия предварительному расследованию.

Обратим внимание на точки зрения ученых-процессуалистов о том, что «…примирить состязательное уголовное преследование с розыскным предварительным расследованием ни теоретически, ни практически невозможно» [11, с. 19], а также, что применительно к деятельности следователя в стадии предварительного расследования «следует говорить о выполнении им функции предварительного расследования, а не уголовного преследования» [12, с. 205].

В процессуальной литературе встречаются мнения о необходимости более расширенного научного толкования понятия «уголовное преследование», согласно которым, например, «…преследование должно именоваться уголовным не только в тех случаях, когда стоит цель привлечения виновного к уголовной ответственности, но и когда решается вопрос о применении к лицу любой меры, носящей уголовно-правовой характер» [13, с. 24].

Но даже в таком понимании термин «противодействие уголовному преследованию» не позволяет однозначно относить к содержанию определяемого им понятия «противодействие органам расследования», осуществляемое до возбуждения уголовного дела, в том числе реализуемое в ходе совершения преступных деяний.

В связи с изложенным представляется дискуссионным использование в названии собственно криминалистического понятия процессуальной терминологии, не позволяющей при этом в должном объеме определить рассматриваемое явление, характеризующей лишь его часть.

Здесь также стоит отметить, что идеи о том, что противодействие уголовному преследованию сопровождает лишь уже ведущуюся процессуальную деятельность, порождают дискуссионные, на наш взгляд, точки зрения на сущность рассматриваемого явления, дифференцирующие, по сути, сокрытие преступление и противодействие его расследованию. Например, встречаются утверждения, что противодействие предварительному расследованию начинается исключительно на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку это обусловлено ее целью - «решением вопроса о необходимости предварительного расследования или отсутствием такой необходимости» [14, с. 69]. Высказываются и более узкие по своему смысловому содержанию суждения о том, что противодействие расследованию следует рассматривать только к периоду про-

ведения предварительного следствия и дознания, начинающемуся уже после возбуждения уголовного дела [15, с. 43; 16, с. 18].

Здесь стоит отметить, что действия, направленные на противодействие предварительному расследованию, могут быть осуществлены до его начала, уже в процессе совершения преступного деяния, а в ряде случаев и на стадии подготовки к нему. Как правило, это осуществляемое различными способами сокрытие таких деяний, которое, будучи охваченным единым замыслом, может входить в способ их совершения или выступать самостоятельным элементом механизма преступной деятельности в целом.

Задачи подобного противодействия очевидны: не допустить выявления правоохранительными органами факта совершенного или совершаемого преступления, не получить достоверных сведений о лицах, его совершивших, и пр. То есть уже в процессе совершения преступления предпринимаются действия, направленные на воспрепятствование либо самому началу предварительного расследования, либо с намерением существенно затруднить достижение его результатов.

Кроме того, различные способы сокрытия преступления исходя из традиционного криминалистического понимания этого понятия и его видов реализуются не только в ходе совершения преступлений или после их окончания, но и в процессе предварительного расследования (например, путем дачи ложных показаний или отказа от дачи показаний, утаивания орудий преступления, иных предметов и документов, похищенного в различных тайниках и пр.). Попытки дифференцировать сокрытие преступления и противодействие расследованию исходя из момента возбуждения уголовного дела (начала процессуальной деятельности) неизбежно приведут к путанице в определении самого сокрытия преступлений (и его способов), осуществляемого и в ходе совершения преступлений, и после его совершения, но до начала процессуальной деятельности, и в ходе уже ведущегося предварительного расследования, и в процессе судебного разбирательства.

Как следствие, указанные идеи о дифференциации понятий сокрытия преступления и противодействия его расследованию не представляются продуктивными.

Учитывая изложенное, отметим, что использование для обозначения рассматриваемого явления термина «противодействие уголовному преследованию», на наш взгляд, ограничивает возможности криминалистического познания и описания всего многообразия форм, способов и приемов рассматриваемого противодействия со стороны различных субъектов, в том числе применительно к теме настоящего исследования. В этой связи для обозначения рассматриваемого явления более точным и объемным представляется термин «противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по делу». Этот термин, как видится, также дает возможности для новых направлений развития соответствующего криминалистического учения, реализации его положений при изучении и описании криминалистических особенностей рассматриваемого противодействия по отдельным видам преступлений, разработки и совершенствования методов его выявления, преодоления и предупреждения в ходе предварительного расследования и судебного следствия. В свою очередь, подвидами рассматриваемого противодействия в целом выступают:

- противодействие предстоящему или осуществляемому предварительному расследованию, удачно определяемому термином «противодействие расследованию преступлений»;

- действия, направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства по уголовным делам.

Библиографический список

1. Тишутина И.В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности как объект криминалистического анализа. – Тула: ТулГУ, 2011.
2. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. – М.: Юрлитинформ, 2006.
3. Баев М.О. Противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного // Современное право. 2005. № 7. С. 42-44.
4. Гармаев Ю.П. Преодоление противодействия уголовному преследованию (ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела). – Иркутск; Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2005.
5. Калугин А.Г. К вопросу о понятии противодействия уголовному преследованию и его формах / Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты: сборник научных трудов. – М.: Академия МВД России, 2007.
6. Муратшина С.Н. К вопросу о преодолении противодействия уголовному преследованию // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 121-125.
7. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61.
8. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 9-е изд., перераб. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Варнавский Д.А. Уголовное преследование лица на стадии проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2017. № 15. С. 28.
10. Полстовалов О.В., Шагимуратова З.А. Применение полиграфа в качестве элемента криминалистической тактики изобличения // Российский следователь. 2016. № 2. С. 19.
11. Азаренок Н.В. Уголовное преследование в системе современного досудебного производства // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 19.
12. Барабаш А.С. Уголовное преследование в стадии предварительного расследования / Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сборник научных трудов. В 2 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2005. Ч. 1.
13. Дикарев И.С. Уголовное преследование: уточнение понятия // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 24.
14. Шевченко В.М. Психолого-правовая характеристика криминального противодействия расследованию групповых преступлений // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2016. № 3-3. С. 69.
15. Волобуев А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Государство и право. 2002. № 4. С. 43.
16. Дубровин С.В., Глушков А.И., Бушинская М.Г. и др. Характеристики противодействия расследованию преступлений и их сокрытия: учебное пособие. – М.: МПГУ, 2010.

УДК 343.1

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА ОПОЗНАЮЩЕГО

Малыхин И.В.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Шаров А.В.,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: статья посвящена исследованию проблем, возникающих у следователя (дознавателя) при проведении допроса опознающего.
Ключевые слова: следователь, дознаватель, допрос, расследование преступлений, криминалистика, уголовный процесс.

TACTICAL BASIS PRELIMINARY QUESTIONING IDENTIFYING

Malykhin I.V.
(*Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin*)*;*
Sharov A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot)

Abstract: the article is devoted to the problems of the investigator (investigator) when cond u cting the interrogation identifying.
Key words: investigator, investigator, interrogation, investigation, forensics, criminal proceedings.

Как правило, подготовка к любому следственному действию включает в себя обеспечение необходимой для проведения следственного действия информацией, материально-техническими ресурсами, а также организационно-тактическую подготовку.

Подготовка к проведению предъявления для опознания, тактика самого проведения данного следственного действия во многом зависят от имеющейся у следователя информации о рассматриваемом событии, обстоятельствах восприятия объекта потенциальным опознающим. Большую часть необходимой информации следователь получает на предварительном допросе. Предварительный допрос, проведенный надлежащим образом, дает возможность оценить следственную ситуацию, изучить личность потенциального опознающего, предвидеть возможные проблемы, которые могут возникнуть в дальнейшем при проведении предъявления для опознания. Все это способствует эффективной целенаправленной подготовке к проведению предъявления для опознания.

Сведения, полученные на предварительном допросе, учитываются при оценке результата предъявления для опознания. Как выразился О.Я. Баев, «предварительный допрос опознающего необходим для оценки объективности проведенного опознания» [1].

Криминалистическая природа предварительного допроса вызывает немало дискуссий в юридической литературе: так, одна группа ученых считает, что предварительный допрос является специальным или дополнительным видом допроса, где ранее допрошенное лицо уточняет, конкретизирует признаки, по которым оно готово опознать объект, и что его проведение обязательно перед предъявлением для опознания. По этому поводу Р.Л. Ахмедшин пишет: «удовлетвориться отдельными фрагментами показаний, возникшими в результате нескольких допросов одного лица, нам представляется нерациональным. Необходимо проведение одного допроса, целиком ориентированного на подготовку к проведению экспериментального следственного действия» [2].

Очевидна конкретная цель такого допроса – подготовка к следственному действию, в нашем случае – к предъявлению для опознания. Согласно позиции другой группы ученых проведение повторного допроса перед предъявлением для опознания не обязательно. Тактически предварительный допрос существенно не отличается от первоначального допроса, разве что определенной целью и содержанием сведений, необходимых для выяснения, которые и определяют тактику его проведения. При подготовке к предварительному допросу, с учетом выявленных в ходе первоначального допроса особенностей допрашиваемого, нужно определить тактические приемы, которые способствовали бы проведению повторного допроса с максимальной эффективностью. Конечно, в первую очередь следователя интересуют признаки и свойства объекта, наличие или отсутствие особых примет, вопрос возможности допрашиваемого опознать объект. Но П.П. Цветков замечает: «круг сведений, которые должен получить следователь в ходе допроса перед опознанием, не должен ограничиваться приметами и особенностями внешнего облика объекта» [3].

Существует также фактор подверженности лица внушению, психологической установке. Одним из свойств представления (мысленного образа) является его изменчивость. Изменчивость мысленного образа определяется разными факторами.

Выяснению подлежат условия, при которых лицо воспринимало объект. Следователь должен попросить лицо рассказать о погодных условиях в момент восприятия, времени суток, когда воспринимался объект: в ночное, дневное, по возможности уточнить время. Как известно, у некоторых людей в ночное, сумеречное время резко ухудшается зрение, некоторые цвета вовсе не воспринимаются. Данное явление известно как куриная слепота или гемералопия. Добавим, что симптомы куриной слепоты (гемералопии) могут наблюдаться при резком изменении освещения и у здоровых людей, поэтому следователь обязан выяснить обстоятельства, предшествовавшие восприятию, узнать, как он оказался на месте рассматриваемого события.

Длительность восприятия является важным фактором, определяющим мысленный образ. Однако, уточняя данное обстоятельство, надо учитывать, что в условиях рассматриваемого события лицам, особенно потерпевшим, из-за волнения, страха, стресса, переживаемого ими в связи с преступными событиями, кажется, что время протекало медленно, дольше, чем на самом деле, и они могут ошибаться в определении длительности восприятия. Расстояние, на котором находились опознаваемый объект и допрашиваемый, играет важную роль в оценке возможностей допрашиваемого к опознанию.

Особое значение имеют признаки объекта, по которым лицо заявило опознать объект. В литературе данные признаки делятся на сложные и элементарные [4].

Сложные признаки – это комплекс, система, совокупность определенных признаков, а элементарные представляют собой отдельные признаки объекта. Ю.Г. Корухов по поводу важности признаков опознаваемого объекта пишет: «решающим в этих случаях будет то, насколько хорошо удалось в свое время опознающему наблюдать и запомнить признаки объекта и насколько он способен воспроизвести их в своей памяти в настоящее время» [5].

В случае если объектом опознания является человек, необходим узнать, не знаком ли опознающий с данным человеком. Предъявление для опознания знакомого человека допускается только в том случае, если опознаваемый отрицает факт знакомства с опознающим лицом.

Учет всех вышеуказанных обстоятельств необходим для выяснения целесообразности проведения предъявления для опознания, оценки следователем готовности допрашиваемого лица к опознанию, является гарантом объективности оценки его результата.

В случаях если известно, что интересующий объект воспринимался несколькими лицами, следователю следует предпринять меры, чтобы воспринимавшие лица перед предварительным допросом и предъявлением для опознания не делились между собой впечатлениями, мнением о данном объекте, например, вызывать их для допроса в разное время, т.к. для каждого лица объект представляется по-своему, и взаимный обмен информацией о данном объекте может существенно повлиять на мысленный образ каждого. Соответственно, каждое лицо необходимо допрашивать раздельно. При допросе же следователь должен выяснить, кто еще, помимо допрашиваемого, мог воспринимать интересующий объект.

Отдельного рассмотрения требует тактика предварительного допроса несовершеннолетнего лица. При его проведении нужно учитывать возрастные особенности несовершеннолетнего, склонность к внушаемости, фантазированию. Например, у несовершеннолетнего могут возникнуть трудности при описании объекта. Как выразился А.А. Закатов, «подросткам трудно описывать какой-либо объект ввиду скудости словарного запаса».

Малолетние же дети, как правило, не осознают серьезности всего происходящего, их восприятие носит неосмысленный характер, поэтому велика вероятность того, что ребенок, хотя и видел объект, но не придал ему значения, и, как следствие, мысленный образ данного объекта запечатлился у него в латентном слое памяти или вовсе забыт. Но в то же время дети могут запомнить от-

дельные моменты в подробных деталях. Поэтому такой допрос требует особого такта, подхода. Уязвимость детской психики, юношеский максимализм, характерный для подросткового возраста требуют вести допрос вежливо, мягким тоном, в спокойной обстановке.

Таким образом, местом проведения предварительного допроса обычно является кабинет следователя. В следственной практике известны случаи, когда с целью упростить опознание объект представлялся на месте происшествия. Данный прием способствует активизации процессов воспоминания, узнавания и вполне обоснован научно. Действующее законодательство не ограничивает нас в выборе места проведения допроса, поэтому считаем, что вполне оправданным будет проведение предварительного допроса с выездом на место происшествия, если следователь посчитает, что такой допрос даст ожидаемый результат. В целях отграничения от проверки показаний на месте сразу отмечаем, что предлагается проведение предварительного допроса с выездом на место происшествия только с одной определенной целью – с целью допроса, в результате чего будет заполнен только протокол допроса.

Библиографический список

1. Закатов А.А. Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних: учебное пособие. – Волгоград: Юрлитинфор, 2009.
2. Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде. – М.: Юрлитинформ, 2011.
3. Подопригора А.А. Типичные следственные ситуации и программы действий следователя (дознавателя) на первоначальном этапе расследования // Российский следователь. 2008. № 19.
4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 24-31.

УДК 343.1

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СУБЪЕКТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Игнатьев М.Е.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: внутреннее убеждение субъекта доказывания в процессе расследования преступлений как в тактическом, так и стратегическом плане принятия следственного решения имеет важное значение для достижения назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК РФ. Внутреннее убеждение как психологическая реакция на опреде-

ленные обстоятельства расследования основано на различных факторах, которые и определяют факт окончательного решения и дальнейшего действия. Значимым фактором этого ряда является усмотрение причинно-следственной связи между определенными событиями. Эта связь может иметь как нормативную (уголовно-правовую), уголовно-процессуальную, а также криминалистическую характеристику с точки зрения усмотрения связи системы «причина-следствие». Правильное понимание отношения этой системы в процессе расследования позволяет субъекту доказывания принимать безошибочные решения. Этим вопросам и посвящена настоящая публикация.

Ключевые слова: причина, следствие, причинно-следственные связи, внутреннее убеждение следователя.

CAUSAL RELATIONSHIPS AND INNER CONVICTION OF A SUBJECT OF PROOF IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Ignatyev M.E.,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor
(Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Abstract: an inner conviction of the subject of proof in the investigation of crimes in both tactical and strategic sense-making investigative decisions is essential to achieve the purpose of criminal proceedings as defined in article 6 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Inner conviction as a psychological reaction to certain circumstances of the investigation based on various factors, which determine the fact of a final decision and further action. A significant factor of this series is to the discretion of a causal connection between certain events. This relationship can be both normative (criminal law), criminal procedure and forensic characteristics from the point of view of appreciation communication system of «cause and effect». The correct understanding of the relationship of this system in the process of investigation allows the subject evidence to make accurate decisions. These issues are addressed in this publication.

Key words: cause, effect, causation, inner conviction of the investigator.

Понятие причинности достаточно широко представлено в уголовном судопроизводстве. Оно является одной из основ установления в ходе предварительного расследования объективной стороны преступлений, по крайней мере преступлений с материальным составом. В этой связи данный критерий познания объективной стороны тесно связан с внутренним убеждением следователя, которое он формирует относительно обстоятельств расследуемого события.

Оценка доказательств, по внутреннему убеждению, известна отечественному уголовному процессу достаточно давно. Согласно ст. 319 УПК РСФСР, принятому в 1923 г., суд обязан был оценивать доказательства по делу, опираясь на внутреннее убеждение, основанное на рассмотрении всех обстоятельств дела и их совокупности [1, с. 51].

В ст. 71 УПК РСФСР 1960 г. также была закреплена обязанность суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению [2, с. 238].

На основании ст. 17 действующего УПК РФ внутренним убеждением при оценке доказательств должны пользоваться судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель.

Понятие внутреннего убеждения в процессуальной и криминалистической литературе, на наш взгляд, исследовано недостаточно, в том числе отсутствует и его общепринятое определение.

Так, например, Р.С. Белкин определяет внутреннее убеждение как психическое состояние, возникающее как результат оценки доказательств, осуществленной свободно, без следования каким-либо внешним догмам с учетом специфики конкретного уголовного дела. Внутреннее убеждение представляет собой психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью с истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события [3, с. 37].

Вероятно, в этом и подобных взглядах на понятие «внутреннее убеждение» имеется определенная логика, поскольку внутреннее убеждение сопровождает следователя в течение всей деятельности по расследованию конкретного преступления, а не только в момент оценки им источников собранных доказательств.

Внутреннее убеждение не покидает следователя не только при оценке доказательств, но и при принятии ответственных процессуальных решений как о производстве отдельных следственных действий, так и при формировании основных процессуальных документов: постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения.

На взгляд А.Р. Ратинова, проблема внутреннего убеждения следователя тесно связана с вопросом о следственной интуиции [4, с. 165], что вполне оправданно, поскольку природа и убеждения, и интуиции связана с психологией человека. Согласно общепризнанному в психологии понятию интуиция – это знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, в силу чего субъект имеет его как результат «непосредственного усмотрения» [5, с. 149].

Основываясь на материалах судебной и следственной практики, А.Р. Ратинов считал, что оценка доказательств, по внутреннему убеждению, означает такой порядок, при котором, во-первых, эта оценка составляет исключительную компетенцию органа, ведущего производство по делу, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств и, во-вторых, эта оценка завершается категорическими выводами и решениями, исключающими всякое сомнение в их правильности [4, с. 166]. Вышеизложенное позволило А.Р. Ратинову сделать принципиальный вывод о том, что внутреннее убеждение характеризует и процесс исследования, и его результат. С этим выводом, по нашему мнению, вполне можно согласиться.

Представляя процесс расследования преступления как процесс познания, которое невозможно представить вне психического отношения субъекта познания, основанного на внутреннем убеждении следователя в достижении истины, можно согласиться и с Ю.В. Астафьевым в том, что «двигательной силой одного из видов познания – расследования преступления – является возникающие на основе внутреннего убеждения юридически истинные выводы по исследуемому явлению» [6, с. 374-375].

Действительно, при расследовании преступления следователь, вначале действуя более интуитивно, используя собственный опыт и знания, постепенно приходит к убеждению о подтверждении следственной версии о механизме совершенного преступления, о причастности к нему конкретных субъектов, использующих те или иные способы и приемы. На основании этого убеждения, которое можно назвать внутренним, он направляет свои усилия по обнаружению улик преступного поведения именно в тех местах, где они, по его убеждению, должны находиться к моменту расследования.

По этому поводу С.Н. Чурилов пишет, что «структура преступления выражает причинно-следственные отношения между эмпирическими данными, полученными в результате изучения и обобщения сходных преступлений, то есть общие причины и общие следствия. Последние играют познавательную роль при установлении единичных причинно-следственных связей, характеризующих конкретное расследуемое преступление» [7, с. 244].

В противном случае при игнорировании сигналов своей интуиции, а впоследствии и своего внутреннего убеждения следователь, даже действуя в полном соответствии с рекомендациями криминалистов, допустит ошибку, не проверяя непосредственно на месте происшествия следственные версии о происшедшем. Нередко после отработки ряда «пустых» версий следователь вынужден вновь возвращаться на место происшествия и вновь организовывать его осмотр с целью проверки тех предположений, которые сформировались под влиянием его внутреннего убеждения, но не были своевременно проверены при первичном осмотре. Совокупность данных, полученных в результате двух последовательно проведенных осмотров места происшествия зачастую позволяет сформироваться внутреннему убеждению следователя, подтверждающего ту или иную версию.

На формирование внутреннего убеждения следователя влияют и показания лиц, вовлеченных в сферу его деятельности, которые могут как подтверждать, так и опровергать его версию расследуемого события. Поскольку процесс получения показаний достаточно сложный, именно он зачастую оказывает своё негативное влияние на формирование внутреннего убеждения следователя и на весь процесс расследования в целом.

Понятно, что одного внутреннего убеждения следователя при оценке доказательств по делу недостаточно, поскольку это убеждение может быть ошибочным, неверным, не соответствующим действительности или, как отметила Г.В. Стародубова, оценка доказательств, по внутреннему убеждению, не должна включать в себя каких-либо положений, допускающих возможность произвольной оценки доказательств вопреки законам логики [8, с. 47]. Внутреннее убеждение должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений [9]. Мы разделяем эту точку зрения и считаем, что внутреннее убеждение, которое следователь не в состоянии четко обосновать, опираясь на конкретные источники доказательств по делу, не может являться основой для принятия процессуальных решений по делу. В таком случае внутреннее убеждение следователя должно оставаться только лишь его точкой зрения и не служить основанием для отрицания иных версий расследуемого события.

Особое место в формировании внутреннего убеждения следователя занимают сведения, полученные оперативно-разыскным путем, особенно на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела. Как известно, в этот момент времени следователь зачастую не располагает достаточной доказательственной базой, полученной лично им. Можно согласиться с мнением специалистов, считающих, что именно на этой стадии следователь при принятии процессуальных решений в 75-80% случаев использует оперативную информацию [10, с. 141].

Как показывает следственная практика, объём и качество оперативно-разыскной информации, поступающей к следователю, вполне соответствуют требованиям УПК РФ не только для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но и последующего планирования его расследования на ближайших стадиях.

Как уже отмечалось, формирование внутреннего убеждения следователя – далеко не однозначный и прямолинейный процесс. В значительной степени он зависит от образования следователя, его опыта, ситуации расследования конкретного преступления и других объективных и субъективных факторов. Среди последних можно выделить значение суждений специалистов, привлекаемых для расследования.

Вся совокупность доказательств по делу в соответствии с внутренним убеждением следователя излагается им в тексте обвинительного заключения. Цель этого изложения состоит в том, чтобы убедить прокурора, судью, защитника, обвиняемого и других участников уголовного процесса в доказанности версии следователя о причастности конкретного лица к совершению преступления.

В отдельной публикации достаточно сложно раскрыть связь причинно-следственных отношений и внутреннего убеждения следователя, однако мы считаем, что причинность и внутреннее убеждение следователя – понятия, тесно связанные между собой.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. – М.: Госюриздат, 1952.

2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997. – 342 с.

4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2001. – 352 с.

5. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

6. Астафьев Ю.В. Особенности познавательной деятельности по раскрытию преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2011. № 1(10).

7. Чурилов С.Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. – М.: ВА-ЭФиП, 1993.

8. Стародубова Г.В. Установление истины в уголовном процессе: монография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В. Шулятьева» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. – 2-е изд., перераб. и доп. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997.

УДК 343.98

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Демин К.Е.,
кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы установления личности неизвестного преступника на основе комплексного изучения следовой картины происшествия, показаны возможности психологического портретирования неустановленного преступника.

Ключевые слова: борьба с преступностью; личность преступника; психологическое портретирование; психологический профиль преступника; следовая картина; место происшествия.

ABOUT NEED OF STUDYING OF THE IDENTITY OF THE CRIMINAL AT INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Demin K.E.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot)

Abstract: the article deals with the problem of establishing the identity of an unknown criminal on the basis of a comprehensive study of the trace picture of the incident, showing the possibility of psychological portraiture of an unidentified criminal.

Key words: the fight against crime; the identity of the offender; psychological portraiture; psychological profile of the offender; trace picture; the scene.

Проблема эффективности борьбы с преступностью была актуальной на всех этапах строительства отечественной государственности. В современных условиях она приобрела особую остроту, связанную со сложной социально-экономической и криминальной обстановкой.

Кризисное положение ряда социальных институтов, в частности, института семьи, отсутствие государственной единой политики в области образования и воспитания, рост наркомании и алкоголизма и ряд других факторов способствовали возникновению ситуации, когда, с одной стороны, происходит рост преступлений, направленных против жизни и здоровья, а с другой – отсутствуют современные методологические и тактические рекомендации, направленные на совершенствование правоохранительной деятельности в указанной сфере. Все это свидетельствует о многих проблемах правового и криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, в рассмотрении которых постоянно возникают вопросы установления личности.

В настоящий период первостепенной стала задача отслеживания и нейтрализации потенциально опасных личностей. Наряду с уже существующими традиционными методами и способами их выявления все более широкое применение находят современные информационные технологии, в том числе биометрические. Анализ современного состояния использования данных технологий позволяет утверждать, что при отсутствии единой систематизации психофизиологических признаков человека процесс получения и обработки данных проходит по отдельным показателям индивидуальных свойств и признаков, отсутствует единое построение информационной модели устанавливаемого лица.

Таким образом, назрела необходимость производства монографических исследований, обусловленных возросшими потребностями практики борьбы с преступностью, очевидной возможностью более эффективного использования в этих целях современных достижений науки, в том числе судебной психологии и психиатрии, а также недостаточной теоретической разработкой возникающих при этом криминалистических, организационных, правовых и других проблем.

Многие ведущие отечественные криминалисты и криминологи в своих научных исследованиях в той или иной степени рассматривали понятие, виды, классификацию, отдельные аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных против жизни и здоровья человека, проблемы установления личности преступника. К ним можно отнести работы Р.С. Белкина, А.С. Дагель, Ю.П. Дубягина, В.А. Жбанкова, Е.П. Ищенко, В.Е. Корноухова, А.М. Кустова, В.П. Лаврова, В.А. Образцова, О.А. Соколовой, П.П. Цветкова и других. В последние годы проведен или проводится ряд диссертационных исследований, посвященных отдельным проблемам комплексных методик исследования вещественных доказательств. Давая высокую оценку имеющимся научным разработкам, следует отметить, что многие аспекты этой проблемы остаются пока за рамками глубокого научного анализа, а сформулированные на его основе различными учеными выводы и предложения далеко не всегда соответствуют современным потребностям практики.

Одной из составляющих данной проблемы является психологическое профилирование. Наиболее удачное, с нашей точки зрения, определение психологического портрета неустановленного преступника дано в работе А.И. Анфиногенова, обозначившего его как «…результат психолого-криминалистического метода познания криминального события (портретирования), ориентированного на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, появившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности» [2]. Проведенный нами анализ литературы и практики расследования преступлений позволил составить перечень признаков криминального события с психологическими и социальными признаками преступника [1].

Так, разработанная для сотрудников ФБР США процедура составления психологического профиля состоит из пяти этапов. Во-первых, на основе анализа и сущности природы происшедшего выявляется относимость с типами лиц, ранее совершивших подобные деяния в прошлом (психолого-психиатрическая типология). Во-вторых, углубленно анализируется место расследуе-

мого события. Далее – изучается личность жертвы и подозреваемого. Следующим шагом в разработке профиля следует формирование возможных мотивирующих факторов. Заключающим этапом в данной методике является описание на основе внешних поведенческих проявлений вероятной психологической сущности преступника. Как следует из описанной процедуры, важнейшей составляющей является изучение обстоятельств происшедшего события на основе комплексного исследования места происшествия, выявление детерминированных связей между элементами криминалистической характеристики и признаками личности преступника.

Информационной основой составления психологического портрета неустановленного лица, по данным отечественных и зарубежных криминалистов, являются фотографии места происшествия с учетом максимальной детализации вещной обстановки происшедшего события.

Особое место в расследовании преступлений занимает положение трупа жертвы, а также установление логических связей окружающих объектов с предполагаемым ходом преступления. Помимо анализа визуальной фиксации места происшествия (фотографического приложения к протоколу осмотра места происшествия), на взгляд автора, необходимо существенно дополнить текстуальную и графическую составляющие данного следственного действия.

Далее в информационной цепочке следуют материалы вскрытия трупа, которые во многом должны подтвердить или опровергнуть ту или иную версию относительно орудия преступления, механизма получения ранений, в том числе полученных посмертно. Существенным дополнением, к сожалению, во многих случаях отсутствующим в следственной практике, является участие в данном следственном действии лица, ведущего расследование, и специалиста-криминалиста, фиксирующего различные стадии вскрытия и исследования трупа. Помимо невосполнимой потери доказательств, данные обстоятельства во многих случаях приводят к увеличению времени и необходимой ориентации следствия в будущем.

Следующей составляющей составления психологического портрета неустановленного преступника являются виктимологические данные [3]. В методе составления психологического профиля изучению личности жертвы придается такое же значение, как изучению преступника. Изучение личности потерпевшего позволяет ответить на следующие вопросы: почему было убито то или иное лицо и кому это выгодно? С этой целью необходимо выделить свойства личности потерпевшего и провести их анализ. Проблеме изучения свойств личности существенное внимание уделено В.А. Жбанковым, рассматривающим ее как сложную функциональную динамическую систему, состоящую из комплекса взаимосвязанных элементов: социальных и биологических свойств, психологических черт [4]. Последней информационно-составляющей частью психологического профиля неустановленного лица является проводимый в ходе расследования комплекс экспертиз, в том числе судебно-психологических.

В заключение следует особо отметить назревшую необходимость комплексного изучения личности преступника специалистами различных научных знаний, результатом которого был бы всесторонний анализ и моделирование

его поведения. Для этого, на взгляд автора, необходимо привлекать в качестве специалиста по расследованию преступлений судебного психолога, задачами которого было бы изучение психологических особенностей места происшествия, а также создание предварительных психологических портретов преступника и жертвы. Только координированная деятельность специалистов различных областей знаний должна позволить наиболее полно расследовать преступление.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника: учебное пособие. – М., 1982. – 80 с.
2. Анфиногенов А.И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. – М.: Академия управления МВД России, 2002.
3. Демин К.Е. Виктимологические проблемы раскрытия и расследования убийств, совершённых наёмными лицами / Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2016. Ч. 1.
4. Жбанков В.А. Свойства личности и их использование для установления лиц, совершивших таможенные правонарушения: монография. – М.: РТА, 1999.
5. Образцов В.А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: учебное и практическое пособие. – М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 208 с.
6. Потемкина О.Ф. Способ составления психологического портрета и автопортрета. – М., 1993. – 27 с.

УДК 343.98

ДИСКУССИЯ О ПОНЯТИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ян Е.И.,

кандидат юридических наук

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Аннотация: проблема качества предварительного расследования всегда будет актуальной для правоприменительной деятельности и отправления правосудия, это объясняется необходимостью соблюдения назначения уголовного судопроизводства, отраженного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Для решения этой актуальной задачи внимательного исследования требуют вопросы изучения проблемы следственных ошибок, которая связана не только с ошибками в квалификации преступлений, уголовно-процессуальными ошибками, но и криминалистическими ошибками, которые, по данным анализа практики, достаточно часто допускают правоприменители в ходе расследования преступления. Эти ошибки выявляются судьями, государственными обвинителями и адвокатами и требуют своего устранения в процессе судебного рассмотрения преступлений. Однако важным обстоятельством этой проблемы является необходимость понимания содержания указанных ошибок, то есть необходимо правильно определять это понятие, чему посвящена данная публикация.

Ключевые слова: ошибки следователя, досудебное производство, ошибки квалификации, процессуальные ошибки, криминалистические ошибки.

DISCUSSION ABOUT THE CONCEPT OF INVESTIGATIVE ERRORS STAGE OF INITIATION AND PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMES

Jan E.I.,
Candidate of Law
(Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Abstract: the problem of the quality of the preliminary investigation will always be relevant to enforcement and administration of justice, this is due to the need to respect the purpose of criminal proceedings reflected in article 6 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. To address this challenge careful research is required for studying the problems of investigative errors, which is due not only to errors in the classification of crimes, criminal procedural mistakes, but crime and mistakes which, according to the analysis of practice, often allow the enforcers in the investigation of the crime. The judges, public prosecutors, lawyers, and need to be addressed in the process of trial of crimes detect these errors. However, an important factor of this problem is the need to understand the content of these errors, it is necessary to correctly define this concept, what the subject of this publication.

Key words: errors of the investigator, pre-trial, error, skill, procedural error, forensic error.

Понятие ошибок следователей, допускаемых при расследовании преступлений, известно давно. Можно считать, что оно существует со времени возникновения процедуры отправления правосудия судами на основе результатов производства дознаний и предварительных следствий по преступлениям. Однако определения этого явления в науках уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистика) исследователи стали давать сравнительно недавно.

В работах, тем или иным образом затрагивавших данную проблему, определяли понятие ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений, на основе этимологии слова «ошибка», что не вызывает возражений.

Вместе с тем при определении понятия ошибок следователей при расследовании преступлений следует принимать во внимание не только этимологию слова «ошибка», но и методологическое содержание определения понятия. С учетом того, что в науке уже имеется ряд определений, тем или иным образом характеризующих данные ошибки следователей, но которые толкуются неодинаково, наша задача заключается в том, чтобы, критически оценив их, «уточнить суть и значение уже введенного в науку термина» с учетом современных требований уголовного судопроизводства.

Сущность понятия, как правильно считает Д.П. Горский, раскрывается через его определение, под которым понимается «логический прием, позволяющий: а) отличать, отыскивать, строить интересующий нас предмет; б) уточнять значение уже введенного в науку термина, а также формировать значение вновь вводимого термина» [1, с. 5].

Исследуемое нами определение в соответствии с классификацией видов определений, предложенной Д.П. Горским, должно носить характер реального и теоретического определения. Реального, потому что оно должно определять

предмет – ошибки, допущенные следователями при расследовании преступлений, теоретического, потому что оно должно рассматриваться как компонент теоретической системы, обеспечивающей устранение этих ошибок государственным обвинителем в суде первой инстанции.

В обыденном понимании ошибка – это неправильная мысль, действие, бездействие, просчет, погрешность, промах, неточность. Примерно также и, в принципе, одинаково трактуют понятие ошибки и толковые словари русского языка. Под ней они понимают неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях [2, с. 1088]. С точки зрения логики ошибка представляет собой неправильное умозаключение, рассуждение, вызванное нарушением законов мышления [3, с. 426-427].

Встречаются и другие взгляды на термин «ошибка». Так, например, В.И. Фалеев полагает, что он имеет математическую природу и поэтому его можно трактовать как просчет, погрешность промах, отклонение результатов от истинных значений [4, с. 9].

На основе этих подходов можно согласиться с общим определением ошибки, предложенным Ю.Н. Белозеровым и В.В. Рябоконем, которые определяют ее как утверждение, не соответствующее действительности, или меру, действие, не приводящее к достижению поставленной цели, если искажение в познании или отклонение от цели допущены в результате добросовестного заблуждения [5, с. 10].

Расследование преступлений, в качестве вида человеческой деятельности также отчасти связано с ошибками, которые допускают следователи, обязанные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством осуществлять по факту совершенного преступления предварительное расследование.

Практика правоохранительной деятельности последних десятилетий свидетельствует о том, что сложившаяся устойчивая положительная динамика роста преступности, к сожалению, имеет лишь незначительные признаки тенденции к своему замедлению.

Это обстоятельство указывает на рост досудебных производств по уголовным делам, который, в свою очередь, ведет к увеличению числа ошибок, совершаемых следователями в процессе расследования преступлений. Данные ошибки проявляются как в уголовных делах, прекращенных предварительным расследованием, так и направленных в суды.

Рост судебных решений по уголовным делам закономерно влечет за собой рост количества выявленных в процессе судебного производства ошибок, допущенных следователями при расследовании преступлений.

Понятие ошибок, *в принципе*, можно считать определенным. Мы отмечали это выше. Но в науке по терминологической форме и смысловому содержанию этого понятия нет единого мнения как среди ученых-специалистов в области уголовного процесса, так и криминалистки. Кроме того, уточнение термина «ошибки следователя в расследовании преступлений» и определение их понятия требуется в условиях действия современных уголовно-процессуальных норм.

Наибольшее число попыток определить понятие следственных ошибок принадлежит специалистам в области уголовного процесса.

Одним из первых достаточно полных научных определений ошибок следователей в расследовании преступлений можно считать определение, данное Н.Н. Вопленко. Он определял их как *правоприменительные* ошибки – результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, противоречащий нормам материального или процессуального права, не достигающий истинных целей правового регулирования, квалифицируемый компетентным органом в качестве ошибочного [6, с. 41].

Другую терминологическую форму определения понятия ошибок, допускаемых следователями в процессе расследования преступлений, выбрал А.М. Баранов. Он определяет их как процессуальные. На взгляд А.М. Баранова, под *процессуальной* ошибкой на предварительном следствии следует понимать «непреднамеренное нарушение процессуального закона, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении его требований следователем либо иным процессуальным органом и признанное таковым компетентным субъектом в соответствующем правовом акте» [7, с. 11].

Однако наиболее часто ученые и практики определяли ошибки предварительного расследования преступлений в качестве *следственных* ошибок. Мы намеренно приводим ниже практически все обнаруженные в специальной литературе определения следственных ошибок, понимая, что данный прием изложения научного материала недостаточно выгодный. Однако делаем это для целей настоящего исследования и в первую очередь для обоснования собственного определения ошибок, которые допускают следователи в расследовании преступлений.

Через разновидность ошибки правоприменения и вид уголовно-процессуального правонарушения определяет следственные ошибки М.Е. Пучковская. Она пишет, что такой ошибкой является «непреступное, непреднамеренное действие или бездействие должностного лица, проводящего предварительное расследование, противоречащее нормам уголовно-процессуального или уголовного права, которое привело или могло привести к принятию незаконного или необоснованного решения либо к непринятию необходимого решения» [8, с. 11].

В.И. Власов считает следственные ошибки любыми непреднамеренными нарушениями закона, недостатками и упущениями, допущенными при возбуждении уголовных дел, всякими неправильностями в процессуальной деятельности, в том числе и мыслительном процессе компетентного лица, носителя соответствующих прав и обязанностей [9, с. 63].

Авторы совместной статьи о причинах следственных ошибок на предварительном следствии и в суде А.Б. Соловьев, М.Е. Токарев, А.Г. Халиулин определяли их как неправильные действия либо бездействие следователя, выразившиеся в односторонности и неполноте исследования обстоятельств дела, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, повлекшие за собой принятие следователем неправильного итогового решения, незаконность и необоснованность которого констатированы в соответствующем процессуальном акте прокурором или судом [10, с. 182].

Два года спустя этот же авторский коллектив в монографическом исследовании, посвященном данной проблеме дал более детальное определение следственных ошибок, раскрыв понятие через некоторые этапы процедуры уголовной ответственности [11, с. 7-8].

Развивая это понятие, А.Б. Соловьев, уже самостоятельно исследуя процесс доказывания в судебных стадиях уголовного процесса России, отметил, что в определении следственных ошибок есть два важных признака: это неумышленная мотивация действий следователя и существенные нарушения в его работе, которые создали препятствия к достижению целей расследования [12, с. 112].

В этой же работе он подверг критике определение понятия следственной ошибки, данное С.А. Шейфером, по мнению которого она включает в себя констатированное соответствующим процессуальным актом управомоченного субъекта отступление следователя от требований уголовно-процессуального закона и научных рекомендаций при осуществлении расследований, а равно непроведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных действий, повлекшее за собой принятие решений, противоречащих закону и препятствующих достижению целей расследования [13, с. 70]. Обращая внимание на неудачность данной дефиниции, А.Б. Соловьев отметил, что в процессуальных актах оценивается законность и обоснованность соответствующих решений следователя, но не отступление от научных рекомендаций, а отсутствие указания в определении С.А. Шейфера на неумышленность действий следователя размывает различие между ошибкой и уголовно наказуемым правонарушением [12, с. 113].

А.Д. Бойков в своем определении под следственными ошибками понимал «любое незаконное и необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием» [14, с. 14-15].

По мнению А.Т. Дугина, следственная ошибка – это посягающая на уголовно-процессуальный порядок общественно опасное либо вредное виновное действие, исполненное вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных норм без достаточных оснований или несвоевременно, или с несоблюдением установленного порядка, а равно противоправное бездействие, когда имелись достаточные основания для производства необходимых процессуальных действий [15, с. 59].

Одно из последних определений ошибок следователей в расследовании преступлений с позиций уголовного процесса дал А.Д. Назаров. На наш взгляд, оно страдает чрезмерным для определения объемом и не вполне логично по содержанию. Следственная ошибка, по мнению А.Д. Назарова, – это «не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие следователя, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, выразившееся в неполноте и односторонности исследования им обстоятельств дела, несоблюдении в уголовном процессе конституционных прав и свобод человека и гражданина, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона и направленное по субъективному мнению следователя на выполнение назначений уголовного судопроизводства, но объективно препятствующее их достижению» [16, с. 19].

В научных трудах криминалистов имеется несколько определений исследуемого нами понятия.

Так, в 1995 году его определил О.Я. Баев. Он посчитал следственной ошибкой любое неправильное действие следователя, не носящее характера следственного произвола, направленного по его субъективному мнению, на качественное расследование преступлений, но влекущее за собой как минимум одно из нарушений прав и законных интересов лиц, вовлеченных в любом качестве в орбиту расследования преступлений [17, с. 6].

На взгляд А.Ю. Головина, это допускаемый в ходе предварительного расследования недостаток в применении уголовного, уголовно-процессуального законов, подзаконных нормативных актов, а также неверное принятие тактических решений и (или) их реализация, приведшие к любым негативным для расследования последствиям или угрозе их наступления [18, с. 11].

Е.В. Морозова полагает, что под следственной ошибкой следует понимать «непреднамеренное заблуждение следователя, выраженное в неверных восприятии, оценке релевантной информации и предопределившее принятие им неверного тактического и процессуального решения по уголовному делу» [19, с. 11].

Однако наш анализ известных определений понятий ошибок, допускаемых следователями в расследовании преступлений, был бы недостаточно полным без приведения мнения на данный счет А.А. Ширванова. Этот автор полагает, что во многих, в том числе и приведенных нами, определениях произошло отождествление понятия ошибки и уголовно-процессуального правонарушения следователя [20, с. 8-12]. На основе проведенного анализа понятий он дает свое определение ошибки в уголовном судопроизводстве (но толкует ее очень широко, особенно относительно охватываемых стадий и вовлекаемых субъектов), которой считает формально не противоречащее нормам (норме) уголовно-процессуального права деяние, совершенное вследствие добросовестного заблуждения субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия или бездействия в любой стадии уголовного судопроизводства, которое путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства или иным путем повлияло на законность, обоснованность и справедливость принимаемого по делу решения [21, с. 10]. Содержания этого определения в своем анализе мы будем касаться лишь отчасти, так как оно выходит за пределы объекта и предмета, которые условно определены нами для настоящего исследования.

Проводя анализ терминологических форм понятий ошибок, следователей в расследовании преступлений, можно сказать, что их определения в качестве следственных (В.И. Власов, А.Д. Бойков, А.Т. Дугин, А.Д. Назаров), на наш взгляд, не в полной мере охватывает содержание всех процессуальных стадий, где в соответствии с уголовно-процессуальными нормами определены возможности следователей по собиранию доказательств преступлений. Без внимания остается стадия возбуждения уголовного дела. Известно, что законодатель определил возможность производства следователями в ее пределах таких следственных действий, как осмотр места происшествия, производство судебной экспертизы, осмотр документов, предметов и трупов, освидетельствование, а также производство процессуальных действий – получение объяснений, образцов для сравнительного ис-

следования, дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Выборочный анализ уголовных дел, рассмотренных в судах первой инстанции областей Центрального федерального округа, свидетельствует о том, что, например, при производстве такого следственного действия, как осмотр места происшествия, следователи достаточно часто допускали ошибки. В частности, они не всегда точно и четко определяли границы мест происшествия, поверхностно их протоколировали, допускали топографические ошибки, нарушали правила описания обнаруженных на месте происшествия предметов и пр.

Кроме того, определение ошибок предварительного расследования в качестве следственных не дает четкого понимания, являются ли они ошибками следователя или следствия как процесса собирания доказательств. И, наконец, данная терминологическая форма страдает неточной определенностью, так как термин «следствие» самостоятельного значения в уголовно-процессуальном законодательстве не имеет. УПК России определяет предварительное следствие и судебное следствие как самостоятельные процессы, основанные на собирании и проверке доказательств о совершенном преступлении.

Нельзя именовать ошибки следователей в расследовании преступлений и как процессуальные (А.М. Баранов), хотя бы потому, что кроме уголовно-процессуальных ошибок следователи допускают неправильное применение уголовного закона (ошибки в квалификации действий обвиняемого и пр.), а также ошибочно используют криминалистические рекомендации по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию, оценке и использованию доказательств преступлений. Изучение судебно-следственной практики свидетельствует, что практически по каждому четвертому-пятому уголовному делу государственные обвинители и суды исправляли ошибки следователей, связанные с неправильным применением уголовного закона, а нарушения криминалистических рекомендаций повлекли более 67% ошибок по тому же массиву изученных уголовных дел. Их устранением в ходе судебных разбирательств также занимались государственные обвинители и суды.

Терминологическая форма – правоприменительные (Н.Н. Вопленко) ошибки, по содержанию своего определения может включать как процессуальные, так и правовые ошибки следователей в расследовании преступлений. Однако усмотреть в ней криминалистический аспект нельзя.

Анализ всех известных определений ошибок следователей в расследовании преступлений свидетельствует о том, что их авторы включают в основном достаточно близкие по смысловому содержанию признаки. Среди них наиболее часто встречается признак непреднамеренного нарушения уголовного и уголовно-процессуального законов посредством действий (бездействий), которые допускают следователи в процессе расследований преступлений. Кроме этого признака, данные ошибки характеризуют и другие признаки, отражающие недостатки и упущения следователей на различных стадиях расследования преступления, в том числе и в процессе их мыслительной деятельности; нарушений конституционных прав граждан, процессуальных и материальных законов; неполноты и односторонности исследования обстоятельств преступлений и пр.

Есть определения, которые в качестве доминирующего признака отражают только действие, приводящее к ошибке, а не его результат (возникший в уголовном деле недостаток), зафиксированный в следственном действии или в процессуальном решении следователя (А.Д. Бойков, А.Д. Назаров). По нашему мнению, это ошибочно, так как такое усмотрение есть половинчатый подход к оценке ошибки, допущенной следователем в процессе расследования преступлений.

Не вдаваясь в более глубокий анализ терминологических форм и смысловых содержаний известных определений понятий ошибок этого вида, предпримем попытку обоснования собственных взглядов на этот вопрос.

Статьей 5 УПК РФ в научно-практический оборот были введены основные понятия процессуальной терминологии. В этой связи наиболее точным термином, определяющим пространственно-временные границы явления, где следователь, осуществляя расследование преступления, может допустить ошибку, следует считать досудебное производство, то есть часть уголовного судопроизводства, включающую стадии возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования. С учетом этого наиболее точной терминологической формой понятия, отражающего сущность ошибок, допускаемых следователями в процессе расследования преступлений, следует считать словосочетание «ошибки досудебного производства по уголовному делу». Понятия «расследование преступления» и «досудебное производство по уголовному делу» мы считаем по смыслу и содержанию равнозначными.

Обосновывая понятие «ошибки досудебного производства по уголовному делу», отметим, что следователи, расследуя преступления и допуская ошибки, всегда добросовестно заблуждаются в правильности осуществления своих действий (бездействий), а с учетом полипредметной основы любого расследования преступления эти ошибки, по сути, могут носить уголовно-правовой, уголовно-процессуальный или криминалистический характеры. При этом уголовно-процессуальные и криминалистические ошибки в конечном итоге ведут к уголовно-правовым ошибкам следователя, которые исправляет государственный обвинитель в процессе производства по уголовному делу в суде первой инстанции.

Когда в действиях (бездействиях) следователя присутствует мотивированный умысел на достижение иного, а не определенного применяемым законом результата, это не ошибка расследования преступления, а должностное преступление следователя, влекущее за собой уголовную ответственность. Фактически такая «ошибка» представляет собой преступление против правосудия [10, с. 46]. В этом подходе едины все авторы, тем или иным образом касавшиеся данной темы.

В соответствии с данной аргументацией, а также на основе анализа *ошибками досудебного производства по уголовному делу следует считать возникшие в результате непреднамеренных действий (бездействий) следователя отдельные нарушения в применении норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства и (или) криминалистических рекомендаций, соответствующих определенному этим законодательством порядку, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, обеспечивающих установление обстоятельств преступления, подлежащих доказыванию в стадиях возбуждения уголовного дела и его предварительного расследования.*

Библиографический список

1. Горский Д.П. Определение. – М.: Мысль, 1974.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. В 4 т. – М., 1938. Т. 2.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь справочник. – М.: Наука, 1975.
4. Фалеев В.И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судом ошибок предварительного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Калининград, 2002.
5. Белозеров Ю.Н., Рябоконь В.В. Производство следственных действий: учебное пособие. – М.: МССШМ МВД СССР, 1990. - 66 с.
6. Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятия и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 41.
7. Баранов А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: МССШМ МВД СССР, 1992. – 24 с.
8. Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2005.
9. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. – Саратов: Сарат. ун-т, 1988. – 200 с.
10. Соловьев А.Б. Следственные ошибки, их причины и пути устранения на предварительном следствии и в суде / А.Б. Соловьев, М.Е. Токарев, А.Г. Халиулин // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 46.
11. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного расследования. – М., 1990.
12. Соловьев А.Б. Доказывание в судебных стадиях уголовного процесса России: научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2002.
13. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. – М.: Норма, 2009.
14. Бойков А.Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений 24 съезда КПСС / Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. – М., 1988.
15. Дугин А.Т. Проблемы борьбы с уголовно-процессуальными нарушениями при расследовании преступлений средствами прокурорского надзора: дис. … канд. юрид. наук. – М., 1995.
16. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. – СПб.: Юридический центр, 2003. – 420 с.
17. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. – Воронеж: Воронежский университет, 1995.
18. Головин А.Ю. Тактические ошибки в расследовании преступлений. – Тула: ТулГУ, 2001. – 42 с.
19. Морозова Е.В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
20. Ширванов А.А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения // Российский следователь. 2005. № 7.
21. Соловьев А., Шейфер С., Токарева М. Следственные ошибки и их причины // Социалистическая законность. 1987. № 12.

УДК 343.985

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТАКОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ, КАК ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Скоморохов О.Н.,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Баранов В.М.,
кандидат педагогических наук, доцент
(Белгородский государственный технологический университет им В.Г. Шухова)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования предъявления для опознания на стадии предварительного расследования и тактические приемы производства названного действия в различных следственных ситуациях.

Ключевые слова: следственное действие, возбуждение уголовного дела, предъявление для опознания, процессуальный порядок, бесконтактное опознания, опознание живых лиц, судопроизводство, правоохранительные органы, суд, судебное доказательство.

ABOUT SOME PROBLEMS OF SUCH INQUISITIONAL ACTION AS PRODUCING FOR IDENTIFICATION

Skomorokhov O.N.,
Candidate of Law
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Baranov V.M.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov)

Abstract: in the article the problems of the legislative adjusting of producing for identification on the stage of the pretrial hearing and tactical receptions of production of the adopted action are examined in different inquisitional situations.

Key words: inquisitional action, laying an action, producing for identification, judicial order, noncontact identifications, identification of living persons, rule-making, law enforcement authorities, court, judicial proof.

Улучшение деятельности правоохранительных органов, судов, укрепление законности, а также совершенствование российского законодательства относятся к числу наиболее актуальных задач по укреплению государства. Процессуальные отношения, которые возникают при осуществлении деятельности данных органов, зачастую затрагивают интересы предприятий, учреждений, государственных и общественных организаций и граждан. Ввиду этого деятельность суда и органов предварительного расследования по собиранию судебных доказательств – это одно из условий правильного и своевременного разрешения уголовного дела.

Выполнение задач судопроизводства во многом зависит от качества доказательственной информации, которая была собрана в ходе предварительного расследования. Задачи данной стадии решаются за счёт производства следственных действий. Из всех следственных действий, которые совершаются следователем (дознавателем) для выяснения каких-либо обстоятельств по делу, зачастую предъявление для опознания имеет существенное значение. В большинстве случаев опознание является наиважнейшим доказательством для установления истины [3, с. 75]. Нарушение такого порядка предъявления для опознания может привести к тому, что протокол данного следственного действия будет признан недопустимым доказательством по данному делу. Но следует помнить, что предъявление для опознания – это лишь одна из форм использования способностей человека опознавать ранее воспринятые объекты для установления судебных доказательств. Иногда задача предъявления для опознания полностью исчерпывается содержанием другого процессуального действия, например, такого как проверка показаний на месте; опознавательные объекты могут быть элементами ряда процессуальных действий, таких как допрос или обыск, или же сочетаться с ними, например, опознание при задержании подозреваемого.

Нарушение процессуального порядка предъявления для опознания объясняется тем, что данное следственное действие организуется в некоторых случаях без показаний опознающего лица, и это не просто выдумка, об этом свидетельствует судебная и следственная практика.

Проблема опознания в судопроизводстве выходит за пределы регламентированного законом предъявления для опознания: процессуальные правила последнего неприменимы для опознания некоторых объектов; принятие правильного решения о предъявлении объекта для опознания в ряде случаев обусловлено также предшествовавшим ему непроцессуальным опознанием, используемым в оперативно-разыскной работе.

Таким образом, созрела необходимость изучения такой комплексной проблемы, как предъявление для опознания в судопроизводстве. Пожалуй, самым распространенным в следственной практике является такое следственное действие, как предъявление для опознания живых лиц [2, с. 50]. Данное следственное действие имеет важное значение для доказательственной базы по уголовному делу, к его проведению необходимо подходить со всей ответственностью. На практике часто допускаются ошибки, которые могут повлечь или влекут за собой возвращение дела на дополнительное расследование или иные существенные недоработки и проблемы.

Чтобы этого не произошло, надлежит тщательно подготовиться к предъявлению для опознания живых лиц. В первую очередь опознающий предварительно допрашивается об обстоятельствах, при которых он видел предъявляемое для опознания лицо, а также о приметах и особенностях, по которым он может опознать. Данные сведения выясняются при первом допросе, но если существует необходимость, может быть произведен и повторный допрос.

После выяснения внешних признаков и примет лица, подлежащего опознанию, перед следователем (дознавателем) возникает проблема подбора статистов, среди которых будет предъявляться опознаваемый человек.

Лица должны быть совершенно посторонними, не имеющими отношения к делу. Подбор людей должен осуществляться по принципу общего сходства антропологических признаков. Необходимо учитывать национальность, возраст, телосложение, рост, цвет волос, глаз, овал лица [1, с. 17]. Одежда также должна иметь сходство.

Требуется правильно составить протокол, что зачастую на практике не всегда соблюдается. Например, чаще всего в бланках протоколов, в сведениях о статистах приводятся только фамилия, имя, отчество, дата рождения, иные сведения отсутствуют. Из этого следует неясность правильности подбора статистов. Одно из решений данной проблемы предлагает С.А. Шейфер. По его мнению, можно использовать удостоверительную технику, способную передать особенности группы предъявляемых лиц. Мы согласны с его мнением, поскольку данный способ наглядно демонстрирует правильность или неверность подбора статистов. Также в протоколе необходимо указать, по каким признакам данный человек был опознан.

Еще одним важным аспектом подготовки к предъявлению для опознания живого лица является предварительная подготовка опознающего перед осуществлением следственного действия. Необходимо учитывать, что в большинстве случаев опознание требует существенных волевых усилий, осознания высокой степени ответственности за выполняемое действие и понимания последствий со стороны опознающего. В противном случае результаты опознания не смогут быть приняты как доказательство в связи с тем, что действия опознающего проявляются в неуверенности и неопределенности. Не сосредотачивая своих волевых усилий, недостаточно активизируя свою психологическую деятельность, опознающий нередко выражает неуверенность в опознаваемом объекте, не может твердо подтвердить, что это именно тот объект. В этом случае результат данного следственного действия как доказательства ничтожен.

Некоторые проблемы существуют также в предъявлении для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. На наш взгляд, самой явной проблемой является отсутствие в УПК Российской Федерации точного перечня технических средств и тактических приемов обеспечения этого вида предъявления для опознания. Данный вид опознания проводится по решению следователя или дознавателя в целях обеспечения безопасности опознающего. Исходя из того, что в УПК Российской Федерации не указаны основания для проведения этого вида предъявления для опознания, можно сделать вывод о том, что следователь (дознаватель) самостоятельно определяет такие основания.

Предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, решает существенную проблему. По результатам следственной практики значительная часть опознающих отказывается принимать участие в предъявлении для опознания при обычных условиях. Основной причиной отказа является страх за свою жизнь, безопасность родных и близких, боязнь мести. С появлением в УПК РФ ч. 8 ст. 193 данная проблема

была решена. Но возникли новые. В связи с тем, что порядок такого предъявления урегулирован лишь в общих чертах, на практике существует много нерешенных проблем. Одной из них является неопределенность места нахождения защитника обвиняемого (подозреваемого). Если предположить, что защитник будет находиться рядом с подзащитным, то в таком случае он будет лишен возможности наблюдать за ходом и результатом опознания, правильностью его проведения. Но ему также нельзя находиться рядом с опознающим в целях обеспечения его безопасности. Проблема остается нерешенной.

В заключение хотим отметить то, что проблемы предъявления для опознания решить однозначно невозможно из-за существующих пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве. Но органы, осуществляющие расследование, должны сделать все возможное, приложить все усилия для того, чтобы проведенное ими предъявление для опознания было законным, обоснованным и послужило осуществлению правосудия и восстановлению справедливости.

Библиографический список

1. Андроник Н.А., Крюков К.Г., Пачина Т.С. Тактика предъявления для опознания: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2015. - 56 с.

2. Мазунин Я.М., Манцурова Л.А. Тактика предъявления для опознания живых лиц на стадии предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 49-54.

3. Ильин Н.Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности // Вестник Воронежского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 75-81.

УДК 343.1

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лонщакова А.Р.,
кандидат юридических наук;
Васильченко А.В.,
кандидат медицинских наук, доцент
(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: авторы данной статьи попытались проанализировать основные причины проблем использования полиграфа в уголовном судопроизводстве и высказать собственное суждение о возможности использования этого метода в данной области.

Ключевые слова: достоверность, уголовное судопроизводство полиграф, специалист, следователь, следственная версия, преодоление противодействия расследованию.

OPPORTUNITIES FOR USING SPECIAL PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH WITH THE USE OF THE POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lonshchakova A.R.,
Candidate of Law;
Vasilchenko A.V.,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor
(Ufa Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: the authors of this article attempted to analyze the main causes of the problems of polygraph use in criminal proceedings and express their own judgment about the possibility of using this method in this field.

Key words: veracity, criminal procedure polygraph, specialist, investigator, investigative version, overcoming the opposition to the investigation.

Рост преступности и неудовлетворительная раскрываемость преступлений в условиях нестабильности экономики, когда все труднее обеспечить защиту прав и интересов граждан и организаций от преступных посягательств, существенно осложняют деятельность правоохранительных органов. В тяжелом положении оказались службы правоохранительных органов, непосредственно занимающиеся раскрытием и расследованием преступлений: недостаточен уровень профессиональной подготовки сотрудников, проявляются недостатки технического, тактического, психологического и иного обеспечения.

В этой связи применение психологических средств (психофизиологических с использованием полиграфа) в деятельности следственных и оперативных работников представляет собой один из важных способов повышения эффективности и результативности в борьбе с преступностью.

Следователи часто сталкиваются с проблемой оценки искренности показаний при производстве вербальных следственных действий. При этом сознательно или интуитивно они осуществляют поиск различных признаков выявления лжи: начиная с наблюдения за поведением, внешними проявлениями физических реакций (покраснением кожного покрова), жестикуляцией, речью опрашиваемого лица и заканчивая использованием логических приемов установления противоречий в показаниях, применением тактических приемов диагностики и разоблачения ложных показаний, скрываемой информации.

Необходимо отметить, что важным свойством идеальных следов, хранящихся в памяти человека, является то, что они подвержены только естественному разрушению (забывание тех или иных фактов или их обстоятельств), но недоступны умышленному их уничтожению: человек не способен целенаправленно забывать какую-то информацию. Наиболее личностно значимая для человека часть информации (например, его участие в преступлении или привлекшие его внимание какие-то обстоятельства этого преступления) может храниться в эмоциональной памяти помимо его воли и желания десятилетиями. Именно на этом,

как отмечает Ю.И. Холодный, базируется эффективность применения метода опроса с использованием полиграфа в правоохранительной практике [1, с. 11].

Рассматривая данный вопрос, полагаем необходимым в очередной раз вначале остановиться на методологических основах полиграфных исследований, а затем проанализировать причины проблем их применения в практической деятельности и оценить возможности использования полиграфа в рамках правил и требований действующего уголовно-процессуального закона.

В основу доминирующей отечественной научной теории принципа специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа положен так называемый «психофизиологический феномен» [2]. Он характеризуется тем, что устойчивая психофизиологическая реакция на внешний стимул (образ, предъявленный визуально или аудиально) возникает при условии, если он несет информацию о событии, запечатленном в памяти испытуемого субъекта, и является для него значимым в ситуации проводимого исследования. Однако психофизиологические реакции, регистрируемые в ходе исследований с использованием полиграфа, носят неспецифичный характер и неспецифичны, могут свидетельствовать лишь о ее ситуативной значимости для субъекта исследования. Устойчивая реакция на стимул может быть обусловлена как попыткой скрыть информацию, так и удивлением, ассоциацией, возникшей в памяти испытуемого, и пр. Несмотря на попытки снизить вероятность неверной трактовки регистрируемых психофизиологических реакций в ходе предтестовой и послетестовой бесед, суждения о причинах их возникновения будут иметь вероятностный характер. Данное обстоятельство является, на наш взгляд, одной из основных причин невозможности причисления исследования с использованием полиграфа к категории экспертиз.

Необходимо отметить, что более 5 лет минуло с тех пор, как кассационным Определением Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12 заключение по результатам психофизиологического исследования с использованием полиграфа было признано «не соответствующим требованиям, предъявляемым к экспертизам, и отнесено к разряду недопустимых доказательств» [3]. С тех пор доминируют мнения о категорической невозможности его использования в уголовном судопроизводстве [4, с. 14-20; 5, с. 12-16.]. В качестве аргументов недопустимости использования полиграфа в судопроизводстве неоднократно высказывались суждения «о ненаучности данного метода» [6, с. 50-55; 7, с. 32-34]. Не способствуют позитивной оценке исследований с использованием полиграфа и расхождения во взглядах в среде полиграфологов [8, 9].

Рассматривая аргумент «о ненаучности данного метода исследования», следует сказать об отсутствии указания на это в Определении Верховного Суда Российской Федерации. Более того, в вышеуказанном Определении отмечается возможность использования полиграфа в качестве исследования с целью выработки и проверки следственных версий. К сожалению, несмотря на большой положительный опыт применения полиграфа в правоохранительной деятельности, целый ряд теоретических и прикладных аспектов применения полиграфа

требует доработки [1, с. 11-13], довольно часто имеют место нарушения в его использовании, которые условно можно разделить на следующие группы.

Некорректные вопросы в фабуле задания, поставленные заказчиком. В частности, вопросы «Скрывает ли испытуемый информацию?» или «Владеет ли испытуемый информацией?», некорректны, т.к. в ходе исследования с использованием полиграфа возможно определить только значимость данного события для испытуемого.

Нарушения в методологии проведения исследования, несмотря на наличие четких методических указаний по проведению специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа.

Нарушения в формулировках заключения специалиста. Например, категоричные выводы о том, что испытуемый располагает информацией о деталях случившегося (игнорирование принципа психофизиологического феномена.

Выход полиграфологом за пределы своей компетенции, когда в ходе исследования специалист пытается выяснить (и, кстати, выясняет) обстоятельства, предусмотренные ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В этой связи нами было проведено исследование 76 заключений экспертов-полиграфологов, в результате которого классифицированы их выводы: в категоричной форме – реакции, свидетельствующие о том, что испытуемый располагает (например, в ходе проведенного исследования по уголовному делу № 54808 было выявлено, что гр-н Ф. располагает информацией о деталях случившегося, касающихся места и обстоятельств совершения половых актов с гр-кой Л.); не располагает (например, в ходе проведенного исследования по уголовному делу № 33982 не было выявлено реакций, свидетельствующих о том, что С. располагает информацией о деталях случившегося, которые могли стать ему известны в момент убийства А.) информацией о деталях случившегося; в вероятной форме – об информации, которая получена испытуемым на момент случившегося, вследствие отражения обстоятельств случившегося (например, по уголовному делу № 330456, судя по характеру, степени выраженности и соотношению психофизиологических реакций на вопросы тестов, предъявленных подэкспертному, была выявлена информация, которой располагает К., вероятно, полученная им на момент случившегося вследствие отражения обстоятельств, связанных с изнасилованием гр-ки Ш.). Тем не менее на поставленные следователем вопросы экспертами были даны полные и аргументированные ответы. Психофизиологические экспертизы проведены в соответствии с требованиями Федерального закона Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и нормами УПК России, выводы данных экспертиз согласуются с материалами уголовных дел.

Вышеуказанные особенности не способствуют популяризации использования полиграфа в уголовном судопроизводстве и зачастую приводят к нежеланию его использовать.

Достаточно активно обсуждался вопрос применения полиграфа при проведении допроса. В частности, аргументированно предлагалось пополнить систему следственных действий новым – проверкой показаний на полиграфе для

выявления в них лжи [10, с. 132-137; 12, с. 111-116]. Однако данное предложение не нашло поддержки. В свою очередь, противники данного предложения обоснованно указывают на несоответствие роли специалиста-полиграфолога роли следователя как субъекта следственного действия и невозможность выявления лжи с помощью полиграфа [12]. Вышеуказанных недостатков лишено предложение использовать в уголовном судопроизводстве лишь в качестве технического средства фиксации психофизиологического состояния лица, дающего показания, с обязательным соблюдением правил и требований ст.ст. 164, 173, 187-190 УПК России (разъяснение прав и обязанностей специалисту-полиграфологу, лица, чьи показания проверяются, предупреждение об использовании полиграфа, согласие опрашиваемого лица на его использование и пр.) [13, с. 64-66].

Данное предложение, реализуемое в форме инструментального интервью с использованием полиграфа, представляется нам перспективным вследствие того, что не нарушается принцип проведения следственного действия самим следователям. Для проведения следственного действия привлекается специалист-полиграфолог, оказывающий следователю консультативную помощь в режиме онлайн. Совместное проведение следственных действий следователя и полиграфолога должно способствовать, на наш взгляд, повышению эффективности приемов криминалистической тактики, преодоления различных форм противодействия расследованию.

Мы считаем, что использование полиграфа при расследовании, в частности, при подготовке к производству следственных действий, необходимо. По мнению ученых и практиков, этот метод способствует не только значительному сокращению временных, физических и материальных затрат на раскрытие преступлений, но и защите граждан от необоснованных подозрений в причастности к совершению преступлений, снятию подозрений с ошибочно заподозренных. Этот вывод подтверждает обобщение практики использования полиграфа при расследовании преступлений. Важно отметить, что данный тезис подтвердили 65,2% опрошенных нами адвокатов-защитников по уголовным делам.

Еще раз хотелось бы сказать, что контроль физиологических реакций человека позволяет не только установить факт сокрытия информации, но, что не менее важно, способствует установлению невиновности подозреваемого [14, с. 56]. В половине случаев полиграф помогает снять подозрение с невиновного. Так, еще в 1996 г., по данным МВД России, из 1074 проведенных опросов в 668 случаях подтвердилась возможная непричастность опрашиваемого к совершению преступления [15, с. 50]. Нередки случаи (объем статьи не позволяет проиллюстрировать эти многочисленные примеры за последние 25 лет в России), когда проверка на полиграфе является последней надеждой опрашиваемого на снятие необоснованных подозрений.

Однако обобщение эмпирического материала (в частности, нами изучено 350 уголовных дел, рассмотренных районными и городскими судами Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Челябинской области в 2005-2017 гг., возбужденных по ст.ст. 105, 111, 113, 115, 116, 117, 119, 205.1, 205.2, 207, 282,

282.2 УК РФ, проведен опрос следователей, оперативных работников, адвокатов) свидетельствует о недостаточном использовании полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений.

Практика применения полиграфа убедительно свидетельствует: именно с его помощью можно успешно выявлять лжесвидетельство, повысить эффективность следственных действий, обеспечить решение многих тактико-криминалистических задач.

Таким образом, использование полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений [16, с. 50], в частности, при подготовке к производству вербальных следственных действий, проверке информации, полученной при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий – носит, прежде всего, прикладной характер.

Потенциальные возможности использования полиграфа как вида криминалистической техники в расследовании и раскрытии преступлений, к сожалению, реализуются крайне слабо. Этому способствуют как неразрешенные вопросы процессуального урегулирования использования полиграфа, так и несовершенство методологического обеспечения его применения [17]. Перспективным в свете повышения эффективности реализации задач криминалистической тактики представляется использование специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа в форме инструментального интервью в качестве ориентирующей информации при допросе следователем.

Библиографический список

1. Холодный Ю.И. О едином научно-методическом подходе к применению полиграфа // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 11-13.

2. Холодный Ю.И. Методическое обеспечение судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2015. № 4.

3. Определение Судебной коллегии ВС РФ от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12 / Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам // СПС «КонсультантПлюс».

4. Белкин А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 14-20.

5. Халиков А.Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Российский следователь. 2016. № 4. С. 12-16.

6. Зотов Д.В. О недопустимости доказательств, сформированных на основе психофизиологических исследований на полиграфе // Законность. 2015. № 10. С. 50-55.

7. Китаев Н.Н. Психофизиологическая экспертиза – грубое нарушение Инструкции о порядке применения полиграфа при опросе граждан // Российский следователь. 2007. № 6. С. 32-34.

8. Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7.

9. Холодный Ю.И. Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3.

10. Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132-137.

11. Семенцов В.А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 111-116.
12. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10.
13. Апостолова Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 64-66.
14. Холодный Ю.И., Савельев Ю.И. Проблема использования испытаний на полиграфе: приглашение к дискуссии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 56.
15. Белюшина О.В. Правовове регулирование и методика применения полиграфа в раскрытии преступлений: дис. … канд. юрид. наук. – М., 1998.
16. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. О научной обоснованности применения полиграфа // Эксперт-криминалист. 2011. № 2.
17. Латыпов В.С. Психофизиологическое исследование с применением полиграфа как непроцессуальная форма использования специальных знаний // Адвокат. 2017. № 3.

УДК 343.983

К ВОПРОСУ О ПРОЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ КЛИНКОВ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Фесенко Н.П.,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»))

Аннотация: в данной статье рассмотрены некоторые проблемы криминалистического исследования клинкового холодного оружия. Автором проанализированы понятия прочности, жесткости и устойчивости клинкового холодного оружия. Рассмотрены вопросы твердости металла, методов измерения твердости, в частности, метод Роквелла. Дана характеристика некоторых сталей, применяемых для изготовления ножей и кинжалов.

Ключевые слова: холодное оружие, методика, экспертиза, прочность, жесткость, устойчивость, твердость металла, метод Роквелла, марка стали.

ON THE QUESTION OF THE STRENGTH CHARACTERISTICS OF BLADES COLD WEAPON

Fesenko N.P.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University (NIU «BelGU»))

Abstract: this article deals with the problems of criminalistic research shortsword cold weapons. The author analyzed the concepts of strength, rigidity and stability of blade cold weapons. Questions of hardness of metal, methods of measuring hardness, in particular the Rockwell method, are considered. The characteristics of some steels used for making knives and daggers are given.

Key words: cold weapons, methods, expertise, strength, rigidity, stability, hardness of metal, Rockwell method, steel grade.

Полагаем, следует согласиться с мыслью о том, что многовековая история холодного и метательного оружия, начавшаяся в глубокой древности, продолжается и в наши дни. Вероятно, этот процесс будет длиться еще очень долго [1, с. 7].

Известно, что уже в каменном веке возникают многие разновидности холодного оружия. С одной стороны, это каменный нож, деревянная палица (или просто – дубина), а с другой – ударный груз с привязью (прообраз пращи).

Открытие меди и получение бронзы начинают следующий этап в истории холодного и метательного оружия. Возросшая твердость и прочность металла расширили возможности, изначально заложенные в каменных ножах, копьях, кинжалах, палицах и др.

Металлическая основа бронзы, а затем и железа позволила увеличить боевые свойства оружия, придать им новые формы и дать толчок для создания новых видов холодного и метательного оружия, дошедших практически в неизменном виде до наших дней.

В настоящее время многие из этих объектов используются при совершении различных преступлений. Необходимо отметить, что насилие всегда присутствовало в жизни человеческого общества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно на земном шаре из-за насилия погибает более 1,3 миллиона человек, или 2,5% умирающих. Еще большее число людей получают телесные повреждения без летального исхода и глубокие психологические травмы в результате межличностных и коллективных форм насилия. Почти каждое второе убийство в мире совершается с применением огнестрельного оружия, около четверти – с применением холодного оружия (колющего, режущего, рубящего). По данным ВОЗ в 2012 году в Европейском регионе с применением огнестрельного оружия было совершено 25% убийств, с применением холодного оружия – 27%. Естественно, эта доля существенно различается по регионам и странам мира. Так, доля убийств, совершенных с применением холодного оружия, составляет от 3% в Македонии до 60% в Узбекистане. В России с применением огнестрельного оружия совершается около трети всех убийств (29%), с применением холодного – 25% [2].

Несмотря на то, что насилие во все времена было спутником человечества, общество постоянно вело и ведет борьбу с этим неизбежным злом. Издавна сложились и развиваются различные системы, в том числе и юридические, призванные предотвратить или ограничить его.

Как известно, уголовная ответственность за незаконное изготовление, хранение, сбыт и ношение холодного оружия в послереволюционной России была предусмотрена ст. 182 УК РСФСР от 1926 года. Пришедший ему на смену УК РСФСР от 1960 года также предусматривал уголовную ответственность за ношение, изготовление или сбыт холодного оружия без соответствующего разрешения (ч. 2 ст. 218).

И уже в наше время первоначальный вариант ч. 4 ст. 222 УК РФ от 1996 года предусматривал уголовную ответственность за незаконные приобретение, сбыт или ношение холодного оружия, в том числе метательного оружия. Однако Федеральным законом Российской Федерации от 08.12.2003 № 162-ФЗ в данное положение были внесены изменения, в соответствии с которыми в

дальнейшем предусматривалась уголовная ответственность только лишь за незаконный сбыт холодного оружия, в том числе метательного оружия. Здесь же необходимо отметить, что речь о холодном оружии идет также в ст. 223 УК РФ. Ч. 4 данной статьи предусмотрено наказание за незаконное изготовление холодного оружия.

В связи с изложенным следует также упомянуть ст. 63 УК РФ, в которой под пунктом «к» обстоятельством, отягчающим наказание, признается совершение преступления с использованием оружия. Причем законодатель не конкретизирует вид оружия, следует полагать, что здесь подразумевается также и холодное оружие.

Таким образом, в необходимых случаях приходится решать вопросы о принадлежности конкретного объекта к холодному оружию, определении его вида и типа, способа изготовления. Решаются данные вопросы путем проведения экспертизы холодного оружия. Проводится экспертиза в соответствии с принятой в 1998 году официальной методикой [3]. В пункте 3.2.1.2 данной методики отмечается, что независимо от конструкции клинкового оружия любой его образец должен обладать определенной прочностью, позволяющей ему надежно выполнять свое целевое назначение. Конструктивная прочность холодного оружия определяется сочетанием механических свойств, присущих конструкции в целом и материалу ее деталей.

Конструкция в целом характеризуется прочностью, жесткостью и устойчивостью, которые зависят от свойств используемых материалов, формы и размеров отдельных деталей и технологии их изготовления и сборки.

Здесь под прочностью подразумевается способность конструкции, ее частей и деталей выдерживать определенную нагрузку без пластической деформации, не разрушаясь. Жесткость – это способность конструкции и ее элементов противостоять внешним нагрузкам в пределах допустимых изменений формы и размеров. Устойчивость – это способность конструкции и ее элементов сохранять в нагруженном состоянии начальную форму упругого равновесия, то есть принимать исходное состояние при снятии дополнительной нагрузки [4, с. 29-30].

Прочность, жесткость и устойчивость холодного оружия в первую очередь зависят от твердости материала, из которого изготовлен клинок объекта.

Поэтому определенная твердость клинков является одним из важных требований, предъявляемых к клинковому холодному оружию.

Для изготовления клинков современных охотничьих ножей и кинжалов, ножей для выживания, охотничьих тесаков и клинкового холодного оружия, предназначенного для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации, относящихся к гражданскому клинковому холодному оружию, обычно используют стали, прошедшие специальную обработку.

Необходимо отметить, что в зависимости от процентного содержания углерода в сплаве сталь разделяют на три вида: высокоуглеродистая, среднеуглеродистая, низкоуглеродистая. Если при этом сплав содержит другие химические элементы, она называется легированной. Если процентное содержание легирующих элементов, изменяющих ее свойства, составляет от 10 до 50, сталь является высоколегированной.

Высшие сорта стали имеют сложную технологию выплавки, а качество клинка и его исключительная острота, упругость и прочность во многом также зависят от правильно выбранного режима термообработки, тщательности шлифовки, полировки. Однако легированная сталь имеет серьезные преимущества перед обычной углеродистой, поскольку показатели прочности, износостойкости, твердости и вязкости зависят от таких элементов, как молибден, хром, ванадий, никель, кремний, вольфрам, марганец. Добавка молибдена одновременно повышает показатели прочности и вязкости, а высокое содержание хрома улучшает режущие свойства лезвия, повышая твердость, износостойкость, а также придавая стали антикоррозийные свойства.

Самой распространенной отечественной маркой стали для массового производства ножей является сталь 65Х13. Легирование хромом придает марке этой стали высокие показатели антикоррозийности, устойчивости к окислению и воздействиям внешних факторов. К тому же она отличается низкой стоимостью и быстро поддается заточке. Наряду с этим одной из лучших отечественных марок стали является сталь 95Х18. Это высоколегированная сталь с высокой твердостью, хорошими качествами режущей кромки предназначена для изготовления изделий с высокой прочностью и износостойкостью [5].

Твердость материала клинков измеряется при помощи воздействия на поверхность металла наконечника (индентора), изготовленного из твердого материала (закаленная сталь, алмаз, сапфир и т.д.) и имеющего форму шарика, конуса, пирамиды или иглы.

Наибольшее распространение получил способ измерения твердости путем вдавливания наконечника. В результате вдавливания с достаточно большой нагрузкой поверхностные слои металла, находящиеся под наконечником и вблизи него, пластически деформируются. После снятия нагрузки на поверхности остается отпечаток. В зависимости от формы и материала вдавливаемого наконечника существуют три метода измерения твердости. Это метод Бринелля, метод Роквелла и метод Виккерса. Наибольшее распространение получил метод Роквелла. При этом методе индентором служит алмазный конус с углом при вершине 120° или стальной закаленный шарик диаметром 1,59 мм. Алмазный конус применяют при измерении твердости твердых металлов, а шарик – мягких металлов.

Твердость по Роквеллу измеряют в условных единицах. За единицу твердости принято значение погружения индентора на 0,002 мм при действии общей нагрузки. При измерении конусом с нагрузкой 150 кГ твердость обозначается HRC, при нагрузке 60 кГ – HRA, а при измерении шариком с нагрузкой 100 кГ обозначается HRB.

Минимальная твердость материала клинков конкретных объектов указана в соответствующих нормативных актах. Так, в п. 34 ч. VII «Холодное клинковое оружие» Криминалистических требований МВД РФ отмечается «твердость клинков ножей и кинжалов охотничьих, ножей для выживания и тесаков охотничьих должна быть не менее 42 единиц по шкале Роквелла (42 HRC)» [5]. Для сравнения твердость инструментальной стали составляет 61-62 HRC, бронзы – менее 30 HRC.

Таким образом, одним из параметров, характеризующих клинковое холодное оружие с рукоятью, является твердость металла клинка. Если твердость не достигает определенного минимального размера (в большинстве случаев 42 HRC), то такой объект при соответствии остальных параметров к холодному оружию не относится.

Библиографический список

1. Матюшенков А.Н. Оружиеведение. Ч. 1: Холодное и метательное оружие: учебное пособие. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2002. – 173 с.
2. Щербакова Е.М. Смертность от убийств в мире в 2012 году // Демоскоп. 2014. № 623-624.
3. Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию: утверждена Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований (протокол № 5 от 18.11.1998) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.schaschka.ru/.
4. Сумарока А.М., Стальмахов А.В., Егоров А.Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза: учебник. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000. – 152 с.
5. Криминалистические требования Министерства внутренних дел Российской Федерации к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему: приложение к приказу МВД РФ от 20 сентября 2011 г. № 1020 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru/.

УДК 343.98

РОЛЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕДУРЕ ОСМОТРА МЕСТА ПОЖАРА

Гаврилова О.В.,
кандидат юридических наук;
Лебедев А.Н.
(Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые тактические особенности изъятия вещественных доказательств в ходе осмотра места происшествия по фактам пожаров и поджогов.

Ключевые слова: вещественные доказательства, пожар, осмотр места происшествия, поджог, следственное действие, предварительное расследование.

ROLE MATERIAL EVIDENCE IN PROCEDURE SURVEY THE SITE OF FIRE

Gavrilova O.V.,
Candidate of Law;
Lebedev A.N.
(Leningrad regional branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia)

Abstract: the article deals with some tactical features of seizure of material evidence during the inspection of the scene on the facts of fires and arson.

Key words: physical evidence, fire scene examination, arson investigation, preliminary investigation.

Осмотр места происшествия проводится практически по всем уголовным делам, ведь он позволяет следователю или дознавателю наиболее полно ознакомиться с обстановкой места события и глубже уяснить сущность произошедшего [8, с. 4]. Во время производства осмотра обнаруживаются, исследуются и закрепляются сведения, устанавливающие событие преступления, виновность лица его совершившего, выявляются обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Оперативное раскрытие преступлений, в том числе и связанных с поджогами, в значительной степени зависит от профессионально грамотного и квалифицированного изъятия с места происшествия (места пожара) вещественных доказательств. Указанное следственное действие нельзя недооценивать. Процедура осмотра места пожара и изъятия вещественных доказательств должна быть выполнена безупречно как с юридической точки зрения, так и с технической. В противном случае доказательства, в соответствии с УПК РФ, будут признаны недопустимыми и не смогут быть использованы при осуществлении правосудия [1].

Рассматривая роль обнаружения и изъятия вещественных доказательств в процедуре осмотра места происшествия, нельзя не обратиться к таким понятиям, как осмотр места происшествия и место пожара. Такое следственное действие, как осмотр места происшествия (места пожара), позволяет установить истинную причину и обстоятельства пожара.

Осмотр места происшествия – неотложное следственное действие, направленное, прежде всего, на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события.

Осмотр места пожара является разновидностью осмотра места происшествия и осуществляется на основании и в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) [1].

Под формулировкой «осмотр места пожара» подразумеваются процессуальные действия, предусмотренные ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (осмотр места происшествия; местности, жилища) [1] и

ст. 278 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений) [2].

Следует особо обратить внимание на то, что существуют значительные отличия при работе по осмотру места происшествия, связанного с пожарами (поиск информативных следов и других вещественных доказательств). Эти действия отличаются особенно большой трудоемкостью, тяжелыми, а порой и опасными условиями для участников осмотра. Поиск сопряжен с разборкой и расчисткой остатков обгоревших и разрушенных строительных конструкций, оборудования и предметов интерьера, с тщательным просмотром и просеиванием так называемого пожарного мусора, с отбором проб веществ и материалов для их последующего лабораторного исследования.

На месте пожара или вблизи него в ходе осмотра места происшествия велика вероятность обнаружения в очаговой зоне устройств и приспособлений для поджога. Наличие ёмкостей из-под легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, а также тряпок, предметов одежды, пропитанных горючей жидкостью, является важным квалификационным признаком поджога. В частности, 30 октября 2011 г. в г. Вологде при осмотре места происшествия, где объектом пожара явился легковой автомобиль «Ока», была обнаружена обугленная пластиковая бутылка объёмом 0,5 л. С помощью газоанализатора «АНТ-3» были произведены измерения на наличие паров нефтепродуктов в воздухе, которые показали их присутствие с концентрацией 460-640 мг/куб. м. В дальнейшем было установлено, что из данной пластиковой бутылки был разлит бензин на переднее правое крыло автомобиля. Для поджога легкового автомобиля «Volkswagen Passat» 11 июня 2009 г. в г. Вологде был изготовлен факел (палка с обмотанной ветошью, пропитанной ГЖ), который поджигатель забросил в салон автомобиля, предварительно разбив переднее стекло со стороны водительского сидения [3].

Говоря об успешном расследовании криминальных пожаров, следует особо обратить внимание на тот факт, что в большой степени оно зависит от полноты и качества работы сотрудников следственно-оперативной группы в процедуре осмотра места пожара.

Как известно, уголовные дела по пожарам относятся к наиболее сложным, требующим от дознавателей специальных познаний во многих областях науки – начиная с основ теории горения и заканчивая основами электротехники, поведения металлов и строительных конструкций в условиях пожара. Кроме того, дознаватель обязан соблюсти все процессуальные положения в ходе проведения дознания, а также знать законодательство в области оперативно-разыскной деятельности и т.д. В любое время суток дознаватель обязан прибыть на место пожара и быть готовым к выполнению задач по определению очага пожара, предварительной причины пожара, закреплению обстоятельств, предшествующих возникновению пожара. Скорость и качество выполнения этих действий являются залогом правильности принятия решений по результатам проверки по пожару в установленные Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации сроки, а также результативности расследования уголовного дела по пожару в случае его возбуждения.

Сегодня органы дознания ГПН ФПС укомплектованы современным портативным оборудованием, позволяющим проводить необходимые действия на месте пожара, такие как отбор различных проб, вещественных доказательств, исследование и описание места пожара, изучение поврежденных строительных конструкций.

Особую важность процедуре осмотра места происшествия придают обнаружение и изъятие вещественных доказательств.

Процедура осмотра места пожара и изъятия вещественных доказательств должна быть выполнена сотрудниками, осуществляющими данные следственные действия, профессионально и квалифицированно. Зачастую уголовные дела в суде «разваливаются» адвокатами из-за того, что вещественные доказательства были изъяты с места происшествия с нарушением процессуальных норм.

Обнаружение и изъятие вещественных доказательств, на которых в дальнейшем будет базироваться обвинение в суде, придают особую важность процедуре осмотра места происшествия. Об этом говорят многие ученые криминалисты [5, с. 152].

При производстве осмотра места происшествия изымаются разные объекты, так называемые вещественные доказательства.

Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и изобличению виновных. Субъект невольно или намеренно изменяет внешнее строение, состав или структуру этих объектов, которые могут являться следами-предметами или следами-веществами. Интеграция в эту сферу достижений естественных и технических наук позволяет исследовать вещества и материалы, взятые как в макро-, так и в микроколичествах, и получать ценную разыскную и доказательственную информацию.

Вещественные доказательства могут находиться в различных состояниях – твердом, жидком (в том числе мазеобразном) и газообразном; представлять собой объемы сыпучих или жидких веществ или материалов; целые изделия, их фрагменты, частицы, пятна, волокна.

Говоря о методике обнаружения, фиксации и изъятия вещества или материала, следует особо обратить внимание на тот факт, что она зависит от его природы, количества и той разыскной или доказательной информации, которую рассчитывают получить при их исследовании. Пятна и капли, образованные веществами, изучая их состав, структуру и свойства (например, лакокрасочных или горюче-смазочных материалов), можно рассматривать с традиционных позиций трасологии с точки зрения их формы и механизма образования как следы-вещества, а также как объекты криминалистического исследования веществ и материалов.

Для обнаружения, фиксации и изъятия с места пожара следов и иных вещественных доказательств применяются различные приемы и средства криминалистической техники: осмотр объектов в особых условиях освещения или под специально измененным углом зрения; осмотр объектов с помощью различных оптических средств.

Обнаружение значительных количеств и материалов не вызывает больших затруднений. Сложнее обстоит дело с их фиксацией и изъятием. Вещества и материалы могут быть токсичными и требовать соблюдения специальных мер безопасности при работе с ними; летучими, тогда их необходимо упаковать в герметичную тару; оказывать воздействие на упаковочные материалы, например, некоторые кислоты растворяют стекло; подвержены видоизменениям при определенных условиях. Так, обгоревшие фрагменты паркета, изъятые с места пожара с целью обнаружения на них легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, упаковывают в герметично запаянные полиэтиленовые пакеты, а залитые водой при тушении пожара части металлических объектов высушивают и помещают в картонные коробки, чтобы предотвратить коррозию. Все эти обстоятельства трудно учесть без помощи специалиста.

Считаем целесообразным более пристальное внимание обратить на приемы фиксации следов и других вещественных доказательств. Прежде всего, – это фотографирование, измерение размеров следа или другого объекта, на котором обнаружен след, с целью закрепить этот след и сохранить его состояние и признаки (консервация), снятие копий (слепков) со следа; изъятие следов с места происшествия вместе с предметом или частью предмета, на которой находится след, или путем переноса следа на другую поверхность либо с отделением вещества следа. Все они относятся к технико-криминалистическим приемам и средствам, применяемым при осмотре места происшествия.

Технико-криминалистические средства обычно входят в специальные наборы: оперативные и следственные чемоданы. Иногда комплекты технико-криминалистических средств имеются в специальных автомашинах, предназначенных для выезда на места происшествий.

Помимо средств работы со следами, в перечисленные комплекты входят различные инструменты (например, молоток, стамеска, пассатижи, нож, скальпель), осветительные средства, материалы для упаковки изымаемых с места происшествия объектов, и т.п.

Результаты осмотра всего обнаруженного на месте происшествия, описание произведенных действий, запечатление как обстановки, так и свойств, состояния и признаков отдельных элементов места происшествия должны фиксироваться документально в установленной законом форме.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что «объективность осмотра предполагает, что исследование и фиксация всех объектов должны осуществляться в том виде, в каком они были обнаружены, в протоколе не должны отражаться выводы, предположения и заключения участников осмотра» [8, с. 8]. В протоколе, отражающем результаты осмотра места происшествия, не должны приводиться выводы, заключения и предположения.

С объективностью осмотра тесно связаны полнота выявления, фиксация и исследование всех тех фактических данных, которые имеют доказательственное значение по делу. Для реализации этого требования при осмотре необходимо широко и умело применять научно-технические средства и приемы собирания и исследования доказательств.

Работа по проведению осмотра места пожара должна быть организована так, чтобы не упустить ни одного обстоятельства, имеющего значение для дела. Сложность исследования обусловливается тем, что огнем уничтожаются следы, оставленные преступником, отдельные предметы, находящиеся на месте происшествия, а нередко изменяется и вся обстановка, существовавшая до пожара. Все это затрудняет установление истины по делу. Залогом полноты и всесторонности осмотра являются наблюдательность, внимательность и терпеливость. Полнота осмотра места происшествия означает такое поведение, которое исключает необходимость повторного осмотра по мотивам недостаточности первоначального.

Еще один немаловажный момент в процедуре осмотре – это его методичность. Методичность и последовательность заключаются в правильной организации и планомерном проведении осмотра. Методичность – это применение наиболее эффективных для данных объектов и в данной обстановке приемов осмотра; последовательность – строго определенный порядок действий.

Причины пожаров разнообразны, но наиболее характерные из них следующие: неосторожное обращение с огнем; несоблюдение противопожарных правил; поджог; стихийные явления (удар молнии); самовозгорание отдельных веществ и т.д.

Чаще всего пожары возникают как следствие действия или бездействия определенных граждан. Так, в одних случаях пожары являются следствием прямого умысла лиц (например, поджога), в других – следствием их небрежности (например, неосторожного обращения с огнем, несоблюдения противопожарных правил и т.д.). Иногда пожары возникают в результате нарушения противопожарных правил при производстве строительных работ, вследствие незаконной пересылки по почте или багажом легковоспламеняющихся веществ и по другим причинам. Закон предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ) [4], умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ) [6], уничтожение или повреждение имущества путем неосторожного обращения с огнем (ч. 2 ст. 168 УК РФ) [4]. Поджоги могут иметь место и при терроризме (ч. 1 ст. 205 УК РФ) [6], массовых беспорядках (ч. 1 ст. 212 УК РФ) [4], диверсиях (ч. 1 ст. 281 УК РФ) [4, 5].

Путем поджога скрываются хищения и многие другие преступления. Поджог может быть способом совершения убийства (ст. 105 УК РФ) [4]. На эти факты неоднократно в своих публикациях обращал внимание В.В. Солодовник [6, с. 74; 7, с. 247]. Необходимо требовать от участников тушения пожара, чтобы их действия при тушении соответствовали положениям методических рекомендаций «Сохранение следов и материальной обстановки на месте пожара при тушении».

Таким образом, изъятие вещественных доказательств при осмотре места пожара является важнейшим мероприятием по установлению причины пожара и основным доказательным инструментом при раскрытии криминальных поджогов.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 52. (Ч. 1).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета. 2001. № 256.
3. Рыбкина М.В., Южакова Н.А. Криминологическая характеристика умышленного нанесения вреда имуществу путем поджога на примере преступлений, совершенных в Вологодской области // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2012. № 2(15).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Тактические особенности осмотра места происшествия по факту кражи грузов на железнодорожном транспорте / М.А. Зеленский, О.Н. Скоморохов, В.В. Солодовник, А.В. Чурсин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4. С. 150-154.
6. Солодовник В.В., Тишкина Н.В. Понятие и способы маскировки преступления // Мир юридической науки. 2015. № 7-8. С. 71-76.
7. Солодовник В.В. Об объектах противодействия расследованию преступлений и способах воздействия на них / Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 6 ноября 2015 г.). – СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2015.
8. Осмотр места происшествия на объектах транспорта: учебное пособие / Е.В. Чиненов, О.Н. Скоморохов, А.В. Чурсин [и др.]. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. - 76 с.

УДК 343.17

ПОНЯТИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И ФОРМЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Гайнельзянова В.Р.,
кандидат юридических наук
(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: в процессе раскрытия и расследования преступлений, в судебном рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел нередко возникают вопросы, решение которых требует использования специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Такие вопросы решают опытные лица, наделенные в этих целях должностными полномочиями. Специальными являются познания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области.

Ключевые слова: специальные знания, формы, специалист, сведущее лицо, следователь, уголовное судопроизводство, расследование преступлений.

THE CONCEPT OF SPECIAL KNOWLEDGE AND FORMS OF THEIR USE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Gaynelzianova V.R.,
Candidate of Law
(Ufa Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: in the process of disclosure and investigation of crimes, judicial review of criminal, civil and arbitration cases, often there are issues which requires the use of special knowledge in science, technology, art or craft. Such questions solve experienced persons exercising official authority for these purposes. Special knowledge are acquired by an entity during practical activities through special training or professional experience, based on a system of theoretical knowledge in the relevant field.

Key words: expertise, forms, specialist, competent person, investigator, criminal procedure, the investigation of crimes.

Классификация форм использования специальных знаний в уголовном процессе была предметом внимания многих видных отечественных криминалистов (Л.Е. Ароцкера, В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.Г. Гончаренко, В.Г. Заблоцкого, В.К. Лисиченко, А.Р. Ратинова, Н.А. Селиванова, А.А. Эйсмана и др.). Однако по данному вопросу до сих пор не выработано единое мнение. Суть различий сводится к тому, что одни авторы просто перечисляют формы использования специальных знаний, не базируясь на каких-либо основаниях. Другие предлагают проводить классификацию с учетом субъекта применения, доказательственного значения полученных результатов, процессуального положения лица, применяющего специальные знания, и ряда других оснований.

И.Б. Воробьева отмечает, что неурегулированные УПК РФ формы связаны с использованием специальных знаний сведущих лиц, то есть специалистов в соответствующей области в общеупотребительном, а не уголовно-процессуальном смысле. Их роль заключается в консультировании и иной помощи, оказываемой вне следственных действий, проведении ими до возбуждения уголовного дела проверок по поручению следственных органов, в возможности использования таких лиц для получения информации по специальным вопросам в форме допроса [1, с. 90].

Использование специальных знаний характерно для всего процесса расследования преступлений, начиная с предварительной проверки, которая представляет собой процессуальную деятельность, целью которой является выявление оснований для возбуждения уголовного дела по заявлениям или сообщениям о преступлениях [2, с. 62]. Особенность состоит в том, что такая проверка предусмотрена законодательством, но ее формы и методы регламентированы частично. При этом возникает теоретически и практически важный вопрос о месте в системе использования специальных знаний непроцессуальных форм. В.Г. Гончаренко допускает такую возможность, в то время как категорически против выступают В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль, утверждая, что не может

быть непроцессуальных форм применения специальных знаний в уголовном процессе, это равнозначно их незаконности [3, с. 30].

Точка зрения В.Г. Гончаренко представляется нам обоснованной, поскольку справочно-консультационная форма используется в уголовном процессе поразному. Сведения такого рода могут быть получены в устной форме, и тогда они реализуются, например, в выдвижении следственных версий, избрании направлений расследования. Кроме этого, справочно-консультационная информация облекается в письменную форму (в виде справок, заключений) и тогда она приобретает доказательственное значение в виде иных документов либо заключения специалиста.

В соответствии с процедурным принципом А.К. Мигунов дифференцирует все формы использования специальных знаний на непосредственные и опосредованные, причем непосредственная форма характеризуется применением собственных специальных знаний органом расследования [4, с. 8]. В данном случае требует уточнения и конкретизации понятие органа расследования, поскольку использование следователем собственных специальных знаний возможно только в непроцессуальной форме, а если в качестве специалиста выступает, например, ревизор отдела документальных проверок органов внутренних дел, то его участие носит процессуальный характер.

Изложенное, а также анализ содержания правовых норм, позиций различных авторов, изучение и обобщение следственной и судебной практики позволяют сделать вывод о том, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством использование специальных знаний на предварительном следствии осуществляется в следующих формах: назначение и производство судебной экспертизы; допрос эксперта; привлечение специалиста к участию в процессуальных действиях; заключение специалиста; показания специалиста, сообщенные им на допросе.

Поскольку все вышеуказанные формы использования специальных знаний предусматриваются уголовно-процессуальным законодательством, они являются процессуальными.

Вопрос об участии специалиста по уголовному делу повторно либо в качестве эксперта действующий УПК РФ трактует противоречиво. Но для того, чтобы достичь ясности в самой постановке данного вопроса, по нашему мнению, следует дать историческую справку.

К непроцессуальным формам использования специальных знаний мы относим:

- методическую помощь специалиста;

- производство ревизии (проверки и инвентаризации), налоговых проверок и использование результатов аудита;

- предварительное исследование объектов.

Методическая помощь специалиста заключается в отработке приемов обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов. Такую помощь оказывают специалисты, как правило, сотрудники экспертных учреждений. Она реализуется как в рамках процессуального действия, так и за его пределами. Например, в ходе осмотра специалисты обучают следователей новым приемам и

методам выявления и фиксации следов. Однако эту же работу специалисты могут проводить и на занятиях по служебной подготовке, на научно-практических семинарах и т.д.

Предварительное исследование объектов производится специалистами в стадии возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что отсутствие процессуально-правового регулирования подобной деятельности, как указывает А.А. Эксархопуло, создает трудности в реализации возникшей потребности следователя, обратившегося к помощи специалиста, предоставление которой не гарантировано обязанностью специалиста такую помощь ему оказывать.

Речь в данном случае не идет о тех сведущих лицах, которые обязаны оказывать некоторые виды непроцессуальной помощи следствию в силу предписания ведомственных нормативных актов (например, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел) [5, с. 23]. С учетом этого представляется необходимым дополнить нормы уголовно-процессуального законодательства, посвященные стадии возбуждения уголовного дела, указанием на возможность, в случае необходимости, проведения предварительных исследований объектов.

Также целесообразно рассмотреть смешанную форму использования специальных знаний, к которой относятся:

- справочно-консультационная помощь специалиста;
- вспомогательно-техническая помощь специалиста.

Справочно-консультативную помощь, заключающуюся в предоставлении необходимой информации органу расследования, могут оказывать любые специалисты как в рамках процессуальных действий, так и вне их. При этом специалисты не проводят какие-либо исследования, а предоставляют органу расследования справки, связанные с делом, либо в процессе консультаций разъясняют те или иные положения науки или техники, помогают в формулировании вопросов эксперту, дают советы относительно отбора материалов, подлежащих экспертному исследованию и т.д.

Вспомогательно-техническую помощь оказывают конкретные специалисты, которыми органы расследования восполняют отсутствие собственных умений и навыков в производстве звукозаписи, фото-, кино-, видеосъемки, использовании некоторых поисковых приборов, в изготовлении планов, схем и т.п. А.В. Дулов предложил называть специалистов, оказывающих аналогичную помощь, процессуальными помощниками следователя [6, с. 93].

Возрастание роли специальных знаний в уголовном судопроизводстве, несомненно, способствует возрастанию интереса к изучению всех форм их использования [7]. Наиболее важным, с процессуальной точки зрения, является вопрос о разграничении и нормативно-правовой регламентации форм применения специальных знаний.

Данная проблема имеет давние исторические корни, и к ней не раз обращались ученые. Однако в публикациях о специальных знаниях до сих пор отсутствует единый взгляд на эту проблему. В то же время, очевидно, что для соблюдения требований законодательства необходимо правильное представление о формах использования специальных знаний.

Библиографический список

1. Воробьева И.Б. Взаимодействие следователя с контролирующими органами в борьбе с преступностью. – Саратов, 1988. - 110 с.
2. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов. – Саратов, 1972.
3. Гончаренко В.Г. Научно-технические средства в следственной практике. – Киев, 1984. - 149 с.
4. Мигунов А.К. Применение специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых в банковской системе: дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД РФ, 2006. - 282 с.
5. Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы / Вестник криминалистики. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. - 157 с.
6. Дулов А.В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / под ред. проф. Д.С. Кареева. – Минск: Мин-во высш. сред, и спец. проф. образования в БССР, 1962. - 408 с.
7. Чернышев С.А., Чиненов Е.В. Проблемы организации производства новых видов экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России (по опыту экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 25-28.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Горбачева А.В.,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы привлечения к участию в оперативно-разыскной деятельности специалистов-ревизоров. Автор обосновывает необходимость обладания специальными экономическими знаниями сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: специальные знания; ревизия; документальные исследования; специалист-ревизор; преступления экономической направленности.

USE OF SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE IN CASES OF ECONOMIC CRIMES

Gorbacheva E.V.,
Candidate of Law
(Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia)

Annotation: in the article questions of attraction of experts-auditors to participation in operatively-search activity are considered. The author justifies the necessity of possessing special economic knowledge of employees of the operational divisions of the internal affairs bodies.

Key words: special knowledge; audit; documentary research; specialist auditor; economic crime.

Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют об устойчивой тенденции роста совершаемых преступлений экономической направленности, таких как мошенничество, присвоение или растрата, незаконное предпринимательство, налоговые преступления, взяточничество и др. Размер материального ущерба от анализируемых деяний так же, как и их количество, неуклонно возрастает. Теневая экономика и криминальная деятельность имеют глубокие социально-экономические корни, характеризуются высокой латентностью, осуществляются в большинстве случаев при непосредственном участии и под контролем организованной преступности. Все это в совокупности с увеличением фактов коррупции сдерживает дальнейшее социально-экономическое развитие России [1, с. 42].

Общеизвестно, что при выявлении и раскрытии подобных преступлений всегда возникает необходимость использовать знания соответствующих специалистов, в связи с чем вопросы наиболее эффективного использования специальных экономических знаний представляют практический интерес.

Особенность сегодняшнего момента и связанная с этим проблема состоят, на наш взгляд, в том, что налицо, по существу, две основные организационные формы использования специальных экономических знаний в целях раскрытия преступлений.

Первая форма связана со взаимодействием правоохранительных органов и контрольно-ревизионных аппаратов в ситуациях, когда оперативные подразделения сами инициируют производство документальных проверок и ревизий.

Вторая форма – это привлечение к участию в оперативно-разыскных мероприятиях специалистов-ревизоров, работающих в составе подразделений документальных исследований ЭБиПК МВД России.

Нельзя не признать, что по своему содержанию обе эти формы имеют значительные черты сходства, но, однако, и обладают рядом важных различий. На наш взгляд, именно эти обстоятельства имеют существенное значение для эффективного использования специальных экономических знаний. Вместе с тем влияние существующих различий на тактику использования специальных экономических знаний до настоящего времени детальной монографической разработке не подвергалось.

Остановимся более подробно на первой организационной форме – использовании возможностей ревизионных проверок в процессе взаимодействия оперативных и соответствующих контрольных органов. Возникающие здесь взаимоотношения характеризуются целым рядом особенностей взаимодействия, уже отмеченных в специальной литературе. Каждый из субъектов взаимодействия занимает определенное законодателем место, а в целом они предстают друг перед другом как относительно независимые формирования. Вместе с тем рассматриваемые субъекты при разрешении одних и тех же задач просто вынуждены сотрудничать между собой и находиться в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости, иными словами, взаимодействовать.

Институт документальной ревизии как формы использования специальных экономических знаний в оперативно-разыскной деятельности был предметом многих исследованиях в советский и постсоветский периоды времени. В советский период достаточно детально исследовались вопросы, связанные с тактикой назначения документальных ревизий и проверок.

Для более четкого понимания различий обратимся к истории возникновения и установления такой организационной формы взаимодействия в России. Согласно п. 19 ст. 12 Закона СССР «О советской милиции» сотрудники милиции имели право требовать проведения проверок, инвентаризаций и ревизий [2]. Действовавшая в тот период времени командно-административная система допускала привлечение специалистов соответствующих ведомств, в том числе без взаимной заинтересованности в достижении общей цели. Более того, в тех ситуациях, когда по требованию оперативного работника проводилась ведомственная документальная ревизия, интересы правоохранительных и контрольно-ревизионных органов могли не только не совпадать, но даже вступать в противоречия. Такие ситуации, как известно, вызывались боязнью руководителей ведомств и учреждений нести личную ответственность за осуществление слабого контроля, приведшего к возможности совершения преступлений.

Несмотря на эти различия, следует учитывать, что многими исследователями рассматривались тактические особенности деятельности оперативно-следственных работников по обеспечению эффективности назначенных по их инициативе контрольно-ревизионных мероприятий, и этот опыт с определенными ограничениями может быть использован и в тех ситуациях, когда к проведению проверок привлекаются сотрудники контрольно-ревизионных аппаратов.

Изучение специальной литературы позволяет прийти к выводу о том, существует целый ряд методических рекомендаций, сохраняющих свою актуальность и в настоящее время.

Один из главных моментов, которые следует учитывать и сегодня, в том числе и при производстве документальных исследований, осуществляемых специалистами-ревизорами (разумеется, в тех ситуациях, когда сами такие исследования производятся после перехода оперативного работника к осуществлению гласных мероприятий), – это выбор времени для начала осуществления контрольно-ревизионных мероприятий. Здесь полностью сохраняет свое значение главнейшее требование, выработанное в практике органов внутренних дел в отношении ревизий, организуемых в целях легализации материалов оперативно-разыскной деятельности.

До официального изъятия документов и назначения документальной ревизии оперативный работник должен определить, какие обстоятельства уголовного дела могут быть установлены на основе исследования документов и какие обстоятельства должны быть предварительно закреплены оперативно-процедурным путем. По делам об организованных экономических и налоговых преступлениях нарушения этого правила практически всегда приводят к провалу в оперативной работе. Поэтому столь большое значение и придается сегодня предварительному исследованию документов, осуществляемому именно при производстве ОРМ.

Вторая тактическая рекомендация касается обеспечения фронта работ предстоящей документальной ревизии и сводится к обеспечению сохранности документов, которые могут быть в дальнейшем использованы для раскрытия уголовных дел [3, с. 293].

Мы можем увидеть ее важность на следующем примере. Старший уполномоченный ЭБиПК г. П. получил информацию о том, что главный бухгалтер организации А. имеет в личном пользовании две дачи и два автомобиля, приобретенные в короткий промежуток времени. В общих чертах характеризован способ совершения преступления: А. создавала искусственную кредиторскую задолженность своей организации в пользу ряда торгово-коммерческих структур, производила этим организациям перечисление денежных средств с расчетного счета своей организации и затем по доверенности получала в этой организации автомобили, дорогую бытовую технику и другие материальные ценности.

При проверке этой информации были ксерокопированы документы – счета-фактуры, оформленные от имени поставщиков (где, к примеру, вместо бытовой техники значились водопроводные трубы). Копирование произошло во время, поскольку в день перед ревизией, в организации произошел пожар, и все бухгалтерские документы были уничтожены.

В дальнейшем прогноз о несоответствии ксерокопий документов на получение ценностей с экземплярами документов, имеющихся в торговых организациях, получил подтверждение. Был установлен и круг сообщников А. из числа работников бухгалтерии [4].

Сохраняет свое значение и тактическая рекомендация о взаимном обмене информацией. Особенно важным, на наш взгляд, следует признать правило, в соответствии с которым при выявлении каких-либо новых фактов ревизор в первую очередь информирует о них оперативного работника и лишь после этого с согласия оперативного сотрудника доводит полученные им данные до сведения контролируемых лиц.

Так, ведомственный ревизор, проводя ревизию по инициативе оперативного работника на предприятии розничной торговли и применив метод контрольного сличения остатков, выявил факты, указывающие на поступление неучтенных товаров, конкретно столовой посуды, о чем проинформировал оперативного сотрудника. Следует отметить, что в связи со сроками окончания ревизии было принято решение не включать этот факт в акт документальной ревизии. Затем одновременно оперативный сотрудник начал проводить проверку полученной информации. Впоследствии было установлено, что данная посуда поступала с оптового склада, снабжавшего одновременно как организации розничной торговли, так и общественного питания, в частности столовые воинских подразделений. Резервы для хищения создавались за счет завышенного списания посуды на бой. Реализуя резервы, оптовый склад выписывал в магазин импортную бытовую технику, фактически же на эту сумму отпускалась посуда, а бытовая техника при этом похищалась.

Безусловно, заслуживают внимания тактические рекомендации, относящиеся к обеспечению объективности проводимой документальной ревизии. К ним относятся рекомендации по оперативному наблюдению, направленному на

предупреждение и выявление неофициальных контактов ревизора с лицами, деятельность которых контролируется.

К обеспечению объективности ревизоров относятся также разработанные во многих работах требования обеспечения непредубежденности ревизоров. В частности, не может способствовать эффективному производству ревизии внушенная ревизору убежденность в виновности проходящих по делу лиц [4].

Все эти рекомендации могут быть использованы и сегодня, но, вероятно, за исключением осуществления оперативного контроля за деятельностью специалиста-ревизора как сотрудника подразделения ЭБиПК.

Вторая организационная форма использования специальных экономических знаний возникла в связи с появлением нового института специалистов-ревизоров. Тактические особенности использования этой формы применения специальных экономических знаний определяются своеобразным статусом данного специалиста, который одновременно по должностному регламенту осуществляет оперативно-разыскную деятельность. В отличие от ревизоров, не являющихся сотрудниками органов внутренних дел, специалисты-ревизоры наравне с сотрудниками оперативных подразделений принимают участие в определении выбора времени изъятия документов и определении их необходимого объема.

С позиции темы исследования наибольший интерес здесь представляют функции, фактически выполняемые специалистами-ревизорами. В настоящее время на местах существует определенный разнобой в понимании указанных функций. В некоторых случаях практически вся работа по сбору информации ложится на плечи оперативного сотрудника, и в последующем полученные сведения передаются специалистам-ревизорам в подшитом и пронумерованном виде, а использование возможностей самого специалиста-ревизора сводится, к сожалению, лишь к проведению документальных исследований. На наш взгляд, такая практика является наиболее негативной, так как сложная работа по выявлению необходимой документации ложится на оперативного сотрудника.

В ходе интервьюирования оперативного сотрудника подразделения ЭБиПК мы получили следующий комментарий по данной проблеме: «Никогда невозможно сразу собрать пакет документов, который был бы достаточным для специалистов отдела документальных исследований, поэтому процедура привлечения специалиста-ревизора может затянуться на еще большее время».

Нельзя не согласиться с высказанным мнением, ведь самое трудное в раскрытии экономических преступлений – смоделировать на основе оперативной информации следовую картину преступления и на этой основе определить возможный круг документов – будущих доказательств по уголовному делу. Именно эту задачу должен выполнять специалист-ревизор, однако на сегодняшний день следует констатировать, что эту работу в абсолютном большинстве случаев выполняет оперативный сотрудник.

Вместе с тем имеется и положительная практика, когда активное участие в сборе документации принимают специалисты-ревизоры. Особый интерес представляет положительный опыт участия специалистов-ревизоров в поисковой деятельности органов внутренних дел с целью реализации принципа наступательности.

Так, специалисты-ревизоры Хабаровского края в целях осуществления контроля за целевым использованием денежных средств, направленных на ликвидацию последствий паводка и выплаты пострадавшим гражданам, организовали и постоянно проводят мониторинг поступления и расходования денежных средств бюджетов всех уровней на указанные цели, в ходе которого, помимо всего прочего, обобщается информация, предоставляемая органами исполнительной власти края [5, с. 18].

Естественно, что, применяя свои специальные экономические знания при выполнении функций оперативного работника, специалист-ревизор, в свою очередь, вправе использовать систему тактических рекомендаций, разработанных в оперативно-разыскной деятельности в части применения конкретных оперативно-разыскных мероприятий.

Законодатель в ФЗ об ОРД прямо указывает, что одной из основных задач оперативно-разыскной деятельности является выявление фактов преступной деятельности и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [6], то есть налицо принцип наступательности.

Несмотря на положительный опыт участия специалистов-ревизоров в поисковой деятельности органов внутренних дел, следует признать, что в полном объеме задача выявления преступлений специалистами-ревизорами подразделений документальных исследований, являющимися штатными сотрудниками подразделений ЭБиПК, на сегодняшний день не разрешается.

Решение сложившейся проблемной ситуации мы видим в расширении полномочий в части ведения самостоятельной проверки при решении задач по выявлению преступлений экономической направленности с применением особых методов обнаружения следов преступлений в экономической информации, поскольку они обладают специальными экономическими знаниями. На сегодняшний день статус специалистов-ревизоров приравнен к статусу специалиста-криминалиста подразделений ОВД, то есть, несмотря на то, что они числятся в штате подразделений ЭБиПК, к ним все равно относятся лишь как к обычным специалистам.

В настоящий момент времени специалисты-ревизоры могут лишь поделиться информацией о готовящемся, совершаемом или совершившемся преступлении с оперативными сотрудниками подразделений ЭБиПК, однако сами решить задачу выявления преступлений, прямо указанную в законе, они не могут.

Понимая, что проблема наделения специалистов-ревизоров функциями оперативных сотрудников в определенной мере может быть достаточно спорной, следует отметить, что фактически уже наметилась прогрессивная схема участия специалистов-ревизоров в практике выявления преступлений экономической направленности. Как можно заметить из анализа уже складывающейся практики, специалисты-ревизоры в ряде случаев обладают большими возможностями для определения так называемых уязвимых операций, под видом которых достаточно часто совершаются преступления, в свою очередь, достаточно просто устанавливающиеся на основе документов [7]. Выявление таких операций и проведение соответствующих проверок также может быть одной из важных функций специалистов-ревизоров.

Понимая всю сложность рассмотренных в данной статье проблем, считаем, что их решение является необходимым условием для достижения наибольшей эффективности в деятельности специалистов-ревизоров по борьбе с преступлениями экономической направленности.

Библиографический список

1. Чиненов А.В. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица // Российский следователь. 2013. № 2. С. 41-42.
2. Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319 (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Дубоносов Е.С. Судебная бухгалтерия: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 386 с.
4. Леханова Е.С., Голубятников С.П. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 97-101.
5. Организация проведения документальных исследований в подразделениях ЭБиПК территориальных органов МВД России на территориальном уровне: материалы докладов круглого стола – Н. Новгород, 2014. - 252 с.
6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 145-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. Мизиковский Е.А., Игонина Е.С. Способы и приемы финансово-экономической ревизии при выявлении хищений бюджетных средств // Вестник ИПБ (вестник профессиональных бухгалтеров). 2017. № 3. С. 18-23.

УДК 943.985.7:343.72:332.83(470) (075.8)

РОЛЬ МЕХАНИЗМА СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ

Низаева С.Р.

(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: масштабность распространения мошеннических схем, в которые вовлекаются граждане, желающие улучшить свои жилищные условия посредством участия в долевом строительстве многоквартирного дома, требует совершенствования частной методики расследования преступлений данного вида, основой которой являются теоретические исследования, посвященные смежным темам, а также изучения правового регулирования данной сферы общественных отношений. Мошенничества в сфере долевого строительства жилья отличаются своей многоэпизодностью, а также крупным размером имущественного ущерба. Данные факторы обусловили актуальность темы работы. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере оборота жилой недвижимости. Предметом исследования являются закономерности раскрытия и расследования мошенничества в сфере долевого строительства жилья.

Ключевые слова: мошенничество, долевое строительство жилья, механизм следообразования, материальные следы преступления, документы, идеальные следы преступления, потерпевший, свидетель, подозреваемый, бухгалтерская отчетность, подделка, финансово-хозяйственная деятельность, государственные учреждения.

THE ROLE OF THE MECHANISM SLEDOOBRAZOVANIYA IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF FRAUD IN THE SPHERE OF SHARED CONSTRUCTION OF HOUSING

Nizayeva S.R.
(Ufa Legal Institute of the MIA of Russia)

Abstract: the magnitude of the spread of fraudulent schemes involving citizens who wish to improve their living conditions through participation in shared construction of apartment buildings requires improvement of a private technique of investigation of crimes of this type, which are the basis of theoretical studies on related subjects, and studies of the legal regulation of this sphere of social relations. Fraud in the sphere of shared construction of housing differ in their mnohoaspektnoe and also a significant amount of property damage. These factors led to the topicality of the work. Object of research are the public relations developing in sphere of turnover of residential property. The subject of research is the patterns of detection and investigation of fraud in the sphere of shared construction of housing.

Key words: fraud, equity construction of housing, the mechanism sledoobrazovaniya, material traces of crime, documents the ideal traces of crime, victim, witness, suspect, accounting and reporting, forgery, financial-economic activity of the state enterprises.

Роль механизма следообразования как элемента криминалистической характеристики преступления по сей день является объектом дискуссий в юридической литературе. Этот вопрос рассматривался в трудах А.М. Абрамова, Б.А. Куринова [1, с. 58], А.Н. Васильева, Н.П. Яблокова [2, с. 118], Р.Г. Домбровского [3, с. 19] и др.

По мнению В.М. Мешкова, основным источником данных о совершенном мошенничестве являются идеальные следы преступления, то есть осведомленные о нем лица, круг которых изменяется в зависимости от конкретной следственной ситуации [4, с. 267]. В то же время практика расследования уголовных дел о мошенничестве в сфере долевого строительства свидетельствует о приоритете материальных следов при расследовании преступлений указанного вида. В 100% случаях при совершении мошенничества использовались подлинные документы (учредительная, разрешительная, проектная и другая документация. Вместе с тем при совершении 21% преступлений в сфере долевого строительства жилья использованы поддельные документы (в основном документы, касающиеся согласований при возведении объекта и завышения объемов строительства).

Документы как носители материальных следов мошенничества в сфере долевого строительства жилья целесообразно классифицировать по следующим основаниям:

1. Документы организационного характера – это учредительные документы (свидетельство о регистрации и устав предприятия, лицензия на осуществление предпринимательской деятельности, должностные инструкции, приказы о приеме на работу и назначениях на должность, увольнении сотрудников, сведения об открытом расчетном счете в банке и т.д.).

2. Документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность:

- правоустанавливающие документы на земельный участок, разрешение на строительство, проектно-сметная документация, бухгалтерская документация, отражающая движение денежных средств и договорные отношения с поставщиками, документы налоговой отчетности и т.д.;

- документы, отражающие правоотношения: с подрядной организацией (при ее наличии), выполняющей строительные работы; с поставщиками строительных материалов;

- документы, отражающие правоотношения с контролирующими органами (Департаментом градостроительной деятельности и архитектуры субъекта Российской Федерации, государственной противопожарной службы, государственной санитарно-эпидемиологической службой Российской Федерации и т.д.).

3. Документы, отражающие правоотношения с физическими лицами – клиентами предприятия (договоры на строительство жилья, квитанции о перечислении денежных средств, письменные претензии, иски и результаты разбирательств по ним, документы, свидетельствующие о дополнительных финансовых вложениях дольщиков, уведомления об изменении сроков строительства жилого объекта, переписка с государственными учреждениями, касающаяся вопросов согласования сдачи объекта в эксплуатацию, электронные документы, например, компьютерная база дольщиков и т.д.).

4. Личные документы (записные книжки, электронные ежедневники, планы мероприятий, хранящиеся у секретаря и т.д.).

Основным источником и носителем идеальных следов мошенничества в сфере долевого строительства жилья являются потерпевшие и свидетели, в памяти которых сохранился мысленный образ преступника и его действий. А.Н. Розин отмечает, что информация, отражаемая в виде идеальных следов при совершении мошенничества в сфере жилищного строительства, может быть абсолютно бесполезной для расследования, поскольку «вопросами заключения различного рода договоров для привлечения денежных средств в долевое строительство могут заниматься специально уполномоченные сотрудники, а непосредственно мошеннические действия могут быть совершены руководителями застройщика или иными лицами». При этом он отмечает, что: «успешное опознание по материалам изученных уголовных дел проводилось в 27% случаев» [5, с. 42-43].

Отличительной особенностью идеальный и виртуальных следов преступления, характерных для мошенничества в сфере долевого строительства жилья является их «рассеянный» характер, то есть рассредоточенность по некоторому множеству их носителей [6, с. 140].

Наиболее распространен способ использования одного поддельного документа, предоставляющего правомочия совершения сделок с недвижимостью, для получения подлинных документов, с помощью которых исполняются все дальнейшие действия. Например, использование поддельной генеральной доверенности на распоряжение квартирой, с помощью которой оформляется подлинное свидетельство о регистрации права собственности на нее, впоследствии предоставляющее полномочия ее продажи добросовестным покупателям.

Обобщая полученные результаты исследования, отметим, что различие материальных и идеальных следов преступления по делам о мошенничестве на рынке первичного жилья и на рынке вторичного жилья не дает основания противопоставлять их достоинства и значение как источников доказательств. Только в совокупности они позволяют сформировать по уголовному делу достаточно убедительную и устойчивую доказательственную базу.

Библиографический список

1. Абрамов А.М., Куринов Б.А. Мошенничество (комплексная характеристика и методика расследования): учебное пособие. – М.: МГПУ, 2005. – 88 с.
2. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики: монография. – М.: МГУ, 1984. – 143 с.
3. Домбровский Р.Г. Проблемы криминалистического учения о преступлении / Повышение эффективности расследования преступлений. – Иркутск, 1986. – 146 с.
4. Мешков В.М. Расследование мошенничества / Криминалистика: учебник / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. – Н. Новгород, 1995. – 400 с.
5. Розин А.Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.
6. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Тактические особенности выявления и фиксации «рассеянных» следов экономических преступлений / Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: 56-е криминалистические чтения (29 октября 2015 г.). – М.: Акад. упр. МВД России, 2015. Ч. 1.

УДК 343.345

МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Солодовник В.В.,
кандидат юридических наук
(Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: в статье кратко излагаются некоторые проблемные вопросы профилактики совершения дорожно-транспортных преступлений. Также рассматриваются правовые меры, необходимые для снижения количества дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова: профилактика преступлений, предупреждение преступлений, дорожно-транспортное происшествие.

MEASURES TO PREVENT THE COMMISSION OF ROAD TRAFFIC CRIMES

Solodovnik V.V.,
Candidate of Law
(Leningrad regional branch Sankt-Petersburg University of MIA of Russia)

Abstract: the article briefly describes some problematic issues of prevention of road traffic crimes. Also examines the legal measures required to reduce the number of road traffic offences.

Key words: crime prevention, crime prevention, traffic accident.

В настоящее время в Российской Федерации уровень дорожно-транспортных происшествий остается достаточно высоким, несмотря на функционирование единой системы мер транспортной безопасности. Так, с января по октябрь 2017 года совершено 169432 дорожно-транспортных происшествия, в которых погибло 19088 человек и ранено 215374 человека [6]. Данные статистики свидетельствуют о том, что, как и любая другая система, система мер обеспечения транспортной безопасности имеет ряд проблем. На наш взгляд, пути решения этих проблем связаны с совершенствованием мер профилактики совершения дорожно-транспортных преступлений (далее – ДТП).

На современном этапе все меры профилактики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения выражены в следующих формах:

- мероприятия по прогнозированию фактов совершения ДТП, которые проводятся для устранения причин и условий, способствующих совершению ДТП;
- мероприятия, направленные на снижение тяжести и значительности вреда (в том числе жизни и здоровью человека), причиняемого в результате совершения ДТП.

Первая группа профилактических мероприятий действует на предотвращение ДТП, а вторая – оказывает воздействие на снижение смертности и травматизма. Мы считаем, что нельзя выделить одну из данных групп и назвать ее более приоритетной по отношению к другой, так как они взаимосвязаны между собой и должны применяться в комплексе в рамках системы профилактики дорожно-транспортных преступлений.

Так, Е.О. Ефимова считает, что профилактика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения подразделяется на следующие виды:

- общесоциальная;
- специальная;
- групповая;
- индивидуальная [1, с. 144].

Мы полностью поддерживаем данную точку зрения и считаем, что можно дополнить данный перечень еще несколькими видами профилактики. Например, профилактика совершения ДТП на определенном участке дороги; профилактика снижения травматизма детей в результате свершения ДТП, профилактика, направленная на воспитание у водителя дисциплинированности по свое-

временному ремонту транспортного средства, сезонному уходу за транспортным средством (своевременная замена летней резины шин на зимнюю) и т.д.

На наш взгляд, транспортная безопасность должна обеспечиваться не только силами подразделений ГИБДД и других правоохранительных органов, но и силами общественности, для чего целесообразно привлечь внимание к данной проблеме, чтобы ни один человек не проявлял равнодушие к нарушению Правил дорожного движения. В этой связи можно говорить об общих мерах профилактики совершения ДТП. Представляется целесообразным заинтересовать водителей в открытом предоставлении информации о любых нарушениях Правил дорожного движения в органы ГИБДД. Это будет возможно, если каждый водитель, обнаружив любое нарушение Правил дорожного движения, которое было зафиксировано видеорегистратором, будет открыто представлять информацию о зафиксированном нарушении. Для этого нужно иметь высокий уровень правопонимания и сознательности.

В ноябре 2013 года на официальном сайте ГИБДД МВД России (а также во всех ее структурных подразделениях) создана услуга под названием «Направить обращение», в которой гражданам представляется возможность отправить в электронном виде информацию с видеозаписью видеорегистратора о любых правонарушениях в сфере дорожного движения. Однако не всегда и не все водители сообщают о совершенных правонарушениях, свидетелями которых они стали. Это связано, как правило, с обычным нежеланием отправить сообщение, или неправильным понимаем и ложным представлением о характере этих действий. Представляется необходимым воспитывать у водителей чувство сознательности путем применения мер, которые будут описаны ниже. Осознавая, что ведется съемка видеорегистратором, водитель транспортного средства не рискнет лишний раз нарушать Правила дорожного движения. Предоставление водителям возможности сообщать о совершенных преступлениях уже зарекомендовали себя с положительной стороны. Использование и реализация полученной информации позволят сотрудникам ГИБДД быстро реагировать на факты нарушений в сфере дорожного движения. Недостатком этой меры является то, что она основана на страхе водителя перед наказанием за совершенное нарушение. На наш взгляд, профилактика не должна основываться на страхе наказания, водителю важно внутренне осознать необходимость соблюдения требований Правил дорожного движения и добровольно их соблюдать.

Для профилактики совершения ДТП большое значение имеет применение современных достижений научно-технического прогресса (нанотехнологий), в том числе и в сфере строительства автодорог. Представляет интерес состав асфальтового покрытия. Так, в настоящее время современный асфальт включает в себя отработанную гранулированную резину от старых автопокрышек. Эта практика распространена в Государстве Израиль. Данный наноасфальт обладает более высокими характеристиками полезных качеств, чем обычный асфальт. Так, у транспортных средств снижается тормозной путь, асфальт не портится в условиях сильного мороза и жары, поэтому его применение может соответствовать погодным условиям различных регионов нашей страны. Кроме того, имеется возможность применения большого количества негодных автомобильных

покрышек, которые государство могло бы приобретать у населения и организаций за низкую цену и использовать при строительстве дорог [3].

В связи с большим количеством ДТП на пешеходных переходах следующей мерой, направленной на снижение аварийности на дорогах в России, следует назвать использование интерактивных систем в дополнение к светофорам на пешеходных переходах. Так, можно использовать лазерное 3D-изображение виртуальной стены или изображения идущих пешеходов, которые могут использоваться вместе со светофором и будут видны всем водителям при любых погодных условиях. Представляется, что изображение живых людей на дороге создает для водителя серьезный психологический барьер, при котором он не может продолжить дальнейшее движение [4].

Другой не менее интересной мерой является внедрение технологий графических изображений в систему информирования водителей об опасности. Так, подобные меры были приняты в Великобритании. Данные изображения представляет собой трехмерную раскраску некоторых участков дорог, иначе это выглядит как оптическая иллюзия неровностей. Данная разметка изображает искусственные неровности на дороге и заставляет водителей снизить скорость, чтобы не повредить подвеску автомобиля. Некоторые ученые считают, что принятие такой меры вынудит водителей снижать скорость, что будет способствовать уменьшению количества дорожно-транспортных происшествий [5]. Мы поддерживаем данную точку зрения частично, так как считаем, что, если водитель каждый день ездит, например, на работу по одной дороге, то все визуальные обманки ему уже известны, и он может не снижать скорость при их переезде, поэтому представляются более целесообразными использование «лежачих полицейских», а также периодическая замена настоящих «лежачих полицейских» на оптические изображения неровностей.

После рассмотрения профилактических мер, которые принимаются на дороге, представляется необходимым рассмотреть некоторые меры обеспечения безопасности дорожного движения, принимаемые в отношении автомобиля. Так, в Японии разработаны автоматические системы предотвращения ДТП, которые устанавливаются на автомобиле и предназначены для осуществления автоматические торможения при опасности столкновения транспортных средств. Данная система функционирует как при опасности столкновения, так и при приближении автомобиля к пешеходному переходу. Так, в салоне включается резкий звук и начинает мигать аварийное освещение. Если водитель не предпринимает никаких мер по снижению скорости, то торможение и остановка автомобиля происходят автоматически [7]. При успешной реализации запланированных мероприятий данных компаний возможно применение таких систем в рамках отечественной автомобильной промышленности.

Кроме вышеуказанного, к мерам профилактики дорожно-транспортной преступности можно отнести создание в системе ГИБДД или здравоохранения подразделения, деятельность которого будет заключаться в оказании психологической помощи водителям, систематически нарушающим Правила дорожного движения.

Так, предлагается в случае нарушения водителем указанных правил организовать профилактическую работу, связанную с проведением тренингов, тестирований, разъяснений. В случае отказа водителя от проведения в отношении него подобной воспитательной работы, он должен быть незамедлительно лишен права управления транспортными средствами. Такое же наказание должно быть применено, когда водитель не является на вышеуказанные мероприятия. При этом в случае даже одной неявки без уважительной причины водитель должен быть лишен прав, и весь курс должен начаться заново. На наш взгляд, это поможет водителям стать более дисциплинированными как на дороге, так и при проведении с ними воспитательной работы.

Подобная система профилактики нарушений Правил дорожного движения уже положительно себя зарекомендовала в США. В качестве примера можно привести случай, который произошел с известным хоккеистом Вячеславом Фетисовым, который периодически нарушал Правила дорожного движения в нашей стране, но все сходило ему с рук, так как, узнавая в нем известного хоккеиста, сотрудники правоохранительных органов закрывали глаза на совершенные им нарушения Правил дорожного движения. Затем ему пришлось жить и работать в США, где он вновь нарушил Правила дорожного движения. Ему объяснили, что никто заступаться за него не будет, ему придется понести указанное наказание, а это, в свою очередь, связано с невозможностью тренироваться в данное время и, как следствие, нарушением графика треннировок. Перечисленные обстоятельства дисциплинировали известного хоккеиста, и требования правил дорожного движения он больше не нарушал [2, с. 17].

Таким образом, при исследовании различных направлений профилактики дорожно-транспортных преступлений можно сделать вывод, что все они занимают важное место в борьбе с преступлениями этой категории. Профилактика представляет собой сложную систему, в которой взаимосвязаны и совместно функционируют разные элементы, только некоторые из которых нами были рассмотрены в данной статье. Предложенные направления профилактики дорожно-транспортных преступлений должны реализоваться комплексно и с привлечением крупных финансовых вложений. Только в этом случае они могут дать высокие положительные результаты.

Библиографический список

1. Ефимова Е.О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. - 225 с.
2. Пескова О. Непреклоняемый // Story. 2015. № 10. С. 15-18.
3. Нанотехнологии в борьбе с дорогами [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bigavtobazar.ru/2011/07/.
4. Виртуальная пешеходная стена [Электронный ресурс]. – URL: http://gizmod.ru/2012/05/19/virtualnaya-peshexodnaya-stena.
5. Новые методы борьбы с ДТП [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bmwclub.ru/vb/showthread.php?t=18538.
6. Официальный сайт ГИБДД РФ // www.gibdd.ru.
7. Toyota: с ДТП будет бороться робот [Электронный ресурс]. – URL: http://www.prorobot.ru/06/rob-toyota.php.

УДК 343.985

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Смиюха А.Е.
(Санкт-Петербургский университет МВД России);
Солодовник В.В.,
кандидат юридических наук
(Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые тактические приемы, применяемые следователем при допросе несовершеннолетних. Акцентируется внимание на порядке применения этих приемов и участвующих при допросе несовершеннолетнего лицах.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетний, следственное действие, предварительное расследование, законный представитель, педагог, следователь, тактические особенности, психолог.

ABOUT SOME FEATURES OF TACTICS OF INTERROGATION OF MINORS

Smiyuha A.E.
(St. Petersburg University of the MIA of Russia);
Solodovnik V.V.,
Candidate of Law
(*Leningrad regional branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia*)

Abstract: the article discusses some of the tactics used by the investigator in the interrogation of minors. Attention is focused on the procedure for the use of these techniques and involved in the interrogation of minors.

Key words: interrogation, minor, investigative action, preliminary investigation, legal representative, teacher, investigator, tactical features, psychologist.

Психологические, умственные и физические особенности развития, характерные для несовершеннолетних, обуславливают проведение специального спектра мер процессуального характера, предопределяющих специфику проведения определенных следственных действий. Лица, ведущие расследование дел, связанных с преступлениями, совершенными несовершеннолетними, обязаны применять в своей профессиональной деятельности определенные познания криминалистической тактики, юридической психологии, которые будут способствовать положительному результату в расследовании уголовного дела.

При производстве следственных действий следователь должен обращать особое внимание на выяснение:

1) возраста несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);

2) условий жизни и воспитания несовершеннолетнего лица, уровня психического развития и иных особенностей его личности. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, должно быть установлено, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Для установления этих обстоятельств должны быть допрошены родители несовершеннолетнего, его учителя и воспитатели и другие лица, могущие дать нужные сведения, а равно истребованы необходимые документы и проведены иные следственные действия, в частности, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза [4];

3) влияние на поведение несовершеннолетних старших по возрасту лиц. При рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, совершенных с участием взрослых, необходимо тщательно выяснять характер взаимоотношений между взрослым и подростком, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступного посягательства или иных антиобщественных действий.

Одной из дополнительных гарантий во время проведения следственных действий, обеспечивающих права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, является обязательное участие защитника (ст. 51 УПК РФ).

Из-за социально-психологических особенностей личности несовершеннолетних следственные действия в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Среди особенностей следует рассмотреть особенности осуществления вызова несовершеннолетнего к должностным лицам, которые проводят уголовное судопроизводство. Прежде всего, вызов должен проводиться исключительно через родителей несовершеннолетнего или других его законных представителей; если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении, то через администрацию данного учреждения.

Проведение допроса несовершеннолетнего имеет свои определенные особенности, которые должны учитываться следователем, в частности, возрастная и психическая составляющие. Как правило, именно возрастные особенности определяют удельный вес элементов конкретики и непосредственной образности в памяти ребенка. Несовершеннолетнему свойственны категориальность и понятийность при охвате явлений. Вместе с тем не исключена ошибочность в трактовании явлений за счет расширенных или ограниченных способностей несовершеннолетнего.

При подготовке проведения допроса крайне важным является процесс, связанный с разъяснением следователем положений правовых норм Уголовного кодекса, предусматривающих санкции об ответственности за дачу умышленных неправдивых показаний. Качественное доведение информации следователем о значимости даваемых несовершеннолетним показаний является залогом ус-

пешного расследования уголовного дела. Однако здесь важно не использовать элементы запугивания, которые повлекут замыкание несовершеннолетнего в себе с последующим отсутствием контакта или противоположное, наглое и вызывающее поведение, что аналогично не будет способствовать возникновению диалога между следователем и несовершеннолетним.

Проведение допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) представляется целесообразным осуществлять в рабочем кабинете следователя. Соответствующая строгость и официальность подчеркивают важность и значимость проводимого расследования для несовершеннолетнего. Одновременная детализация уточняющих и контрольных вопросов должна быть краткой, предельно доступной.

Многие авторы считают, что «особенности тактики допроса добросовестных свидетелей практически не отличается от тактики допроса потерпевших и большой трудности не представляют» [6, с. 42]. Поэтому необходимо постараться, чтобы допрос проходил в спокойной и бесконфликтной обстановке. Перед непосредственным проведением допроса представляется необходимым разъяснение допрашиваемому его обязанностей и прав функционального назначения присутствующих на допросе лиц, а также круга обстоятельств, подлежащих рассмотрению в процесса допроса. Только затем представляется возможным проведение ознакомительной (неформальной) беседы, связанной с жизнью подростка и его социально-бытовыми условиями. В случаях установления контакта с несовершеннолетним следователем должны быть приняты меры, направленные на побуждение его к свободному рассказу, в ходе которого не рекомендуется прерывать, подсказывать, даже если он отрывочный или фрагментарный.

С помощью контрольных вопросов выявляются ориентация несовершеннолетнего в последовательности событий, понимание их сущности.

Использование допустимых приемов психического воздействия на мотивационную сферу подростка возможно путем демонстрации своей информационной осведомленности, предъявления доказательств, развенчания соучастников и т.п.

Следователю при проведении допроса необходимо соблюдать следующие педагогические требования: 1) не стоит заострять внимание несовершеннолетнего на обстоятельствах, которые могут нанести вред его воспитанию; 2) исключить из лексикона разного рода жаргонизмы и нецензурные выражения; 3) не допускать проявлений вульгарности и развязности. Речь сотрудника должна быть четко поставленной, уверенной и корректной. Возможно использование иронии, метких, острых определений, которые ценятся в подростковом возрасте. Особого профессионализма требует допрос малолетних лиц.

Процесс вовлечения несовершеннолетнего в общение со следователем должен быть постепенным. Необходимо дать время на освоение им нового места и находящихся в нем людей. Допускается предварительный вариант беседы в отношении взрослых лиц, которые его сопровождают, с одновременным обращением к ребенку по отдельным сопутствующим вопросам. Вместе с тем сле-

дователь должен контролировать свою речь в плане ее краткости, доступности без симуляции детского стиля.

Для того чтобы определить, способен ли ребенок правильно рассказать про конкретную ситуацию, ему можно сначала поставить задачу описать те события, которые заведомо ему хорошо известны. При этом следователь должен возбуждать деятельность ребенка на положительно-эмоциональном фоне и избегать неприятных для него вопросов.

Приступая к существу дела, следователь может повысить мотивационную ответственность несовершеннолетнего путем сообщения о том, что его показания являются очень важными для правильной оценки расследуемого преступления. Учитывая повышенную чувствительность подростков, необходимо блокировать тенденцию, направленную на оправдания ожиданий следователя. Перед допросом следователь должен объяснить ребенку, что в случаях, если он не знает ответа на задаваемый им вопрос, об этом необходимо открыто сказать. Не следует спешить с фиксацией допроса. Важен плавный переход разговора, направленного на получение показаний по существу дела. Вместе с тем, если несовершеннолетние не имеют способности к логичному свободному рассказу, то требуется осуществление диалогического взаимодействия с ним по конкретным эпизодам события; ставятся однозначные, понятные вопросы, исключающие односложные ответы.

Усложнение вопросов должно проходить постепенно. Начать представляется целесообразным с выяснения: круга лиц, которые принимали участие в преступлении; обстановки, которая хорошо отложилась в памяти ребенка; действий, им совершенных. Только после выяснения вышеуказанных обстоятельств представляется возможным задавать вопросы, посвященные содержанию самого события [2, с. 6]. При этом следует оказывать мнемическую помощь, тем самым побуждать несовершеннолетнего к припоминанию хода события с последующим установлением связей между его отдельными эпизодами.

Представляется допустимым повторение вопросов следователем. Стоит избегать внушения и любых форм проявления жесткости в обращении. Не представляется допустимым исправление ошибок в речи несовершеннолетнего. Принимая во внимание ограниченный объем, устойчивость и распределенность детского внимания, повышенный уровень утомляемости при однообразной форме деятельности, представляется возможным предоставить несовершеннолетнему изобразить то, что он видел, указать цвет, форму и т.п. с помощью наглядного эталонного материала.

Все вопросы, связанные с травмирующими психику ребенка обстоятельствами, должны чередоваться с нейтральными, эмоционально-положительными.

В случае сильного душевного волнения допрос должен быть временно прекращен, а внимание ребенка переключено на эмоционально-положительные объекты.

В допросе несовершеннолетних принимает участие защитник, который вправе задавать им вопросы, знакомиться по окончании допроса с его протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

В допросе несовершеннолетнего лица, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно участие педагога или психолога [1, с. 612].

Следователь и дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе, что является определенной гарантией защиты прав несовершеннолетнего от нетактичного с воспитательной точки зрения поведения должностного лица [5, с. 34-35]. Однако по сей день положения уголовно-процессуального кодекса по данному вопросу не нашли должного своего отражения, что предопределяет среди исследователей неоднозначное толкование задач специалиста в большинстве своем исключительно в рамках содействия уголовному судопроизводству, а не охране прав несовершеннолетних, которые подвержены постоянному нарушению из-за грубого несоблюдения требований процессуальных норм [3, с. 19].

Таким образом, использование следователем рассмотренных выше тактических приемов будет способствовать грамотному и эффективному проведению допроса и иных следственных действий с участием несовершеннолетних. Установление необходимого контакта следователя с несовершеннолетним является важной составляющей для производства последующих следственных действий, качественным образом влияющей на установление всех имеющих значение для расследования обстоятельств совершенного преступления.

Библиографический список

1. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Контракт, ВолтерсКлувер, 2010. - 720 с.
2. Голубев Н.А. Некоторые особенности расследования преступлений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 1. С. 5-9.
3. Поликашина О.В. Защита прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 4. С. 18-21.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 4.
5. Скичко О.Ю. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в уголовном процессе // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 6. С. 34-35.
6. Столбина Л.В., Крамская Е.С., Скоморохов О.Н. Особенности расследования хищений автотранспортных средств: учебно-методическое пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2016. - 58 с.

УДК 343.983.25

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СРЕДСТВА ИДЕНТИФИКАЦИИ И ДИАГНОСТИКИ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКАМ ПОЧЕРКА КАК ОПЕРАТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ РАЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Шепель Н.В.,
кандидат юридических наук
(Барнаульский юридический институт МВД России)

Аннотация: в данной статье описывается применение программного обеспечения для автоматизации проведения предварительных исследований рукописных текстов и подписей; раскрываются возможности средств биометрической аутентификации лица по почерку, приводятся разработанные методики и методические рекомендации проведения диагностических и идентификационных почерковедческих исследований, в частности, нейросетевые преобразователи биометрии рукописного образа в код доступа на примере программного обеспечения среды моделирования «БиоНейроАвтограф».

Ключевые слова: разыскная информация, предварительное исследование рукописных текстов и подписей, биометрическая аутентификация лица по почерку, автоматизированные средства диагностики личности по почерку.

AUTOMATED MEANS OF IDENTIFICATION AND DIAGNOSIS OF PERSONS ON THE GROUNDS OF HANDWRITING AS A PROMPT METHOD OF OBTAINING INVESTIGATIVE INFORMATION

Shepel N.V.,
Candidate of Law
(Barnaul Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: this article describes the application of software for automation of preliminary studies of handwriting and signatures; reveals the possibilities of biometric authentication of a person's handwriting, describes the developed technique and methodological guidelines for diagnostic and identification handwriting research, in particular, neural network converters biometrics handwritten image in the access code on the example of the software modeling environment «Bioneurological».

Key words: search information, a preliminary study of handwriting and signatures, biometric authentication of a person by handwriting, automated diagnostics of the person on handwriting

Почерк имеет большое значение в процессе выявления сведений, обстоятельств, имеющих значение для осуществления оперативно-разыскной и иных видов деятельности. Так, ведутся разработки объективного психофизиологического инструментария выявления лжи по признакам почерка.

Попытка воспроизвести ложную информацию приводит к психофизиологическим изменениям, вызванным более напряженной работой головного мозга. Эти изменения должны найти свое отражение в почерке.

В этой связи представляется актуальной задачей внедрение и широкое применение программного обеспечения для автоматизации проведения предварительных исследований рукописных текстов и подписей. Необходимо отметить, что работа по разработке средств биометрической аутентификации лица по почерку началась несколько лет назад, ведется активный процесс по определению специфических характеристик личности (пола, возраста и других признаков).

В настоящее время учеными различных стран проводятся исследования, направленные на идентификацию пользователя ЭВМ по его биометрическим параметрам [1, с. 189-192]. Разработаны алгоритмы идентификации пользователя по клавиатурному почерку и ведутся также разработки по его идентификации при подписи мышью.

Одним из возможных автоматических средств ввода рукописного документа и представления его в электронном виде является цифровая координатная ручка PC NotesTaker, которая позволяет одновременно получать как обычный бумажный документ с подписью руководителя, так и его электронную копию. Важно отметить, что электронная копия содержит дополнительные признаки почерка, которые не содержатся в его бумажном варианте, конкретно отражающие динамические свойства почерка, которые формируют изображения символов при исполнении текста документа. Пользователь составляет текст документа и скрепляет этот документ своей подписью, что позволяет одновременно с бумажным подписанным документом получить его электронную копию (с этой подписью), которая может быть передана по каналам связи.

Кроме этого, предлагается автоматизированное средство обеспечения информационной безопасности (АСОИБ), в котором используются алгоритмы, разработанные для области криминалистики. Так, в ней используются уже разработанные следующие методики и методические рекомендации проведения диагностических и идентификационных почерковедческих исследований (см. табл. 1).

Таблица 1. Методическое обеспечение АСОИБ.

Название	**Год издания**	**Описание**
Методика вероятностно-статистической оценки совпадающих частных признаков почерка в прописных буквах русского алфавита	1990	*Область применения:* почерковедческая экспертиза; идентификация личности по почерку и АСОИБ
Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов	1990	*Область применения*: почерковедческая экспертиза и АСОИБ. Программа «man-WO-man»
Методические рекомендации. Определение языка по текстам, выполненным на основе русской и латинской письменной графики	1991	*Область применения*: экспертиза текста документа для определения языка текста представления информации. Программа «Ling-R»

Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов	1995	*Область применения*: почерковедческая экспертиза и АСОИБ
Методические рекомендации по определению подлинности бланков ценных бумаг	2000	*Область применения*: экспертиза ценных бумаг и АСОИБ
Методика определения роста исполнителя рукописных документов (ЭД)	-	Методика находится в стадии разработки. Для АСОИБ разработана пробная экспериментальная версия.

Для усиления защиты доступа к электронным кабинетам используются нейросетевые преобразователи биометрия-код [4, с. 157], т.е. нейросетевые преобразователи биометрии рукописного образа в код доступа. С вышеуказанными разработками можно ознакомиться, скачав с сайта АО «Пензенский научно-исследовательский институт» программное обеспечение среды моделирования «БиоНейроАвтограф» [5]. Суть состоит в том, что пользователь воспроизводит своим почерком некоторое рукописные записи несколько раз, например, на рис. 1 отображена графическая форма интерфейса ввода рукописного почерка с введенным примером рукописного слова «Пенза» (см. рис. 1).

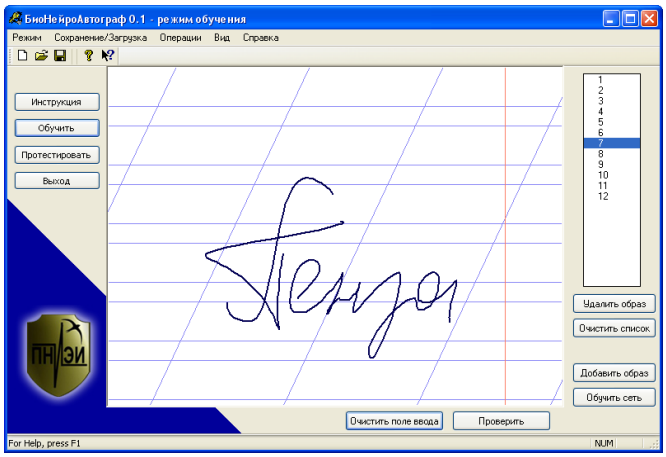

Рисунок 1. Интерфейс ввода рукописных записей.

Для обучения нейросетевого преобразователя среды моделирования «БиоНейроАвтограф» необходимо ввести от 8 до 16 примеров рукописного образа. Далее следует активировать поле «Обучить сеть». Процесс автоматического обучения выполняется в соответствии со стандартным алгоритмом ГОСТ Р 53633.5–2011. В итоге обученная нейронная сеть становится способной хорошо узнавать введенное рукописное слово. В том случае, если заданное слово вводить будет хозяин преобразователя, по инициации режима «Проверить» на 256 выходах нейронной сети появится верный пароль доступа (экранная форма верного пароля приведена на рис. 2).

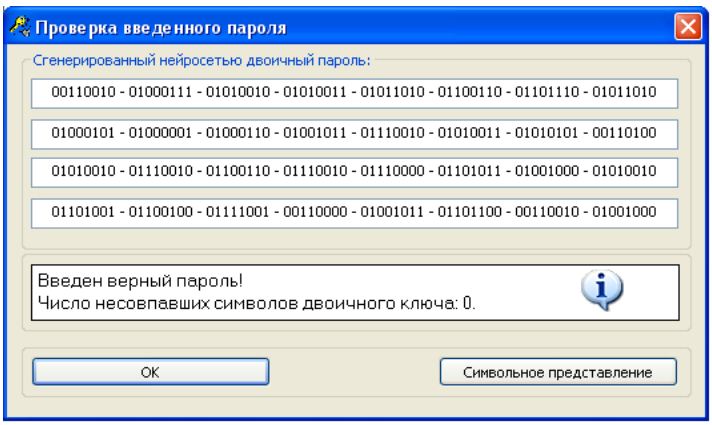

Рисунок 2. Экранная форма, соответствующая верному паролю доступа.

Условие модифицируется, если рукописное слово «Пенза» будет воспроизведено почерком другого человека. В этом случае на выходах нейронной сети появляется код другого пароля. Примерно половина бит другого пароля будет отличаться от бит нужного пароля. Неверный код отображен на экранной форме рисунка 3, звездочками отмечены разряды кода, не совпадающие с разрядами заданного при обучении верного кода (см. рис. 3).

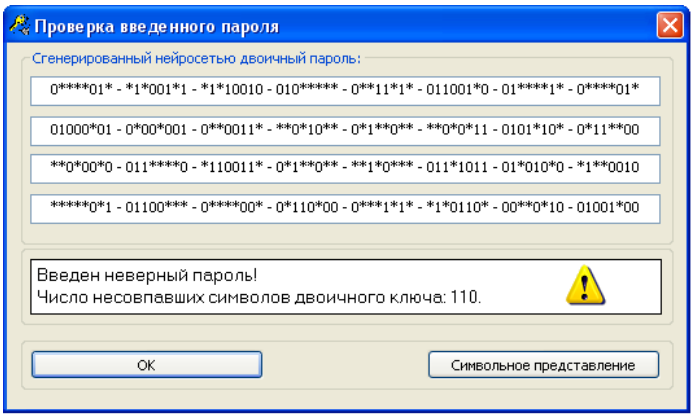

Рисунок 3. Пример неверного кода, возникающего при воспроизведении слова «Пенза» другим лицом.

Средства биометрической аутентификации личности человека по рукописному почерку (среда их моделирования «БиоНейроАвтограф») работают с «живыми» рукописными реализациями, которые пользователь вводит с графического планшета. Почерковедческая экспертиза, напротив, работает с «мертвыми» надписями, когда-то нанесенными на бумагу. В связи с этим перед исследованием необходимо отсканировать исследуемый документ с проверяемой рукописной записью либо подписью и ряд документов с образцами почерка проверяемого лица. Далее следует режим автоматизированного редактирования отсканированных документов с целью выделить из него рукописный образ. Блок-схема реализации этапов технологии автоматизированного исследования приведена на рисунке 4 (см. рис. 4).

Рисунок 4. Блок схема основных этапов проведения автоматизированного почерковедческого исследования.

После редактирования рукописной записи либо подписи идет этап извлечения из них 480 контролируемых биометрических параметров; подробности извлечения контролируемых параметров описаны в работе [3, с. 41-45]. Число контролируемых биометрических параметров может быть любым, однако, если пользоваться средой моделирования «БиоНейроАвтограф», то потребуется извлекать из изображений именно 480 параметров в форме коэффициентов двухмерного преобразования Фурье или его части (например, двухмерных косинус-коэффициентов JPEG-формата). Для того чтобы обучать нейронную сеть среды моделирования «БиоНейроАвтограф», потребуется создать базу «образцов-подлинников» и базу, состоящую из «образцов-подделок». После обучения нейронной сети (инициируется поле «Обучить сеть») можно проводить исследование. Для этого на вход обученной нейронной сети предъявляется 480 биометрических параметров исследуемой рукописной записи либо подписи. При этом если на выходе нейронной сети появится код «с¯», то вопрос решается положительно, то есть текст выполнен данным проверяемым лицом, любой иной код свидетельствует о том, что текст либо подпись выполнены иным лицом [2, с. 249-257].

Таким образом, несмотря на то, что автоматизированное нейросетевое исследование в настоящее время несовершенно, оно может быть использовано при проведении предварительных исследований почерковых объектов в ходе оперативно-разыскной деятельности. Такие исследования при наличии соответствующей программы в состоянии провести сотрудник оперативного подразделения, например, на месте проведения оперативно-разыскного мероприятия. Полученные результаты могут быть использованы для решения вопроса о дальнейшем проведении экспертного исследования.

Библиографический список

1. Андрианов В.В., Галушкин А.И., Кулик С.Д. и др. Нейрокомпьютеры в биометрических системах / под ред. А.И. Галушкина. – М.: Радиотехника, 2007. Кн. 26.

2. Иванов А.И., Газин А.И., Качайкин Е.И., Андреев Д.Ю. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249-257.

3. Качайкин Е.И., Куликов С.В. Получение биометрических параметров высокого качества из статического изображения рукописной подписи // Инфокоммуникационные технологии. 2015. № 4. С. 41-45.

4. Нейросетевая защита персональных биометрических данных / Ю.К. Язов, В.И. Волчихин, А.И. Иванов, В.А. Фунтиков, И.Г. Назаров. – М.: Радиотехника, 2012. – 157 с.

5. Иванов А.И., Захаров О.С. Среда моделирования «БиоНейроАвтограф»: программное обеспечение свободного доступа [Электронный ресурс]. – URL: http://пниэи.рф/activity/science/noc.htm.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИРОТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прокофьева Е.В.,
кандидат физико-математических наук;
Кухарова М.Э.
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье систематизированы теоретические сведения о современных пиротехнических изделиях. Представлена классификация пиротехнических изделий по различным основаниям. Определяется актуальность проблематики излагаемого вопроса, связанная нарушением правил учета, хранения, перевозки и использования пиротехнических изделий.

Ключевые слова: пиротехнические изделия, пиротехника, взрывчатое вещество, криминалистические исследование.

PROBLEMS OF THE USE OF PYROTECHNICAL ITEMS IN THE MODERN SOCIETY

Prokofieva E.V.,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences;
Kuharova M.E.
(Volgograd Academy of the MIA of Russia)

Abstract: the article systematizes theoretical information about modern pyrotechnic products. The classification of pyrotechnic products on various grounds is presented. The urgency of the problematic of the presented issue is determined, which is connected with the violation of the rules for accounting, storage, transportation and use of pyrotechnic products.

Key words: pyrotechnic products, pyrotechnics, explosives, forensic research.

Пиротехнические изделия (далее – ПИ) являются неотъемлемой частью любых праздников, но неоспорим тот факт, что эти изделия далеко не всегда приносят только положительные впечатления и радость, зачастую они являются источником травматизма и становятся объектом криминалистического иссле-

дования. Распространение пиротехнических изделий на территории Российской Федерации растет с каждым годом, однако основная масса таких изделий является «серой», несертифицированной, а значит, и небезопасной для использования. Все это, к сожалению, приводит к плачевным последствиям (особенно в период праздников или значимых событий для людей): травмам, увечьям, ожогам и даже к летальным исходам. Ввиду большого количества пиротехнических изделий на потребительском рынке, соответственно, растет количество преступлений, связанных с нарушением правил учета, хранения, перевозки и использования пиротехнических изделий. Так, за последние годы анализ статистических данных показал, что среди объектов взрывотехнической экспертизы 23% составляют пиротехнические изделия.

Как показывает практика, неправильная эксплуатация пиротехнических изделий и (или) использование несертифицированных ПИ может нанести не только материальный ущерб, но и привести к гибели людей. В качестве примера хотелось бы привести серию взрывов в Мексике [1]. В 2016 г. на ярмарке пиротехники «Сан-Паблито» в городе Тультепеке произошла серия взрывов, причиной которой стал внезапный пожар. В результате погибло 29 человек, более 70 были ранены, 13 из которых были дети. Пострадавшие получили 90% ожогов тела, помимо людей, были повреждены рядом находившиеся дома. Апогеем страшной статистики в России стала трагедия в Перми [2], причиной которой стало неправильное использование пиротехнического изделия. Эта трагедия унесла жизни более 150 человек.

Актуальность излагаемой темы очевидна и заключатся не только в проблемах использования «серой» продукции (ПИ), халатном отношении в ее применении, банальной человеческой невнимательности, но и в том, что ПИ являются орудием совершения преступлений, которые могут привести к общественно опасным последствиям. Связано это, на наш взгляд, с двумя важными аспектами, первым из которых является то, что некоторые пиротехнические изделия обладают специфическими качествами, свойственными оружию, боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам. В качестве второго аспекта выступает свободная продажа ПИ любой категории граждан, что является большим пробелом в правовой базе государства.

С определением понятия пиротехнических изделий непосредственно связана и их классификация, которую мы попытались дать по различным основаниям.

Ознакомившись со многими трактовками понятия пиротехнического изделия, мы пришли к выводу, что наиболее правильным и в большей степени соответствующим криминалистическим требованиям является определение, которое дано в диссертационном исследовании В.И. Медведева [3]: «пиротехническое изделие – это устройство промышленного или самодельного изготовления, предназначенное для получения световых, звуковых, дымовых, тепловых и реактивных эффектов за счет горения специальных составов» [4].

После детального анализа различных классификаций ПИ несложно заметить, что наиболее полной является классификация, представленная в работе [3], где приводится следующая классификация ПИ: по области применения; по целевому назначению; по кратности применения; по характеру сборки; по спосо-

бу изготовления; по степени ограничения оборота; по способу изготовления; по механизму применения.

Такая классификация хотя и является на сегодняшний день наиболее полной, но, на наш взгляд, ее все же можно модернизировать и дополнить. Так, согласно классификации [3] ПИ по кратности применения делятся на ПИ однократного и многократного применения. Но, анализируя практику применения ПИ в Российской Федерации, мы пришли к выводу, что все ПИ – это изделия однократного применения. Однократность применения указывает на то, что после применения пиротехническое изделие приходит в негодность, и его повторное применение исключается. Ввиду этого ПИ по кратности применения классифицировать не целесообразно.

Мы предлагаем модернизировать имеющуюся классификацию и дополнить ее некоторыми основаниями: по области применения; по целевому назначению; по способу изготовления; по степени ограничения оборота ПИ; по механизму применения.

В зависимости от области применения различают пиротехнические изделия, применяемые: в военном деле (являющиеся предметами вооружения, а именно боеприпасами); в народном хозяйстве; в специальной технике.

В зависимости от конкретного вида ПИ, по нашему мнению, целесообразно разделить ПИ согласно ГОСТ Р51270-99 [5] на пять классов опасности: I класс – ПИ, у которых значение кинетической энергии движения составляет не более 0,5 Дж, отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 0,25 м от пиротехнических изделий не превышает 125 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 0,5 м; II класс – ПИ, у которых значение кинетической энергии движения составляет не более 5 Дж, отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 2, м от пиротехнических изделий не превышает 140 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 30 м; III класс – ПИ, у которых значение кинетической энергии движения составляет более 5 Дж, при ненаправленном движении – не более 20 Дж и отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 5 м от пиротехнических изделий не превышает 140 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 30 м; III а класс – ПИ, у которых значение кинетической энергии движения при направленном движении составляет более 5 Дж, при ненаправленном движении – не более 20 Дж и отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 5 м от пиротехнических изделий не превышает 140 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 20 м; IV класс – ПИ, у которых отсутствует ударная волна и радиус опасной зоны хотя бы по одному из остальных факторов составляет более 30 м; V класс – специальные ПИ и изделия технического назначения, не вошедшие в 1-4 классы; V а класс – ПИ, срабатывание которых сопровождается возникновением ударной волны (барического поля с уровнем давления более

35 кПа) и (или) разлетом поражающих осколков с удельной кинетической энергией более 0,5 Дж/мм^2 на расстоянии более 5 м [5].

Классификация, которая касается целевого назначения, по мнению некоторых авторов, имеет несколько версий, так, например, в работе В.В. Мартынова [6] ПИ разделены на группы, виды и подвиды. Такая классификация имеет ряд неточностей: сигнальные и осветительные средства; трассирующие и помехообразующие средства объединены в один подвид; в разделении по виду пиротехнического эффекта: дымовые средства объединяют маскировочные и средства защиты растений, т.е. путается целевое назначение изделий и разделение по видам пиротехнического эффекта.

Наиболее точной, на наш взгляд, является классификация, которая приведена в В.И. Медведевым в работе [3]. Критерием для данной классификации по такому основанию являются разработка и использование новых видов пиротехнических изделий. Классификация по целевому назначению приведена в следующем виде: сигнальные средства; осветительные и фотоосветительные средства; имитационные средства; маскировочные средства; фейерверочные изделия; зажигательные средства; специальные средства; средства воздействия на природные явления; воспламенительные и инициирующие средства; трассирующие и целеуказательные средства; пиротехнические средства взрывания; средства пироавтоматики; пиротехнические средства термической обработки скважин; пиротехнические средства отпугивания птиц и т.д.

Приведенная классификация дает нам основания сделать вывод, что, помимо военного, бытового и специального назначения, можно выделить ПИ технического назначения, использование которых требует специальных знаний и навыков, соответствующей аттестации исполнителей (пользователей) и обеспечения соответствующих условий технического оснащения, и отнести их, как правило, к первому классу опасных грузов согласно ГОСТу 19433-88 [7].

Еще одним немаловажным основанием классификации является способ изготовления. По способу изготовления все ПИ бывают промышленного и самодельного изготовления. ПИ промышленного изготовления, как правило, изготавливаются на предприятиях, где используются специальные материалы и технология изготовления. Пиротехнические изделия самодельного изготовления – это изделия, изготовленные самодельным способом, либо переделанные из пиротехники промышленного изготовления.

В зависимости от степени ограничения оборота ПИ целесообразно подразделить их на группы:

1. Свободно продаваемые населению. Обращение с такой категорией ПИ не требует специальных знаний и навыков. Используются они в соответствии с соблюдением требований прилагаемой инструкции за пределами опасных зон, безопасных для людей, имущества и окружающей среды. Опасные зоны определяются в зависимости от класса опасности используемого ПИ, расстояния приведены в ГОСТе Р51270-99 [5].

2. ПИ, продаваемые специалистам при предоставлении документов, подтверждающих наличие соответствующей аттестации пользователей; изделия, не подлежащие продаже. К таковым относятся все пиротехнические средства во-

енного назначения, специальные средства, а также изделия, применяемые в технологических процессах.

По механизму применения пиротехнические изделия делятся на ручные, дистанционного управления, автоматические. Ручные пиротехнические средства – это изделия, предназначенные для запуска с рук или работы в руках. Инициирование пиротехнических изделий дистанционного запуска производится при помощи специально предназначенных устройств, позволяющих приводить их в действие на расстоянии (управление по проводам или радиолинии). Автоматические пиротехнические средства приводятся в действие сигналами, подаваемыми системами управления или автоматами. Такие пиротехнические изделия используются в системах сигнализации, пожаротушения и т.д. [3]. Все пиротехнические изделия отличаются друг от друга не только по основаниям, приведенным выше, но также и по внешнему виду. Наиболее часто используемыми ПИ являются: хлопушки, пистоны, фейерверки, петарды, бенгальские огни, ракеты и многое другое.

Приведенная выше классификация ПИ будет полезна для решения широкого спектра вопросов при расследовании преступлений, связанных нарушением правил учета, хранения, перевозки и использования пиротехнических изделий.

На сегодняшний день в свободной продаже имеются различные по эффекту и сложности виды пиротехнической продукции для проведения праздничных салютов и фейерверков. При нарушении правил реализации через розничные точки торговли пиротехнические изделия могут оказаться в распоряжении несовершеннолетних и (или) психически неуравновешенных лиц. В качестве профилактических мер, мы считаем, целесообразно установить возрастной ценз на продажу ПИ, а также значительно уменьшить число мест реализации такой продукции.

Изделия, предназначенные для создания праздничного настроения, зачастую оказываются причиной несчастных случаев, предметами и орудиями преступлений. Именно поэтому правоохранительные органы уделяют особое внимание контролю за оборотом пиротехнических изделий. Благодаря усиленному контролю за оборотом пиротехники в последние годы органами внутренних дел количество контрафактной продукции в торговых точках значительно уменьшилось, но уровень преступлений, связанных с ПИ, все так же остается высоким. Основная масса преступлений с использованием пиротехнических средств совершается по неосторожности.

Пиротехнические изделия стали неотъемлемой частью человеческой жизни, но нельзя забывать о том, что применение ПИ с нарушением условий эксплуатации может привести к тяжёлым последствиям, влекущим за собой не только разрушение и уничтожение имущества, но и гибель людей!

Библиографический список

1. На рынке фейерверков в Мексике прогремел взрыв [Электронный ресурс]. – URL: https://korrespondent.net.

2. Трагедия в Перми [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2009/12/25/feierverk-site.html.

3. Медведев В.И. Методические и технико-криминалистические основы исследование современных пиротехнических средств: дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 223 с.
4. Фатеев В.М., Лапин С.М., Давыдов Е.О. Пиротехнические изделия: учебное пособие. – Киев: Пульсары, 2005. – 148 с.
5. ГОСТ Р51270-99. «Изделия пиротехнические. Общие требования безопасности». – М.: Изд-во стандартов, 1999. – 55 с.
6. Основы криминалистического исследования пиротехнических средств промышленного изготовления: учебное пособие / Мартынов В.В. [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996.
7. ГОСТ 19433-88. Грузы опасные. Классификация и маркировка. – М.: Изд-во стандартов, 1988. – 49 с.

УДК 343.13

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ К РЕАБИЛИТАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Потетинов В.А.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье автором анализируются практические и теоретические проблемы признания общественно опасного деяния малозначительным. Автор указывает на необходимость конкретизации данной уголовно-правовой категории в уголовно-процессуальном законодательстве. По мнению автора, признание деяния малозначительным во всех случаях должно гарантировать лицу его право на реабилитацию. В целях гарантирования обеспечения прав личности автор предлагает закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве основание прекращения уголовного преследования по ч. 2 ст. 14 УК РФ в качестве реабилитирующего.
Ключевые слова: малозначительность, прекращение уголовного преследования, основания реабилитации, право на реабилитацию, уголовное судопроизводство.

MINORITY OF THE ACT AS THE BASIS FOR REHABILITATION: THEORY AND PRACTICE

Potetinov V.A.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: in the article the author analyzes the practical and theoretical problems of recognizing a socially dangerous act as insignificant. The author points out the need to specify this criminal-legal category in the criminal procedural legislation. In the opinion of the author, the recognition of the act is insignificant, in all cases it must guarantee the person his right to rehabilitation. With a view to guaranteeing the rights of the individual, the author suggests that the criminal procedural law should fix the grounds for the termination of the criminal prosecution under Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation as a rehabilitator.
Key words: insignificance, cessation of criminal prosecution, rehabilitation bases, the right to rehabilitation, criminal trial.

В правовой системе России преступлению – в отличие от иных правонарушений – присуща криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [1].

Понятие малозначительности в уголовном законодательстве является одним из дискуссионных не только с научной точки зрения, но и практической. Проблематичность определения указанной категории заключается в нескольких аспектах.

Во-первых, это определенная доля коррупционности, кроющаяся в оценочном понятии малозначительности, закрепленном законодателем в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Отсутствие ясно изложенных законодателем формальных критериев определения малозначительности дает полную свободу правоприменителю при ее оценке. Субъективность оценки указанной категории связана с отсутствием в уголовном законодательстве России определения понятия «общественная опасность», которая является ключевым для признания деяния малозначительным.

Данный пробел в уголовном законодательстве попытался восполнить Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 (далее – Постановление № 58) [4], раскрывая две основные категории интересующего нас признака преступления: характер и степень общественной опасности.

В уголовном законе понятия «характер и степень общественной опасности» используется неоднократно, например, ст.ст. 6, 47, 60, 68, 73 УК РФ. В уголовно-процессуальном законодательстве также указывается на характер и размер причиненного вреда как на обстоятельства, подлежащие доказыванию (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Эти же категории используются в теории уголовного права и судебно-следственной практике, однако их понятий и четких критериев законодатель не определил.

Оценивая характер общественной опасности преступления, судам в Постановлении № 58 рекомендовано учитывать направленность деяния, иными словами, объект посягательства, то есть качественный признак общественной опасности. При установлении степени общественной опасности правоприменитель должен учитывать характер и размер наступивших последствий, то есть количественный признак преступления.

Анализируя указанные критерии общественной опасности, мы не увидели категоричных разъяснений и рекомендаций, по которым возможно отнести общественно опасное деяние к преступлению. Исходя из складывающейся судебной практики, суды, признавая деяние малозначительным, указывают на небольшую общественную опасность, учитывают такие обстоятельства, как: положительные данные о подсудимом, отсутствие судимости; полное возмещение ущерба, а в некоторых случаях и попытки возместить ущерб потерпевшему, ходатайства потерпевших о непривлечении виновных к уголовной ответственности и т.п., что в большей степени можно отнести к деятельному раскаянию, постпреступному поведению, могущих служить основанием для освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст.ст. 75, 76 УК РФ и т.п.).

Таким образом, размытость границ определения малозначительности деяния, признание его общественно опасным или, напротив, недостаточно таковым, чтобы квалифицировать как преступление, законодатель и Пленум Верховного Суда Российской Федерации оставили на усмотрение правоприменителя.

Второй немаловажный вопрос, разрешение которого нами ставится в качестве цели в рамках настоящей статьи, – это установление, подлежит ли лицо, подвергшееся уголовному преследованию за деяние, признанное в последующем малозначительным, реабилитации.

Об актуальности разрешения данного вопроса свидетельствуют обращения граждан в высшие судебные органы, предметом которых выступает неконституционность взаимосвязанных положений, закрепленных в ч. 2 ст. 14 УК РФ и норм, входящих в уголовно-процессуальный институт реабилитации [3].

Учеными-практиками, затрагивающими данную проблематику, отмечается отсутствие единообразия судебной практики по этому вопросу. Например, судья Орловского областного суда Д.В. Сопов отмечает, что «в ряде случаев суды признавали за лицами право на реабилитацию, а иногда умалчивали об этом в своих решениях» [7, с. 48-49].

Произвольность признания указанного права за лицами, в отношении которых уголовное дело или уголовное преследование прекращено в связи с малозначительностью деяния, нам видится в отсутствии законодательного закрепления данного основания (ст. 133 УПК РФ) как влекущего признание права на реабилитацию и возмещение причиненного вреда в порядке гл. 18 УПК РФ.

В качестве примеров, способствующих нарушениям прав личности, можно привести отдельные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 302 УК РФ оправдательный приговор постановляется в случаях отсутствия в действиях подсудимого состава преступления, он же является и основанием к реабилитации (п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). Таким образом, суд, постановивший оправдательный приговор, обязан признать за невиновным право на реабилитацию, предусмотренное главой 18 УПК РФ. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации, например, в п. 12 Постановления от 23 ноября 2010 г. № 26 [5] разъясняет судам, что они, установив в действиях подсудимого малозначительность деяния, вправе прекратить уголовное дело по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В данном постановлении Пленум Верховного Суда РФ предлагает признавать деяние малозначительным, если, например, виновными не использовались отдельные способы массового истребления водных животных и растений (применение самоходного транспортного плавающего средства и т.п.), или же если не наступил крупный ущерб.

Указанный вид малозначительности деяния полностью исключает преступную общественную опасность деяния, а соответственно, здесь необходимо вести речь не столько о малозначительности деяния, а об отсутствии в деянии состава преступления, что, в свою очередь, является основанием к реабилитации лица и возмещению ему вреда в порядке гл. 18 УПК РФ.

Если же мы обратимся к разъяснениям п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 [6], то здесь Пленум Верховного Суда Российской Федерации пошел еще дальше в своих разъяснениях, и в императивном порядке предписывает судам прекращение уголовного дела на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. В разъяснениях указанного постановления, очевидно, идет речь о незначительной общественной опасности, присущей гражданско-правовому деликту или административному правонарушению, в силу чего за указанное деяние недопустимо осуществление уголовного преследования. Возникает вопрос, почему судам рекомендуется прекращать уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, а не выносить оправдательный приговор в связи с отсутствием в деянии состава преступления, поскольку малозначительное деяние законодатель не признает преступлением.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ни в одном из вышеуказанных постановлений судам не дается указаний на выполнение требований по наделению лиц, в отношении которых принимаются решения о прекращении уголовного дела по указанным основаниям правом на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

По нашему мнению, данные рекомендации необходимы, поскольку уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает для лиц, в отношении которых прекращено уголовное дело (уголовное преследование) по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 14 УК РФ, права на реабилитацию, возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, хотя объективно они такое право имеют.

Другим возможным вариантом разрешения данной проблемы можно рекомендовать судам в случаях установления малозначительности деяния выносить оправдательный приговор по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, что является основанием к реабилитации лица и возмещению вреда, причиненного уголовным преследованием.

В качестве примера можно привести Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации [2], где суд признал хранящийся у осужденного патрон с налетом ржавчины с учетом его объективной стороны, мотивов и цели содеянного малозначительным деянием, а уголовное дело в указанной части прекратил по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием в деянии состава преступления и признал за осужденным право на реабилитацию.

Думается, что предлагаемые нами варианты некоторые исследователи могут подвергнуть критике, обосновывая свою позицию тем, что признание совершенного деяния малозначительным по сложившейся судебно-следственной практике влечет принятие процессуального решения в связи с отсутствием состава преступления.

В таком случае необходимо обратиться к теории уголовного права, где, как мы отмечали, при признании деяния малозначительным, исключается его общественная опасность. В свою очередь, общественная опасность является признаком преступления, а не состава преступления, который состоит из иных объективных и субъективных признаков.

Таким образом, чтобы исключить формальную возможность в отказе лицу, подвергнувшемуся уголовному преследованию за деяние, признанное малозначительным, предлагаем законодателю изложить п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в следующей редакции: *«2) за отсутствием в деянии признаков или состава преступления».*

До внесения указанных изменений в уголовно-процессуальное законодательство и разъяснений судам о форме и основаниях принимаемых процессуальных решений за лицами, уголовное преследование в отношении которых прекращено на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, необходимо признавать право на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2017 г. № 5-УД17-1 по кассационной жалобе А.М. Ичкина // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. № 1623-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немычниковой Надежды Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 48 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст.ст. 256, 258.1 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

7. Сопов Д.В. Малозначительное деяние: критерии оценки и форма решения суда // Уголовный процесс. 2018. № 3. С. 42-49.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Архипова Н.А.,
кандидат юридических наук
(Барнаульский юридический институт МВД России)

Аннотация: данная статья посвящена вопросам получения и использования электронных сообщений в ходе расследования телефонного мошенничества. Автором проводится анализ некоторых способов совершения телефонного мошенничества. В статье рассматриваются возможности получения сведений о фактах получения, отправления, обработки электронных сообщений.

Ключевые слова: электронное сообщение, короткое текстовое сообщение, расследование, следственное действие.

ON THE ISSUE OF SOME METHODS OF FRAUD, COMMITTED WITH THE USE OF CELLULAR COMMUNICATIONS

Arkhipova N.A.,
Candidate of Law
(Barnaul Law Institute of the MIA of the Russia)

Abstract: the article is devoted to the obtaining and use of electronic messages in the investigation of telephone fraud. The author analyzes some methods of telephone fraud. The article discusses the possibility of obtaining information about the facts of reception, administration, processing of electronic messages.

Key words: electronic messages, short text message, the investigation, investigative action.

Мошенничества, совершаемые с использованием средств сотовой связи, остаются актуальным видом преступлений. Мошенники практически ежедневно изобретают новые способы совершения данных преступлений. Однако существующие схемы обмана до сих пор применяются ими успешно. При совершении некоторых способов мошенничеств сотовый телефон используется для пересылки электронных сообщений. Данные сообщения содержат ложную информацию, которая направлена на создание уверенности у потерпевшего для передачи своих денежных средств как в наличном, так и безналичном расчете.

Мошенники рассылают тысячи сообщений с предложением отправить сообщение, чтобы получить информацию о своей кредитной истории; с просьбами помочь больному ребенку; получить на свой счет некую небольшую сумму «в подарок»; предложение познакомиться, сменить тариф мобильного телефона на более выгодный; приветствия и поздравления от якобы знакомых людей; с информацией о результатах проведенного розыгрыша от торговой сети,

от мобильного оператора, банка; объявления о распродаже товаров по сверхвыгодной цене. И за всё это предлагается «всего лишь» внести небольшую денежную сумму на счет, указанный в сообщении. Конечно же, никто при этом ничего не выиграет, кроме самих мошенников, которые в результате получат приличную прибыль от тысяч доверчивых людей, перечисливших деньги. Преступники, как правило, совершают не одно преступление, а серию однотипных мошеннических действий.

Кроме того, есть такая разновидность сообщений, отправляемых мошенниками, как сообщения, содержащие вредоносную программу. В данных сообщениях содержится ложная информация о том, что абонент может ознакомиться со своими фотографиями, скачать предложения для телефона, о необходимости зарегистрироваться для возобновления пользования своей страницей в социальных сетях. Проходя по указанной в сообщении ссылке, абонент попадает на сайт мошенников, посредством чего телефон заражается вирусом. Вирус проникает в телефон пользователя и получает доступ к программам телефона, в том числе к «Мобильному банку». Используя вирусную программу, злоумышленники могут осуществить проверку баланса денежных средств на карте потерпевшего и перевести денежные средства, находящиеся на счете, осуществив при этом списания без необходимости подтверждения в банк путем отправления сообщения с сотового телефона.

Анализируя данные статистики, мы пришли к выводу, что преступления данной категории совершаются лицами мужского пола. Женщины в данном виде преступления участвуют лишь в качестве посредников и зачастую не осведомлены о преступном умысле организатора. Возраст мошенников в большинстве случаев составляет 18-25 лет (20%) и 25-35 лет (80%). Это лица, которые способны легко вступать в контакт с людьми, напористые и дерзкие. Отличительной чертой телефонных мошенников является то, что данные лица не столь обладают высоким интеллектуальным уровнем, как мы привыкли себе их представлять. Многие мошенники являются хорошими «психологами», обладают жизненным опытом, могут поговорить на любые интересующие темы.

Среди лиц, потерпевших от мошенничества с использованием средств сотовой связи, около 80% составляют женщины, около 20% – мужчины. Возраст лиц, которые становились «жертвами» по данному преступлению: от 20 до 50 лет – 7%; от 50-60 лет – 11%; свыше 70 лет – 82%. Мошенники зачастую пользуются простотой и наивностью данной категории населения, часто представляются работниками правоохранительных органов, чтобы заручиться доверчивостью потерпевших.

По нашему мнению, на выбор способа совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи влияет не только повсеместное распространение средств сотовой связи у населения, отсутствие визуального контакта с потерпевшим, возможность выбора поведения, но и пробелы законодательства в данной области. Несмотря на предпринимаемые правоохранительными органами меры по борьбе с преступлениями данного вида, криминальная обстановка остается напряженной. Способствовать решению ряда правовых проблем призван Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ [1], внесший измене-

ния в федеральные законы [2; 3], которые вступят в силу с 1 июля 2018 г. Согласно этим изменениям с указанной выше даты на организаторов распространения информации в сети Интернет и операторов связи возлагаются обязанности хранить не только сведения о приеме и передаче сообщения, но и содержание всех сообщений пользователей услугами связи до шести месяцев. В данном нормативном акте оговариваются сроки и объем хранения указанной информации:

- хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

- хранить на территории Российской Федерации текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи – до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки;

- хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий;

- хранить на территории Российской Федерации текстовые сообщения пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения пользователей сети Интернет до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Федеральным законом от 6 июля 2016 № 375-ФЗ [4] в ст. 185 УПК РФ была добавлена ч. 7, согласно которой содержание электронных сообщений или иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, подлежит осмотру и выемке следователем после получения судебного решения. Введением данной нормы законодатель конкретно определил способ получения содержания электронных сообщений в ходе расследования преступлений.

Проблемы расследования мошенничеств, совершаемых с использованием мобильной связи, являются достаточно серьезными. Преступники постоянно изобретают новые способы совершения преступлений с целью хищения денежных средств у граждан. Борьба с данными преступлениями ведется по всем направлениям, но искоренить все проблемы пока не удается. Принятые нормативно-правовые акты должны способствовать изменению ситуации в положительную сторону, однако о полезности этих правовых норм сегодня можно лишь предположить, так как отсутствуют практические наработки по их реализации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126 «О связи» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 004.7 : 343.575

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Глушков Е.Л.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Попов А.М.,
кандидат юридических наук, доцент
(Тамбовский государственный технический университет)

Аннотация: в данной статье мы рассматриваем некоторые актуальные моменты получения информации о лицах, занимающихся распространением наркотических средств бесконтактным способом с помощью сети Интернет. Обращено внимание на рекламы новых наркотических средств, рассказывается подробно о способах их приобретения посредством тайников-закладок, путях обхода различных блокированных сайтов. Рассматриваются уровни структуры глобальной сети, при помощи которых можно найти сайты, пользующиеся спросом у наркопокупателей и распространителей. Приводятся способы расчета за наркотические средства между покупателями и продавцами с помощью денежных операций через криптовалюту Bitcoin.

Ключевые слова: сеть Интернет, преступление, наркотические средства, информационные технологии, закладки, поисковая система, сервер, клиент, интернет-площадки.

INTERNET AS A MEDIUM OF DISTRIBUTION OF NARCOTIC DRUGS

Glushkov E.L.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Popov A.M.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Tambov State Technical University)

Abstract: in this article we consider some actual moments of obtaining information on persons engaged in distribution of drugs in the contactless way by means of the Internet. Attention is paid to the advertising of new drugs, describes in detail the ways of their acquisition through the hiding places, bookmarks, ways to bypass various blocked sites. The levels of the structure of the global network, with which you can find sites that cause demand from drug buyers and distributors. Discusses the methods of payment for drugs between buyers and sellers, with the help of monetary transactions through cryptocurrency Bitcoin.

Key words: Internet, crime, drugs, information technology, bookmarks, search engine, server, client, Internet platform.

Сегодня сеть Интернет, помимо выполнения функций поддержки общения, обмена мнениями и получения информации, всё чаще становится объектом и средством преступного деяния. В сети Интернет не только распространяются рецепты наркотических средств, рекламируются новые наркотические средства, рассказывается подробно о способах их приобретения, ведётся статистика блокировки Федеральной службой по надзору в сфере связи информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) сайтов, но и предлагаются варианты обхода блокированных сайтов.

Изначально наркотические средства, такие как спайс (JWH-018) и соль (MDPV), продавались через ICQ, через надписи на заборах, стенах, подъездах и распространялись посредством закладок. Сейчас продажа наркотических средств из рук в руки практически осталась в прошлом. С развитием компьютерных технологий незаконный оборот наркотических средств всё больше уходит в Интернет. Заказать и оплатить дозу можно одним нажатием клавиши «мышки», не выходя из дома.

В настоящее время структура глобальной сети, в которой можно найти пронаркотические сайты, по своему содержанию условно подразделяется на несколько уровней.

Самый известный и самый распространённый – общедоступный Интернет, включающий всевозможные сайты, поисковые системы, социальные сети и др. В этом Интернете пронаркотические сайты, как правило, скрыты, замаскированы. Скрытая реклама наркотических средств, инструкции по их приготовлению, различного рода предложения скрываются внутри сайта на закрытых форумах либо на скрытых от посторонних глаз гиперссылках. Попасть на этот уровень Интернета не вызывает затруднений даже у неопытного пользователя – с помощью любых поисковых систем: Google, Yandex, Рамблер, KM.RU, mail.ru и другие.

Данный уровень глобальной сети в значительной степени модерируется и отслеживается различными надзорными ведомствами и органами - Роскомнадзором, МВД России, прокуратурой России и другими компетентными организациями.

Следующий уровень глобальной сети, на котором в более доступной и менее завуалированной форме можно обнаружить пронаркотические сайты – некий маргинальный Интернет, то есть Интернет, находящийся как бы на границе двух сред – обычной и противоправной. К этому уровню Интернета можно получить доступ через имиджборды, FTP-серверы и другие [1, с. 58].

Попасть заинтересованному пользователю в маргинальный Интернет достаточно просто с помощью так называемых программ-анонимайзеров и прокси-серверов. Именно анонимайзеры (anonymizer) - программы и сервисы (вебсайты) позволяют скрыть местоположение пользователя, IP-адрес его компьютера, используемый браузер, позволяют посещать запрещённые сайты или вебстраницы, заблокированные надзорными органами или провайдерами, то есть осуществить анонимизацию доступа к искомым ресурсам.

Ещё один способ доступа в маргинальный Интернет – через FTP-серверы или proxy-серверы. FTP-сервер – это стандартный протокол, предназначенный для передачи файлов по информационным сетям (в том числе по Интернету). Пользователь может применять разные сетевые соединения для передачи: пройти

аутентификацию, передавая логин и пароль открытым текстом; подключиться анонимно для безопасного соединения, скрывающего (шифрующего) логин и пароль, а также шифрующего содержимое передаваемой информации [7, с. 56-60].

Proxy-сервер – сервер, позволяющий пользователям осуществлять косвенные запросы к различным сетевым службам: клиент подключается к proxy-серверу и запрашивает какой-либо ресурс, расположенный на другом сервере. Причём запрос клиента или ответ сервера может быть изменен proxy-сервером и помогает сохранять анонимность клиента.

Ещё один уровень Интернета – это так называемый глубокий (темный) Интернет, представляющий собой множество информационных ресурсов во Всемирной сети, которые не индексируются универсальными поисковыми системами.

Самым главным и профессиональным уровнем темного Интернета является система Tor, созданная в 2001 г. По данным Tor Metrics, в июле 2014 г. Россия вошла в тройку стран, наиболее активно использующих Tor[8].

Tor работает на основе «луковой» маршрутизации, роль защищенных узлов играют несколько тысяч компьютеров и серверов, принадлежащих пользователям анонимной сети. Информация последовательно шифруется и передается через три случайно выбранных узла (входной, промежуточный и выходной), причем каждый из них знает лишь о том, откуда пришли зашифрованные данные и куда их надо отправить дальше [4].

После того как в системе Tor были созданы торрент-клиент BitTorrent и криптовалюта Bitcoin, которая стала полноценным платежным средством, особо предприимчивые пользователи анонимной сети стали использовать ее как средство продажи оружия и наркотических средств.

Одной из первых таких площадок была Silk Road, появившаяся в 2011 г. на базе системы Tor, которая в конце 2015 г. была поглощена торговой площадкой Hydra (осуществляется продажа наркотических средств с автоматизированными магазинами и встроенным обменником биткоинов). Она успешно проработала с 2011 по 2013 гг. Сайт был наиболее известен как площадка по торговле запрещенными психоактивными веществами, которые составляли около 70% товаров. Покупатели и продавцы проводили все денежные операции через криптовалюту Bitcoin, которая в сочетании с Tor может обеспечивать анонимность участников сделки и невозможность блокировки платежа.

Первой из полноценных торговых площадок на базе системы Tor стала R2D2, которая начала работу в мае 2012 г., а в сентябре 2012 г. запустилась RAMP. Ее создатель и главный администратор Darkside ввел свободную регистрацию, однако торговать было разрешено только наркотическими средствами. На оружие, хакерский софт, поддельные документы и политические дискуссии был наложен строжайший запрет.

Все общение на RAMP изначально строилось только через внутреннюю систему зашифрованных по PGP личных сообщений или защищенный мессенджер Jabber, а наркотические средства приобретались за биткоины или через

[8] Официальный сайт News – Tor Metrics [Электронный ресурс]. – URL: https://metrics.torproject/.

платежную систему Qiwi. Все вещества распространялись посредством тайников-закладок, инструкции по поиску которых клиенты получали от продавцов.

В начале 2014 г. администрация площадки RAMP внедрила так называемые моментальные магазины, или автошопы. По сути, они автоматизировали процесс покупки разовых доз наркотических средств - если раньше клиенты писали напрямую продавцам, то теперь заходили на отдельную страницу и выбирали уже готовые закладки с нужной дозой веществ в их городе. Ежедневно в моментальных магазинах представлено 2369 разовых доз марихуаны, 1884 дозы гашиша, 1189 доз экстази, 818 доз кокаина, 665 доз мефедрона, 614 доз амфетамина и 545 доз MDMA. Это, в свою очередь, привело к стремительному росту аудитории площадки. В январе 2018 г. на RAMP насчитывалось уже 235 тысяч зарегистрированных пользователей, а в мае – 295 тысяч. Более того, нелегальные магазины регулярно расширяют свою географию, что позволяет им привлекать новых клиентов, а значит, увеличивать оборот и прибыль. По словам одного из администраторов RAMP, месячный объем сделок в даркнете уже превышает два миллиарда рублей, а в 2017 г. сетевые наркоторговцы закупили и продали товара на 24 миллиарда рублей[9].

Сегодня RAMP, по сути, является монополистом по торговле классическими психоактивными веществами в российском Tor.

Получить доступ к Tor может каждый, для этого достаточно иметь компьютер и доступ к Интернету. Скачав Tor-браузер и зарегистрировавшись, человек получает доступ ко всем площадкам и может купить любые наркотические средства, начиная от конопли и заканчивая кокаином. Когда человек определяется в выборе, он переводит необходимую сумму на Яндекс. Деньги, а впоследствии – в Bitcoin, и дальше – на кошелек продавца. Продавец, получив деньги, отправляет адрес, и покупатель получает товар посредством закладок.

Теоретически взломать и уничтожить Tor можно, но для этого нужно мощное программное обеспечение, которым правоохранительные органы на сегодняшний день не обладают. Проще всего будет отследить, по какому маршруту идут деньги или товар, но для этого необходимо разбираться в самой системе Tor и ее Интернет-площадках, а также иметь основательные знания в программировании. Также можно обнаружить преступника посредством контроля его финансов, а именно переводов Bitcoin на Яндекс.Деньги, а впоследствии на банковскую карту [2].

На базе системы Tor был создан сайт LegalRC – форум по продаже наркотических средств в легальном Интернете, специализирующийся на синтетических веществах – «спайсах» и «солях». LegalRC – это Интернет-площадка с относительно открытым доступом через VPN и proxy. Государство или провайдер имеют необходимые средства для определения сервера VPN, к которому подключен компьютер, но не более того. IP-адрес и действия остаются скрытыми 128-битным шифрованием. Любой трафик, проходящий через прокси-сервер, будет иметь его IP-адрес вместо адреса используемого компьютера. В 2012 г. Роскомнадзор внес сайт LegalRC в реестр запрещенных сайтов.

[9] Официальный сайт Интернет-газеты «Lenta.ru» [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/.

Несмотря на это, функционирование LegalRC не снизилось, так как люди, участвующие в незаконном обороте наркотических средств, освоили Proxy и различные сервера анонимности.

Российские правоохранительные органы с 2013 г. призывают запретить систему Tor. Об этом говорили и А.В. Бортников, и общественный совет ФСБ вместе с А.Г. Кучереной, и руководитель думского комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи Л.Л. Левин. В июле 2014 г. МВД России от лица научно-производственного объединения «Специальная техника и связь» объявляло тендер на исследование возможности получения доступа к данным пользователей анонимной сети Tor. Стоимость работ оценивали почти в четыре миллиона рублей, но через год Центральный научно-исследовательский институт экономики, информатики и систем управления отказался от их выполнения, заявив СМИ, что не может объяснить свое решение из-за «закрытого хода работ»[10]. 27 июля 2016 г. директор ФСБ А.В. Бортников вновь высказал мнение о необходимости «решить проблему» анонимности в Интернете[11]. Однако на данный момент эффективные пути ее решения не выработаны, российские спецслужбы обнаруживают продавцов в системе Tor в связи с ошибками, допускаемыми ими в реальной жизни.

Таким образом, в последнее время в нашей стране увеличилось количество незаконных действий с наркотическими средствами, совершаемых посредством сети Интернет. Этому способствует, в частности, практически бесконтрольное распространение электронных информационных материалов в Интернете, подстрекающих или побуждающих к употреблению наркотических средств, а также информации, содержащей рекомендации по их изготовлению. Серьезной проблемой остается возможность получения информации в сети Интернет о приобретении того или иного наркотического средства настолько просто, что это может сделать любой, в том числе и подросток.

В заключение отметим, что бороться нужно не с Интернетом, а с сетевой организованной и глобальной наркопреступностью, которая эффективно использует Интернет в своих преступных целях. Интернет – это не субъект, а овеществлённая среда взаимодействия, коммуникации и взаимного, кооперативного мышления. Интернет – орудие, посредством которого взаимодействуют, совместно мыслят и коммуницируют глобальные субъекты.

В целях эффективной борьбы с сетевой организованной наркопреступностью мы предлагаем в системе МВД России организовывать дополнительные курсы по техническому обучению лиц, занимающихся выявлением и раскрытием преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, а также разработке или приобретению соответствующего программного обеспечения.

---

[10] Официальный сайт Центрального научно-исследовательского института экономики, информатики и систем управления [Электронный ресурс]. – URL: http://cniieisu.ru/.

[11] Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/.

Библиографический список

1. Жилавская И.В. Медиаобразование молодёжи. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.

2. Тихомиров В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 25-28.

3. Галушин П.В. О выявлении латентных связей в социальных сетях для решения задач оперативно-розыскной деятельности органов наркоконтроля / Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе в зоне действия организации договора о коллективной безопасности: материалы XIX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2016. С. 116-120.

4. Кузичкина О.А. Сеть TOR как способ подключения к «глубокому» Интернету // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 129-131.

5. Молоков В.В., Галушин П.В. Специальные технические знания, необходимые для эффективного раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 2 (23). С. 138-142.

6. Молоков В.В. Использование систем анализа ресурсов сети Интернет и медиа в вопросах противодействия информационным террористическим угрозам / Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей: материалы XVIII международной научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Медведев. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2015.

7. Молоков В.В. Средства противодействия раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети Интернет / Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей: материалы XVIII международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2015. Ч. 2.

УДК 343.985.7

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ЭКСПЕРТОМ И СПЕЦИАЛИСТОМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лебедев А.Н.

(Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Смиюха А.Е.

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые особенности взаимодействия следователя с экспертом и специалистом в процессе расследования преступлений. Акцентируется внимание на отдельных формах взаимодействия: при производстве следственных действий и назначении судебных экспертиз.

Ключевые слова: экспертиза, взаимодействие, специалист, эксперт, предварительное расследование.

THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH AN EXPERT AND SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Lebedev A.N.
(Leningrad regional branch Saint-Petersburg University of MIA of Russia);
Smiyuha A.E.
(Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Abstract: the article discusses some features of the interaction of the investigator with an expert and a specialist in the investigation of crimes. Attention is focused on certain forms of interaction: in the production of investigative actions and the appointment of forensic examinations.
Key words: expertise, interaction, specialist, expert, preliminary investigation.

С наступлением XXI века научно-техническое обеспечение органов внутренних дел сделало огромный шаг в своем развитии, поэтому роль института судебной экспертизы становится более важной в расследовании преступлений.

Одним из важнейших условий успешного проведения осмотра места происшествия и повышения его качества является правильно организованное взаимодействие между всеми подразделениями, принимающими участие в данном процессе [6, с. 102]. Инициатива организации взаимодействия, как правило, должна исходить от лица, производящего расследование, которое несет ответственность за результат. Говоря о взаимодействии следователя с экспертом и специалистом, следует отметить, что это взаимодействие начинается еще на этапе осмотра места происшествия, где эксперт, имея статус специалиста-криминалиста, обязан предоставлять квалифицированную консультацию следователю и оказывать ему практическую помощь не только в выявлении, фиксации, сборе доказательств, но и в прогнозировании дальнейшего возможного их использования в раскрытии и расследовании преступлений. В силу своих профессиональных возможностей эксперт способен произвести многоуровневый анализ информации, полученной из следов, которые были обнаружены на месте совершения преступления.

Наиболее важное предназначение специалиста заключается в том, что он должен направить следователя на эффективное исследование следов и вещественных доказательств, тем самым он будет концентрироваться на определенных вопросах, которые возможно будет решить исходя из имеющегося материала.

Такой вид судебных экспертиз, как идентификационные, требует наличие образцов для сравнительного исследования. Исходя из этого, можно отметить, что помощь специалиста имеет большое значение в этом вопросе, поскольку он определяет их вид и технологию получения. Если коснуться случаев, когда возможность получить образцы связана с экспериментальной деятельностью и текущим оценочным анализом, необходимость участия специалиста, целью которого является их получение, на лицо [1, с. 249-251].

Совместная деятельность следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы имеет определенную специфику, которая заключается в том, что она подразумевает под собой достаточно тесный контакт,

но также имеет и опосредованный характер, потому что как следователь, так и эксперт выполняют свои функциональные обязанности, которые согласованы с общей целью их деятельности.

На этапе, когда производство судебной экспертизы является целесообразным, следователь обязан составить мотивированное постановление, в котором указываются вопросы, поставленные перед специалистом. В то же время эти вопросы не должны выходить за пределы его компетенции. Постановка вопросов со стороны следователя предполагает их ясность, четкость, а также их толкование должно быть однозначным.

В соответствии со статьей 57 УПК РФ эксперт должен обладать специальными знаниями и назначается для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт имеет право: 1) знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы; 2) заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключений, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов; 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы; 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования; 5) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права; 6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения [2, с. 142].

Отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

Эксперт не вправе: 1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы; 2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования; 3) проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств; 4) давать заведомо ложное заключение; 5) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса; 6) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд [5].

В соответствии со статьей 307 УК РФ эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения.

В соответствии со статьей 310 УК РФ эксперт несет ответственность за распространение данных предварительного расследования.

В соответствии с УПК РФ все материалы, которые понадобятся при проведении экспертизы, должен предоставить следователь, ведь эффективность проводимых экспертиз во многом зависит от того, насколько полно предостав-

лены необходимые материалы. Также в права эксперта не входит сбор образцов и вещественных доказательств для проведения исследования. В дополнение нужно сказать, что эксперт пользуется только теми материалами, которые получены процессуальным путем. В качестве материалов, направляемых на экспертизу, следует рассматривать:

1) вещественные доказательства, подлежащие исследованию;

2) протоколы следственных действий, подтверждающие обстоятельства их обнаружения, фиксации, изъятия, хранения, а также содержащие другие необходимые фактические данные;

3) образцы для сравнительного исследования [4, с. 13].

Если в силу громоздкости или иных причин материалы, необходимые для экспертизы, не могут быть направлены эксперту, следователь указывает в постановлении место нахождения данных объектов. При производстве экспертизы в данном случае следователь обеспечивает сохранность объектов, доставку к ним эксперта, а также соответствующие условия работы.

Для производства экспертиз идентификационного характера необходимы образцы для сравнительного исследования. Свободные материалы изымаются в процессе обыска, осмотра, выемки, воспроизведения обстановки и обстоятельств события. Для более эффективного раскрытия преступлений целесообразно привлекать именно тех экспертов, которые имеют знания в определенной специализации.

Также не менее важную долю при получении экспериментальных образцов составляет бережный сбор материла, на котором должны быть отражены признаки, необходимые для сравнительного исследования. Эксперт вправе вместе с оказанием помощи при подготовке таких условий исполнить работу по получению образцов, но лишь по поручению следователя. Когда образцы получены, эксперт может провести анализ и оценку, тем самым оказать следователю помощь в определении возможности использования для сравнительного исследования.

Следователь должен ознакомить эксперта с материалами, представляемыми на экспертизу, согласовать их достаточность, удовлетворить ходатайства о предоставлении дополнительных материалов. Эксперт может оказать помощь в определении вида судебной экспертизы, кандидатуры эксперта и места проведения экспертизы, помочь сформулировать вопросы, выносимые на разрешение судебной экспертизы, или откорректировать вопросы, уже сформулированные следователем. Кроме того, специалист может обратить внимание следователя на те вопросы, ответы на которые не будут носить доказательственной базы или вообще бессмысленны [3, с. 21].

Следователь имеет право обратиться за консультацией к эксперту при разрешении ходатайств обвиняемого, потерпевшего, заявленных при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, а также установить, существует ли реальная возможность с помощью экспертизы разрешить вопросы, вынесенные в заявленном ходатайстве, и какие материалы для этого нужно собрать. Он имеет право присутствовать при производстве экспертизы.

В ходе исследования эксперт (специалист) может выявить факты и обстоятельства, имеющие значение для дела, в отношении которых ему не были поставлены вопросы. Например, при производстве исследования объекта на предмет выявления следов рук были найдены текстильные волокна. Об этом факте эксперт должен уведомить следователя, который в, свою очередь, имеет право произвести фиксацию и изъятие этих материалов путем осмотра предмета, а результаты и ход осмотра закрепить в протоколе. Аналогично эти действия может выполнить сам эксперт, зафиксировав в описательной части заключения обстоятельства обнаружения, изъятия, фиксации и исследования. Свои действия эксперт должен согласовать со следователем.

По завершении экспертизы все вещественные доказательства упаковываются и опечатываются экспертом.

Считать, что взаимодействие следователя и эксперта является оконченным после проведения экспертизы категорически нельзя. После проведения экспертизы следователь вправе обратиться к эксперту за консультацией и разъяснением отдельных положений заключения, а также допросить его по вопросам, которые связаны с проведением экспертизы. Следователь имеет право попросить эксперта принять участие в проведении иных следственных действий, которые связаны непосредственно с предъявлением доказательств или заключения экспертов. При проведении следственных действий эксперт имеет право с разрешения следователя задавать вопросы участникам.

Что касается дополнительной экспертизы, то ее производство назначается в случаях, когда могут быть обнаружены новые обстоятельства и возникнуть новые вопросы к эксперту. Такие обстоятельства возникают, как правило, в случаях, когда эксперт ходатайствует о предоставлении дополнительных материалов.

В большинстве случаев при производстве экспертизы исследуются обстоятельства не только по имеющимся документам, но и путем восприятия экспертом данных из нескольких источников. В этих случаях в процессе экспертизы собирается часть необходимых для дачи заключения материалов путем производства следственных действий с участием эксперта. В связи с этим эксперт не имеет право на проведение бесед, а также ознакомление с документами, которые еще не изъяты следователем. Чтобы сделать эти действия процессуально правильно, эксперту необходимо получить эту информацию непосредственно в результате проведения допросов, осмотров документов и других следственных действий.

Данные, которые отражены в соответствующих протоколах, выступают основанием для выводов эксперта и в то же время являются доказательствами.

Интересным является тот факт, что эксперт имеет право принимать участие в производстве следственных действий как по своей инициативе, так и по инициативе следователя, обвиняемого. Но, чтобы соблюдалось это условие, вопросы, интересующие заинтересованные стороны, должны быть разрешены в процессе экспертизы. Мероприятия, проводимые с участием эксперта, необходимо предусматривать в плане расследования, согласовывая их с экспертом.

В случаях когда нужно решить отдельные вопросы, необходимо сообщить данные об определенных обстоятельствах таких как, условия хранения, вид ремонта предмета и срок, условия эксплуатации и перевозки объекта и другие. Ес-

ли при установлении новых доказательств по делу меняются обстоятельства, которые были раньше сообщены в качестве изначальных данных, обязательно нужно уведомить его об этом факте. В случае, если эти обстоятельства уже отражены в постановлении о назначении экспертизы, следователь обязан, согласовав этот вопрос с экспертом, вынести новое или дополнительное постановление.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что деятельность следователя, без должного взаимодействия с экспертом (специалистом) по уголовным делам является неэффективной. А в случае оперативного взаимодействия между ними будет происходить оптимизация деятельности следователя на всех этапах расследования.

Библиографический список

1. Кобзарь С.И. Организация назначения криминалистических экспертиз и использования их результатов в расследовании преступлений: учебное пособие. – Луганск: ЛГУВД, 2007.
2. Лебедев В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Норма, 2014. – 1056 с.
3. Рябчунова О.Н. Взаимодействие следователя с экспертом-криминалистом при назначении судебной экспертизы при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 3. С. 20-26.
4. Селина Е.В. Обязательное назначение судебной экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2016. № 3. С. 10-15.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Щукин В.И., Чинёнов Е.В., Скоморохов О.Н. Организационные и тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных в пассажирских поездах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 100-104.

УДК 343.51

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ КУПЮР

Мигунов О.С.

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье отражены некоторые проблемы, возникающие в ходе предварительного расследования преступлений, связанных со сбытом поддельных денежных купюр, и предложены пути их решения.

Ключевые слова: преступление, поддельные денежные купюры, сбыт, фальшивомонетничество, мошенничество, судебная экспертиза.

ON SOME PROBLEMS ARISING IN THE INVESTIGATION OF THE SALE OF FORCOME MONEY COOPERATION

Migunov O.S.
(Barnaul Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: the article reflects some of the problems that arise during the preliminary investigation of crimes related to the sale of fake banknotes, and suggests ways to solve them.

Key words: crime, counterfeit money bills, sale, counterfeiting, fraud, judicial examination.

В российском законодательстве действия криминального характера, связанные с поддельными денежными купюрами, а также поддельными ценными бумагами, относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности и закреплены в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно в ст. 186. Диспозиция данной статьи указывает следующий перечень противоправных деяний, за которые предусмотрено уголовное наказание: изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг [1]. Преступления данной категории негативно влияют на экономику государства, имеют повышенную общественную опасность в условиях становления рыночной экономики, подрывая устойчивость отечественной валюты и затрудняя регулирование денежного обращения. Принимая во внимание данные обстоятельства, законодатель относит преступления, предусмотренные ст. 186 УК РФ к категории тяжких и особо тяжких.

Одной из проблем, возникающих при квалификации преступлений, связанных с противоправными деяниями, предусмотренными ст. 186 УК РФ, является разграничение их от деяний, предусмотренных ст. 159 УК РФ, – мошенничества. Данный аспект имеет немаловажное значение, поскольку мошенничества относятся к категории менее тяжких, в отличие от фальшивомонетничества. С целью разрешения данной проблемы Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 2 от 28 апреля 1994 г. дал конкретные разъяснения, отраженные в п. 3: «При решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, необходимо установить, являются ли денежные купюры, монеты или ценные бумаги поддельными и имеют ли они существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество» [2].

Из вышеизложенного следует, что на этапе предварительного расследования уголовного дела необходимо установить уровень схожести поддельной денежной купюры с подлинной, а также возможность участия ее в денежном обращении.

В некоторых случаях преступник, зная о вышеуказанных нюансах, а также предчувствуя неотвратимость наказания за содеянное деяние, стремится построить свою линию поведения и давать показания таким образом, чтобы его действия квалифицировались по ст. 159 УК РФ. В ходе допроса подозреваемое лицо делает акцент на то, что сбытая им поддельная купюра была «плохого качества», т.е. не соответствовала характеристикам, предъявляемым к подлинной купюре, в связи с чем его умысел был направлен не на сбыт, а на хищение путем обмана чужого имущества (денежных средств, продуктов, материальных ценностей и т.п.). В данной ситуации неправильные действия следователя могут привести к тому, что виновное лицо понесет менее тяжкое наказание за совершенное им преступление, а в иных случаях, если сумма причиненного ущерба недостаточна, и вовсе избежит его.

Одним из решений вышеуказанной проблемы является правильная оценка собранной в ходе расследования уголовного дела доказательной базы [3]. В этой связи одним из основных доказательств, влияющих на квалификацию преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, является заключение технико-криминалистической экспертизы документов. Так, при назначении данной экспертизы следователю необходимо, кроме основного вопроса, формулировка которого зачастую звучит следующим образом: «Является ли представленная(ый) на исследование денежная(ый) купюра (знак), поддельной (фальшивым)?», ставить перед экспертами еще и дополнительные, такие как: «Имеет ли представленная(ый) на исследование денежная(ый) купюра (знак) существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками?».

Кроме того, еще одним немаловажным доказательством в ходе расследования уголовного дела могут выступать результаты такого следственного действия, как осмотр предметов и документов. При осмотре поддельной купюры следователю необходимо обращать внимание не только на реквизиты купюры, но и описывать ее внешний вид. Так, потертости, заломы, незначительное изменение цветовой гаммы рисунка, пятна от бытовых продуктов и т.п. могут свидетельствовать о нахождении данной купюры в денежном обороте. К примеру, нередки случаи, когда поддельная денежная купюра попадает к подозреваемому лицу в результате совершения в отношении него аналогичного преступления. В таком случае при допросе подозреваемого необходимо наиболее подробно выяснять:

- обстоятельства совершения в отношении него данного преступлении;
- как и когда ему стало известно, что сбытая денежная купюра является поддельной;
- каким способом он определил, что денежная купюра поддельная;
- кому рассказывал об обстоятельствах совершенного в отношении него преступления, при этом показывал ли поддельную купюру.

При установлении данных лиц в обязательном порядке допросить их в качестве свидетелей с отражением подробной информации, полученной от подозреваемого по факту совершенного в отношении последнего преступления. Кроме того, в ходе допроса свидетеля необходимо выяснить и отразить, видело ли допрашиваемое лицо поддельную купюру, если да, то вызвала ли она подоз-

рения в подлинности. Выяснение указанных обстоятельств будет способствовать определению схожести поддельной денежной купюры с подлинной, а также свидетельствовать о нахождении ее в денежном обороте.

При этом следует отметить, что в тех случаях, когда согласно заключению эксперта сбытая поддельная купюра по каким-либо параметрам не соответствует подлинной (длина поддельной купюры на 2-3 мм меньше или больше оригинальной), а показания свидетелей и подозреваемого прямо указывают на то, что купюра находилась в денежном обороте, то расхождение размерных характеристик допустимо считать незначительными. В этой связи действия виновного лица следует квалифицировать по признакам преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что установление верной квалификации преступлений, связанных с незаконным сбытом поддельных денежных купюр, имеет важное значение для успешного расследования указанных преступлений. Грамотный и всесторонний подход следователя к оценке имеющихся и сбору новых доказательств по уголовным делам рассматриваемой категории позволит провести должное расследование и принять все необходимые меры к привлечению к ответственности виновных лиц.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 17.04.2001 № 1, от 06.02.2007 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Свистильников А.Б., Чиненов А.В. К вопросу обеспечения безопасности кредитно-финансовой системы России от фальшивомонетничества // Вестник НЦБЖД. 2017. № 4. С. 103-108.

УДК 343.132.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Сергеев В.В.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Рытьков А.А.,
кандидат юридических наук, доцент
(Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: в настоящей статье проведен исторический анализ возникновения и развития теории организации и проведения следственного эксперимента в России, отмечены ученые, посвятившие свои исследования проблемам, тактико-психологическим особенностям производства следственных действий, в т.ч. и следственного эксперимента; отмечены

роль и место юридической психологии в деятельности следователя (дознавателя), связанной с раскрытием и расследованием преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, следственный эксперимент, юридическая психология, психологический контакт, социальные сети.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS CONDUCTING OF INVESTIGATIVE EXPERIMENT

Sergeev V.V.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Ryt´kov A.A.,
Candidate of Law, Associate Professor
(Kaliningrad branch St. Petersburg University of the MIA of Russia)

Abstract: in this article author has conducted an examination of history, appearance and development of idea an investigative experiment in Russia, noted scientists who devoted their researches to the problems of tactics, tactical and psychological characteristics for the conducting of investigative actions, tactics of investigative experiment, author defines the role and place of psychology science in investigator's (detective's) activities in crime detection process.

Key words: criminalistic tactics, investigative experiment, juridical psychology, psychological contact, social network.

1940-50-е гг. XX в. являются этапом развития частных криминалистических теорий. В этот период были разработаны основы таких следственных действий, как следственный осмотр, следственный эксперимент, допрос; несмотря на то, что прошло более полувека, они не потеряли своей значимости до сих пор [1, с. 28].

Пионером разработки тактики проведения следственного эксперимента следует признать П.И. Тарасова-Родионова [2, с. 61]. Результаты его исследований, изложенные в ряде работ по криминалистике 1950-60-х гг., послужили толчком к исследованию этой проблематики рядом ученых: Л.Е. Арокцером, Р.С. Белкиным, Н.И. Гуковской и др. [3, 4, 5]. Анализ их трудов позволил нам выделить основные компоненты тактики следственного эксперимента, к которым относят: тактические условия, тактические приёмы, тактические рекомендации, тактический риск, тактическое прогнозирование (моделирование), тактическое решение. Перечисленные элементы тактики следственного эксперимента подробно исследованы и описаны в специальной литературе, поэтому нет необходимости подробно на них останавливаться.

Названные элементы и результаты проведенных исследований составляют основные положения тактики производства рассматриваемого следственного действия, которые не утратили своей актуальности на сегодняшний день и служат отправной точкой в современных исследованиях, проводимых учеными-криминалистами в данной области научных знаний. Ни одно исследование, проводимое сегодня в области теории и практики следственного эксперимента, немыслимо без использования работ указанных авторов, без ссылок на их мнение [6, 7, 8].

Необходимо отметить, что особое место в системе использования специальных знаний в криминалистической тактике производства следственного эксперимента занимает психология, в частности, один из её разделов – юридическая психология, которая изучает проявление и использование психологических закономерностей, психологических знаний в сфере правового регулирования и юридической деятельности [9, с. 11].

В качестве одной из основных задач юридической психологии С.Г. Еремеев и А.Ф. Караваев отмечают её практическую направленность, которая заключается в разработке и внедрении рекомендаций, направленных на повышение эффективности правоприменительной и правоохранительной деятельности [6, с. 9]. В этой связи исследования психологов, их достижения успешно экстраполировались на протяжении ряда лет в криминалистику, в частности, в один из её разделов – криминалистическую тактику.

При этом можно констатировать тот факт, что ни одно следственное действие не обходится без использования следователем знаний в области психологии. Прежде всего, это тактические приемы установления психологического контакта, психологические аспекты взаимодействия участников уголовного судопроизводства, изучение личности участника следственного действия и пр.

Соответственно, при этом стоит согласиться с мнением отдельных ученых о том, что в современных условиях борьбы с преступностью все большее значение приобретают тактическая и психологическая подготовка сотрудников полиции, выбор наиболее эффективных приемов производства следственных действий [7, с. 3].

Вопросы организации и тактико-психологических основ производства следственного эксперимента являются неотъемлемой частью системы тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, разрабатываемой учеными-криминалистами на протяжении длительного времени.

Здесь же возникает проблема разграничения линий наук криминалистики и психологии. Так, А.Р. Ратинов утверждает, что при становлении судебной психологии как науки к ней отошли вопросы психологии участников следственных действий и психологические аспекты деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, ранее рассматривавшиеся в криминалистике: «образно и приближенно говоря, если уголовный процесс и криминалистика в основном определяют, "что нужно делать" и "как это нужно делать", то судебная психология объясняет, "почему это нужно делать" и "почему это нужно делать так"» [12, с. 468].

Как правило, при расследовании преступлений следователь (дознаватель) опирается на знание закономерностей психологии общения: ощущение, восприятие, мышление, воображение, память, эмоциональное состояние, волевые состояния личности, психологические свойства личности, темперамент, мотивация поведения и др. Положения юридической психологии составляют один из элементов научных основ криминалистической тактики. Их использование в тактике не изменяет природы и сущности этих положений, поэтому неправильно было бы считать, что они в этом случае меняются качественно, утрачивают свою связь с психологией и становятся частью собственно криминалистики.

Анализ специальной литературы позволил нам сделать вывод о том, что психологические приемы производства следственного эксперимента в их совокупности должны быть направлены на установление психологического контакта с его участниками. В этой связи стоит согласиться с мнением В.Л. Васильева, который считает, что перед производством следственного действия, прежде всего, необходимо, чтобы следователь хорошо изучил психологию центральной фигуры следственного действия – лица, чьи показания проверяются. Это поможет в налаживании необходимого психологического контакта, даст возможность избежать ненужных конфликтов и получить в ходе проверки максимум необходимых доказательств [13, с. 470].

Отсутствие конфликта, по нашему мнению, способствует как установлению благоприятной тактической ситуации для проведения следственного эксперимента, так и благоприятной следственной ситуации в целом для расследования. Отчасти определенную роль в этом процессе играют информация о личности участника следственного действия и данные, его характеризующие.

Как правило, информацию, характеризующую личность подозреваемого (обвиняемого), следователь получает из традиционных источников: из материалов уголовного дела, оперативных материалов (при наличии у следователя такой возможности), характеристик с места работы, учебы, жительства и т.п. Однако нередко данной информации бывает недостаточно для того, чтобы в полной мере изучить личность будущего участника следственного эксперимента и составить его психологический портрет.

Характеристики с места работы и жительства, показания соседей и коллег по работе часто носят субъективный характер. В силу ряда причин (например, чувство сострадания, жалости, боязнь мести) знакомые подозреваемого (обвиняемого) могут приукрашивать информацию, либо что-то недоговаривать, либо вообще избегать контакта с сотрудниками полиции. Возникает проблема и с выбором источника получения объективной информации, характеризующей личность участника следственного эксперимента.

Солидный массив информации о гражданах содержится в сети Интернет, которая, по нашему мнению, недостаточно полно используется следователями. Так с 2006 г. в России созданы и функционируют социальные сети. Данные интернет ресурсы являются открытыми для общего доступа и созданы для общения между людьми. В качестве примера можно привести социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter» и др. Например, на сайте «Одноклассники» зарегистрировано более 205 миллионов пользователей, а среднесуточная аудитория сайта «ВКонтакте» составляет 64 525 950 посетителей.

Из социальных сетей возможно получить информацию, представляющую интерес для следователя, дознавателя и сотрудников других подразделений органов внутренних дел, с помощью которой можно составить психологический портрет будущего участника следственного эксперимента. Выводы о психологических особенностях личности делаются на основе:

1) анализа фотографий и видеозаписей потенциального участника следственного эксперимента;

2) установления его связей, круга общения (друзей);

3) анализа информации, которая используется интересующим нас субъектом и которую он «отметил» на сайте или поделился с друзьями;

4) определения групп, в которых он состоит (группы, как правило, создаются по интересам зарегистрированных пользователей социальных сетей);

5) анализа его записей, комментариев, рассуждений и т.п.

Для составления психологического портрета будущего участника следственного эксперимента возможно использовать помощь специалиста – психолога, что, по нашему мнению, во многом оптимизирует и повысит эффективность работы следователя по сбору информации, характеризующей личность участника следственного эксперимента.

Таким образом, у должностного лица, осуществляющего расследование, появился дополнительный источник получения информации, характеризующей личность. На основе ее анализа он может составить психологический портрет участника уголовного судопроизводства, информационную составляющую которого возможно использовать в целях установления психологического контакта, что, безусловно, положительно скажется на достижении цели следственного эксперимента.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. К основным положениям тактики производства следственного эксперимента необходимо отнести труды выдающихся ученых-криминалистов: Л.Е. Арокцера, Н.И. Гуковской, Р.С. Белкина.

2. Основные элементы тактики следственного эксперимента составляют: тактический приём, тактическая рекомендация, тактические условия, тактический риск, тактическое прогнозирование (моделирование) и тактическое решение.

3. Мы считаем, что список основных положений тактики следственного эксперимента необходимо дополнить ещё одним тактическим элементом – установление психологического контакта с участниками следственного эксперимента.

4. Без установления психологического контакта и получения согласия участника следственного эксперимента на участие в нём, независимо от его процессуального статуса, будь то подозреваемый (обвиняемый), свидетель или потерпевший, невозможно проведение данного следственного действия, так как согласие и желание участвовать служат отправной точкой к успешному достижению его цели.

5. Для установления психологического контакта, помимо информации, содержащейся в материалах уголовного дела и оперативных материалах, лицам, осуществляющим расследование, мы рекомендуем использовать информационные возможности социальных сетей для получения и анализа дополнительной информации, характеризующей личность будущего участника следственного эксперимента.

6. В настоящий момент возможности использования информации, содержащейся в интернет-ресурсах, не в полной мере используются сотрудниками полиции в процессе раскрытия, расследования преступлений и установлении лиц, их совершивших. Как следствие, это предопределяет дальнейшее направление исследований ученых-криминалистов.

Библиографический список

1. Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий: монография. – М.: Юрлитинформ, 2004. - 128 с.
2. Белкин Р.С., Винберг А.И. История советской криминалистики. Формирование частных криминалистических теорий (1940-е-1950-е годы): учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1983. - 75 с.
3. Арокцер Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике: дис. … канд. юрид наук. – Харьков, 1951. - 300 с.
4. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике: монография. – М.: Юридическая литература, 1953. - 597 с.
5. Гуковская Н.И. Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии: дис. … канд. юрид наук. – М., 1958. - 263 с.
6. Альхамду Б.С. Психологические основы и тактика следственного эксперимента: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 1992. - 189 с.
7. Рубан А.С. Следственный эксперимент: теория и практика: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009. - 194 с.
8. Торбин Ю.Г. Процессуальные и тактические особенности производства следственного эксперимента: монография. – М.: РПА Минюста России, 2011. - 81 с.
9. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2016. - 512 с.
10. Еремеев С.Г., Караваев А.Ф. Юридическая психология: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2011. - 208 с.
11. Резван А.П., Колосов Н.Ф., Петрова А.П. Криминалистическая тактика: учебное пособие. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2012. - 139 с.
12. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2013. - 928 с.
13. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010. - 608 с.

УДК 347.73

О НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕСТУПНИКА, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СВЯЗАННОЙ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Чиненов А.В.;
Серегин М.В.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);
Прокопов А.Г.,
кандидат юридических наук
(Воронежский институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается характеристика личности субъекта преступления, связанного с ликвидацией юридических лиц; анализируются их социально-демографические признаки. На основе анализа суждений ученых XV-XX веков выделены общие признаки преступников, совершающих противоправные действия, связанные с ликвидацией юридических лиц.

Ключевые слова: юридическое лицо, экономика, экономическая деятельность, активы, банкротство, фирма-однодневка, фиктивная организация, налоговое преступление.

ON SOME PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL ENGAGED IN ILLEGAL ACTIVITIES, GOALS WITH THE LIQUIDATION OF LEGAL ENTITIES

Chinenov A.V.;
Seregin M.V.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin);
Prokopov A.G.,
Candidate of Law
(Voronezh Institute of the MIA of Russia)

Abstract: the article describes the characterization of the personality of the subject of a crime connected with the liquidation of legal entities; their socio-demographic features are analyzed. Based on an analysis of the judgments of scientists of the 15th-20th centuries, general signs of criminals committing unlawful acts connected with the liquidation of legal entities are singled out.

Key words: legal entity, economy, economic activity, assets, bankruptcy, a one-day company, a fictitious organization, a tax crime.

Рассматривая экономическую преступность, связанную с ликвидацией юридических лиц, можно сделать вывод о том, что она совершенствуется вместе с развитием экономики, а постоянно развивающиеся рыночные отношения вносят существенные изменения в вектор ее развития и совершенствования.

Наряду с развитием хозяйственной жизни постоянно появляются новые и совершенствуются используемые схемы совершения преступлений экономической направленности, соответственно механизмы совершения преступлений данной направленности и дальше будут видоизменяться, а способы совершения таковых преступлений усовершенствоваться.

Общеизвестно, что командно-административных условиях управления хозяйствующие субъекты действовали в строго отведенных рамках бюджета, государственного заказа и плана под неотрывным вниманием государственной власти, что по-своему создавало преграды и ограничивало способы совершения преступлений экономической направленности. Пришедший на смену советской экономике капитализм с новыми рыночными условиями стратегии действий, установленной собственниками капитала и ставленниками (управленцами), ведущих коммерческую деятельность за определенное вознаграждение в соответствии с направлением деятельности определенным собственником бизнеса, изменил морально-этические нормы ведения хозяйства (коммерческой деятельности) и поведение самого лица, осуществляющего таковой вид деятельности.

Главенствующей целью в настоящее время для большинства субъектов коммерческой деятельности является достижение высоких результатов, доходов, развитие ресурсов, которые в ряде случаев противоречат закону и переступают его.

В своих научных трудах Дж. Локк, Ж.Г. Тард и иные ученые указывали, что социальная деформация сознания, вызванная сменой общественной формации в 90-х годах XX века, воспитала поколение «новых русских» бизнесменов

и «новых русских» преступников в сфере экономической деятельности, поменяла общие социальные ценности, цели, ориентиры, предоставив возможность отдельной части общества, приобретая иные, негуманные нравственные качества, ценностные ориентации и стремления (интересы, потребности, наклонности, привычки), стать преступной. В своих исследованиях авторы считают, что новый склад людей, выведенных складывающимися рыночными отношениями, с учетом развития экономики будет на протяжении длительного времени являться отдельной квалифицирующей особенностью субъектного состава преступлений в сфере экономической деятельности.

Рассматривая характеристику личности преступника, можно сказать, что она включает в себя совокупность свойств, присущих лицу, совершающему или совершившему преступление, и составляющих его индивидуальность. Авторы пришли к выводу, что характеристика личности преступника, совершающего преступления в сфере экономики, основывается на развитии и анализе преступных экономических и нормативно-правовых знаний, появляющихся и изучаемых по мере развития экономических отношений, от наиболее простых до технологичных и высокоинтеллектуальных.

Анализируя личность преступника в сфере экономической деятельности, можно сделать вывод о том, что одной из основных особенностей преступности в сфере экономической деятельности, а также преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, является, то, что подготовка кадров профильных подразделений (подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции), направленная на противодействие преступности, в ряде случаев ниже уровня подготовки лиц, совершающих такие противоправные деяния, так как механизмы и способы совершения преступлений постоянно совершенствуются и приспосабливаются к особенностям нормативной базы в сфере экономики.

Сегодня, рассматривая личность преступника, занимающегося противоправной деятельностью, связанной с ликвидацией юридического лица, мы понимаем, что она обладает своеобразными нравственно-психологическими и социально-демографическими признаками. Изучая личность преступника в сфере экономической деятельности, также можно выделить специфические особенности преступного поведения, которые направлены на достижение высоких личных материальных позиций и социального положения в обществе. В своих трудах французский социолог и философ Э. Дюркгейм сделал вывод о том, что благополучное существование человека может быть лишь тогда, когда удовлетворены его потребности [2, с. 52]. Американский социолог Э.М. Шур в своих трудах поведение человека описывал следующим образом: «… общество пропитано … предпочтением к ценностям, … определяемым индивидуализмом, конкуренцией и жаждой прибыли, что создает побудительные стимулы к преступлениям…» [7, с. 234]. Несомненно, концепции, выведенные данным автором, применимы и сегодня.

Проведенными исследованиями Института социологии РАН установлено, что в формировании представления о привлекательности специальности (профессии) человек отталкивается не только от ее престижности и оплачиваемости, но и усилий, которые прикладываются для извлечения доходов. В сравне-

нии с советским временем, когда значимыми и престижными были профессии военнослужащих, врачей, учителей, в настоящее время в условиях рыночных отношений большой популярностью пользуются профессии управленцев и менеджеров, юристов, программистов, предпринимателей. По мнению ряда респондентов, при выборе профессии граждане отталкиваются в первую очередь от доходов, а не от того, каким образом этот доход получен.

В своих исследованиях английский мыслитель Т. Мор выделял как особенность рассматриваемого вида преступности ее экономическую природу (причины и условия). В своей работе «Утопия» автор писал, что экономические причины совершения противоправных деяний порождают преступность [3, с. 197-214]. Б. Мандевиль, исследуя специфические особенности экономической преступности, пошел дальше и в своей работе «Басни о пчелах, или пороки частных лиц – блага для общества» раскрыл преступную деятельность человека с точки зрения экономико-социального подхода, в котором уровень экономической преступности значительно зависит от состояния экономической системы [4, с. 61].

Исходя из этой формулировки, можно сделать вывод о том, что чем шире и технологичнее экономическое пространство, тем больше в этом механизме функционирующих субъектов и, как итог, достигаются высокие результаты экономической деятельности, появляются недобросовестные предприниматели и откровенные экономические преступники, коррупционные чиновники находятся в этой системе.

Хотелось бы отметить, что подобную мысль в 1776 году по своему изложил в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» известный основоположник английской классической политической экономики, логик, философ А. Смит. В последующем распространение получил введенный последователями его научной школы термин «homoeconomicus», который обозначает, что экономический человек является частью природы, в которой путем соотношения его и общества и проявляется человеческая сущность. В соответствии с теорией А. Смита главный мотив хозяйственной деятельности человека заключается в своекорыстном интересе, который он преследует, предлагая свой труд, его продукты, и оказывая услуги людям [1, с. 367]. Опираясь на эти высказывания, экономисты нашли один из фундаментальных принципов рыночного механизма – принцип «невидимой руки», приводящей экономическую систему к саморегулированию и самоорганизации.

Отталкиваясь от позиции Ж.Г. Тарда о социально-коммуникационной деятельности индивидов подражать богатым и успешным, мы приходим к тому, что это не только экономическая особенность человека, но и также возможный элемент потенциального криминального поведения. К совершению преступлений в современном обществе, а также ориентированию на подражание людей побуждает пропаганда роскоши и безнаказанности государственных служащих коррупционеров и представителей бизнес-индустрии, которая популяризируется в различных периодических источниках и средствах массовой информации.

Свои начала преступная деятельность рассматриваемого направления берёт (указывалась в рассуждениях К. Маркса и Ф. Энгельса) в том, что «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен

ли он причинять вред всем остальным, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее» [5, с. 245].

В настоящее время, анализируя вышеуказанные рассуждения, мы видим, как все сферы коммерческой деятельности вследствие нестабильности экономики вынуждены выживать различными способами, в том числе с обхождением норм закона, а иногда и превышая закон. Период экономического подъема, продолжавшийся на протяжении ряда предкризисных лет, сопровождался ростом кредитного рынка как физических, так и юридических лиц. Ведение и расширение бизнеса осуществлялось в основном за счет привлеченных средств, когда многие предприятия планировали и осуществляли свои бизнес-проекты посредством займов и инвестиций. Так, например, собственник Кузбасской топливной нефтяной компании из Кемерово И. Прокудин темпы роста добычи угля описывает следующим образом: «… первое предприятие построишь, сразу его закладываешь, берешь кредит под второе, второе строишь – закладываешь, строишь третье и т.д.» [6, с. 134].

Рассматривая высказывания А. Смита, продолжение данной темы мы видим в исследованиях американских ученых У. Альбрехта, Дж. Венца, Т. Уильямса, выявивших в результате проведенного анализа закономерный факт, согласно которому каждое третье материально-ответственное лицо или лицо, имеющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, ищет возможности для совершения хищений. Трое из десяти совершат хищение при возникновении такой возможности, и лишь четверо из десяти останутся честными при любых обстоятельствах[12].

Подводя итог изучению характерных особенностей личности преступника в сфере экономической деятельности, связанной с ликвидацией юридических лиц, и опираясь на результаты исследований вышеуказанных авторов, мы сами приходим к выводу, что большинство руководителей и собственников (коммерческих структур), используя властные и управленческие ресурсы, стремятся руководить, властвовать и обладать материальными благами, в том числе превышая нормы закона.

Библиографический список

1. Аникин А.В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса. – М.: изд-во политической литературы, 1985.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. - 352 с.
3. Кудрявцев О.Ф. Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора / История социалистических учений. – М., 1987.
4. Латов Ю.В. Экономическая теория преступлений и наказаний («Экономические империалисты» в гостях у криминологов) // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 60-75.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 10 т. – М., 1984. Т. 2.
6. Жигулев И. Как поделили уголь Кузбаса // Forbes. 2009. Ноябрь.
7. Шур Э.М. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977.

[12] Данные Дж. Кьюлэ, директора консалтинговой фирмы по вопросам мошенничества и безопасности концерна «ArthurAndersen&Co». Цит. по: Jerry Thomas. «Prosecution of White-Collar Crime Resign». – Chicago: Tribune, June 10, 1991.

УДК 343.359

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНТРАБАНДЫ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Усова Г.М.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются и анализируются особенности криминалистической характеристики контрабанды наркотиков, совершаемой с использованием железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: органы внутренних дел, контрабанда, наркотические средства, таможенная граница, железнодорожный транспорт.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SMUGGLING COMMITTED THROUGH THE USE OF RAIL TRANSPORT

Usova G.M.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article discusses and analyzes the features of the criminalistic characteristics of drug smuggling committed using rail transport.

Key words: the bodies of internal Affairs, smuggling, narcotics, customs, border, railway transport.

Мониторинг ситуации в сфере расследования преступлений, связанных с распространением на территории нашей страны наркотических средств, свидетельствует о том, что основные тенденции развития наркоситуации в нашей стране существенных изменений не претерпели.

В 2017 году на территории России зарегистрировано 194779 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Из указанного количества преступлений в 2017 году по статье 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – контрабанда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, зарегистрировано 659 преступлений. В 2016 году на территории Российской Федерации по ст. 229.1 УК РФ зарегистрировано 803 преступления [1].

Сегодня более половины наркотических средств[13], находящихся в незаконном обороте в России, имеют зарубежное происхождение. В связи с тем, что контрабанда наркотических средств наносит существенный ущерб общественной безопасности, общественному порядку и здоровью населения, на ее преодоление направлены усилия многих правоохранительных органов. Следует признать, что в настоящее время требуется разработка ответных мер, адекватных современной ситуации. При разработке рекомендаций по расследованию контрабанды наркотических средств необходимо учитывать последние изменения законодательства (с 1 января 2018 года вступил в силу Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года) и современный характер данного преступления.

На современном этапе криминалистическая характеристика является исходной базой для разработки версий, планирования оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, определения оптимальной программы раскрытия и расследования преступления, решения других важных вопросов производства по уголовным делам. Криминалистическая характеристика контрабанды, совершаемой с использованием железнодорожного транспорта, не исключение. Практика показала, что невозможно достичь результативности в раскрытии и расследовании преступления без сведений, образующих его криминалистическую характеристику.

Не смотря на небольшое снижение количества зарегистрированных в 2017 году преступлений, предусмотренных ст. 229.1 УК РФ [1], опасность для общества рассматриваемого состава преступления огромна, ведь, помимо прямого нарушения порядка перемещения через таможенную границу [2] Таможенного союза предметов, в отношении которых государство установило специальные правила, она может проявляться: в причинении вреда общественной безопасности государства, что обусловлено незаконным перемещением через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС предметов, запрещённых в гражданском обороте на территории Российской Федерации; в создании угрозы здоровью населения, выражающейся в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным

[13] Наркотические средства – вещества, отвечающие трём критериям: 1) медицинский критерий – вещество, лекарственное средство, которое оказывает специфическое (стимулирующее, седативное, галлюциногенное и др.) действие на центральную нервную систему, что является причиной его немедицинского потребления; 2) социальный критерий – немедицинское потребление рассматриваемого вещества принимает большие масштабы и наносимый вред приобретает социальную значимость; 3) юридический критерий – средство официально признано наркотическим и включено в перечень наркотических средств.

контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ; в причинении вреда культурно-национальному достоянию государства, выражающегося в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных товаров или культурных ценностей в крупном размере; в способствовании совершению других преступлений.

Исследуя криминалистическую характеристику контрабанды наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, совершаемой с использованием железнодорожного транспорта, необходимо иметь в виду, что она должна отображать реальную систему сведений о данной разновидности преступления, обладающую рядом особенностей, позволяющих конкретизировать и уточнить некоторые положения общего понятия криминалистической характеристики, присущие всем видам преступлений.

При этом научное и практическое значение указанной криминалистической категории тем выше, чем точнее выделены в качестве ее составляющих отличительные для этого вида преступлений обстоятельства и признаки.

Несомненно, что при разработке криминалистической характеристики конкретного вида преступлений учитывается содержание соответствующего ему уголовно-правового состава преступления.

Состав контрабанды будет иметь место, если это деяние совершено помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием.

Также необходимо учитывать, что действия лиц, перемещающих товары через таможенную границу, регламентированы Таможенным кодексом Евразийского экономического союза [3] в части соблюдения порядка перемещения и регулирования отношений, возникающих в процессе таможенного оформления и таможенного контроля.

Указанные обстоятельства обуславливают специфику преступного поведения контрабандиста, соответственно, и содержание криминалистической характеристики, а также решение вопроса о возбуждении уголовного преследования.

Криминалистическая характеристика играет ориентирующую роль, определяет единообразный подход к пониманию сущности, структуры, форм и способов использования содержащихся в ней данных и помогает дать систематизированное описание и объяснение следственно и криминалистически значимого комплекса признаков контрабанды наркотических средств, совершаемой с использованием железнодорожного транспорта, существенных для научного и практического решения проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Обращение к криминалистической теории, учет особенностей совершения контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов приводит нас к выводу о том, что к основным элементам, отражающим криминалистический аспект этого преступления, относятся подготовка, способ совершения и сокрытия преступления.

Для понятия обстановки в узком смысле несомненно то, что она самым тесным образом связана с выбором и реализацией способа совершения преступления. В нашем случае это незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС предметов, запрещённых в гражданском обороте, совершаемое с использованием железнодорожного транспорта.

Обстановка совершения преступления тесно взаимосвязана со способом. Она, как и другие элементы криминалистической характеристики, обуславливает конкретный способ и в полной мере влияет на особенности и структуру его механизма. Иначе говоря, определенный способ может быть применим лишь в определенной обстановке.

При контрабанде наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, важно установить способ их перемещения через таможенную границу РФ. Нередко их перевозят просто в дорожных сумках, прикрыв одеждой или продуктами. Зачастую сбытчики наркотиков обращаются к проводникам вагонов поездов с просьбой довезти до станции назначения посылку, в которой находятся наркотики. Данный способ весьма надежен для сбытчиков, так как работники правоохранительных органов практически не проверяют проводников.

Одним из путей осуществления контрабанды остаётся железнодорожный транспорт, где из-за большого потока людей и грузоперевозок пропускной контроль для правоохранительных органов становится затруднительным. Данные преступления совершаются организованными преступными группами, тщательно спланированы и подготовлены.

Сложность расследования дел данной категории бывает связана с тем, что контрабанда наркотических и других рассматриваемых веществ часто совершается физическими лицами, поэтому, естественно, не имеется документов, которые позволили бы установить место производства наркотических средств или иные обстоятельства, относящиеся к контрабанде. Сами же лица, занимающиеся контрабандой наркотиков, очень осторожны, недоверчивы, и не приходится рассчитывать на большую свидетельскую базу.

Следует учитывать, что эти лица, постоянно ожидающие задержания, имеют уже готовую версию о том, как наркотическое средство могло к ним попасть, способны в зависимости от психологического состояния быстро ориентироваться и принять меры защиты, вплоть до угрозы самоубийством. Груз они везут спря-

танным в вещах, на теле или в своём организме либо организме домашних животных. На случай задержания с наркотиками у наркокурьеров разработана правдоподобная легенда. Они знают свои права и через несколько дней после задержания у них появляется достаточно квалифицированный адвокат. Поездку организует малознакомый курьеру человек, в поезде негласно сопровождает и охраняет другой, в пункте назначения встречают вообще посторонние лица, которые опознают курьера по словесному портрету. Для того чтобы иметь возможность спрятать наркотические средства в люках пассажирского купе, перевозчик приобретает билеты на все места в купе, хотя едет один или с напарником.

Необходимо помнить, что криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 229.1 УК РФ, контрабанда наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ – это научное понятие, которое содержит лишь допустимые сведения. Включённые в неё данные носят лишь ориентирующий характер, облегчают выдвижение версий и определение направлений расследования. В этом заключается познавательная функция и практическое значение криминалистической характеристики.

Библиографический список

1. Официальный сайт МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://mvd.ru.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (в ред. от 11 мая 2017 г.) // Российская газета. 2017. № 7265 (99).

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) от 11 апреля 2017 г. // СПС «Консультант Плюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 30) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006 № 8. С. 3-11; 2011. № 2. С. 6-12; 2015. № 9. С. 14-17.

5. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 24-31.

6. Криминалистика: учебник / Е.Р. Россинская. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – 464 с.

УДК 343.57

НЕЗАКОННАЯ ПЕРЕВОЗКА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ: СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СЛЕДЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Юрин А.М.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируются проблемы, возникающие в связи с расследованием преступлений, связанных с перевозкой наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным транспортом.
Ключевые слова: незаконная перевозка, железнодорожный транспорт, незаконный оборот наркотиков, расследование преступлений.

TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY RAIL: WAYS OF COMMITTING THE CRIME AND TRACES OF THEIR USE

Yurin A.M.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article analyzes the problems arising in connection with the investigation of crimes related to the transport of narcotic drugs and psychotropic substances by rail.
Key words: smuggling, rail transport, drug trafficking, the investigation of crimes.

Среди видовых криминалистических методик значительное место занимает методика расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Под незаконным оборотом следует понимать изготовление, производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку или сбыт наркотических, психотропных веществ и их аналогов. По нашему мнению, каждый из способов незаконного оборота наркотиков имеет свои особенности, что может выделить их в самостоятельные методики внутривидовой методики расследования. Рассмотрим отдельные элементы методики перевозки наркотических веществ железнодорожным транспортом.

Важным элементом криминалистической характеристики перевозки наркотиков железнодорожным транспортом, который связывает воедино другие элементы, является способ совершения преступления. Способ перевозки избирается преступником в зависимости от его личных качеств, вида наркотического вещества, расстояния, на которое перемещается груз. В зависимости от способа перевозки возникают определённого рода следы [1, с. 179-183].

Криминалистическое учение о способе совершения преступления достаточно разработано в науке. Впервые на теоретическом уровне исследовали способ совершения преступления как составляющую предмета криминалистики А.И. Винберг и Б.М. Шавер, рассматривая способы совершения умышленных преступлений. В работах А.Н. Колесниченко рассматривались способы подготовки к преступлению, непосредственное совершение преступления и способы сокрытия совершения преступления. Но они рассматривались отдельно, так как, по мнению автора, могли совершаться в разное время, отдельными лицами и иметь разное значение для расследования. Иной позиции придерживался Г.Г. Зуйков, отмечая, что структуру способа совершения преступления составляют действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления, выступая во взаимосвязанном комплексе.

Взгляды указанных учёных инициировали достаточно много дискуссий по поводу объединения действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений в единое понятие «способ преступления» или целесообразности рассмотрения их отдельно. Следует сказать, что собственные взгляды А.Н. Колесниченко и Г.Г. Зуйкова также со временем изменялись. В данной работе не ставится цель рассмотреть дискуссионные вопросы отдельных научных школ относительно понятия способа преступления, но считаем, что его нужно рассматривать комплексно, включая все составляющие.

Приведем одну из последних дефиниций понятия способа совершения преступления, высказанное представителями Киевской научной школы, которые определяют «способ совершения преступления как действия по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления, которые характеризуют криминалистически значимые сведения об исполнителе и применяемых им средствах, а также возможности их использования в раскрытии и расследовании преступлений». Это определение, на наш взгляд, достаточно точно отображает не только содержание понятия способа совершения преступления, а и его связь с другими элементами криминалистической характеристики.

Рассматривая способы перевозки наркотиков железнодорожным транспортом, прежде всего, нужно отметить, что этот вид преступной деятельности в большинстве случаев является составляющей организованной преступности – наркобизнеса. Именно поэтому при совершении этого преступления присутствуют все составляющие: подготовка, непосредственная перевозка и сокрытие. На основании анализа материалов уголовных дел мы считаем, что подготовка к перевозке наркотиков включает выбор: маршрута перевозки; поезда и вагона в подвижном составе; места размещения наркотиков в вагоне; способа маскировки наркотиков перед размещением его в вагоне; способа доставки наркотиков в вагон и размещение в вагоне; соучастников преступления; плана действий в случае возможного разоблачения при перевозке или непосредственно по прибытии в конечный пункт маршрута. Особенностью подготовки к перевозке наркотиков является то, что их сокрытие путем маскировки проходит уже на этом этапе, продолжается при перевозке и заканчивается при доставке заказчику наркотиков или при сбыте.

Непосредственная перевозка наркотиков, в зависимости от способов, сопровождается действиями преступника, направленными на сохранение наркотиков и дополнительную маскировку их при перевозке в случае необходимости [2, с. 115-117].

Способы сокрытия преступления как форма противодействия расследованию, по мнению Р.С. Белкина, делятся на: «1) утаивание информации и/или ее носителей; 2) уничтожение информации и/или ее носителей; 3) маскировка информации и/или ее носителей; 4) фальсификация информации и/или ее носителей; 5) возможны также и смешанные способы».

Соглашаясь с этой классификацией, укажем, что относительно предмета перевозки наркотиков применяются разнообразные способы маскировки, которые будут рассмотрены в дальнейшем. Относительно же предоставления следствию информации от перевозчиков наркотиков – в данном случае с их стороны возможны утаивание или фальсификация информации. Утаивание происходит в пассивной форме – путем отказа в предоставлении информации или замалчивании источников приобретения наркотиков, поставщиков и т.п. Фальсификация, как правило, происходит путем предоставления неправдивых сведений. Ими могут быть утверждения относительно приобретения наркотиков у неизвестных лиц, перевозка для собственного потребления, заверение в своей непричастности к преступлению в связи с незнанием того, что находится у него в сумке или пакете и т.п.

Один из элементов подготовки к перевозке наркотиков, как отмечалось выше, – это выбор подвижного состава и вагона в нём. По результатам изучения материалов уголовных дел, преступники в 82% выбирают для перевозки пассажирские поезда и только в 18% – грузовые. По данным нашего исследования, в пассажирских поездах наркотики могут быть спрятаны в обшивках стен и потолка пассажирского купе – в 14%, обшивках стен и потолка вагона – 4%, личных вещах пассажиров – 41%, технологических местах или среди имущества (постельного белья, одеял, подушек и т.п.), служебном купе проводников – 12%, туалете пассажирского поезда – 5%, в технических устройствах локомотива – 14% [3, с. 113-115].

Рассмотрим способы перевозки более детально. Один из способов маскировки наркотиков – в обшивке пассажирского купе. В основном данный способ выбирают перевозчики наркотиков, которые совершают поездки с целью обеспечения безопасности груза во время возможных проверок сотрудниками полиции на промежуточных станциях. Как правило, размещение и маскировка наркотиков происходят сразу после посадки в поезд в потолок купе, или в стенки рядом с местом для багажа. Преступники выкручивают шурупы, которые крепят обшивку, размещают груз и закручивают шурупы на место. Эта процедура занимает в среднем 10-15 минут. Следы, которые остаются после этих действий, – повреждение обшивки, дефекты стыковки швов, недовернутые шурупы, несоответствие обшивки потолка креплениям. На применение такого способа маскировки могут указывать наличие в личных вещах пассажиров отверток или плоскогубцев. Перевозчики наркотиков, как правило, стараются остаться в купе наедине. В связи с этим, если в купе находятся один

или двое пассажиров, а билеты на другие места выкуплены, это может косвенно указывать на их преступный умысел.

Кроме купе, в обшивки стен и потолка других мест вагона помещают наркотики в большинстве случаев сами работники железнодорожного транспорта. Закладку осуществляют в местах отстоя вагонов или во время перемещения вагона из парка отстоя к платформе отправления.

Большинство наркотиков перевозится в личных вещах пассажиров. Для перевозки наркотиков в большом объеме (маковой соломы или марихуаны) используются купейные и плацкартные вагоны. Лица, осуществляющие перевозку наркотиков, занимающие немного места, могут выбирать спальные или класса «люкс» вагоны. Как правило, перевозчики наркотиков приходят к отправлению поезда сразу после того, как его подают на платформу. Сумки с наркотиками размещают в купе на верхних багажных полках в глубине, в плацкартных вагонах – на третьих полках. Маскируя сумки, их чаще всего прикрывают другими сумками, одеялами или верхней одеждой. Следами, указывающими на наркотики, могут быть остатки самого наркотического вещества, которое случайно осыпается при упаковке, его запах, а также другой резкий запах (например, одеколона), которым преступники стараются уничтожить запах наркотиков [4, с. 226-230].

В целях сокрытия перевозки крупных партий наркотиков используют двойное дно коробок, стенок чемоданов, дорожных и ручных сумок. Для меньших партий наркотиков, особенно синтетических, используются изделия с кожи и текстиля: подкладка и швы одежды, пояса и т.п. Для перевозки наркотиков используют переплетения книжек и фотоальбомов, женскую косметику, тюбики зубной пасты, флаконы с шампунем. В этих случаях следами преступления могут быть нарушения целостности предметов обуви и одежды, упаковок предметов, в которые скрыты наркотики. Наркотики маскируют в различные бытовые предметы и упаковки из-под них: телевизоры, магнитофоны, компьютеры, мониторы, акустические системы, мини-холодильники и т.п.

Наркотики также маскируются в упаковках из-под предметов питания: консервов, металлических пивных бутылок, ящиках от вина и пива, пластиковых упаковках масла и т.п. В данном случае следами могут быть визуальные нарушения целостности упаковок, полностью заклеенная этикетками стеклянная посуда, механические повреждения тары. На упаковках с наркотиками всегда остаются следы пальцев рук, которые могут указывать на принадлежность наркотиков конкретным лицам и имеют доказательное значение. В упаковках могут находиться записки поставщика наркотика сбытчику, например, в случае отсутствия прямых связей между ними и перевозчиком. Тогда значение имеют признаки письменной речи и почерка в записях [5, с. 31-34].

Сокрытие наркотиков в легковых автомобилях осуществляется путем сооружения тайников в бензобаке, технологических нишах воздушных ресиверов, поддонах картера двигателя, бензобаках, тормозных механизмах, обшивке кузова, двойных днищах, стенках и т.п. Помимо этого, наркотики могут перевозиться в ящиках с запчастями и инструментами к автотранспортной и сельскохозяйственной технике. В данном случае следами могут быть повреждения

ящиков из-под инструментов, отдельных деталей и узлов транспортного средства или агрегата.

В полувагонах наркотики могут перевозиться, замаскированные верхним слоем груза. Как правило, в таких случаях преступники размещают наркотики, упаковывая их в полиэтиленовые пакеты и закапывая в насыпной груз. Сокрытие наркотиков осуществляется после загрузки вагона на станциях загрузки либо на промежуточных станциях. Указанные действия могут совершать во время движения путем подсаживания в вагон на временных остановках, например, на входных светофорах станций. Следами перевозки наркотиков таким способом является нарушение верхнего слоя груза в виде неровностей, углублений и т.п.

В изотермических вагонах наркотики в основном перевозятся в рефрижераторных секциях и товарных вагонах среди груза овощей, фруктов и других продуктов или под обшивками стен. Такие вагоны часто даже не опечатываются. Сопровождающие их лица мотивируют это необходимостью постоянного наблюдения за скоропортящимся грузом. После прохождения определенного расстояния в заранее обусловленном месте наркотики выбрасываются лицами, которые сопровождают груз, после чего их подбирают курьеры и доставляют заказчикам.

Следами могут быть: наличие или отсутствие болтов, которые крепят хладогенератор к кузову вагона, ржавчина, загрязнение свежих царапин в местах крепления, свидетельствующее о том, что преступники снимали хладогенератор и через образовавшееся отверстие проникли в вагон. Об этом же свидетельствует плотность и степень закрытия крышки лёдозагрузочных и вентиляционных люков, наличие или отсутствие повреждений решетки.

Для транспортировки мелких партий грузов без тары могут использоваться контейнеры. Чаще всего наркотики перевозятся в универсальных контейнерах вместе с грузом. Упаковка наркотиков при этом аналогична упаковке предметов, которые перевозятся. Загружаются наркотики в контейнер одновременно с грузом. В таких случаях преступники часто тем или иным образом связаны с организацией – поставщиком продукции или являются работниками железнодорожного транспорта, принимающими участие в загрузке груза: грузчиками, контролёрами, охранниками, грузоотправителями и т.п. При размещении груза наркотиков в контейнере для маскировки тщательно сохраняется весовая пропорция, которая не отличается от веса груза в других контейнерах.

В заключение следует отметить, что сведения о способах перевозки грузов железнодорожным транспортом и оставленных при этом следах преступления, в значительной степени способствуют скорейшему установлению преступника и раскрытию преступления.

Библиографический список

1. Батурина И.Д., Лосев С.Г. Объект и предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Молодые ученые. 2016. № 7. С. 179-183.

2. Винокуров В.Н. Содержание и пределы объекта преступлений в сфере незаконного и легального оборота наркотических средств и психотропных веществ и вопросы квалификации // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 31-34.

3. Витовская Е.С. Учение об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Закон и право. 2014. № 10. С. 115-117.

4. Хайров Ф.М. Предмет незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 113-115.

5. Шалина О.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: сборник научных трудов. – Саратов: Наука, 2016. С. 226-230.

УДК 343.985

К ВОПРОСУ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ И ФИКСАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Антонов А.Е.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с обнаружением и фиксацией обстоятельств криминального характера в подвижном составе железнодорожного транспорта и на объектах транспортной инфраструктуры. Отражена тесная взаимосвязь между процессом обнаружения и фиксации обстоятельств криминального характера и последующим планированием хода расследования, версионным анализом произошедших событий, а также установлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Отражены специфические факторы, влияющие на качество производства расследования, к которым автором отнесены дефицит информации и временные ограничения, связанные с принципами функционирования железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: обстоятельства криминального характера, расследование преступления, ориентирующая информация, доказательства, поисково-познавательная деятельность, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, железнодорожный транспорт, объекты транспортной инфраструктуры.

TO THE QUESTION OF DETECTION AND FIXING OF CIRCUMSTANCES OF CRIMINAL CHARACTER AT INVESTIGATION OF CRIMES ON RAILWAY TRANSPORT

Antonov A.E.

(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: in article the questions connected with detection and fixing of circumstances of criminal character in the rolling stock of railway transport and on objects of transport infrastructure are considered. The close interrelation between process of detection and fixing of circumstances of criminal character and the subsequent planning of investigation, the versionny analysis of the taken

place events and also establishment of the circumstances promoting commission of crime is reflected. The specific factors influencing quality of production of investigation to which the author has referred the deficiency of information and temporary restrictions connected with the principles of functioning of railway transport are reflected.

Key words: circumstances of criminal character, crime investigation, the focusing information, proofs, search cognitive activity, circumstances promoting commission of crime, railway transport, objects of transport infrastructure.

Расследование любого преступления представляет собой «стадию уголовного процесса осуществляемого в форме дознания или предварительного следствия. В ходе расследования осуществляется процессуальная деятельность, направленная на выяснение обстоятельств совершения преступления, виновных в нем лиц и т.д., т.е. на доказывание всех тех фактов и обстоятельств, которые входят в предмет доказывания по делу» [2, с. 185-186].

Процесс расследования преступления принято подразделять на несколько самостоятельных этапов, каждый из которых имеет свои характерные особенности, побуждающие к определенным действиям должностных лиц, производящих расследование. Наиболее удачно, на наш взгляд, рассматриваемое понятие было сформулировано И.М. Лузгиным, который под этапом расследования понимал «такой его элемент, который представляет собой взаимосвязанную систему действий, объединенных единством задач, условиями расследования, спецификой криминалистических приемов» [5, с. 86].

Традиционно криминалисты подразделяют процесс расследования на три этапа: первоначальный, последующий и заключительный, а под самим понятием этапа расследования подразумевают «часть процесса расследования, в рамках которого решаются определенные задачи» [2, с. 271].

Первоначальный этап расследования преступления в условиях работы железнодорожного транспорта, особенно в случаях, когда совершается преступление в подвижном составе, находящемся в пути следования, требует от лица, производящего расследование, разрешения различных ситуаций, связанных с дефицитом информации, и, как следствие, возникает необходимость привлечения к расследованию дополнительных сил и средств.

Особенность транспортной инфраструктуры заключается в том, что на первоначальном этапе расследования преступления условия функционирования железнодорожного транспорта требуют от должностных лиц, задействованных в процессе раскрытия и расследования преступления, максимальной оперативности, т.е. на первое место, кроме дефицита информации, ставится временной критерий. Совокупность именно этих факторов значительно отличает линейные подразделения полиции и территориальные. Как справедливо заметил А. Агарков, вышеуказанные отличия заключаются в том, что «следственно-оперативным группам линейных подразделений каждый раз предстоит выполнение очень большого объема работ за очень короткий промежуток времени» [1, с. 32].

Обнаружение и фиксация обстоятельств криминального характера в первую очередь осуществляются сотрудниками следственно-оперативной группы, в состав которой входят: следователь (дознаватель), сотрудник оперативного

подразделения, эксперт-криминалист в качестве специалиста. В некоторых случаях в связи с имеющимися ограничениями времени стоянки поезда к сбору информации привлекаются сотрудники патрульно-постовой службы, которые могут выполнять отдельные устные поручения руководителя следственно-оперативной группы.

Обстоятельства криминального характера в подвижном составе железнодорожного транспорта и на объектах транспортной инфраструктуры фиксируются, прежде всего, в ходе осмотра места происшествия, производство которого осуществляет следователь с участием эксперта-криминалиста, причем участие последнего, на наш взгляд, является необходимым требованием, особенно в тех случаях, когда поступившая первоначальная информация указывает на наличие признаков преступления.

В подавляющем большинстве случаев квалификация и профессиональные навыки лиц, производящих расследование, даже при наличии у них перед началом осмотра места происшествия специальных средств, не позволяет им обнаруживать и надлежащим образом изымать часть следов, представляющих оперативный интерес. Подобного рода трудности, прежде всего, возникают при изъятии визуально не воспринимаемых следов.

Кроме производства осмотра места происшествия, фиксация обстоятельств криминального характера на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры осуществляется в ходе опросов, в период проведения доследственной проверки и допросов на первоначальном этапе расследования свидетелей и очевидцев, а также потерпевших лиц. Краткие обстоятельства совершенного преступления также фиксируются в заявлении потерпевших лиц.

В подвижном составе железнодорожного транспорта обстоятельства криминального характера могут фиксироваться сотрудниками поездной бригады, которые в соответствии с должностной инструкцией обязаны контролировать процессы, связанные с перевозкой пассажиров, а также реагировать на возникающие внештатные ситуации, в том числе и на противоправные действия криминального характера. Недостатком в данной ситуации является тот факт, что обстоятельства, ставшие известными сотрудникам ОАО «РЖД», входящим в состав поездной бригады, документально нигде не фиксируются. В связи с этим в ходе проведения следственно-оперативных мероприятий в составе поезда в беседе с начальником поезда необходимо выяснять о ставших ему известных обстоятельствах совершенного преступления, а также об осведомленности членов поездной бригады.

Кратковременный период стоянки поезда часто не позволяет выполнить весь объем следственно-оперативных мероприятий, в связи с чем дальнейший сбор обстоятельств криминального характера и их фиксация могут продолжаться уже в пути следования поезда как всем составом следственно-оперативной группы, так и одним из ее сотрудников. В основном последующая работа, связанная с проведением оперативно-разыскных мероприятий в пути следования, осуществляется оперативным сотрудником, а следователь продолжает сбор криминалистически значимой информации, а также принимает различные процессуальные решения уже в условиях отдела полиции.

Сотрудники оперативных подразделений осуществляют фиксацию обстоятельства криминального характера не только в составе следственно-оперативной группы. Как правило, полученная информация о совершенном преступлении предполагает активизацию всех незадействованных сотрудников, которые посредством оперативно-разыскных мероприятий осуществляют сбор информации.

Важное, а в большинстве случаев ключевое, значение не только в раскрытии преступлений, но и в процедуре фиксации обстоятельств криминального характера занимают экспертные подразделения системы МВД России. Их роль в уголовном процессе с учетом совершенствования технических возможностей и появлением новых технологий с каждым днем становится все более существенной, а используемые методики незаменимыми.

Фиксация обстоятельств криминального характера экспертами, выступающими в качестве специалистов при осмотре подвижного состава железнодорожного транспорта и объектов транспортной инфраструктуры также начинается с осмотра места происшествия. Поиск и изъятие различных следов уже изначально представляют собой процесс фиксации обстоятельств криминального характера. Складывающаяся следовая картина нередко позволяет специалисту уже на месте происшествия сделать определенные выводы о происходящих событиях, возможном количестве присутствующих на месте происшествия лиц, оружии и предметах, используемых преступником, видовой принадлежности автотранспортного средства и т.п. Выводы специалиста, сформировавшиеся в ходе осмотра места происшествия, играют немаловажную роль и позволяют следователю в последующем процессе поисково-познавательной деятельности, сопоставлять имеющуюся информацию с консультативной, полученной от специалиста, тем самым подтверждать либо опровергать различные доводы и предположения относительно рассматриваемого события.

После окончания осмотра места происшествия работа специалиста с изъятыми следами продолжается в лабораторных условиях и направлена она на определение пригодности изъятых следов для идентификации либо проведения сравнительного исследования. Пригодность следа, в свою очередь, предполагает проведение исследования с последующими выводами. Окончательное процессуальное закрепление изъятых следов в качестве доказательств происходит посредством проведения экспертиз, назначаемых следователем.

На первоначальном этапе расследования в условиях работы железнодорожного транспорта очень важны организация и планирование, а также качественный версионный анализ произошедших событий. Эти основные составляющие процесса расследования позволяют осуществлять качественный сбор и фиксацию обстоятельств криминального характера. Организационная упорядоченность в процессе расследования означает «порядок (способ) организации работы следователя по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, направленный на достижение наивысшей эффективности данной работы» [7, с. 278].

Фиксация обстоятельств криминального характера осуществляется путем производства допросов, проведением очных ставок и следственных экспериментов, проверок показаний на месте и других следственных действий, а полученные при этом сведения фиксируются в протоколах в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В современных условиях развития цифровых технологий не следует забывать и о различных системах видеонаблюдения, которыми оборудованы вокзальные комплексы, прилегающие к ним территории, современные пассажирские вагоны и т.п., посредством которых происходит фиксация обстоятельств криминального характера. С каждым годом системы видеофиксации охватывают все большие и большие территории населенных пунктов, места массового скопления людей, не являются исключением и объекты транспортной инфраструктуры.

В связи с этим при проведении оперативно-разыскных мероприятий следует уделять внимание не только наличию устройств видеофиксации непосредственно на месте происшествия, но и их возможному нахождению в непосредственной близости от места совершения преступления. Устройства видеофиксации позволяют установить обстоятельства криминального характера, произошедшие на месте происшествия, внешность и приметы предполагаемого преступника, установить пути отхода, используемый автотранспорт, сообщников и их приметы и т.д.

Кроме обнаружения и фиксации обстоятельств криминального характера при совершении преступлений на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, важное значение играет установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Борьба с преступлениями на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры будет являться успешной только в том случае, если наряду с раскрытием преступлений и привлечением к ответственности виновных будут выявлены и своевременно устранены обстоятельства, способствующие совершению этих преступлений.

Выяснять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, необходимо на протяжении всего периода расследования. В ходе осмотра места происшествия, при допросах участников уголовного судопроизводства, осмотре документов и производстве иных следственных действий наряду с установлением способа совершения преступления, объективной и субъективной его сторон и иных обстоятельств по делу необходимо устанавливать и обстоятельства, способствовавшие совершению этого преступления. Необходимость в получении такого рода информации связана с тем, что между способом совершения преступления и обстоятельствами криминального характера существует тесная взаимосвязь.

Таким образом, фиксация обстоятельств криминального характера на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры представляет собой трудоемкий процесс, качество производства которого зависит от всех участников, задействованных в расследовании преступления. Этот процесс осложнен постоянно имеющимся дефицитом времени, связанным со спецификой функционирования железнодорожного транспорта. Качественный сбор и фиксация обстоятельств криминального характера позволяют выдвигать кон-

кретные и соответствующие сложившейся ситуации версии, составлять точный план расследования и, как следствие, получать достоверные результаты, направленные на установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и, как результат, достижению истины по уголовному делу.

Библиографический список

1. Агарков А. Дорога не прощает рассеянных // Правопорядок на транспорте. 2006. № 3.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3-х т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997.
4. Красильников В.Г. Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение раскрытия краж на объектах железнодорожного транспорта: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004.
5. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М., 1973.
6. Противодействие правонарушениям и преступлениям, совершаемым на железнодорожном транспорте и железнодорожных объектах: монография / В.В. Алексеев [и др.]. – М.: Юрлит-информ, 2014.
7. Савельева М.В., Симушкин А.Б. Криминалистика. - 2-е изд. – М.: Изд. дом «Дашков и К», 2012.

УДК 004.738 : 343.98

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Зиновьева Н.С.

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы феномена, который все больше и больше внедряется в нашу жизнь – криптовалюта. Также рассматриваются различные виды криптовалюты, а также особенности их функционирования.

Ключевые слова: криптовалюта, актуальные проблемы, криминалистический анализ, биткоин, лайткоин.

CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF FORENSIC ANALYSIS

Zinovieva N.S.

(Krasnodar University of the MIA of Russia)

Abstract: the article deals with the current problems of the phenomenon that is increasingly being introduced into our lives – cryptocurrency. Also various types of crypto-currency are considered, as well as features of their functioning.

Key words: cryptocurrency, actual problems, forensic analysis, bitcoin, litecoin.

Активное внедрение информационных телекоммуникационных технологий затронуло все сферы жизни современного общества, а их стремительное развитие привело к появлению совершенно новых форм и способов распространения информации. Свидетельством качественного прорыва в развитии информационно-телекоммуникационных технологий является популярность криптовалюты, работающей на основе децентрализованной системы «Блокчейн». Сегодня чрезвычайно востребованы универсальные платежные средства, которыми можно было бы рассчитываться в электронном пространстве без привязки к определенной стране или учреждению. Таким средством и стала криптовалюта [3].

Криптовалюта является зашифрованным по определенному математическому алгоритму средством платежа, которое получило активное распространение в интернет-среде и неподконтрольно органам государственной власти [1]. Криптовалюта не имеет никакого реального выражения, а единицей измерения в этой системе считаются коины (буквально – «монеты»), существующие исключительно в цифровом виде.

Существует разные виды криптовалюты, но наиболее распространены:

1) биткоин (BTC, bitcoin). Самая первая цифровая валюта, на основе которой разрабатывались все последующие;

2) эфириум (etherium) – появилась такая валюта сравнительно недавно, но популярна наряду с биткоинами;

3) лайткоин (litecoin, LTC) – эта валюта выпускается с 2011 года.

Создание криптовалюты происходит тремя способами:

1. ICO – выпуск эмитированной валюты каким-либо проектом на различных инвестиционных площадках.

2. Майнинг – процесс создания новых блоков при помощи специального программного обеспечения с целью получения вознаграждения в форме эмитированной валюты и комиссионных сборов. На обычном домашнем компьютере большие объемы криптовалют произвести не удастся, нужны довольно значительные мощности, а, следовательно, приобретение дополнительного оборудования. Необходимы мощные видеокарта и процессор. Кроме этого, используются и специальные аппараты - так называемые майнинг - фермы, которые вырабатывают криптовалюту.

3. Форжинг – создание в различных криптовалютах новых блоков в блокчейне на основе подтверждения доли владения с возможностью получить вознаграждение в форме новых единиц и комиссионных сборов.

Криптовалюта возникает, получает свое распространение в информационно-телекоммуникационной среде, а платежи с ее использованием осуществляются так же, как и обычные электронные переводы по системе безналичного расчета через биржи, посредством которых криптовалюту можно перевести в обычные платежные средства.

Зачастую данное средство платежа используется для того, чтобы обходить законодательные ограничения. Для транзакций с криптовалютой не требуются посредники в виде банка или иной финансовой организации, поэтому отследить их очень сложно, а из-за полной децентрализации сети изъять или

заморозить криптовалюту невозможно. Но уникальность криптовалюты заключается в том, что ее пользователям не обязательно доверять друг другу. Криптовалюта обращается в децентрализованной электронной, пиринговой платежной системе, основанной на публично доступной книге учета, именуемой «Блокчейн». Эта система представляет собой распределенную по миллионам персональных компьютеров во всем мире базу данных из цепочки последовательных блоков. Принцип функционирования блокчейн-технологий сводится к тому, что через децентрализованный сервер, проставляющий метки времени и одноранговые сетевые соединения формируется база данных, которая управляется автономно, без единого центра. При этом хранение и запись информации при обращении с криптовалютой происходят на всех устройствах сразу, что гарантирует абсолютную прозрачность и открытость производимых транзакций.

Поскольку обмен, продажа и другие действия, осуществляемые с криптовалютой, не имеют конкретного законодательного регулирования, то идентифицировать такие действия как преступные нельзя. Вместе с тем в данной сфере объектами выступают не только непосредственно криптовалюта, но и предметы, которые имеют статус запрещенных в гражданском обороте: оружие, наркотические средства и т.п. Так, осуществляется преступная деятельность по обналичиванию фиатных средств платежа, создаются прецеденты для легализации преступных доходов.

Таким образом, можно выделить две основных ситуации, когда криптовалюта может являться объектом криминалистического анализа:

1) она является средством совершения преступления и используется в качестве платежного средства для покупки оружия, наркотических средств и иных запрещенных предметов либо в целях легализации преступных доходов;

2) является непосредственно предметом преступного посягательства, когда криптовалютой незаконно завладевают путем хищения в различных формах или путем вымогательства.

Ярким примером использования криптовалюты в качестве средства совершения преступлений является деятельность нелегальных крипторынков, на которых распространяются материалы с демонстрацией детского насилия, прямых трансляций действий сексуального характера с несовершеннолетними и др. Оплата данных материалов криптовалютой гарантирует анонимность и технически затрудняет обнаружение преступника [2].

Однако одной из наиболее востребованных сфер криминального использования виртуальной валюты считается легализация преступных доходов и финансирование терроризма. Сегодня известны три модели использования криптовалюты в сфере легализации преступных доходов и финансирования терроризма:

- доходы от преступной деятельности обмениваются на биржах, средства поступают в кредитный кооператив, а затем переводятся на офшорные счета;

- криптовалюта, полученная в результате незаконной сетевой торговли, обменивается на товарных биржах, денежные средства переводятся на карты с предоплатой и снимаются в банкоматах;

- используется кошелек, в который переводятся виртуальные деньги, затем та же сумма «чужих» биткойнов по частям возвращается отправителю. Таким образом, связь между злоумышленником и преступными деньгами разрывается.

Несмотря на отсутствие устоявшейся судебной практики, связанной с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершающих преступления с криптовалютами, тем не менее отдельные прецеденты уже существуют.

Анализ рынка криптовалюты свидетельствует об активном развитии общественных отношений в сфере функционирования альтернативных финансовых механизмов. Поскольку криптовалюта, выступающая в качестве одного из таких механизмов, играет в этих процессах ключевую роль и выступает в качестве платежного средства, то она является притягательным объектом для незаконного обогащения.

Новые формы и способы совершения преступлений в указанной сфере, динамика их роста свидетельствуют о том, что правоохранительным органам необходимо вырабатывать механизмы предупреждения преступлений на рынке криптовалют, разрабатывать эффективные методики раскрытия и расследования данных преступлений, повышать профессиональный уровень правоохранительных органов в аспекте указанной деятельности. А государству следует сформировать эффективную правовую среду для регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

Библиографический список

1. Вахрушев Д.С., Железов О.В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Науковедение. 2014. № 5(24); [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/.

2. Марамыгин М.С., Прокофьева Е.Н., Маркова А.А. Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) // Известия УрГЭУ. 2015. № 2(58); [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/.

3. Зеленюк А.Н., Орлова Г.А., Тарановская Е.В. Новые криптовалюты в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 8; [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Красненко Ю.В.
(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме реализации сотрудниками правоохранительных органов криминалистического сопровождения при расследовании преступлений. В статье излагаются некоторые взгляды на содержание понятия «сопровождение» по отношению к различным видам деятельности человека, в частности, криминалистической деятельности. Выделяются и описываются характерные особенности криминалистического сопровождения. Автор акцентирует внимание на повышении эффективности данного вида сопровождения, основанного на взаимодействии сотрудников различных подразделений и ведомств.

Ключевые слова: криминалистическая деятельность, криминалистическое сопровождение, следственно-оперативная группа, взаимодействие.

SOME FEATURES OF CRIMINALISTIC SUPPORT IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Krasnenko Yu.V.
(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: this article is devoted to the actual problem of realization by law enforcement officers of criminalistic support during the investigation of crimes. The article outlines some views on the content of the concept of «support» in relation to various types of human activities, in particular criminalistic activities. Identify and describe the characteristics of criminalistic support. The author focuses attention on the improving effectiveness of this type of support, based on the interaction of employees of different departments and agencies.

Key words: criminalistic activities, criminalistic support, investigation team, interaction.

Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации, направленная на раскрытие и расследование преступлений, является одним из ключевых направлений внутренней и внешней политики государства по защите благополучия населения от преступных посягательств. Криминалистическое сопровождение играет в данном процессе немаловажную роль, поскольку только при наличии грамотно выстроенной и организованной системы реализации возможностей криминалистики в практической деятельности, повсеместном взаимодействии силовых структур, наличии компетентных и подготовленных сотрудников, использовании современных и практичных в эксплуатации специализированных технических средств возможно эффективное противодействие современной преступности.

Понятие «сопровождение» можно истолковать как «то, что сопровождает какое-нибудь явление, действие» [4], при этом относительно некоторых областей человеческой деятельности существуют развернутые и конкретизированные определения данного феномена. К таким категориям относятся педагогическое сопровождение, медицинское сопровождение, проектное сопровождение и другие.

В рассматриваемом вопросе нам импонирует мнение профессора А.Ф. Волынского, который считает, что криминалистическое сопровождение, совместно с криминалистическим обеспечением, являются составными частями более крупной категории, а именно криминалистической деятельности. При этом под криминалистическим сопровождением подразумевается реализация сформированных (вследствие криминалистического обеспечения) условий постоянной готовности сотрудников правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций при раскрытии и расследовании конкретных преступлений [2, с. 24].

Наиболее часто встречаемой на практике формой осуществления криминалистического сопровождения деятельности сотрудников правоохранительных органов, направленной на раскрытие и расследование преступлений, выступает работа на месте происшествия в составе следственно-оперативной группы.

В большинстве случаев в данном мероприятии принимают участие следственно-оперативные группы, состоящие из сотрудников и специалистов различных направлений и служб, в числе которых обязательно присутствует следователь либо дознаватель (в зависимости от подследственности), оперуполномоченный, эксперт-криминалист. В некоторых случаях в состав данной группы включается инспектор-кинолог (при необходимости использования служебной собаки).

Следователем (дознавателем) осуществляется общее руководство за деятельностью группы, основанное на регулировании последовательности и согласованности действий при проведении необходимых мероприятий. Чтобы достичь максимального эффекта от проводимой работы, им организуется совместное планирование, обращенное на взаимодействие всех субъектов расследования, с учетом вносимых ими советов и предложений.

Сотрудники оперативных подразделений при выполнении своих специфических обязанностей не лишены некоторой самостоятельности, однако их деятельность также находится под общим руководством следователя (дознавателя). В процессе криминалистического сопровождения они проводят оперативно-разыскные и поисковые мероприятия, в том числе направленные на установление и обнаружение преступников, выявление очевидцев происшествия, проведение проверок по оперативным учетам, выполнение отдельных поручений следователя (дознавателя), информируя его о полученных результатах, а также иные действия.

Что касается работы сотрудника экспертно-криминалистического подразделения, то он реализует сопроводительные функции, привлекаясь в качестве специалиста-криминалиста, поскольку является лицом, обладающим специальными познаниями. Впоследствии им оказывается консультационная, методическая и технико-криминалистическая поддержка следователю (дознавателю). Это выражается в помощи при описании в протоколе некоторых особенностей

осматриваемых объектов, рекомендациях при определении общей картины преступления, применении специализированных технических средств, в том числе для обнаружения, фиксации и изъятия следов и объектов, и других действиях.

Необходимо отметить, что, помимо сотрудников, задействованных в составе следственно-оперативных групп, согласно ст.ст. 168 и 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] в частном порядке к криминалистическому сопровождению расследования преступлений могут быть привлечены иные участники уголовного судопроизводства, такие как специалист и переводчик. Деятельность указанных субъектов может оказать значительное влияние на ход расследования, поскольку они обладают знаниями в различных науках, искусстве, ремесле, лингвистике, иностранном языке и других областях, в которых не ориентируются сотрудники правоохранительных органов.

Деятельность обозначенных выше субъектов криминалистического сопровождения часто является необходимой при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации, в частности, железнодорожного транспорта. Следователь, оперативный сотрудник и специалист-криминалист, обладающий специальными познаниями в сфере бухгалтерского учета и аудита, при получении доказательственной базы сталкиваются с различными проблемами. Причем они обусловлены не только сложностью экономической составляющей, но и индивидуальной спецификой подготовки и составления первичной документации, совокупного документооборота, форм отчетности, анализа и контроля на объектах транспортного комплекса. Для эффективного расследования подобных преступлений сотрудники правоохранительных органов, специализирующиеся в данной сфере, должны иметь соответствующую подготовку и комплексное представление о рассматриваемой категории дел.

По нашему мнению, процесс криминалистического сопровождения осуществляется в определенных пространственно-временных рамках, которые имеют присущие только им характеристики.

Во-первых, мы можем выделить постоянное (или сквозное) сопровождение, которое пронизывает все стадии расследования и берет начало с момента поступления сообщения о совершении преступления и прекращается после принятия судебного решения по данному факту.

Во-вторых, имеется периодическое (или цикличное) сопровождение, при осуществлении которого сотрудники правоохранительных органов неоднократно привлекаются для проведения определенных следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий, разграниченных между собой по времени реализации.

В-третьих, выделим ситуативное сопровождение, основанное на привлечении конкретного субъекта расследования в случае появления в этом необходимости, например, вызов эксперта, обладающего познаниями в области искусства каллиграфии, для оказания консультационной помощи.

Не стоит забывать, что существует и количественный показатель, оценивающий численность субъектов осуществления криминалистического сопровождения. С одной стороны, получается, что каждый сотрудник правоохрани-

тельных органов, в той или иной мере принимающий участие в раскрытии и расследовании преступлений, реализует данную деятельность в индивидуальном порядке. С другой стороны, только в совокупности одиночной деятельности каждого субъекта, в ее коллективной организации выстраивается возможность полноценного процесса расследования.

Показательными могут быть и такие ситуации, когда сотрудникам просто необходимо осуществление совместной деятельности. Так, согласно ст. 200 УПК РФ обозначено производство комиссионной судебной экспертизы, в которой должны принимать участие не менее двух экспертов по одной специальности, а в ст. 201 УПК РФ говорится о комплексной судебной экспертизе, которая осуществляется экспертами различных специальностей [1].

Следует подчеркнуть, что применение криминалистических средств и методов в процессе осуществления криминалистического сопровождения уполномоченными лицами также имеет две формы реализации. К первой относится сопровождение процессуального характера (проведение судебных экспертиз и необходимых следственных действий), ко второй – сопровождение непроцессуального характера (сведения, полученные в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, консультационная помощь, предварительное исследование следов и объектов, проверка по учетам).

Как нам представляется, в настоящее время одним из главных факторов, влияющих на оценку деятельности сотрудника, организации или ведомства, выступает критерий эффективности. При осуществлении криминалистического сопровождения наибольшая результативность достигается в результате взаимодействия сотрудников и подразделений правоохранительных органов на внутриведомственном и межведомственном уровне.

Ярким примером подобного криминалистического сопровождения при раскрытии и расследовании преступлений служат результаты расследования уголовного дела по факту убийства в 2016 году в селе Ивашевка Самарской области полковника полиции Андрея Гошта и пятерых членов его семьи. В процессе взаимодействия были созданы оперативный штаб и следственная группа, в состав которой вошли 89 следователей и следователей-криминалистов из центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации, региональных подразделений Следственного комитета по Самарской, Пензенской, Ульяновской и Саратовской областям и Республике Татарстан. В активной фазе расследования принимали участие оперативные сотрудники УФСБ и ГУ МВД России по Самарской области.

Несмотря на широкую географию поисков, благодаря слаженным действиям сотрудников правоохранительных ведомств, нападавшие были задержаны в течение первых десяти суток после совершения убийства. За весь период расследования дела было проведено более 800 допросов, 120 обысков и выемок, 50 осмотров мест происшествия, предметов и документов, 230 судебных и иных экспертиз [3]. Аналогичные действия по криминалистическому сопровождению также осуществлялись при расследовании таких резонансных преступлений, как серийные убийства на подмосковных дорогах так называемой бандой ГТА, и массовое убийство в станице Кущевской Краснодарского края.

Однако подобная степень взаимодействия между различными подразделениями и ведомствами правоохранительной системы, как мы видим, относится к расследованию «громких» преступлений и чаще всего носит конкретизированный, а не системный характер. В повседневной криминалистической деятельности сотрудники довольно часто сталкиваются не только с затруднениями по работе на межведомственном уровне, но и с разногласиями в сопредельных подразделениях одной силовой структуры.

Причем нередко недопонимание во взаимоотношениях между ними возникает не только в профессиональной сфере, но и на межличностном уровне, когда возникают вопросы, касающиеся оценки вклада каждого для достижения конечного результата. В подобных ситуациях необходимо помнить, что трудная, но благородная деятельность сотрудников правоохранительных органов, в случае ее эффективной реализации на практике, как раз и способствует защите законных интересов граждан, развитию общества и государства.

Вышесказанное позволяет нам выделить некоторые особенности осуществления сотрудниками правоохранительных органов криминалистического сопровождения при раскрытии и расследовании преступлений, а именно:

1. По способу взаимодействия:
– в составе следственно-оперативной группы;
– в частном порядке.
2. По форме практической реализации:
– постоянное сопровождение;
– периодическое сопровождение;
– ситуативное сопровождение.
3. По количеству субъектов осуществления:
– индивидуальное;
– коллективное.
4. По форме применения криминалистических методов и средств:
– процессуальное;
– непроцессуальное.

В заключение отметим, что в настоящее время правоохранительным органам следует не останавливаться на достигнутых результатах и продолжить повышение уровня криминалистического сопровождения при раскрытии и расследовании преступлений. Необходимость в этом обусловлена развитием деятельности преступников, которые в ходе ее осуществления становятся все более изобретательными и технологически подкованными. Ответом на данный вызов может стать более грамотная и рациональная организация расследования преступлений, разработка актуальных рекомендаций и новых научных методов, активное использование современной криминалистической техники. Но чтобы всего этого достичь, не стоит забывать и о соответствующей криминалистической подготовке сотрудников правоохранительных органов, которая будет только возрастать в процессе получения практического опыта при расследовании преступлений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу 01.09.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 196 с.
3. Дмитриенко О. До смерти на казенный кошт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rg.ru/gazeta/.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.slovarozhegova.ru.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ВАЖНОЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Лакомская М.Ю.

(Краснодарский университет МВД России)

Аннотация: вопросы исследования и порядок разрешения следственных ситуаций в криминалистике носят приоритетный характер по причине того, что категория «следственная ситуация» имеет свою систему и структуру, а также в качестве элемента входит в систему категории «криминалистическая характеристика расследования преступления». Научно-практическое исследование понятия и содержания следственной ситуации имеет важное значение для правоприменительных целей поскольку это знание обеспечивает правильное разрешение следственных ситуаций и в этой связи – получение необходимых доказательств по расследуемому преступлению. Проблемные ситуации расследования актуальны для правоприменительной практики из-за того, что их правильное и эффективное разрешение обеспечивает «комфортность» проведения предварительного расследования. Однако для правильного разрешения указанной ситуации следует понимать ее содержание и характер, на что ориентирована настоящая публикация, где объектом исследования является понятие «проблемная следственная ситуация».

Ключевые слова: ситуация расследования, проблемная ситуация, понятие ситуации и проблемной ситуации расследования.

PROBLEM SITUATION THE INVESTIGATION OF CRIMES AS AN IMPORTANT FORENSIC CONCEPT

Lakomskaya M.Yu.

(Krasnodar University of the MIA of Russia)

Abstract: the research and resolution of investigative situations in forensic science are a priority, due to the fact that the category of «investigative situation» has its own system and structure, as well as the item included in the system of the category «criminological characteristics of

crime investigation». Scientific and practical study of the concept and content of investigative situation is important for enforcement purposes for the reason that this knowledge provides the right resolution of the investigative situations and in this regard, obtaining the necessary evidence at the crime that is being investigated. Problem situation the investigation is relevant to the practice of law due to the fact that their correct and effective solution provides «comfort» to conduct a preliminary investigation. However, for the proper resolution of this situation should understand its content and character that are focused on the current publication, where the object of study is the concept of «problem investigation situation».

Key words: situation investigation, problem situation, the concept of the situation and the problem situation of the investigation.

Криминалистика как синтетическая наука, имеющая прикладные цели, оперирует рядом понятий, которые могут быть заимствованы из других отраслей знаний и приспособлены под объекты криминалистики с тем, чтобы объяснять их природу и значение для целей уголовного судопроизводства.

Среди таких понятий в криминалистический оборот давно введены понятия «проблема» и «ситуация». В языке криминалистики они используются раздельно, однако наиболее актуальным является их сочетание – «проблемная ситуация». Эта криминалистическая категория имеет свой генезис. Определить генезис (греч. *genesis* – «источник», «происхождение», «рождение») понятия означает провести анализ его происхождения, становления и развития. Результатом этого вида мыслительной деятельности должно стать понимание того, что это понятие представляет собой в настоящее время, как оно востребовано современными теоретическими исследованиями и принятой практикой определенного вида общественной деятельности.

Процесс формирования научного понятия основан на его познании. Познание как отражение субъектом объективной реальности посредством мыслительной деятельности есть процесс формирования понятия, логической категории – первоосновы любого познания. Столь сложное умозаключение в более простой форме изложения указывает на то, что понятие относится к фундаментальным основам познания того или иного объекта, процесса или явления и на этой базе реализуется последовательное движение познания к определенной цели, в том числе и на основе формирования новых (и уточненных) понятий. В этой связи правильно подмечено, что «…познание, начиная от его самой простейшей стадии и кончая наивысшей, во всех своих моментах имеет понятийный характер» [1, с. 76].

Итогом формирования понятия «многокомпонентный процесс», где особое место отводится как мыслительной, так и практической деятельности субъекта познания, является определение понятия по причине того, что определение всегда становится инструментом научного познания и в этом качестве способно эффективно участвовать в познавательном процессе как его важнейшее основание.

Определение понятия имеет важное, если не определяющее, значение для целей научного познания. В равной степени это относится и к криминалистике как науке, связанной с изучением закономерностей преступной деятельности и деятельности по судебному исследованию и предотвращению престу-

плений, если обобщенно интерпретировать известное определение, данное Р.С. Белкиным [2, с. 41].

Раскрытие, расследование преступлений, их судебное рассмотрение и предотвращение во все времена были проблемной (греч. *problema* – «преграда», «трудность», «задача») деятельностью, так как установление фактов виновно совершенных общественно опасных деяний и лиц, причастных к их совершению, всегда для следователя или судьи было связано с «практическими вопросами, требующими своего изучения и разрешения» [3, с. 437], а если в более узком смысле – «ситуациями, которые характеризуются недостаточностью средств для достижения некоторой цели» [4, с. 546].

В рамках общей теории криминалистики нашли свое объяснение проблемные вопросы, связанные с ситуациями предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения. Однако, прежде чем следственные ситуации стали предметом рассмотрения, в общей теории криминалистики необходимость их учета в процессе раскрытия и расследования преступлений в своих исследованиях упоминали известные отечественные криминалисты [5, с. 331, 333]. Так, Р.С. Белкин обращал внимание на ситуационный процесс работы следователя с доказательствами и проявления неких закономерностей, которые управляют этой деятельностью. При рассмотрении содержания следственных ситуаций он связывал процессы организации предварительного расследования с особенностями соответствующей методики расследования, примененной следователем.

Этой проблематике были посвящены и первые фундаментальные исследования, проведенные в конце 60-х годов прошедшего столетия Р.С. Белкиным [6], А.Н. Колесниченко [7] и А.Р. Ратиновым [8]. На ситуационное планирование расследования обращал внимание И.М. Лузгин [9, с. 32].

Отметим, что криминалистикой до настоящего времени не выработано единого понятия «следственная ситуация», имеются разночтения и относительно понятий «следственная ситуация» и «ситуация расследования».

Из известных определений, которые мы рассмотрели и проанализировали [10, 11, 12], наиболее значимым в научно-практическом смысле мы считаем определение данное Л.Я. Драпкиным: «под следственной ситуацией понимается информационная система (сумма, совокупность данных), отражающая с различной степенью адекватности информационно-логическое, тактико-психологическое и организационное состояние расследования, реально сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятную или неблагоприятную обстановку расследования» [13, с. 9-10].

Теперь относительно соотношения понятий «следственная ситуация» и «ситуация расследования». В криминалистике есть два мнения на этот счет, которые привлекли наше внимание. Это позиции Л.Д. Самыгина [14] и О.Я. Баева [15].

Позиция О.Я. Баева представляется нам более убедительной [16, с. 87-88]. Этот уважаемый криминалист, критикуя «общепринятые» методологические подходы к определениям понятия следственных ситуаций, данным Р.С. Белкиным, В.К. Гавло, В.И. Шикановым и другими учеными, как «совокупность ус-

ловий, в которых в данный момент осуществляется расследование», не соглашается с ними.

В этой связи он справедливо отмечает, что основой просчет авторов, придерживающихся это концепции, состоит в том, что они не делают различий между ситуацией расследования конкретного преступления и следственной ситуацией как научной криминалистической категорией.

На этом основании закономерным является вывод – следственная ситуация как категория науки криминалистики представляет собой модель информационного характера типичных ситуаций расследования, то есть она ограничена наиболее значимыми типичными свойствами и признаками тех ситуаций расследования конкретных преступлений, моделью которых она является. Относительно этой модели и должны создаваться все криминалистические средства разрешения реальных ситуаций расследования.

Деление понятий связано с их классификациями, что является одним их важных приемов познания исследуемого понятия. Совершенно очевидно – расследование относится к сложному процессу познания преступления как события, имевшего место в объективной действительности. Также очевидно, что в указанном процессе познания могут возникать как простые, так и сложные [17] следственные ситуации. Семантически сложная ситуация расследования прямо указывает на ее проблемность, то есть при определенных обстоятельствах может считаться проблемной ситуацией расследования. На этот факт указывает и Л.Я. Драпкин [18, с. 9].

Изучение работ Л.Я. Драпкина относительно понятия «проблемные ситуации расследования» привели нас к убеждению, что мы в целом методологически правильно рассматриваем вопрос генезиса этого понятия. Однако дать его новое научно-практическое определение (даже с модифицированными существенными признаками) лучше, чем это сделал сам Л.Я. Драпкин больше тридцати лет назад, вряд ли возможно.

Он достаточно хорошо отразил это понятие, определив его как «своеобразное противоречие между знанием и незнанием, специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, при котором искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения» [16, с. 10].

Определение Л.Я. Драпкина «проблемная ситуация расследования» является научным, «изготовлено» преимущественно для научных целей и в связи с тем, что диссертационное исследование, кроме научных, преследует еще и прикладные цели, следует дать соответствующее определение понятия «проблемная ситуация расследования», заменив научные категории – существенные признаки определения Л.Я. Драпкина научно-практическими признаками оборотов языка следователей и судей.

В этой связи, полагаем, правильно будет отметить, что проблемная ситуация расследования охватывает процессуальные стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования преступления, то есть период досудебного производства.

В соответствии с этим *проблемную ситуацию расследования в ее прикладном аспекте можно определить как совокупность сведений* (ориентирующей и криминалистически значимой информации [19, с. 84]), *которая требует криминалистического анализа для выдвижения и построения системы следственных версий с целью использования этой системы для отыскания данных, причинно связанных с событием преступления и не известных расследованию.*

Под криминалистическим анализом мы подразумеваем «логический прием исследования исходной и дополнительной информации о преступлении с последующим сопоставлением результатов анализа с содержанием структурных элементов криминалистической характеристики преступлений для целей выдвижения типичных следственных версий» [20, с. 14].

Рассмотрение генезиса понятия «проблемная ситуация расследования» и его прикладное определение являются авторской позицией и не претендует на абсолютность знания.

Библиографический список

1. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 128 с.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 990 с.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Наука, 1976. – 721 с.
4. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Мн., 1998.
5. Криминалистика: учебник. – М.: Юрид. лит-ра, 1986. – 542 с.
6. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. – М.: Наука, 1966.
7. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967.
8. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: научно-практическое руководство. – М., 1967.
9. Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования: учебное пособие. – М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. – 54 с.
10. Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений / Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы науч. конф. – Красноярск, 1972.
11. Гавло В.К. О следственной ситуации в методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. - М., 1973.
12. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1975.
13. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1987.
14. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М.: МГУ, 1989. – 180 с.
15. Баев О.Я. О структуре следственных ситуаций / Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. – Барнаул, 1983.

16. Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность / Проблемы криминалистики и уголовного процесса (статьи разных лет). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006.

17. Гранат Н.Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения: дис. … канд. юрид. наук. – М., 1973.

18. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций: монография. – Свердловск: Урал. ун-т, 1987.

19. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997.

20. Комаров И.М. Проблемы повышения эффективности розыскной деятельности по делам об уклонении от несения обязанностей военной службы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Алматы, 1995.

УДК 343.985.7

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Пшеничных С.Н.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены общие вопросы методики расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами (понятие и структурные элементы), ее соотнесение с методикой расследования мошенничества, предусмотренного статьей 159 УК РФ. Автором проведен анализ криминалистической характеристики мошенничества при получении выплат как элемента методики расследования. По итогам исследования автором сделан вывод о значении криминалистической характеристики как базового элемента для построения методики расследования мошенничества при получении выплат.

Ключевые слова: мошенничество, методика расследования, частная методика, криминалистическая характеристика, предмет преступного посягательства, способы совершения мошенничества, личности преступника, механизм совершения преступления, социальные выплаты.

ON THE ISSUE OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING FRAUD WHEN RECEIVING PAYMENTS BY INDIVIDUALS

Pshenichnykx S.N.

(Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin)

Abstract: the article deals with general issues of fraud investigation methodology when receiving payments by individuals (concept and structural elements), its correlation with the methodology for investigating fraud provided for in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the forensic characteristics of fraud when receiving payments as part of the investigation methodology. Based on the results of the research, the author made a conclusion about the significance of the forensic characteristics, as a basic element for constructing a technique for investigating fraud when receiving payments.

Key words: fraud, investigative techniques, private methodology, forensic characteristics, the subject of criminal assault, ways to commit fraud, the identity of the offender, the mechanism for committing a crime, social payments.

Эффективное расследование мошенничества при получении выплат, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, предлагает наличие методики расследования данного вида преступления, которая базируется на имеющейся судебно-следственной практике. Следует отметить, что методика расследования мошенничества при получении выплат выступает в качестве частной методики по отношению к методике расследования мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Методика расследования мошенничества является базой для построения методики расследования мошенничества при получении выплат и ни в коем случае не может заменить её в ходе практической деятельности.

При рассмотрении вопроса о методике расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами следует отметить, что криминалистическая методика представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений [1, с. 211]. На основании данного определения можно сказать, что методика расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами представляет собой совокупность научных положений, рекомендаций и методов, приемов и способов, используемых при расследовании и предотвращении мошенничества при получении выплат.

Структурными элементами методики расследования мошенничества при получении выплат, как и любой частной криминалистической методики, являются криминалистическая характеристика данного вида преступления, организация расследования на первоначальном и последующем этапах расследования, тактика производства отдельных следственных действий и использования специальных знаний. Следует также выделить такой элемент, как организация проверки сообщения о преступлении. В рамках проверки осуществляется ряд следственных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, в методике расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами должны содержаться рекомендации по последовательности выполнения следственных и иных процессуальных действий, которые в совокупности обеспечат успех предварительного расследования. Успех в выполнении следственных и иных процессуальных действий, в свою очередь, зависит от знания сотрудника правоохранительного органа криминалистической характеристики мошенничества при получении выплат физическими лицами.

Качественные данные об элементах криминалистической характеристики мошенничества при получении выплат физическими лицами, знания о них и правильное использование данных знаний определяют ход и результат предварительного расследования. Так, исходя из анализа содержания диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ и названия методики (методика расследования мошенничества

при получении выплат физическими лицами) можно определить общую характеристику личности вероятного преступника – это дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся заявителем, претендующим на назначение выплат, или получателем таких выплат, или как указал А.И. Плотников, «лицо, имеющее право на соответствующую социальную выплату» [3, с. 20].

Следующим элементом криминалистической характеристики, исходя из анализа диспозиции статьи, определяется способ совершения мошенничества как получение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Предмет мошенничества здесь предоставлен в обобщенном виде. В судебно-следственной практике при совершении мошенничества по конкретным видам социальных выплат способ будет иметь свои характерные черты и особенности и опираться на условия порядка предоставления выплат и имеющиеся дефекты в данном порядке (например: отсутствие должного контроля за установлением обстоятельств, влекущих прекращение выплат). Способ будет зависеть также не только от вышеуказанных обстоятельств, но и от характеристики личности преступника, его знаний и умений.

Предмет мошенничества как элемент криминалистической характеристики по данному виду преступления имеет большое значение, так как при ошибке его определения могут возникнуть ошибки в правильной квалификации деяния и в производстве следственных действий. Данные слова могут показаться неправильными, так как в диспозиции статьи указаны конкретные предметы мошенничества – пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты, но в то же время не все виды перечисленных выплат являются социальными. От правоприменителя необходимо наличие знаний о предмете мошенничества, умение работать с законами и нормативными правовыми актами, определяющими характер данных выплат, с целью отнесения конкретного вида выплат к социальным. Следует учитывать, что социальные выплаты осуществляются на безвозмездной основе в целях предупреждения или смягчения негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социальных рисков или социально значимых обстоятельств, а также сохранения приемлемого уровня материального и социального благополучия [3, с. 20].

Важным элементом является и механизм совершения преступления, который освещает порядок действий, из которых сложилась преступная деятельность и был достигнут противоправный результат. Знание механизма позволяет определить последовательность следственных и иных процессуальных действий при достижении истины.

Знание криминалистической характеристики будет являться базой для построения методики расследования мошенничества при получении выплат. Данная методика не является статичной, так как при определении действий по документированию преступной деятельности сотрудники правоохранительных органов должны принимать во внимание все элементы криминалистической характеристики как в отдельности, так и в их взаимосвязи в конкретной следственной ситуации.

Библиографический список

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. – М.: Академия МВД СССР. 1977. Т. 1. - 339 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, 2013. - 672 с.
3. Архипов А.В. Субсидии как предмет мошенничества при получении выплат // Российский следователь. 2015. № 7. С. 19-24.

УДК 343.9

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ИНТЕРНЕТ

Сычева Д.И.

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»))

Аннотация: в статье рассматриваются криминалистические основания определения понятия преступлений против здоровья населения, совершенных посредством использования социальных сетей Интернет.

Ключевые слова: преступление, Интернет.

GENERAL CONCEPT OF CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH COMMITTED THROUGH THE USE OF SOCIAL NETWORKS OF THE INTERNET

Sycheva D.I.

(Belgorod State National Research University (NIU «BelGU»))

Abstract: the article deals with the criminalistic grounds for the definition of crimes against public health committed through the use of social networks on the Internet.

Key words: crime, Internet.

Научно-технический прогресс развивается семимильными шагами, одним из его детищ является Интернет, дословно термин «Internet» означает «между сетей». Основная функция Интернета – объединение национальных сетей с целью быстрой доставки информации между пользователями, расположенными практически в любой точке планеты.

Считается, что впервые передача информации между компьютерами произошла 29 октября 1969 года. С ЭВМ Калифорнийского университета на расстояние 600 км от него – в Стэндфордский университет – было передано слово «LOGIN» (со второй попытки). Затем в сеть ARPANET объединили 4 научных центра США, в 1971 году их уже стало 15.

В 1973 году к Сети подключились пользователи за пределами США: лондонский University College и норвежский Roal Radar Establishment.

С каждым годом количество пользователей Сети увеличивалось в разы. В 1983 году проекты военного назначения были выведены из ARPANET в закрытую сеть MILNet. В следующем году количество хостов ARPANET достигло 1 000, в 1987 году - 28 000, в 1990 году - более 300 000.

В начале 1990-х годов Тим Бернерс-Ли вместе с Робертом Каллио придумали HTML, связали гипертекст с TCP и DNS и получилась Всемирная паутина.

С момента создания всемирной сети Интернет с каждым годом она набирает все большую популярность среди населения земного шара. По средним подсчетам, в декабре 2016 года количество пользователей Глобальной сети Интернет составило 48% от всеобщего числа населения Земли, что в количественном эквиваленте составляет 3,5 млрд человек. В то же время в России это почти 70% или больше 103 млн человек. Следовательно, современное общество неразрывно существует, а также функционирует в сети Интернет. Соответственно, и часть преступников или конкретно их преступные деяния переместились в интернет-пространство. Актуальность проблемы понимания, оценки преступности в сфере информационных технологий и противодействия ей в западной литературе признавалась 20 лет назад [5, с. 27].

Особенно масштабное развитие получили социальные сети, которые являются новыми средствами коммуникации, распространения информации, а также, существуют для выражения собственного мнения и влияния на формирование общественного мнения.

В статье социальная сеть понимается как часть информационного пространства сети Интернет (совокупность веб-сайтов, платформ, онлайн-сервисов), в которой возможна организация социального взаимодействия [7, с. 62]. Такое понимание способствует тому, что объектами исследования становятся не только «традиционные» социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники»), но и такие сервисы, как ICQ, Skype и др. Подобный подход является достаточно широким, его придерживается ряд исследователей, в том числе зарубежных [2, с. 220].

Возрастная категория, которая зарегистрирована и активно общается в социальных сетях, различна, в среднем это от 12 до 64 лет. Для примера ниже перечислена ежемесячная аудитория большинства социальных сетей в числовом эквиваленте. Так, аудитория «ВКонтакте» составляет 46,6 млн человек, второе место – у «Одноклассников» – 31,5 млн человек. Аудитория «Facebook» в декабре 2015 г. составила 21,7 млн человек, близко расположился «Мой Мир», 16,6 млн человек, и «Живой Журнал» с аудиторией 15,2 млн человек. Аудитория «Instagram» к декабрю 2015 г. увеличилась на 2 млн и составила 12,3 млн человек. Аудитория «Twitter» осталась практически без изменений и равна 7,7 млн человек.

Одним из ключевых показателей «жизненной активности» социальной сети является число «говорящих» пользователей, открыто выражающих свою позицию публичными сообщениями в социальных медиа. Таких активных авторов в декабре 2015 года в России было около 37 млн человек, они сгенерировали 588 млн сообщений за месяц. Активные авторы, создающие публичный контент, делают социальные сети актуальным индикатором общественных настроений, позволяя уловить «живые» общественные проблемы в самом начале формирования значимых трендов.

По количеству «пишущих» российских авторов лидирует «ВКонтакте» – 18,8 млн уникальных авторов. У стоящего на втором месте «Instagram» – невероятные темпы роста, в декабре в этой сети зафиксировано 10,6 млн авторов, практически в 5 раз больше, чем весной 2015 г. Третье место – «Twitter»: число активных авторов здесь продолжает снижаться, в декабре зафиксировано чуть более 1 млн чел.

Что касается количества сообщений, ежедневно размещаемых в социальных сетях, здесь столь резких изменений не происходит. На первом месте по прежнему «ВКонтакте», на втором – «Twitter», далее – «Instagram» и «Facebook».

Следовательно, социальная сеть «ВКонтакте» является основной и самой «плодородной» почвой для развития и процветания преступности.

К сожалению, социальные сети, которые изначально были созданы для обмена информацией, мнениями, поддержки общения и обсуждения различных тем, в последнее время стали использоваться для ведения информационных войн [3] и оказания деструктивного воздействия на участников этих сетей.

Понятие деструктивной деятельности человека впервые встречается в работе И.В. Лысак [4]. Исходя из данного понятия можно определить деструктивную деятельность некоторых участников социальных сетей, среди которых присутствуют не только отдельные лица, но также сообщества и организации, направляющие свои действия на изменения нравственных устоев и поведения личности, поощряющие поведение, связанное с приемом наркотиков. Распространение наркомании и потребления наркотических средств тесно связано с тем, что наркокультура проникает глубоко в общество, вовлекая его в свои процессы, и в то же время защита от наркотиков (т.е. наркоиммунитет определенной территории) тесно связана со способностью личности противостоять восприятию чужих мнений и взглядов.

Вышесказанное свидетельствует о том, что социальные сети являются важнейшим источником информации о наркоситуации на территории. Исследование социальных сетей на предмет оценивания наркоситуации в стране является очень важным, поскольку наркомания является глобальной проблемой на всей территории Российской Федерации, необходимые мероприятия проводятся по всей стране и регламентированы соответствующими нормативными актами Российской Федерации, в частности Стратегией национальной безопасности [1], в которой наркомания обозначена как одна из угроз национальной безопасности.

Наибольшую долю преступлений, совершаемых в социальных сетях, составляют общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (24,5%). В основном это незаконные приобретение (43,2% от числа наркопреступлений) и сбыт (53,1%) наркотиков, совершенные при помощи социальных сетей.

Среди веществ, являющихся предметом незаконных действий, наибольшую часть составляют спайс (синтетический каннабиноид группы JWH) – 40% от числа приговоров, в которых указано вещество, являющееся предметом незаконного оборота, амфетамин и его производные – 18,7%, марихуана – 14,7%, гашиш и гашишное масло, героин, наркотические средства эфедриновой группы – по 6,7%. Оставшиеся 6,5% приходятся на различные синтетические стимуляторы [7, с. 63].

Развитие электронных платежных систем затрудняет выявление преступлений, связанных с наркотическими средствами, так как не позволяет проследить связь между продавцом и покупателем. Сделку в основном совершают люди, не знакомые друг с другом, которые территориально могут находиться в разных районах, регионах, а также, возможно, на территориях разных государств [6, с. 47]. Основным способом передачи наркотических средств являются «закладки» (продавец прячет наркотики в определённое место, известное только ему, после оплаты покупателем наркотического средства при помощи электронных платежных систем продавец сообщает место расположения тайника с наркотиками), кроме того, предварительно оговоренные личные встречи между продавцом и покупателем – один из способов передачи наркотических средств.

В завершение хотелось бы отметить, что с развитием высоких технологий доступ к запрещенным веществам ощутимо упростился. Покупать наркотики спокойно можно не выходя из дома, через социальные сети, где уже даже создаются тематические группы, которые специально нет нужды искать, ведь приглашения о вступлении в эти группы приходят с завидной регулярностью. Зачастую объявления с предложением товара красуются рядом с предложениями о работе. Любой подросток (и не только) может рассмотреть и позже принять заманчивое предложение о работе, быстрый заработок при этом обеспечен, как и вступление в криминальный мир. Именно поэтому стоит обратить пристальное внимание на социальные сети, в которых происходит вся жизнь современного подростка и даже людей постарше.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «Об утверждении Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13. № 1. P. 210-230.

3. Губанов Д.А., Новиков Д.А, Чхаришвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. – М. Издательство физико-математической литературы, 2010. – 228 с.

4. Лысак И.В. Механизмы и последствия деструктивной деятельности человека. – Ростов-на-Дону – Таганрог: СКНЦ ВШ, ТРТУ, 2006. – 80 с.

5. Metchik E. A typology of crime on the Internet // Security Journal. 1997. Vol. 9. № 1-3. P. 27-31.

6. Никулин И.В. О практике противодействия незаконному обороту и пропаганде наркотических средств и иных психотропных веществ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 2 (13). С. 46-50.

7. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 60-72.

СОДЕРЖАНИЕ

Амельчаков И.Ф., Чиненов Е.В.	Влияние специфики железнодорожного транспорта на расследование экономических преступлений в этой сфере ……	**4**
Лавров В.П.	Современные проблемы классификации судебных экспертиз в науке криминалистике и судебно-экспертной деятельности ……..	**11**
Волынский А.Ф.	Криминалистическая деятельность и организация раскрытия и расследования преступлений ……..	**15**
Лебедев С.Я.	Состояние и перспективы правового обеспечения экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики …….	**24**
Жбанков В.А., Авдонин В.А.	О критериях выделения таможенных преступлений в специфическую группу и их понятий …….	**33**
Виницкий Л.В., Бурносова Ю.Л.	Статус судебного эксперта неоднозначно трактуется в специальной литературе ……	**37**
Шаталов А.С.	Феноменологические аспекты расследования преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий …….	**43**
Шурухнов Н.Г., Петрухина О.А.	Данные о свойствах личности преступников и мотивах совершения экологических преступлений (отдельные результаты обобщения практики расследования преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ) ….	**52**
Мерецкий Н.Е., Пудовиков А.С., Жердев П.А.	Некоторые проблемы первоначального этапа расследования незаконной рубки лесных насаждений …	**59**
Голубятников С.П., Воронов С.С.	Актуальные проблемы использования специальных знаний при раскрытии преступлений экономической направленности ……..	**63**
Головин А.Ю., Берестнев М.А.	Тактические особенности допроса подозреваемых (обвиняемых) при расследовании разбоев, совершенных организованными преступными группами ……..	**70**
Беляков А.А., Хамидуллин Р.С.	Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве ……	**76**
Вехов В.Б.	Структура «Электронной криминалистики» ……..	**82**

Колотушкин С.М.	Проблемы предупреждения, выявления и расследования хищений нефти при ее транспортировке через морские и речные порты ……...	**86**
Муратова Н.Г., Антонов И.О.	Система процессуальных полномочий специалиста при расследовании компьютерных преступлений …….	**91**
Баев М.О., Цурлуй О.Ю.	Процессуально-тактические особенности применения иных мер процессуального принуждения в отношении защитника (на примере денежного взыскания) ……..	**97**
Мещеряков В.А.	Формирование кибернетического пространства как среды совершения преступлений и его основные особенности ……	**103**
Гриненко А.В.	Уголовный процесс и криминалистика – вместе или порознь? …….....	**107**
Комаров И.М.	Информационная структура следственной ситуации и ее отношение к системе криминалистической характеристики расследования …….	**111**
Кучин О.С.	О значении криминалистической характеристики преступления для методики расследования …….	**118**
Егоров Н.Н.	К вопросу о возможности собирания объектов исследования экспертом ……	**123**
Кардашевская М.В., Никонович С.Л., Кардашевский В.В.	Международный опыт установления личности по отпечаткам пальцев и его адаптация к российской действительности ……..	**126**
Баранов А.М., Горшков М.М., Корякин И.П.	Фиксация хода и результатов следственных действий, традиция и современность …….	**131**
Леханова Е.С.	Использование судебно-бухгалтерской информации в целях раскрытия и расследования преступлений ……	**137**
Еремин С.Г.	Некоторые важные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере дистанционно-банковского обслуживания …….	**143**
Иванов П.И., Кондратьев А.В.	К вопросу об особенностях расследования налоговых преступлений, совершаемых на объектах горнорудной промышленности ……	**151**
Новичков В.Е.	Криминалистическое прогнозирование в структуре отраслевого прогнозирования в сфере борьбы с преступностью ……..	**158**
Нудель С.Л.	Особенности расследования преступлений в области кадастровой деятельности (статья 170.2 УК РФ) ……	**163**

Желудков М.А.	Некоторые особенности по формированию новых средств и способов защиты объектов собственности от преступности ……..	**172**
Можаева И.П.	К вопросу о противодействии преступным посягательствам на культурные ценности …….	**176**
Замылин Е.И.	Некоторые вопросы применительно к тактике и психологии общения с обвиняемыми и подозреваемыми ...	**180**
Гусев А.В.	Криминалистическое значение метода мысленного эксперимента ……..	**186**
Озерова Е.Г., Симоненко Е.И.	Взаимодействие правоохранительных органов при выявлении признаков составов преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности ……...	**189**
Быков В.М.	Проблемы судебной реформы в России ……..	**194**
Спичак И.В., Павлова Т.В., Жерновой М.Г.	Особенности судебно-медицинской экспертизы при авиационной травме ……..	**202**
Лытнева Н.А., Киданова Н.Л.	Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа ……	**207**
Савотченко С.Е., Акапьев В.Л.	Возможности вероятностного моделирования в криминалистике ……..	**211**
Жукова П.Н., Насонова В.А., Золотухина Н.В.	Вопросы получения информации с мобильных устройств связи ……..	**217**
Кокурин Г.А., Беляева Е.Р.	Личность потерпевшего как элемент криминалистической характеристики фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности ……	**223**
Щукин В.И., Озеров И.Н.	Влияние специфики функционирования объектов железнодорожного транспорта на организацию расследования преступлений ……	**228**
Коцюмбас С.М.	О некоторых проблемных вопросах квалификации преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации ……..	**233**
Чернышев С.А., Прокопенко И.Е.	Использование голографических методов в криминалистике …….	**239**
Журавлев С.Ю.	Содержание криминалистического мышления и его соотношение с квалификационной составляющей деятельности по расследованию преступлений ……..	**242**

Курсаев А.В. Потерпевший в составе нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ) …… **248**

Журбенко А.М., Пахомов С.В. Особенности доказывания обстоятельств совершения преступлений в сфере оказания услуг населению по пассажирским и грузовым перевозкам воздушным и водным видами транспорта, не отвечающим требованиям безопасности …… **253**

Дронова О.Б. Основные задачи исследования потребительских товаров, не соответствующих установленным требованиям …… **257**

Бочарникова Л.Н., Курдюкова С.В. Личность экономического преступника …….. **262**

Жукова Н.А., Ярощук И.А. К вопросу об исследовании материалов экстремистской направленности в уголовном процессе …… **266**

Прокопенко А.Н., Дрога А.А., Гуржий А.А. Особенности сбора доказательной базы при расследовании преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, с точки зрения технического специалиста ……. **270**

Серебрянникова М.В. Роль населения в раскрытии и расследовании преступлений …….. **276**

Головина Е.В. Учение о противодействии расследованию: вопросы развития терминологии ……. **281**

Малыхин И.В., Шаров А.В. Тактические основы предварительного допроса опознающего …….. **286**

Игнатьев М.Е. Причинно-следственные отношения и внутреннее убеждение субъекта доказывания в процессе расследования преступлений …… **289**

Демин К.Е. О необходимости изучения личности преступника при расследовании преступлений против жизни и здоровья ….. **294**

Ян Е.И. Дискуссия о понятии следственных ошибок стадии возбуждения и предварительного расследования преступлений ……. **297**

Скоморохов О.Н., Баранов В.М. О некоторых проблемах такого следственного действия, как предъявление для опознания ……. **306**

Лонщакова А.Р., Васильченко А.В. Возможности использования специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве ……. **309**

Фесенко Н.П.	К вопросу о прочностных характеристиках клинков холодного оружия …….	**315**
Гаврилова О.В., Лебедев А.Н.	Роль вещественных доказательств в процедуре осмотра места пожара ……..	**319**
Гайнельзянова В.Р.	Понятия специальных знаний и формы их использования при расследовании преступлений …….	**325**
Горбачева А.В.	Использование специальных экономических знаний по делам о преступлениях экономической направленности …	**329**
Низаева С.Р.	Роль механизма следообразования в раскрытии и расследовании мошенничества в сфере долевого строительства жилья …….	**335**
Солодовник В.В.	Меры профилактики совершения дорожно-транспортных преступлений …….	**338**
Смиюха А.Е., Солодовник В.В.	О некоторых особенностях тактики допроса несовершеннолетних …….	**343**
Шепель Н.В.	Автоматизированные средства идентификации и диагностики лица по признакам почерка как оперативный способ получения разыскной информации …….	**348**
Прокофьева Е.В., Кухарова М.Э.	Проблемы использования пиротехнических изделий в современном обществе …….	**353**
Потетинов В.А.	Малозначительность деяния как основание к реабилитации: вопросы теории и практики …….	**358**
Архипова Н.А.	К вопросу о некоторых способах мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи ……	**363**
Глушков Е.Л., Попов А.М.	Сеть Интернет как среда распространения наркотических средств ……	**366**
Лебедев А.Н., Смиюха А.Е.	Взаимодействие следователя с экспертом и специалистом при расследовании преступлений ……	**371**
Мигунов О.С.	О некоторых проблемах, возникающих при расследовании сбыта поддельных денежных купюр ….	**376**
Сергеев В.В., Рытьков А.А.	Психологические аспекты проведения следственного эксперимента ……..	**379**
Чиненов А.В., Серегин М.В., Прокопов А.Г.	О некоторых личностных особенностях преступника занимающегося противоправной деятельностью, связанной с ликвидацией юридических лиц ……	**384**

Усова Г.М. Криминалистическая характеристика контрабанды, совершаемой с использованием железнодорожного транспорта …….. **389**

Юрин А.М. Незаконная перевозка наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным транспортом: способы совершения преступления и следы их применения ……. **394**

Антонов А.Е. К вопросу об обнаружении и фиксации обстоятельств криминального характера при расследовании преступлений на железнодорожном транспорте …… **399**

Зиновьева Н.С. Криптовалюта как объект криминалистического анализа ……. **404**

Красненко Ю.В. Некоторые особенности криминалистического сопровождения при расследовании преступлений …… **408**

Лакомская М.Ю. Проблемная ситуация расследования преступлений как важное криминалистическое понятие …….. **413**

Пшеничных С.Н. К вопросу о методике расследования мошенничества при получении выплат физическими лицами …….. **418**

Сычева Д.И. Общее понятие преступлений против здоровья населения, совершенных посредством использования социальных сетей …….. **421**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЕЛГОРОДСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Редактор ***Ю.Н. Удалова***
Техн. редактор ***И.Ю. Чернышева***

Подписано в печать 2018 г., 27 уч.-изд. л., бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж 30 экз., заказ № 40

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-237-1

